ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

Материалы
III Всероссийской научной конференции
19 апреля 2016 года

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

**Материалы IV Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции**

(г. Пермь, 19 апреля 2016 г.)

Пермь 2016

УДК 80
ББК 80
Ф54

Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы IV Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., (г. Пермь, 19 апр. 2016 г.) / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2016. – 328 с.

Ф54

ISBN 978-5-7944-2855-1

В сборнике представлены материалы IV Всероссийской научной конференции «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи», прошедшей на филологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета.

Сборник предназначен для широкого круга филологов.

УДК 80
ББК 80

Печатается по решению ученого совета филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Рецензент: кафедра общего языкознания
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Редакционная коллегия: В.В. Абашев, Е.А. Баженова, Е.В. Ерофеева, Б.В. Кондаков, И.И. Русинова

Ответственный редактор: И.И. Русинова

© Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016
© Писорогло Л.Г., оформление, 2016

ISBN 978-5-7944-2855-1

Научное издание

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

Материалы IV Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции

(г. Пермь, 19 апреля 2016 г.)

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка *И.И. Русиновой*
Иллюстрация на обложке *Л.Г. Писорогло*

Подписано в печать 19.12.2016. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 19,07. Тираж 200 экз. Заказ ____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

СОДЕРЖАНИЕ

Социо- и психолингвистические аспекты функционирования языка

Ахатова Г.А. Социокультурные компоненты в русских текстах татароязычных билингвов Ординского района Пермского края……..…..... *7*

Баженова Е.А., Котюрова М.П. Речевая системность как пакетное понятие функциональной стилистики……..... *15*

Белоусов К.И., Баранов Д.А., Ерофеева Е.В. Частнонаучные предметные области исследовательского коллектива……..... *20*

Ван Минь Гендерные исследования в пермской школе социолингвистики……..…..... *28*

Павлова Д.С. Зависимость ядра семантической структуры устного спонтанного текста от гендера говорящего…… *34*

Пахомов Л.В. Перспективы моделирования вокальных метафор..... *38*

Тихомирова Л.С. Феномен шока в социальной рекламе …….. *44*

Худякова Е.С. Применимость понятия «языковой трансфер» к ситуации близкородственного билингвизма..... *49*

Ширинкина М.А. Интерпретация правовых норм в ответах власти на обращения граждан ……..... *59*

Словарь, грамматика, текст, дискурс. Методика преподавания филологических дисциплин

Березина В.Ю. Особенности преподавания русского языка как иностранного в Китае с использованием СМИ и Интернет-ресурсов……... *65*

Боброва М.В. Современные прозвища младших школьников г. Перми: формально-грамматический аспект *71*

Карзенкова Е.П. Метафоры в дружеском дискурсе…….. *79*

Кошкарова Н.Н. Функционирование книги в межкультурном политическом пространстве: вектор конфликтного дискурса…… *84*

Кыркунова Л.Г. Современный учебный текст как средство духовно-нравственного воспитания школьников (на примере лингвистических материалов для 9 класса)……..... *89*

Мишланов В.А. Словосочетание в динамическом аспекте……..... *96*

Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания в тексте……. *107*

Соловьева Н.В. Способы экспликации старого знания в научных текстах XIX–XXI веков (аксиологический аспект)……..... *113*

Талески А. Специфика персонального дейксиса в македонских народных сказках…….……..... *119*

Шустова С.В. К вопросу о перекатегоризации в сфере функционирования каузативных глаголов (на материале немецкого языка)..... *126*

Современное коммуникативное пространство

Антипина З.С. Религиозная журналистика в районной печати (на материалах кунгурской газеты «Искра»)……..…..... *133*

Данилевская Н.В. Новые образы в современной телерекламе……..... *137*

Истомина К.Д. Тема здорового образа жизни в досуговой журналистике……..... *143*

Куличкина Г.В. Типологические особенности региональной профсоюзной прессы (на примере пермской газеты «Профсоюзный курьер» (1990–2016 годы)…..... *148*

Масальцева Т.Н. Ленинградские писатели в российской региональной газете Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Звезда»)…..... *155*

Полыгалов М.А., Когнитивно-прагматические особенности

Харебова Е.Н. новостных фейков……. *161*

Пустовалов А.В. Местные газеты на пермском рынке итернет-СМИ..…….. *166*

Черепанова Л.Л., Шарафутдинова В.М. Бардымские СМИ в полиэтничном пространстве региона……... *171*

Яруллин Д.В. Соотношение вербальных и невербальных элементов рекламного образа……. *177*

Духовное наследие Пермского края в языке и фольклоре

Бакланова И.И. Актуализация значимых тем в высказываниях диалектоносителей о себе…… *183*

Белова Л.А. *Завод* и *промысел* в пермских памятниках письменности…….…..... *189*

Беломестнова А.С. Духовные стихи чердынских старообрядцев ….... *195*

Боброва М.В., Посохина Ю.Ю. Топонимия с. Троельга Кунгурского района Пермского края: структурный аспект..... *200*

Гранова М.А. Представления о персонажах низшей мифологии в сознании современных студентов-филологов *206*

Жидких М.Г. К вопросу о «заумных» словах в малых жанрах фольклора (на примере одной коми-пермяцкой загадки)…….. *212*

Зверева Ю.В. О некоторых географических терминах в микротопонимии Пермского края……..…… *218*

Королёва С.Ю., Брюханова М.А. Актуальные похоронно-поминальные практики гайнских коми-пермяков: лупьинская микролокальная традиция…… *228*

Лобанова А.С. Некоторые сведения об образе женщины в традиционной культуре коми-пермяков: лингвокультурологический аспект..... *237*

Подюков И.А. Русские заимствования в коми-пермяцкой обрядовой терминологии……. *244*

Свалова Е.Н. Демоним как компонент семантической структуры народной паремии…….. *251*

Теуш О.А. Метафорические наименования возвышенных мест в диалектах Русского Севера……... *258*

Томилина М.А. Орнитоморфный код: его отражение в коми-пермяцкой фразеологии……..……. *263*

Литература и культура

Антипина З.С. Путевые записки духовных лиц в пермской периодической печати XIX века……. *268*

Габдуллина С.Р. Полифония культур в раннем творчестве М. И. Цветаевой…… *273*

Гордеева Е.М. Роль авторефлексии в романе-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»……..... *279*

Клюйкова Е.А. Образ художника в прозе Анатолия Кима…..... *285*

Князева Е.А. Велимир Хлебников в восприятии поэтов ДООСа…… *290*

Михайлов С.С. Новые штрихи к портрету «самого носатого, самого коричневого ассирийца» у И.Ильфа и Е. Петрова……..... *297*

Моисеева А.А. Амфион и Орфей: столкновение двух мифов о поэте в истории русской лирики..... *303*

Сухоева Д.А. Образ России в «Соррентинских фотографиях» В. Ф. Ходасевича……... *310*

Цюй Хойцзюнь Лев Николаевич Толстой и Китай..... *316*

Чжу Хой Восприятие творчества Владимира Маканина в Китае..... *324*

Ши Шаньшань Творчество А. П. Чехова в Китае..... *332*

СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81’27

Ахатова Гулия Асхатовна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
gulya-akhatova@ya.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В РУССКИХ ТЕКСТАХ ТАТАРОЯЗЫЧНЫХ БИЛИНГВОВ ОРДИНСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ

Статья посвящена описанию особенностей социокультурных компонентов в текстах татароязычных билингвов. Выявленные в текстах социокультурные компоненты были разделены на две группы: социальные («Национальная принадлежность», «Семья и родственные отношения», «Деревенский быт, хозяйство» и «Связь с природой») и этнические («Праздники», «Обряды» и «Национальная еда»). Анализ полученных данных показал, какая сфера важна для татароязычных билингвов.

Ключевые слова: социокультурный компонент; культурно значимая референтная ситуация; билингвизм; социальный компонент; этнический компонент.

Сегодня, когда процесс глобализации достиг невиданных раннее масштабов, перед содружеством ученых-гуманитариев как никогда остро стоит задача изучения оптимального соотношения между сохранением национальных особенностей, культурных традиций и формированием более тесных связей между народами. В этих процессах ведущая роль принадлежит языку.

Социокультурной интерпретации языковых явлений посвящен ряд работ Т. И. Ерофеевой и Е. В Ерофеевой [Ерофеева Т. 2012, 2013; Ерофеева Е. 2012, 2013 и др.]. Исследователи в своих работах используют термин «культурно значимые референтные ситуации», который аналогичен термину «социокультурный компонент». Т. И. Ерофеева в статье «Культурно значимые референтные ситуации при бикультурализме», которая посвящена изучению билингвизма коми-пермяков, отмечает, что «культурно значимые референтные ситуации факультативно включаются в нарратив говорящими и поэтому являются

© Ахатова Г.А., 2016

хорошими маркерами, позволяющими учитывать важность тех или иных смысловых компонентов для билингва: отражение в тексте на русском языке культурно значимых для коми-пермяков референтных ситуаций показывает, насколько билингв погружен в свою национальную культуру» [Ерофеева Т., Ерофеева Е. 2013: 12]. Культурно значимые референтные ситуации – это тексты, включающие упоминание национальности, родного языка, национальных традиций, природы и типичных занятий.

Для того чтобы рассмотреть особенности социокультурных компонентов в русских текстах татароязычных билингвов Ординского района Пермского края был собран блок текстов. Информантами выступили 45 человек, из них 28 женщин и 13 мужчин.

Информантами являются представители разных возрастных групп. Самому старшему из них 79 лет, самому младшему – 14 лет.

Информанты имеют разный образовательный уровень, учатся в разных учебных заведениях и трудятся в разных сферах деятельности.

Материалом исследования послужили 45 спонтанных текстов из звучащей хрестоматии «Русская спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края: Ординский район» Ерофеева Т., 2012]. Хрестоматия состоит из двух частей: тексты на тему «О себе» и тексты на тему «Национальные традиции». При записи текстов первой части перед информантами ставилась задача рассказать о себе; при записи текстов «Национальные традиции» информантам предлагалось рассказать о национальных и религиозных обычаях, традициях, праздниках и т.п.

В результате исследования были выявлены 2 группы социокультурных компонентов: социальные («Национальная принадлежность», «Семья и родственные отношения», «Деревенский быт, хозяйство» и «Связь с природой») и этнические компоненты («Праздники», «Обряды» и «Национальная еда»).

Рассмотрим подробнее каждый социокультурный компонент.

Национальная принадлежность. Социокультурный компонент, фиксирующий национальную принадлежность, значим для информантов. В текстах это выражено через непосредственное упоминание места рождения и проживания – административно-территориальных единиц, а именно с. Карьево Ординского района, а также других населенных пунктов Ординского и Кунгурского района.

В 14 текстах в начало нарративов включено называние места жительства.

Приведем примеры:

Родилас(ь) // Э-э // Родилас(ь) /э/ тридцать второго года // С Карьево //Нуриханова Хания // (Инф. 1 – ж., 79 лет, образ. 7 классов);

Я / Зайдуллин Альберт Насипович // Родился тыща девятисот шестидесятом / году // первого июня // Та-ак // Пошел в первый класс в ше(стьд)есят седьмом году / в Карьевскую-у / восьмилетнюю школу // (Инф. 6 – м., 51 год, образ. среднее).

Семья и родственные отношения. Семья всегда представляла ценность для татар, поскольку она – хранитель культурно-этнических традиций нации. По этой причине татарам очень важен институт семьи в плане сохранения религиозной и национальной идентичности. Данному социокультурному компоненту в нарративах уделяется больше внимания, чем социальным компонентам. Тема семьи занимает в некоторых текстах почти 70 % содержания. Исходя из этого, можно утверждать, что татары гордятся своими детьми и внуками.

Имею трех дете-ей // Старшая дочка учится в Перми университете // Вторая учится / в восьмом кла-ассе // Есть сын трёх лет // Который сидит дома / с бабушками // Я своими детьми очень / горжусь // Я их очень люблю // Они у меня такие у-умные / красивые // (Инф. 9 – ж., 43 года, образ. среднее).

Деревенский быт, хозяйство. Значимым феноменом национальной культуры татар является идеализация образа жизни, связанного с деревенским бытом и хозяйством. Информанты в основном имеют натуральное хозяйство.

// Так / имеем… // Скотину держим // Большо- / у нас / большой огород // Выращиваем карто-ошку / капу-усту // Ягоды есть / смородину / цветы-ы // (Инф. 9 – ж., 43 года, образ. среднее);

…Гусей только держим // Но корова есть // (смех) // Огород большой…// Картошку сядим // Морковь // Все есть / все сядим // Продаем// (Инф. 16 – ж., 40 лет, образ. среднее).

Описание деревенского быта выполняет в разных текстах различную функцию. В текстах «О себе» этот социальный компонент используется при описании образа жизни билингвов, т.е. является необходимым и важным описательным элементом текста. В текстах на тему «Национальные традиции» этот элемент – неотъемлемый атрибут национальных праздников и религиозных обрядов.

Связь с природой. Упоминания о природе и рассказы о ней в текстах крайне редки. Социальный компонент «Связь с природой» встретился у трех информантов в текстах блока «О себе».

Летом / ходим на рыбалки // На шашлыки // Что еще? // (Инф. 18 – ж., 36 лет, образ. среднее);

В свободное время / люблю / ходить / на рыбалку // Особенно / зимнюю рыбалку / люблю // (Инф. 6 – м., 51 год, образ. среднее);

Ходим в гости // На природе // Летом // Постоянно // (Инф. 7 – ж., 48 лет, образ. среднее).

Тексты показывают, что природа выступает средой для времяпрепровождения. Информанты на природе отдыхают, жарят шашлыки и т. д.

Праздники. В текстах встречается описание следующих праздников: Сабантуй, Навруз, Ураза-байрам, Курбан-байрам.

Сабантуй является самым известным национальным праздником у татар, чем и объясняется столь частый его выбор как темы рассказа. Все тексты обладают устойчивой структурой, в которой описываются этапы праздника, каждый из которых включает стандартное ситуативное наполнение: описание обряда сбора подарков накануне Сабантуя, описание лиц, которые принимают участие в нем, указание на то, когда и где проводится праздник, упоминание о состязаниях и о том, какие предметы используются. Порядок следования блоков в текстах произволен, однако чаще всего реализуются все блоки.

Перед национальным праздником Сабантуй / у нас проходят / сугу // Тц / серэнсугу / это сбор подарков / от населения // Активные жители / села / обычно / делятся / разделяются на четыре группы / и-и / проходят по селу в национальных костюмах с песнями и плясками // Обычно / э-э / в призы входят / тюбетейки-и / шамду-унь / посу-уда // Сарафаны / халаты-ы / полотенца // Национальные полотенца самотканые // Магазинные полотенца // Тц // Так // И другие ценные подарки // (Инф. 15 – ж., 38 лет, образ. среднее специальное).

Обнаруживается упоминание об исконно мусульманском празднике **Курбан-байрам**. Курбан-байрам – праздник жертвоприношения, отмечается через 70 дней после празднования Ураза-байрам, т.е. на десятый день двенадцатого месяца календаря мусульман. Рассмотрим примеры:

Мы / отмечаем / Курбан Байрам // В день / Хурбан / байрама / у нас / режут барана // В память умерших/ родтвенниках / и / друзьях // Барана / должен / резать / обязательно / мула // Он читает / молитву // Курбан // Люди / приглашают / своих / родственников / и / у / у-х / угощают / месом / баранина // Одну треть / раздают / баранина /и / э-х / нуждающихся / Ы // Э / но это делают не все // Э / ы // Тем / кто / пришел / в гости / кушать / баранину / и / им раздают милос-тиню // (Инф. 2 – ж., 69 лет, образ. 7 классов).

При описании праздника Курбан-байрам информанты также указывают на праздник Ураза-байрам. **Ураза-байрам** – один из

крупнейших праздников, завершающий священный месяц Рамадан; праздник разговения.

Рассмотрим пример из текста 2-го инф. (ж., 69 лет, образование 7 классов): *Мы также / отмечаем / Ураза-айрам // В год / существует / один месяц / ураза // В этот / месяц / каждый день / не пет / и не / едят // От рассвета / до / заката / солнца // Также нельзя / курить / и / и пить / и спиртное //*

Еще один этнический компонент, реализованный в текстах билингвов, праздник Навруз. **Навруз** – это праздник нового года по астрономическому солнечному календарю у иранских и тюркских народов. На сегодняшний день почти утратил свою актуальность, чем и объясняется малая частота его воспроизведения в текстах – всего один информант (ж., 51 год, образ. среднее) выбрал его как тему рассказа.

Праздник Науруз / это национальный праздник // Э-э / он / в основном / как / про- / проводится у мусульман // Татары / тоже мусульмане / хотя они живут они там / на-а / э-э Востоке / и-и Аз- / наи-и / и в Азии / всё равно / как / проводится национальный паздник // У нас проводится и в школе / и в детском саду // Это как / новый год // У мусульман // Пение / в домах // Э потом / группа / людей / э по домам / угощаются // Желают э-э / нового года / счастливого // И-и / чтобы земля / хорошо уродилась /

Обряды. Данный раздел хрестоматии содержит описание таких обрядов татар, как свадьба, Никах туй и похороны. Частотным оказывается этнический компонент **«Свадьба»**. Значительное число информантов выбирали тему свадьбы для рассказа. При проведении свадеб у татар учитываются многие факторы, имеются свои национальные традиции и обычаи.

Свадьба у нас проходит как обычно // Сва- // Все и-игры / всяких это // А потом / нам сва- / э-э / на второй ден(ь) / после свадьбы / э / всех / сватов / собираем дома // Э-э // Баню сходим / и-их / в это / и кашу ищем там / ко-1 когда / это самое // Но-о[1] // Начинают кашу искать // Чтоб / м-м / домой надо /идти / без кашу / н- / у / у нас такой это обычай / чтоб кашу / сделать / и спрятать // А они / сватья / на э / э / э-э / должны найти кашу // Или на горку пойдем / или на э-это // Ну у нас все по- / по-старинному идёт / как-то // У нас и-и / бабушки также / играли / так же вот / свадьбы проходили / и никахтуй так же // А мы щасэт(о) / все / пошло уже / этот самое // У нас в деревне уж(е) такое // (смех) // Такой обычай // Такое это // Ы / ы // «Мы соблюдаем обычаю» // Вот / мы тоже / соблюдаем обычай // По-старинному // Не забываем что / у-э / (смех) / нашу традицию // (Инф. 10 – ж., 46 лет, образ. среднее).

Никах туй – обряд, который проводится у татар до свадьбы. Обряд подобен помолвке у христиан. Проведение обряда Никах туй в татарской культуре воспринимается как очень серьезный шаг. Рассмотрим некоторые примеры.

Перед свадьбой / сыграли / никах туй // Это даже у нас / чем / это важнее / чем сама свадьба // Ну-у / как говорится / никах туй / это / м-м / приглашают туда / муллу // Мулла одевает / это / одевает / э / мужу / тюбетейку // А мне / к жене / как-то / это самое / платок завязывает / И / читает там / м / м / по согласию вышла замуж / или это / всё / Ага // Ве это самое спрашивает / И отвечает / перед / как / русским / богом / А у нас / перед Аллахом / отвечаешь за себя / Во-от // (Инф. 10 – ж., 46 лет, образ. среднее).

Анализ текстов билингвов-татар показывает, что в текстах достаточно подробно описан такой компонент, как похороны (присутствует в трех текстах). Тексты о похоронном обряде татар уникальны тем, что созданы пожилыми мужчинами – важными и основными участниками обряда – и раскрывают содержание церемонии «изнутри».

Ир кешене / не русского / а-а / татарина / мужика / моешь три раза // А / женщину / моешь пять раз // Но / моют / женщину / только дженщины // Знающие / почему /моют / пять / раз / женщину? // Они / греховны // Из-за этого / женщину / моют пять раз // А мужиков три раза //... (Инф. 4 – м., 59 лет, образ. высшее).

Национальная еда. В данном блоке информанты упоминали такие национальные блюда, как как-балеш, чак-чак, баранина.

Тексты, посвященные традиционным татарским блюдам и угощениям, испытывают значительное влияние жанра традиционного рецепта: в них регулярно используются несобственно-возвратные пассивные формы глаголов, которые описывают последовательность при изготовлении того или иного блюда. Рассмотрим пример.

Одним из / традиционных национальных блюд / у на- / нашых / татар есть / такое блюдо / как балеш // Слоеный пирог // Это печется / на свадьбы/ на большие юбилеи // На различные // праздники // В основном на свадьбы / и на большие юбилеи // Состоит из / тест // Песочного / теста / начинка из / сушеных / различных ягод / и фруктов // М / м / добавляется сахар / и все это / м / слоями складывается и печется в печи // Ну у кого нет печи / и в духовке // И красиво украшается // Делается / о / о / когда-то надписи / если юбилеи /там даты ставятся // Красивыми цветочками красиво украшают / и-и / подают уже / во время праздника / на свадьбах //

Данные, полученные в результате исследования, представлены в Таблице 1 и Таблице 2.

Таблица 1

Частота использования социальных компонентов

Социальный компонент	Частота, %
Семья и родственные отношения	44
Национальная принадлежность	28
Деревенский быт, хозяйство	18
Связь с природой	10

Из таблицы видно, что самыми большими частотами упоминания обладают первых два социальных компонента (см. табл. 1). Существенным для информантов является семья, частота употребления в текстах составило 44 %. Значимыми выступают и компоненты «Национальная принадлежность» (28 %). «Деревенский быт и хозяйство» (18 %) и «Связь с природой» (10 %) – это социальные компоненты, которые представлены в тексте спорадически.

В текстах о национальных традициях выделяются 3 основных этнических компонента: Праздник, Обряд, Национальная еда. Частота использования каждого из них отражена в табл. 2.

Таблица 2

Частота использования этнических компонентов

Праздник	Частота, %	**Обряд**	Частота, %	**Национальная еда**	Частота, %
Сабантуй	30	Свадьба	17	Как-балеш	9
Ураза-байрам	10	Никах-туй	12	Чак-чак	6
Курбан-байрам	6	Похороны	6	Баранина	3
Навруз	1				
Итого:	47%	Итого:	35%	Итого:	18%

Как видно из таблицы, наиболее частото упоминаются этнические компоненты, описывающие национальные праздники и обряды. Это вполне закономерно и подтверждает стремление билингвов к самоидентификации, обозначению своей принадлежности к нации и сохранению татарских обычаев и традиций.

Таким образом, языковой материал является зеркалом, в котором отражается реальная действительность, окружающая человека, культурные ценности, видение мира, образ жизни. Первые попытки

решения проблемы взаимосвязи языка и культуры находят отражение в трудах В. Гумбольдта и Э. Сепира. В настоящее время работа в этом направлении является перспективной и ведется многими лингвистами.

Библиографический список

Русская спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края: звучащая хрестоматия / кол. авторов; науч. ред. Т. И. Ерофеева. Пермь. 2012.

Ерофеева Т. И. Хрестоматия русской спонтанной речи билингвов Пермского края: методологический аспект // Проблемы социо- и психолингвистики: сборник статей. Выпуск 16. Лингвокультурология. Пермь, 2012. С. 42-40.

Ерофеева Е. В. Фонетические особенности в русской речи билингвов Пермского края // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. статей. Выпуск 16. Лингвокультурная ситуация и билингвизм в Пермском крае. Пермь, 2012. С. 50-58.

Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И. Культурно значимые референтные ситуации в текстах при бикультурализме // Филологические заметки. Часть 2, 2013. С. 7-16.

G. A. Akhatova
Master Student of Philological Faculty
Perm State University

SOCIOCULTURAL COMPONENTS IN RUSSIAN TEXTS OF TATAR BILINGUALS FROM ORDINSKY DISTRICT

The article describes the features of the socio-cultural components in the texts of Tatar bilinguals. Identified in the texts the sociocultural components were divided into two groups: social ("National belonging", "Family and family relations", "Rural life, farming" and "Nature") and ethnic components ("Holidays", "Rites" and "National food"). Analysis of the data showed what spheres are important for Tatar bilinguals.

Key words: sociocultural component; cultural significance of the reference situation; bilingualism; social component; ethnic component.

УДК 81'38

Баженова Елена Александровна
зав. кафедрой русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
bazhenova_e2000@mail.ru

Котюрова Мария Павловна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
kotyurova@yandex.ru

РЕЧЕВАЯ СИСТЕМНОСТЬ КАК ПАКЕТНОЕ ПОНЯТИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ

(*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 14-34-0102а1, № 14-04-00575а*)

В статье рассматривается одно из основных понятий функциональной стилистики – речевая системность, которая интерпретируется как пакетное понятие, обладающее рядом свойств: междисциплинарным характером; совокупностью взаимосвязанных разнородных компонентов; возможностью разных интерпретаций; большим объяснительным потенциалом. Теоретические положения статьи конкретизируются на материале исследования научных текстов, речевая системность которых проявляется в относительной устойчивости, эластичности, динамичности и открытости.

Ключевые слова: функциональный стиль; речевая системность; пакетное понятие.

Научные понятия, как известно, можно интерпретировать по-разному, в частности применяя междисциплинарный подход. Не случайно именно в рамках такого подхода появился термин «пакетное понятие», получающий в настоящее время все большее распространение в гуманитарных науках. Так, в качестве пакетных рассматриваются понятия «социальность» (А.А. Грицанов), «исторический интерес» (А.И. Ракитов) и нек. др. К основным свойствам пакетных понятий можно отнести следующие: междисциплинарный характер, т. е. неопределимость в рамках одной науки; совокупность качественно разнородных, но взаимосвязанных компонентов, изменение хотя бы одного из которых приводит к изменению всего «пакета»; широкое пространство для разных методов анализа и интерпретаций; большой

© Баженова Е.А., Котюрова М.П., 2016

объяснительный потенциал за счет возможности приложения к неограниченному числу однотипных объектов (см.: [Ракитов 1982]).

Важно подчеркнуть, что содержание пакетного понятия характеризуется системностью, при этом ни один из элементов системы независимо от его природы не обладает детерминирующей силой сам по себе – он приобретает детерминирующее свойство лишь как элемент системы.

Именно таким пакетным понятием является, на наш взгляд, *речевая системность функционального стиля* – «взаимосвязь разноуровневых языковых и текстовых единиц в конкретной речевой разновидности, основанная на выполнении единой коммуникативной цели и общей функции, обусловленная экстралингвистической базой этой разновидности, прежде всего назначением в обществе соответствующей формы общественного сознания (науки, искусства, права и т.д.)» [Кожина 2003: 347].

Как известно, содержание данного понятия формировалось в трудах М.Н. Кожиной по аналогии с понятием языковой системности, что оказалось оправданным и вполне продуктивным: обобщения относительно речевой системности коррелируют с обобщениями, сделанными на основе изучения языковых единиц того или иного уровня. Это утверждение легко проиллюстрировать трудами не только М.Н. Кожиной, но и других исследователей, в частности Г.Я. Солганика; см. системный анализ морфологических средств научного стиля в книге М.Н. Кожиной «О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими» (Пермь, 1972), опубликованной вслед за докторской диссертацией «Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи» (М., 1970), в докторской диссертации Г.Я. Солганика «Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования» (М., 1977) и, конечно, целом ряде других работ в области функциональной стилистики.

Идея речевой системности, ставшая ключевой в теории функциональных стилей, объединила содержание и форму речевого произведения, сферу общения и языковые средства, коммуникативное намерение и его речевую реализацию, иначе говоря – экстралингвистику и собственно лингвистику. См.: «Речь, точнее стиль речи, как явление, обусловленное экстралингвистическим и теснейшим образом с ним связанное, необходимо изучать под углом зрения этого внелингвистического, не боясь нарушить “чистоту” лингвистического в стилистике речи, ибо только это экстралингвистическое дает возможность выявить и действительно лингвистическую специфику» [Кожина 1966: 198].

Междисциплинарность как свойство пакетного понятия речевой системности предполагает «выход» за пределы собственно лингвистического анализа текстов разной стилевой принадлежности: научного – в область гносеологии, логики, науковедения, психологии научного творчества и др.; официально-делового – в область права, документоведения, менеджмента и др.; публицистического – в область социологии, политологии, теории речевой коммуникации и др.; художественного – в область литературоведения, культурологи, теории перевода и др. Именно междисциплинарные разыскания исследователей научной речи позволили, например, определить понятие эпистемической ситуации в качестве единицы смысловой структуры текста и в то же время дидактической единицы в процессе овладения культурой научной речи [Котюрова, Баженова 2007].

Пакетный характер понятия «речевая системность» обусловлен и тем, что его следует рассматривать в совокупности с другими понятиями, в том числе с категориями текста, используя при этом различные методы анализа. Иными словами, речевая системность входит в один «пакет» с понятиями *текст – текстовые категории – текстовые единицы – смысловая структура текста*. Применительно к сфере научной коммуникации основные свойства речевой системности, такие как *относительная устойчивость, эластичность, динамичность, открытость*, выявлены и описаны (см.: [Котюрова 2013]). В отношении же других стилевых разновидностей задача определения их речевой системности остается весьма актуальной, поскольку принцип речевой системности действует во всех разновидностях речи. Кстати, понятие речевой системности можно рассматривать в разных «пакетах» понятий, изменяя ракурс рассмотрения текста.

Бесспорный объяснительный потенциал понятия речевой системности и возможность ее приложения действительно к неограниченному кругу текстов связаны с философским осмыслением единства формы и содержания. В функциональной стилистике это единство конкретизировано понятием *целого* текста, рассматриваемого во взаимосвязи поверхностной и содержательно-коммуникативной сторон, т.е. линейного и глубинного «планов» текста. Функционально-стилистический метод предполагает особое, контекстуально-целостное восприятие текста, при котором возможно установление речевой системности двух видов. Во-первых, как *универсального* свойства текстов определенного стиля: власть речевой системности такова, что она «порабощает, сглаживает единичное как не идущую к делу шероховатость… стиль системен, целостен, тотален, ”выдержан”» [Парамонов 1997: 7]. С другой стороны, речевая системность – это

уникальное свойство каждого конкретного текста, и ее выявление дает возможность осуществить более глубокий анализ отдельного речевого произведения.

Изучение научных текстов позволяет утверждать, что все вышеназванные свойства речевой системности – относительная устойчивость, эластичность, динамичность и открытость – вполне очевидны в гармоничном, или эталонном, научном тексте. Кроме того, речевая системность целого научного текста обеспечивает его особое эмерджентное (присущее целому, но не его части) качество, получившее название *плотности.* Это понятие специально рассматривалось на материале текстов монографий, научных, учебно-научных и научно-популярных статей (см.: [Гиренко 2006]). Плотность представляет собой свойство целого научного текста, при этом, естественно, ее степень зависит от глубины содержания, его теоретического или эмпирического характера, жанрового своеобразия произведения, авторской индивидуальности. Совокупность этих факторов детерминирует порождение текстов *конденсированно плотных, гармонично плотных, вязких* и *рыхлых*, характеризующихся разной степенью речевой системности. По мнению Л.С. Тихомировой (Гиренко), «именно к этим внутристилевым различиям в формировании научного знания приводит действие механизма индивидуального гармоничного уплотнения содержания» [Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011: 107].

При снижении уровня анализа – от функционального стиля к конкретному тексту – «строгая» речевая системность стиля (даже научного или официально-делового) может обогащаться асистемностью. Асистемность появляется в связи с тем, что четко установленные стилевые черты (обобщенно-отвлеченность, подчеркнутая логичность, диалогичность, гипотетичность и др.) и текстовые категории (целостность, связность, точность и др.), репрезентирующие речевую системность стиля, испытывают воздействие различных факторов. В качестве таких факторов выступают экстралингвистические – коммуникативно-прагматические и риторические – свойства создаваемого текста. В связи с этим представляется продуктивным изучение *функционально-стилистического «профиля» языка* [Профили языка… 2015]), обогащаемое применением синергетического подхода к порождению и пониманию текста любой разновидности. Очевидно, что синергетическая парадигма современного научного знания может расширить пространство интерпретации понятия «речевая системность».

Таким образом, речевая системность является универсальным свойством функционального стиля, по природе присущим каждому тексту; выступает предметом междисциплинарного изучения;

соотносится с разнопорядковыми единицами и категориями текста, сохраняя при этом целостность; допускает использование разных методов анализа. Все сказанное свидетельствует о том, что речевая системность представляет собой пакетное понятие.

Библиографический список

Гиренко Л.С. Плотность содержания текста в учебнике // Стереотипность и творчество в тексте / Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 10. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. С. 71–94.

Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1966. 213 с.

Кожина М.Н. Речевая системность функционального стиля // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 347–350.

Котюрова М.П. Речевая системность (К развитию понятия) // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. М.П. Котюровой. Вып. 17. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2013. С. 27–44.

Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование. М.: Флинта: Наука, 2007. 280 с.

Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого. Пермь: ЗУИЭП, 2011. 393 с.

Парамонов Б.М. Конец стиля. СПб: М.: Алетейя, Аграф, 1997. 451 с.

Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера / Отв. редакторы: Н.С. Бабенко, В.А. Нуриев. М.: Буки Веди, 2015. 380 с.

Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. 306 с.

E.A. Bazhenova
Head of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

M.P. Kotyurova
Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

SPEECH CONSISTENCY AS FUNCTIONAL STYLISTICS PACKAGE CONCEPT

The article deals with one of the basic concepts of functional stylistics – speech consistency, which is interpreted as a package concept, which has a number of properties: an interdisciplinary character; a set of interrelated heterogeneous components; the possibility of different interpretations; great explanatory potential. Theoretical positions are specified in the material of research of scientific texts, speech consistency which is manifested in the relative stability, flexibility, dynamism and openness.

Key words: functional style; speech consistency; package concept.

УДК 001.89

Белоусов Константин Игоревич
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
belousovki@gmail.com
Баранов Дмитрий Александрович
преподаватель кафедры математического обеспечения
информационных систем
Оренбургский государственный университет
demon.asgard@gmail.com
Ерофеева Елена Валентиновна
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания
elenerofee@gmail.com

ЧАСТНОНАУЧНЫЕ ПРЕДМЕТНЫЕ ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОЛЛЕКТИВА

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, (проект № 15-06-06373)).

В настоящее время для развития науки актуально создание доступных инструментов планирования исследовательской деятельности, при котором научный коллектив в соответствии со своим научным интересами и достижениями на основании математических моделей развития научной области мог бы выбирать те частнонаучные предметные области, которые на данный момент набирают «вес». Подобный инструмент показан на примере изучения деятельности научного коллектива Пермской социопсихолингвистической школы за трехлетний период 2010–2012 гг. Графосемантические модели частнонаучной предметной области в Информационной системе «Семограф» рассмотрены в аспекте временной динамики интересов научного коллектива, что может быть востребовано для планирования научной деятельности.

Ключевые слова: научное исследование; предметная область; графосемантическое моделирование; Информационная система «Семограф»; прогноз.

Введение. Оценка эффективности деятельности ученых и научных коллективов обычно осуществляется на основе наукометрических показателей, таких как публикационная активность. При этом расчеты разнообразных индексов (цитируемости, самоцитируемости, Хирша, импакт-фактора и мн. др.) основаны на формальных количественных показателях числа публикаций и цитирований за определенные

© Белоусов К.И., Баранов Д.А., Ерофеева Е.В., 2016

периоды. Многочисленные исследования в области наукометрии рассматривают особенности оценки эффективности в гуманитарных, социальных, естественно-научных и технических направлениях [Egghe 2013; Glanzel 2012 et al.], изучают возрастные и гендерные аспекты эффективности и производительности в науке [Costas, Bordons 2011; Lawrence 2006 et al.], осуществляют анализ междисциплинарных взаимодействий [Bordons et al. 1999; Rinia et al. 2002] и возможности использования индексов для сопоставления национальных наук и научных специализаций [van Leeuwen 2009; Коцемир 2012 и др.] и т. п. Эти же формальные показатели используются как основа планирования научной деятельности.

В то же время такой сугубо формальный подход к оценке научной эффективности и планированию научной деятельности отдельного ученого или коллектива порождает негативные процессы в науке [Sugimoto, Cronin 2013; Арнольд, Фаулер 2011; Варшавский, Иванов, Маркусова 2011 и др.]. Эксперты настаивают на необходимости не только количественного, но и качественного экспертного анализа научной деятельности [Ding, Cronin 2011; Арнольд, Фаулер 2011 и др.]. Однако качественные методы связаны с необходимостью привлечения экспертов, что делает невозможным объективную оценку всех результатов научной деятельности. Кроме того, несмотря на критику в адрес формальных методов оценки эффективности научной деятельности, данные методы позволяют делать мгновенные срезы состояния научных исследований и планировать административную поддержку отдельным ученым или научным коллективам.

Таким образом, становятся актуальны поиски новых форм, методов и инструментов планирования научной деятельности, причем таких, которые основывались бы на анализе состоянии информационного пространства, сложившегося в отдельной научной (частнонаучной) предметной области с возможностью обобщения до информационных границ науки в целом. Полагаем, что решение может быть найдено в сфере тезаурусного моделирования частнонаучной предметной области. Это позволило бы выявлять ведущие и перспективные направления исследований, находить наиболее репрезентативные публикации в интересующей научной области; осуществлять анализ и прогнозирование состояния предметной области; оценивать эффективность исследовательской деятельности научных коллективов.

Под эффективным планированием мы понимаем такое планирование научной деятельности, при котором научный коллектив (или отдельный ученый) в соответствии со своими научными интересами и достижениями на основании математических моделей

развития научной области выбирает те частнонаучные предметные области, которые на данный момент набирают «вес». Способность предвидеть состояние науки в той или иной временной перспективе является важнейшей составляющей успешности. Полагаем, что для эффективного планирования научной деятельности ученому необходимо соотносить разрабатываемую им предметную область с предметными областями научных направлений, которые он разрабатывает вместе с другими учеными. В данной статье на примере научной деятельности коллектива лаборатории прикладных и экспериментальных лингвистических исследований Пермской социопсихолингвистической школы представлен анализ временной динамики частнонаучной предметной области за трехлетний период 2010–2012 гг.

Метод исследования. Исследование осуществлялось с опорой на метод графосемантического моделирования, реализованный в Информационной системе (ИС) «Семограф» (http://semograf.com). ИС Семограф предназначена для извлечения знаний о предметных областях из информационных массивов, включающих текстовые выборки, метаданные, семантические компоненты, семантические поля, частотные, языковые и тезаурусные словари [Белоусов, Зелянская 2012; Белоусов, Зелянская, Баранов 2012].

В качестве материала исследования используются статьи научного коллектива, опубликованные в рецензируемых журналах за трехлетний период (28 публикаций по данным http://elibrary.ru). Операциональными единицами послужили базовые термины, выносимые авторами публикаций в наборы ключевых слов (далее – НКС) к своим статьям (ключевые слова научных публикаций представляют собой легко формализуемый конструкт в рамках большого корпуса текстов).

ИС «Семограф» позволяет анализировать не только исследуемые контексты (в данном случае – библиографические описания научных статей) и семантические компоненты (НКС к каждой статье), но и метаданные (авторы, название статьи, год публикации, название журнала и т. п.), которые позволяют детализировать модель и строить срезы (например, можно выделить предметную область отдельного автора или журнала, в котором публиковались авторы).

В ИС «Семограф» семантические компоненты могут быть объединены в поля – в нашем случае, терминополя, включающие отдельные научные понятия (выраженные с помощью КС). Для выполнения данного этапа требуется привлечение экспертов моделируемой научной отрасли. На основе полевого анализа строятся семантическая карта, отражающая совместное присутствие двух полей в контекстах всей выборки, и семантический граф, представляющий графическую экспликацию связей между выделенными терминополями

в семантической карте (подробнее см.: [Белоусов, Зелянская 2012; Баранов 2013])[).

Описание результатов. В процессе анализа НКС к статьям научного коллектива было выделено 21 понятийное поле (см. табл.; частота рассчитывалась как отношение веса терминополя к количеству публикаций).

Рассмотрим Временную проекцию деятельности научного коллектива (см. рис. 1–3). На рис. 1, представляющем семантический граф предметной области (вершины графа соответствуют терминополям, а ребра – связям между ними; размер вершины пропорционален частотности поля, толщина ребра – силе связи между полями), разрабатываемой научным коллективом в 2010 г., видно, что ядром предметной области является поле СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА, имеющее сильные связи с полями СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, что говорит о научной рефлексии относительно методов изучения языка в социолингвистическом и социокультурном измерениях.

Таблица **Частота терминополей в публикациях научного коллектива**

Терминополе	**Частота**
Социокультурные аспекты функционирования языка	0,72
Методы исследования	0,48
Социально-территориальная дифференциация языка	0,41
Речь	0,34
Теория социолингвистики	0,31
Лексика	0,28
Ментальный лексикон	0,28
Семантика	0,28
Язык	0,24
Речь города	0,21
Когниция	0,21
Структуры	0,21
Гендер	0,17
Языковые процессы	0,17
Грамматика	0,14
Языковая личность	0,14
Коммуникация	0,14
Языковые контакты	0,10
Фонетика	0,07
Художественные средства	0,03
Текст	0,03

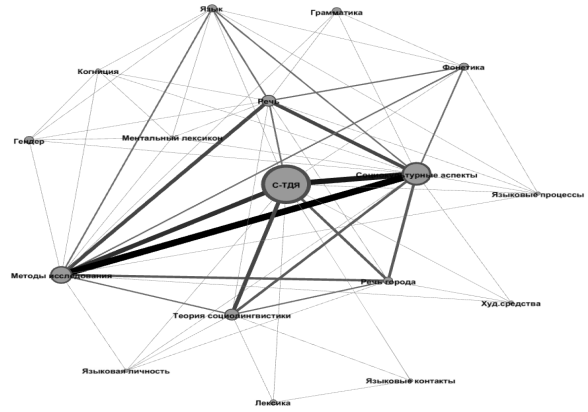

Рис. 1. Семантический граф предметной области научного коллектива в 2010 г.

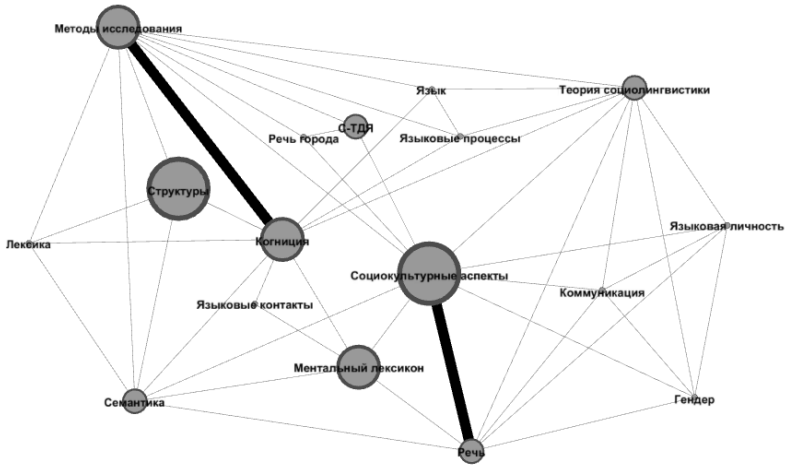

Рис. 2. Семантический граф предметной области научного коллектива в 2011 г.

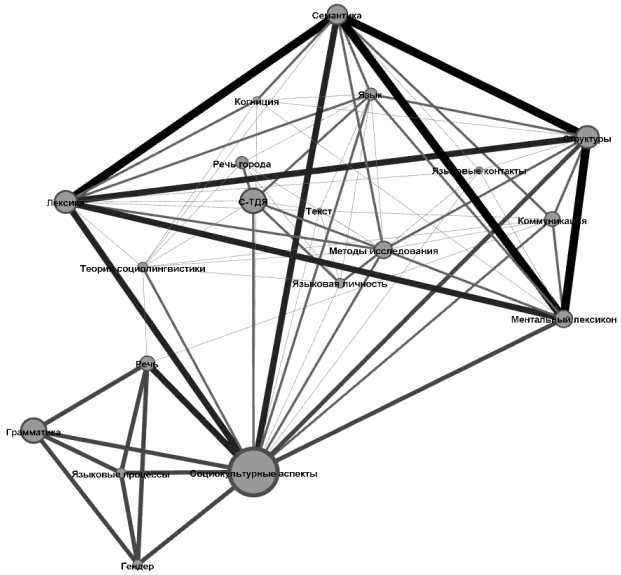

Рис. 3. Семантический граф предметной области научного коллектива в 2012 г.

Значимость остальных терминополей может быть оценена лишь во временной перспективе; для данного состояния понятийной структуры предметной области оставшиеся терминополя (кроме терминополей ТЕОРИИ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ, РЕЧЬ и РЕЧЬ ГОРОДА также закономерно соотнесенные с терминополями СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА и

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ) представляют лишь «точки возможного роста», часть из которых станет заметной в следующих временных срезах.

На рис. 2 видно, что структура предметной области в 2011 г. претерпела значительные изменения. Занимающее прежде ядерное положение терминополе СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА сместилось не периферию; в то же время на первый план выдвинулись поля СТРУКТУРЫ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, КОГНИЦИЯ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ и МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН (одна из актуализовавшихся в 2011 г. «точек роста», отмеченных на графе 2010 г.). В семантическом графе отсутствует явное доминирующее терминополе (как, например, терминополе в 2010 г.), более того, сам граф можно рассматривать как становящееся концептуальное пространство с конкурирующими композициями терминополей. Вероятно, 2011 г. для научного коллектива стал этапом поиска новых перспективных предметных областей. Об этом косвенно свидетельствует и падение количества публикаций в рецензируемых журналах (в 1,5 раза по сравнению с 2010 г.), так как новая проблематика требует «вхождения» (осмысления, наработок) в новой/обновленной предметной области. Интересен тот факт, что плотность графа, несмотря на меньшее количество вершин, заметно снизилась по сравнению с 2010 г. (0,353). Можно предположить, что при достижении определенного порога связности вершин система стремится к обновлению, поиску новых предметных областей.

Рис. 3 показывает, что в 2012 г. разработка научным коллективом новых предметных областей осуществлялась достаточно интенсивно (количество публикаций резко (в 2,3 раза) выросло по сравнению с 2011 г.), сама же структура предметной области претерпела заметные изменения. На рис. 3 видно, что вся структура предметной области состоит из двух относительно самостоятельных подсистем, соединенных друг с другом через ядерное терминополе СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ. Интересно, что рефлексия относительно МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ потеряла свою актуальность, что вероятно, обусловлено разработкой в 2011 г. исследовательских программ изучения новых предметных областей. Возникшая в 2012 г. структура предметной области, с одной стороны, сложнее предшествующих структурных состояний, с другой стороны, следует ожидать преобразования малой подструктуры графа. Структурная связность отдельных терминополей позволяет соотносить способы решения научных проблем. Так, очевиден интерес к ЛЕКСИКЕ как инструменту изучения МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА (на данном этапе такой вывод

можно сделать на основании структурных связей между терминополями на рис. 3).

Выводы и перспективы. В данной статье на примере коллектива лаборатории прикладных и экспериментальных лингвистических исследований Пермской социопсихолингвистической школы рассмотрено моделирование временной динамики научной деятельности коллектива за трехлетний период 2010–2012 гг. Показано, что понятийное пространство научного коллектива, т.е. частнонаучная предметная область, создается на основе взаимодействия нескольких терминополей, структурная связность которых эксплицирует существующие композиции научных проблем и направлений. Графосемантическое моделирование предметной области в разные годы позволяет выявлять доминантные и периферийные терминополя и связи, трансформацию предметной области научного коллектива и отслеживать формирование новых направлений в рамках деятельности коллектива. Сопоставление же с деятельностью других научных коллективов может стать эффективным инструментом развития научной деятельности и нахождения научных контактов.

Библиографический список

Арнольд Д., Фаулер К. Гнусные цифры // Игра в цыфирь, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). М.: МЦНМО, 2011. С. 52–62.

Баранов Д.А. Математическая формализация метода графосемантического моделирования // Техника и технология: новые перспективы развития: матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. М.: Спутник+, 2013. С. 70–78.

Белоусов К.И., Зелянская Н.Л. Онтология и онтография частнонаучных предметных областей и научная картина мира // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 4. С. 104–111.

Белоусов К.И., Зелянская Н.Л., Баранов Д.А. Концептуально-гипертекстовая модель управления контентом в ИС “Семограф” // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11. С. 59–64.

Варшавский А.Е., Иванов В.В., Маркусова В.А. Об адекватной оценке результативности научной деятельности // Вестник Российской Академии Наук. 2011. № 7. С. 587–593.

Коцемир М.Н. Динамика российской и мировой науки сквозь призму международных публикаций // Форсайт. 2012. № 1. С. 38–59.

Bordons M. et al. Measuring interdisciplinary collaboration within a university: The effects of the multidisciplinary research programme / Bordons M., Romero F., Zulueta M.A., Barrigón S.// Scientometrics. 1999. Vol. 46. Iss. 3. Pp. 383– 398.

Costas R., Bordons M. Do age and professional rank influence the order of authorship in scientific publications? Some evidence from a micro-level perspective // Scientometrics. 2011. Vol. 88. Pp. 145–161.

Ding Y., Cronin B. Popular and/or Prestigious? Measures of Scholarly Esteem // Information Processing and Management, 2011. № 47(1). Pp. 80–96.

Egghe L. Characteristic scores and scales based on h-type indices // Journal of Informetrics. 2010. Vol. 4. Iss. 1. Pp. 14–22.

Glanzel W. The role of core documents in bibliometric network analysis and their relation with h-type indices // Scientometrics. 2012. Vol. 93. Iss. 1. Pp. 113–123.

Rinia Ed.J. et al. Measuring knowledge transfer between fields of science / Rinia Ed.J., van Leeuwen T.N., Bruins E.E.W., van Vuren H.G., van Raan A.F.J. // Scientometrics. 2002. Vol. 54. Iss. 3. Pp. 347–362.

Lawrence P.A. Men, women, and ghosts in science // Plos Biology, 2006. № 4(1). Pp. 13–15.

Sugimoto C.R., Cronin B. Citation gamesmanship: Testing for evidence of ego bias in peer review // Scientometrics. 2013. Vol. 95. Iss. 3. Pp. 851–862.

Van Leeuwen T.N. Strength and weakness of national science systems: A bibliometric analysis through cooperation patterns // Scientometrics. 2009. Vol. 79. Iss. 2. Pp. 389–408.

K. I. Belousov
Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

D. A. Baranov
Postgraduate of Computer Security and Software Information Systems Department
Orenburg State University

E. V. Erofeeva
Head of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

PARTICULAR SCIENCE SUBJECT DOMAIN OF RESEARCH TEAM

Now there is a request for creation of available instruments of effective planning of research activity at which the according to the scientific interests and achievements on the basis of mathematical models of development of scientific area selects particular scientific subject domains which at the time of their choice gain “weight”. Such instrument is demonstrated on the example of publications of staff of the Laboratory of Applied and Experimental Linguistic Researches of Perm sociopsycholinguistic school over a three year period 2010–2012. Graphosemantic models of particular scientific subject domains in the information system Semograf show that there is a time dynamics interests change of scientific research team. Modeling of subject domains of research team may be in demand for planning of joint activity.

Ключевые слова: scientific research; subject domain; graphosemantic modeling; information system Semograf; forecasting.

УДК 81’27(470.53):316.346.2

Ван Минь
аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614068, Пермь, ул. Букирева, 15
wmrussia@163.com

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРМСКОЙ ШКОЛЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматривается развитие гендерных исследований в Пермской школе социолингвистики. Гендерные исследования являются важным направлением исследований в рамках Пермской школы социолингвистики, где разрабатываются теоретические основы и проводятся следующие виды исследований: влияние фактора гендер на язык, гендерные стереотипы и гендерное влияние на когнитивный процесс и т. д.

Ключевые слова: гендерные исследования; Пермская школа социолингвистики; социолект; стереотип; когнитивные модели.

Во второй половине XX в. произошла смена научных приоритетов в лингвистических исследованиях: системно-структурная парадигма уступила место антропоцентрическому взгляду, т. е. возник поворот от «языка в себе и для себя» к «человеку в языке». «Сочетание когнитивной и культурологической направленности исследований последних лет выдвигает на первый план индивидуальные характеристики говорящего субъекта как важную составляющую изучения центральной лингвистической проблемы – человек в языке» [Кирилина 2007: 7]. Язык рассматривается «как орудие познания, источник информации о человеке и обществе» [Пермякова, Гаранович 2009: 4]. В процессе анализа речевого поведения человека нужно учитывать ряд социопсихических и биологических факторов: возраст, место рождения, образование, профессия, гендер. В настоящее время в гуманитарных науках широко исследуются темы, связанные с понятием «гендер», например, в рамках таких направлений, как феминистическая критика языка, гендерология, гендерная лингвистика, и т. д.

В наше время пока нет общепринятого определения понятия «гендер», но отметим, что большинство определений пересекается. И. И. Халеева подчеркивает «социально и культурно маркированную специфику пола (gender)» [Халеева 2000: 17]. Она считает, что «изучение социально и культурно обусловленной специфики пола

© Ван Минь, 2016

возможно лишь при создании и обосновании междисциплинарной парадигмы» [Там же: 17]. О. Л. Каменская согласна с мнением И. И. Халеевой, что надо исследовать гендер в междисциплинарном направлении, используя данные различных гуманитарных наук: социологии, филологии, теории коммуникации и др. [Каменская 2002].

Термин *гендер* происходит от английского слова *gender*, означающего грамматическую категорию рода, термин «был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук – социальной философии, социологии, истории» [Кирилина 2000: 18]. В английском языке имеется ещё другой термин *sexus*, который относится именно к биологическому фактору, т. е. подчеркивает детерминированность. А термин *гендер* используется для описания социальных, культурных, психологических аспектов женского в сравнении с мужским, т. е. «при выделении всего, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные, желаемые для тех, кого общество определяет как женщин и мужчин» [Пушкарева 1999: 16].

Ссылаясь на мнение О. А. Колосовой [Колосова 1996], указываем три подхода к исследованию гендера: во-первых, рассмотрение исключительно социальной природы языка женщин и мужчин и выявление языковых различий между мужчинами и женщинами; во-вторых, социопсихолингвистический подход, т. е. научное редуцирование *женского* и *мужского* языка до особенностей языкового поведения полов; в-третьих, когнитивный аспект. Все три подхода считаются взаимодополняющими и лишь в своей совокупности они обладают объяснительной силой. Эта статья посвящена итогам гендерных исследований в Пермской школе социолингвистики.

Становление Пермской школы социолингвистики связано прежде всего с именем Т. И. Ерофеевой. В её докторской диссертации «Социолект: стратификационное исследование» [Ерофеева Т. 1995] дано теоретическое осмысление описания «человеческого говорения». К началу 1990-х гг. основной областью научных изысканий для Пермской социолингвистической школы становится социальная диалектология [Ерофеева Т., Ерофеева Е., Доценко 2010]. С целью изучения коллективного или группового языка Т. И. Ерофеева обосновывает качественно новое осмысление двух взаимосвязанных между собой понятий – «страта» и «социолект» [Ерофеева Т. 1995]. Исследование гендера было включено в сферу социолингвистики в связи с изучением страт и социолектов. Т. И. Ерофеева расширила понятие «страта». «(Страта) не только слой людей, но и признак, по которому проводится стратификация» [Ерофеева Т. 2010: 22].

«Социолект – инвариантный признак социально маркированной подсистемы языка. Это система речевых средств определенной группы, детерминированный рядом социопсихических и биологических факторов: гендер, возраст, темперамент, место рождения, образование, специальность; это любое социально ограниченное языковое образование в пределах национального языка. Сюда могут включаться как подсистемы языка, так и более мелкие образования. При этом в социолекте объединяются система (код или набор кодов) и её реализация (речь)» [Ерофеева Е. 2005]. При исследовании социолекта учитывается фактор пола, потому что «пол является одним из важных биологических факторов и может оказать существенное влияние на речевое поведение говорящих» [Ерофеева Т. 1995: 17]. Половые различия, как и другие факторы: место рождения, специальность, уровень образования и темперамент, – пересекаются и взаимодействуют во время речевого поведения человека.

На основании анализа большого лингвистического материала Т. И. Ерофеева описывает частную модель социолекта по фактору *гендер*. Стратификационное рассмотрение речи горожан показывает, что характеристики говорящего проявляются на лексическом, синтаксическом и фонетическом уровнях. Исследование *лексических* единиц строится на материале анкетных данных, полученных методом интроспекции, т. е. информанты сами давали отчет о знании и употреблении лексической единицы. Рассмотрены диалектные, архаические и жаргонные единицы в аспекте владения ими мужчинами и женщинами. Автор делает вывод, что в большинстве случаев мужчины лучше, чем женщины, знают и чаще употребляют локализмы, архаизмы и жаргонизмы [Ерофеева Т. 2015]. Анализ количественных характеристик синтаксического уровня (длины предложения, его синтаксической сложности) показывает, что средняя длина предложения у мужчин выше, чем у женщин (26,9 и 21,8% соответственно) [Ерофеева Т. 2015: 90].

В ситуации спонтанной речи на *супрасегментном* уровне главным и единственно существенным яактором является гендер говорящего. Эксперимент показывает, что темп речи у женщин выше, чем у мужчин: 96,4 и 86,9 слов в минуту соответственно [Ерофеева Т. 2015: 91].

Исследование Т. И. Ерофеевой показывает, что гендер изолированно влияет на речевое поведение говорящих. Но надо признать, что различия в употреблении языковых средств мужчинами и женщинами не носят абсолютного характера. В экспериментах ученые Пермской школы обязательно учитывают другие страты, такие как образование, возраст, место рождения и т. д. для того, чтобы выяснить

влияние гендера на речевое поведение [Ерофеева Е. 2005]. Е.В. Ерофеева предлагала частные и обобщенные социолекты. Социолекты описываются как вероятностные функции элементов языка от одного или нескольких социальных признаков, в том числе один признак означает частный социолект, а несколько признаков – обобщенный социолект.

Кроме Т.И. Ерофеевой и другие ученые проводят исследования, связанные с тематикой *гендера*. Так, путём анализа гендерной стилизации в прозаических произведениях некоторых современных писательниц и писателей Франции О.В. Пермякова и М.В. Гаранович изучали проявление гендерного параметра языковой личности в сфере эстетической коммуникации. По мнению авторов, «гендер становится намеренным стилевым приемом конструирования художественного образа и даже способом композиционно-смысловой организации целого текста» [Пермякова, Гаранович 2009: 37].

По мнению М.В. Гаранович и О.В. Пермяковой, развитие гендерных исследований имеет новую тенденцию: отрицание жесткой зависимости языка и речи индивида от гендерного фактора. Это одно из наиболее важных достижений лингвистической гендерологии последних лет. «При изучении коммуникации, речевого поведения и других феноменов, связанных с говорением, ученые признают гендер «плавающим» параметром, то есть фактором, проявляющимся с неодинаковой интенсивностью вплоть до полного его исчезновения» [Там же: 34].

В кандидатской диссертации «Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих» М.В. Гаранович изучала вариативность гендерных стереотипов в когнитивном и социолингвистическом аспектах. Исследование включало в себя рассмотрение стереотипных представлений о «мужественности» и «женственности» и корреляции между содержанием гендерных стереотипов и социальными параметрами носителей культуры [Гаранович 2011: 3]. Автор подчеркнул важность выделения методологических принципов изучения гендерных феноменов при анализе функционирования фактора *гендер* в когнитивной сфере человека. Одним из таких методологических принципов является социолингвистический подход при изучении гендерных стереотипов [Гаранович 2011]. При этом для изучения гендера нужны комплексные статистические методики.

М. В. Усманова в своей кандидатской диссертации «Гендерная специфика когнитивных моделей ситуаций: на материале устных спонтанных монологов» анализирует гендерную специфику

когнитивных моделей ситуаций. Автор предлагает 7 конкретных ситуаций, по которым информанты предоставляют устные спонтанные монологи. Анализ монологов показывает, что когнитивная модель ситуации, существующая в сознании человека, представляет собой динамическую, иерархически организованную совокупность когнитивных категорий (обязательных и факультативных), наполняемость и актуализация которых в значительной степени зависит от гендерного фактора [Усманова 2006: 121].

Пермская школа социолингвистики сегодня сформировала свои теоретические основы и главные методы исследования. Внимание к языковой личности не может не затронуть такого неотъемлемого аспекта человеческого существа, как половая принадлежность. В рамках социолингвистики ученые активно проводят гендерные исследования. Изучение гендера является междисциплинарной проблемой. Гендер, как фактор социальной жизни, оказывает влияние на речевое поведение, которое выражается определенными лексическими, грамматическими, фонетическим и модальными средствами, а также речевыми приемами и стереотипами разного пола. Гендерные стереотипы находят свое отражение в художественной литературе, будучи пропущенными автором через творческое восприятие и представление своих героев. В этом ракурсе будет проводиться и наше научное исследование.

Библиографический список

Гаранович М. В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2011. 272 с.

Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.

Ерофеева Т. И. Социолет: стратификационное исследование: Автореф. дис. …доктора филологических наук. Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург, 1995. 32 с.

Ерофеева Т. И., Ерофеева Е. В., Доценко Т. И. Пермская школа социолингвистики: теоретические и методологические основания // Вестник пермского университета. Пермь, 2010. Вып.2(8). С. 144-155.

Ерофеева Т. И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона // Вестник пермского университета. 2010. Вып. 1(7). С. 21-25.

Ерофеева Т. И. Гендерные исследования в Пермской школе социо- и психолингвистики // Сборник статей пятой всероссийской конференции «стратификация национального языка в современном российском обществе» (г. Санкт-Петербург, 28-31 ноября 2015 г.). СПб.: Златоуст, 2015. 292 с.

Каменская О. Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания. М.: Изд-во РУДОМИНО, 2002. С. 13-19.

Кирилина А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1998(2). С. 51-58.

Кирилина А. В. О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки. 2000. №.3. С. 17-22.

Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. М., 2005. №2. С. 112-132.

Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Дис. … д. н-к. Московский гос. лингвистический ун-т. М., 2007. 369 с.

Колосова О. А. Когнитивные основания языковых категорий. (На материале современного английского языка): Дис. … д. филол. наук. Москва, 1996. 356 с.

Пермякова О. В., Гаранович М. В. Гендерная стилистика: монография. Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 159 с.

Пушкарева Л. Н. Гендерный анализ и его применение к изучению истории культуры // Отечественная история. М., 1999. №1. С. 34-44.

Усманова М. В. Гендерная специфика когнитивных моделей ситуаций: на материале устных спонтанных монологов: учеб. Пособие по спецкурсу. Перм. ун-т. Пермь, 2006. 152 с.

Халеева И. И. Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2000. С.9-18.

Wang Min
Postgraduate Student of the Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

GENDER STUDIES IN THE PERM SCHOOL OF SOCIOLINGUISTICS

The article discusses the development of gender studies in the Perm School of sociolinguistics. Gender Studies is an important research topic of the Perm School of sociolinguistics, which put forward its own theoretical basis and conducted research and accompanies the following: the impact of gender factor in language, gender stereotypes and gender impact in the cognitive process, and so on.

Key words: gender studies; Perm School of sociolinguistics; sociolect; stereotype; cognitive models.

УДК 81-25

Павлова Дарья Сергеевна,
аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
pavlovads@mail.ru

ЗАВИСИМОСТЬ ЯДРА СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УСТНОГО СПОНТАННОГО ТЕКСТА ОТ ГЕНДЕРА ГОВОРЯЩЕГО

В статье рассматриваются результаты обработки части экспериментального материала – устных спонтанных текстов «о себе». Акцент сделан на влиянии фактора «гендер» на ядро семантической структуры данных текстов.

Ключевые слова: семантическая структура текста; устная речь; спонтанная речь; гендер; образование.

С середины XX в. начинается активное изучение устной речи, которое продолжается и сегодня. В лингвистике складывается несколько точек зрения на то, что представляет собой устная речь: текст ли это, текстоид и т.д. Мы придерживаемся точки зрения, что устный спонтанный монолог на заданную тему (материал изучения) является текстом. Не углубляясь в рассмотрение различных подходов к тексту, отметим, что мы склоняемся к пониманию текста, сформулированному в рамках петербургской лингвистической школы, и в качестве рабочего определения текста примем определение, данное Ю.С. Масловым: «В лингвистике термином “текст” обозначают не только записанный, зафиксированный так или иначе текст, но и любое кем-то созданное “речевое произведение” любой протяженности – от однословной реплики до целого рассказа, поэмы или книги» [Маслов 1998: 11].

Далее мы будем говорить о семантической структуре текста, следовательно, необходимо определиться с термином. Понятие «структура» является в настоящее время одним из центральных в языкознании. Основными признаками структуры текста являются цельность и связность [см. Баринова 2006; Ерофеева, Кудлаева 2003; Леонтьев 1974; Мурзин, Штерн 1991; Сахарный 1989; Тураева 1986 и др.]. Понятие структуры применительно к тексту предполагает еще один параметр – цельность объекта.

На наш взгляд, семантическая структура текста строится следующим образом. В тексте в каждом поле существует локальная связность, все элементы одного поля связаны и по смыслу, и

© Павлова Д.С., 2016

грамматически. Между полями существует глобальная связность, некая скрепа, благодаря которой текст получается связным, существуют переходы от одного поля к другому. Вследствие общих типов связности текст приобретает цельность. Таким образом, получается, что мы идем от уровня локальной связности через глобальную связность к цельности. Исследование связности и цельности текста дает нам представление о семантической структуре текста.

В статье рассмотрим расшифровки аудиозаписей 16 спонтанных устных монологов «О себе» из архива лаборатории прикладных и экспериментальных лингвистических исследований при кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета. Стоит отметить, что это лишь часть исследуемого материала. Социальные характеристики информантов, которые являются авторами изучаемых текстов, сбалансированы по факторам «гендер» (мужчина, женщина) и «возраст» (25–34 года, 35–44 года). Фактор «образование» в данной выборке нивелировался, т.к. все информанты имеют высшее образование.

Обратимся к ядру семантической структуры текстов (см. табл.) и сделаем акцент на факторе «гендер». Общими для текстов мужчин и женщин стали поля Я и ЧЕЛОВЕК. Очевидно, это обусловлено темой, заданной информантам: все информанты говорили о себе и о людях вокруг.

№	Поля	м	ж
1	Я	8	8
2	Образование	5	3
3	Профессиональная деятельность	5	6
4	Родственные отношения	3	7
5	Дружественные отношения	1	2
6	Эмоциональное состояние	1	3
7	Пол/возраст	3	1
8	Досуг/культура	2	4
9	Время	1	1
10	Коммуникация	0	3
11	Интеллектуальная деятельность	3	4

Поле ОБРАЗОВАНИЕ чаще является ядерным в текстах мужчин (5 против 3). Здесь стоит отметить, что все информанты имеют высшее образование.

Поле ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ встречается в ядре текстов 6 женщин и 5 мужчин. Отметим, что это поле является ядерным для всех информантов-женщин в возрасте от 25 до 34 лет.

Поле РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ чаще является ядерным в текстах женщин (7 против 3). С одной стороны, женщине важно утвердиться в обществе в плане профессии, с другой стороны – семья является неотъемлемой и очень важной частью жизни женщины.

Поле ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ входит в ядро в текстах 2 женщин и 1 мужчины. Отметим, что компоненты этого поля встречаются в большем количестве текстов, однако ядерным это поле является только для трех текстов.

Поле ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ вошло в ядро структуры текстов 3 женщин и 1 мужчины. Все-таки для мужчин важнее рациональность, а для женщин – эмоциональность.

В ядро 3 текстов мужчин и лишь 1 текста женщины вошло поле ПОЛ/ВОЗРАСТ. По всей видимости, для мужчин половозрастные характеристики оказываются важнее, чем для женщины.

Поля ДОСУГ и КУЛЬТУРА чаще встречаются в текстах женщин (4 против 2). Женщины с большим желанием рассказывают о том, чем занимаются в свободное время, что читают, что смотрят и т.д.

Поле ВРЕМЯ явилось ядерным для 1 текста мужчины и для 1 текста женщины. Поле КОММУНИКАЦИЯ вошло в ядро только в текстах женщин (3).

Кроме того, только в текстах мужчин как ядерные реализованы семантические поля ВОЕННАЯ СЛУЖБА, ОЦЕНКА, СУЩЕСТВОВАНИЕ. С одной стороны, мы наблюдаем в этом отражение опыта социальной группы, с другой – внимание к осмыслению философских основ жизни. Интересно, что деятельность также осмысляется мужчинами и женщинами по-разному: мужчины включили в ядерную зону всякую АКТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, в то время как женщины скорее делают акцент на ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ и ДОСУГЕ.

Таким образом, результаты пилотного эксперимента, проведенного в 2014 г., подтверждаются продолжающимся исследованием. Как видим, различия ядер семантической структуры в зависимости от фактора «гендер» не очень существенные. Есть вероятность, что это связано с наличием высшего образования у рассмотренных информантов. Оно как будто отчасти стирает гендерные границы.

Стереотипные ожидания о связи определенных семантических зон с социальными группами вполне оправдываются. Это позволяет думать, что выявленные тенденции социального варьирования текста могут быть подтверждены на более представительном материале, и позволяет поставить задачу дальнейшего изучения этого вопроса.

Библиографический список

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1998. 272 с.

Баринова И.А. Ключевые слова в смысловой структуре текста // …Слово отзовется: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного / Перм. ун-т. Пермь, 2006. С. 68–72.

Ерофеева Е.В., Кудлаева А.Н. К вопросу о соотношении понятий ТЕКСТ и ДИСКУРС // Проблемы социо- и психолингвистики: сб.: ст. / под ред. Т.И. Ерофеевой. Пермь, 2003. Вып. 3. С. 28–36.

Леонтьев А.А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста. М., 1974. Ч.1. С. 169–172.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 172 с.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 184 с.

Тураева З.Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.

D. S. Pavlova
Postgraduate Student of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

THE DEPENDENCE OF CORE SEMANTIC STRUCTURE SPONTANEOUS ORAL TEXT OF SPEAKER'S GENDER

The paper deals with the results of the processing of the experimental data – spontaneous oral texts "about themselves". Emphasis is made on identification of factors "gender" influence at the core on the verbal text semantic structure.

Key words: semantic structure of text; spoken language; spontaneous speech; gender; education.

УДК 81'373.612.2

Пахомов Леонид Валерьевич
аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
pahomov_l@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВОКАЛЬНЫХ МЕТАФОР

Данное исследование посвящено особенностям моделирования вокальных метафор. В статье предлагается альтернативная двухмерная модель, основанная на соотношении слотов фреймов источника и мишени метафоры. Кроме того, демонстрируются построения трехмерной модели вокальной метафоры, усложненные взаимодействием слотов не только между фреймами источника и мишени, но и внутри каждого из них.

Ключевые слова: моделирование; метафора; вокальная метафора; фреймовая семантика.

Структурирование одной сферы опыта в терминах другой понимается как метафоризация. Знания из области опыта – источника метафоры – переносятся в другую область – мишень метафоры.

Подобное понимание метафоризации перекликается с подходом автора теории фреймов М. Минского, по мнению которого фрейм – «один из способов представления стереотипной ситуации» [Минский 1988: 289]. Метафора, по М. Минскому, «способствует образованию непредсказуемых межфреймовых связей, обладающих большой эвристической силой» [цит. по: Арутюнова 1990: 14]. Язык фреймов удобен для описания процессов метафоризации именно потому, что это «типичный метаязык представления знаний, который не делает различий между лингвистической и экстралингвистической информацией» [Баранов 1991: 186]. При таком подходе метафоризация предстает как совокупность формальных процедур над двумя или более фреймами.

В рамках настоящего исследования мы обращаемся к понятию вокальной метафоры. Вокальная метафора – это метафора, описывающая физиологические действия певца при постановке голоса. Исследование метафор в речи преподавателей вокала проводилось в период 2013–2015 гг. В качестве информантов были привлечены 4 преподавателя вокала кафедры сольного пения Пермского государственного института культуры. Для сбора материала исследования применялся метод открытого наблюдения с обозначением цели своего присутствия и с применением технических средств. Было

© Пахомов Л.В., 2016

осуществлено записывание занятий по сольному пению на диктофон в количестве 8 аудиозаписей (2 записи на каждого информанта) средней продолжительностью 51 минута, расшифровка записей речи преподавателей. Для выявления метафор в речи преподавателей вокала применялся семантический анализ текста, а также контекстный анализ, поскольку именно в контексте метафора реализует и активизирует свое значение. Общее число метафор, употребленных преподавателями вокала в записанных уроках, составило 517 единиц.

Анализ вокальных метафор осуществлялся с помощью метода фреймовой семантики. Это метод когнитивного и семантического моделирования языка, помогающий изучить взаимодействие семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания, мыслительного пространства. Как отмечает Н.Н. Болдырев, метод фреймовой семантики позволяет смоделировать «принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации» [Болдырев 2004: 29]. Данный метод позволяет установить область знания, с которой связаны вокальные метафоры, и определенным образом ее структурировать, т. е. смоделировать фреймы, определяющие данные значения.

При таком подходе метафоризация предстает как совокупность формальных процедур над двумя или более фреймами: фреймом источника метафоры, фреймом мишени метафоры. С этой точки зрения процесс метафоризации близок к модели рассуждения по аналогии, в основе которой лежит представление о передаче информации, или знаний, между двумя ментальными областями: областью-источником и областью-мишенью. Выделение слотов фреймов области-источника и области-мишени вокальных метафор проводилось на основании данных словарей: «Толкового идеографического словаря русских глаголов» [2001] и «Большого толкового словаря русских существительных» [2005] под редакцией И.О. Бабенко.

Вокальная метафора имеет следующую структуру: 1) область-источник (исходная понятийная область, включающая знания из области опыта); 2) область-мишень (новая или более абстрактная понятийная область); 3) относящиеся к исходной и новой понятийной области фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент, структурирующий соответствующую понятийную сферу; 4) слоты как иерархически организованные конечные элементы фреймов области-источника и области-мишени.

Моделирование вокальных метафор может быть реализовано построением моделей различной степени детализации. Например,

модель метафоры как соотношение фрейма (концепта) области-источника с фреймом (концептом) области-мишени является самым простым типом моделей метафоры, представленным в многочисленных исследованиях [Баранов 2004; Колотнина 2001; Полякова 2011; Уткина 2006; Чудинов 2003]. Такой тип моделей назовем одномерной моделью метафоры, основанной на одном фрейме области-источника. Одномерная модель метафоры эффективна только тогда, когда метафоры основываются на простом соотношении источника и мишени.

В рамках нашего исследования мы предлагаем **двухмерную модель вокальных метафор**, построенную на основании не одного фрейма области-источника, а на соотношении слотов, выделенных и описанных в структуре фреймов области-источника и области-мишени.

Двухмерная модель вокальных метафор-1 позволяет выделить наиболее частотные соотношения слотов фрейма-1 области-источника и слотов фрейма-1 области-мишени вокальной метафоры. Перечислим самые частотные соотношения слотов.

Физическое воздействие – Физиологическое состояние (32%): *не дави на гортань*; *открыть мягкое нёбо*; *пусти струечку воздуха*; *не давить на звук*; *взяла вертикалечку*; *пало нёбо*; *опускай дыхание*; *разваленный звук*; *распяленный звук* и др.

Функциональное состояние – Физиологическое состояние (18%): *губы отсутствуют*; *мужчина в соку*; *горло свободное*; *голову наполняй назад*; *фронтально работай*; *насыщай голову*; *шея врастать должна*; *рёбра раздвигаются* и пр.

Физиологическое действие – Физиологическое состояние (11%): *вдыхать звук*; *всасывай ноточку*; *дыши в звёздочку*; *не кушайте цветы глоткой*; *вдохнул в переносицу* и др.

Движение – Физиологическое состояние (7%): *идёт зажим*; *идёт выравнивание*; *высота купола мигрирует*; *струечка вокруг Земли может обернуться*; *в подвал шагай дыханием*.

Помещение – Качество звука (7%): *собрать звук в одном месте*; *на струечку нанизывай слова*; *буковка у-у-у собирает ноточки*.

Таким образом, в двухмерной модели вокальных метафор-1 самым представительными являются следующие соотношения.

1. **Физическое воздействие – Физиологическое состояние.**

Это соотношение фреймов показывает, что самое важное в вокализации – это состояние, предполагающее комплексную работу певческого аппарата, основанную на дыхании. При этом система элементов осмысляется как поддающаяся воздействию (*не дави на гортань, открыть мягкое нёбо*). Интересно, что само дыхание также осмысляется как подверженное физическому воздействию (например, его можно *опускать, поднимать, запирать, жать*).

2. **Функциональное состояние – Физиологическое состояние.**

Значимость данного соотношения доказывает, что пение – это, прежде всего, состояние: как состояние вокализации, то есть правильное звуковедение и воздуховедение, так и «совокупность» состояний элементов (например, *губы должны отсутствовать*, горло – *в свободном состоянии*, голова – в состоянии *насыщения* и т.д.).

3. **Физиологическое действие – Физиологическое состояние.**

Пение физиологично по своей природе, несмотря на то что предполагает нехарактерные для обычного человека действия (например, использовать диафрагмальный тип дыхания или искусственно увеличивать объем нёбных областей). Пение представляется как состояние дыхания (*вдыхать звук*; *всасывать ноточку*; *дышать в точку*; *вдохнуть в переносицу*).

Двухмерная модель вокальных метафор-2, основанная на слотах фрейма-2 области-источника, представлена следующими соотношениями. **Состояние – Качество звука** (22%) (*погружайся дыханием*; *не теряй волну*). **Объект – Орган** (12%) (*отпускай губы*; *зажимается глоточка*; *подцепляешь гортань*). **Место – Качество звука** (11%) (*рёбра раздвигаются*; *насыщай голову*; *до головы не доводишь дыхание*). **Звук – Качество звука** (10%) (*звук будет заваливаться*; *выбросила в рот звук*). **Объект – Качество звука** (9%) (*не тормози зубами*; *не роняй слово*; *шея врастать должна*; *голова на грудь села*). **Фокус – Объем звука** (9%) (*собрать звук в одном месте*; *распяливать штучечку*; *наконечник потеряли*; *дыши в звёздочку*).

Построение модели вокальных метафор, основанной на соотношении слотов фрейма-2 области-источника и слотов фрейма-2 области-мишени, позволяет сделать следующие выводы. Самыми репрезентативными являются следующие соотношения.

1. **Состояние – Качество звука** (22 %)**.**

Данное соотношение в очередной раз показывает, что от состояния дыхания и всех элементов вокализации зависит качество пения.

2. **Объект – Орган** (12 %).

Несмотря на то что пение осуществляется во взаимной работе элементов системы, необходимо выделить или объективировать каждый элемент.

3. **Место – Качество звука** (11 %).

Представляется считать возможным, что пение предполагает активизацию не только определенного органа, но и места вокализации. Работа каждого составляющего вокальную систему элемента влияет на качественные характеристики пения.

Построенные двухмерные модели метафор позволяют сделать важные выводы о структуре фреймов области-источника и области-

мишени в вокальной метафоре. Однако, как показало исследование фреймов области-источника и области-мишени, вокальная метафора представляет собой не простое соотношение фреймов области-источника и соответствующих им фреймов области-мишени. Выяснилось, что внутри фреймов области-источника и фреймов области-мишени могут быть выделены соотношения слотов. Каждый слот входит в иерархическую структуру фрейма: слоты верхнего уровня отражают, устойчивые, конвенциональные признаки фрейма. Из этого следует, что при моделировании вокальной метафоры необходимо учитывать когнитивную значимость каждого слота фреймов области-источника и области-мишени. Если слот наиболее частотен, входит в ядро фрейма, то его влияние на слоты другого фрейма будет особенно значительным. В связи с вышесказанным, предложим **трехмерную модель метафоры**, основанную на нескольких фреймах области-источника.

Так, если слот ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ (35,8 %) является самым устойчивым, ядерным компонентом фрейма-1 области-источника вокальной метафоры, а слот ФОРМА (10,9 %) менее частотен, то можно предположить, что слот ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ будет более значим не только в соотношении со слотами фрейма-1 области-мишени, но и со слотами фрейма-2 области-мишени. Например, в вокальной метафоре *купол зажимается* слот ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ фрейма-1 источника будет соотноситься как со слотом фрейма-1 мишени – ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ, так и со слотом фрейма-2 – ОРГАН.

Приведем пример взаимодействия слотов. Вокальная метафора *уронить купол* включает следующие слоты фрейма: ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ (фрейм-1 источника метафоры), МЕСТО (фрейм-2 источника метафоры), ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ (фрейм-1 мишени метафоры), ОРГАН (фрейм-2 мишени метафоры). Так, слияние фреймов ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ и МЕСТО переносится на ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ. *Уронить купол* – метафора, описывающая прекращенние растяжения мягкого нёба, которое влечет нарушение звуковедения. Иными словами, метафора *уронить купол* – это такое ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ на МЕСТО, при котором меняется ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОТОЯНИЕ.

Таким образом, моделирование метафор обязательно предполагает характеристику не только фреймов области-источника, но и фреймов области-мишени. Вокальная метафора представляет собой многомерную структуру, в которой происходит взаимодействие слотов фреймов областей-источников между собой и соотношение со слотами фреймов области-мишени. Двухмерные модели вокальных метафор позволяют

выделить наиболее значимые связи между слотами фреймов двух ментальных областей. Тем не менее, возникает потребность в построении многомерных моделей метафоры, учитывающих смешение слотов фреймов, что позволяет выявить сущностные характеристики вокальных метафор.

Библиографический список

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. 193 с.

Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Изв. Академии наук. Сер. лит. и яз., 2004. т. 63. № 1. С. 33–43.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

Большой толковый словарь русских существительных / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

Колотнина Е. В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 261 с.

Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 291–294.

Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание / под. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 698 с.

Уткина Т. И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты): автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2006. 26 с.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.

L.V. Pakhomov
Postgraduate Student of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

PERSPECTIVES OF VOCAL METAPHOR'S MODELING

The paper focuses on features of vocal metaphor's modeling. In this research is proposed an alternative two-dimensional model based on the correlation of source and target slots of metaphors. Besides, we demonstrate the construction of three-dimensional vocal metaphor model wich is complicated interaction of slots not only between the source and the target frames, and within each of them.

Key words: modeling; metaphor; vocal metaphor; frame semantics.

УДК 81’42:659

Тихомирова Лариса Сергеевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tikhomirova.lar@yandex.ru

ФЕНОМЕН ШОКА В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

(*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-00575*)

Статья раскрывает содержание понятия «шоковой рекламы» как особого вида социальной рекламы. Этот тип рекламы призван эпатировать публику не только визуальным, но и вербальным образом. В статье проанализированы основные факторы, влияющие на эмоциональное состояние адресата рекламы (наличие бранной и нелитературной лексики, открытое комментирование сексуальных тем, демонстрация насилия и его последствий, искусственно смоделированная ситуация, доведенная до трагедии, и др.).

Ключевые слова: социальная реклама; шоковая реклама; текст; речевые и этические нарушения в социальной (шоковой) рекламе.

Как известно, социальная реклама вызывает у потребителя самый разнообразный спектр эмоций: от чувства ответственности, самоудовлетворения до сочувствия, стыда, сожаления, шока.

Шок в социальной рекламе, по мнению Ю.А. Шерковина, играет «гипнотическую роль» [Шерковин 2012: 34]. Шоковая реклама использует эмоционально сильные образы, которые буквально врезаются в сознание потребителя и способствуют продажам. Такая «эпатирующая» реклама привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов [Беликов 2008; Дыков 2009; Schwartz 2007; Larson 2012 и др.]. Ее называют «шоковой» (агрессивной) рекламой, поскольку «визуальная составляющая представляет собой иллюстрацию причинения физического или морального вреда живым организмам или неживым предметам или изображение визуального предположения о том, что может быть нанесен этот вред» [Дыков 2009: 98].

Данная статья посвящена особенностям изучения вербальных и невербальных единиц шоковой рекламы с точки зрения этических (эстетических) и речевых норм.

Примечательной чертой шоковой рекламы является ее гипербализация (преувеличение). Именно на ней построено

© Тихомирова Л.С., 2016

большинство роликов и текстов шоковой рекламы. Если в такой рекламе, например, изображена авария, то она обязательно с человеческими жертвами, если пациент, то он обязательно болен смертельной болезнью. Зритель такой рекламы может забыть идею, которую заключает в себе ролик, но шокирующий образ останется у него в памяти навсегда. Например, реклама предостережения от курения с натуралистичным изображением распоротого горла мужчины сопровождается воздействующим текстом: *Подари себе рак горла* [1].

В указанном примере мы наблюдаем агрессию не только через визуальную демонстрацию угрозы жизни, но и утверждающую фразу причинения себе смертельной болезни («подари себе рак…»). В данном случае и подобных ему поднимается проблема, но не находятся пути ее решения. Если бы негативный шаблон был заменен, например, на слоган: *Хочешь бросить курить? Узнай, какой способ подойдет именно для тебя на сайте кампании…,* то «смягчение» требования бросить курить исключило бы побочный эмоциональный эффект.

Проанализировав социальную рекламу с позиции этической допустимости интернетроликов, мы заметили следующие нарушения речевого и этического поведения в тексте.

Во-первых, **использование инвективной лексики**. Цель использования ненормативной лексики в социальной рекламе – шокировать аудиторию, максимально на нее воздействовать [2]. Здесь, как правило, мы наблюдаем шоковый элемент в качестве оскорбления, унижения, что недопустимо с этической точки зрения.

Например, белый щит, который полностью исписан бранной лексикой. Под щитом слоган: *Ваш ребенок чистый лист. Кто рядом, тот и заполняет* [3].

Приведенная выше реклама носит «воспитательный» характер, обращая внимание на окружение ребенка.

Во-вторых, **открытая трансляция сексуальных сцен**, которые нарушают морально-этические каноны общества. Это можно встретить в рекламе профилактики СПИДА/ВИЧ. Такие ролики могут смущать и раздражать некоторые сегменты аудитории. Например, тексты таких реклам: *La sky. Доверяй и надевай* [4].

Или: *Каждый раз, когда Вы вступаете в отношения,*

Вы открываете дверь в его прошлое [5].

Определить границу дозволенности сексуально-ориентированного характера рекламы очень сложно, поскольку прекрасно выполненный с рекламной (коммерческой) точки зрения ролик, он не всегда может оказаться приемлемым с морально-этической точки зрения для массовой аудитории.

В-третьих, **открытая демонстрация насилия или его последствий**. Например, реклама «Против войны, террора» с изображением трупов, жестокого насилия над детьми (людьми) сопровождается несколько легким (даже ироничным) текстом: *Пока мир не такой безопасный – надень шлем* [6].

«Шоковые» ролики с натуралистической демонстрацией человеческих смертей могут оказаться полезными для какой-то узкой целевой аудитории, в то время как на массового зрителя подобные «эпатажные» сцены будут оказывать отрицательное психоэмоциональное воздействие.

В-четвертых, **использование образов детей в сценах насилия**. Показана дверь и слоган: *Осторожно. Здесь злые родители* [7].

Приведем еще один пример, в котором ребенок передает атмосферу семьи через рисунки с надписями: *Папа много работает и пьет. А потом приходит домой. Запирает маму… и… А я снова упал с лестницы* [8].

Следует заметить, что реклама против насилия детей сопровождается жуткой, проникновенной визуальной картинкой и намеренно легким, непринужденным слогоном-текстом («Здесь злые родители», А я снова упал с лестницы»…). Такая авторская тактика концентрирует внимание адресата на визуализации трагического детского образа. В примере следующей рекламы дети затмевают взрослых, повторяя все их действия с ужасающей точностью:

Я курю только когда выпью. Мой дед курил до 90 лет. Если бы меня кто-нибудь заставил, я бы бросила. После секса приятно покурить вдвоем.

Рак от курения полностью не доказан. Я боюсь, что меня «разнесет». У меня сложный период в жизни….

В конце рекламного сюжета появляется текст: *Это просто детские отмазки* [9].

В данном случае финал с ироничной фразой «детские отмазки» вызывает неоднозначное понимание у зрителя. В этом ролике герои – дети, и эпитет «детские» должен относится к ним. Второе понимание, связанное с языковой игрой «детские отмазки», заставляет взрослого адресата задуматься о причине невозможности многих людей бросить курить.

В-пятых, **смоделированная ситуация, доведенная до трагедии:** *Я отличный пловец. Буйки – для трусов. Я легко переплыву Енисей в любом состоянии. А в прошлом году я не рассчитал силы и утонул. Излишняя самоуверенность может привести к летальному исходу. Будьте осторожны во время купального сезона* [10].

В данной рекламе представлена смоделированная (фантазийная) ситуация, которая вопреки ожиданиям читателя приводит к трагедии. Такой манипулятивный прием «от обратного» сильно воздействует на эмоциональную сферу человека.

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить, что нормативный и этический аспекты рекламы остаются слабоизученными и юридически мало регламентированными. На сегодняшний день нет четких критериев, определяющих степень использования элементов эпатажа в социальной рекламе.

Безусловно, шоковая реклама – сложный и многогранный феномен. Спорным остается вопрос об эффективности воздействия шоковой рекламы на адресата. Многие исследователи предостерегают использовать элементы шоковой рекламы. Так, С. Селиверстов подчеркивает, что «сознание обывателя не способно воспринимать и долго удерживать в памяти информацию, которая сильно его напугала и потрясла. Сцены жестоких расправ с человеком заставляют потребителя отвернуться и забыть о таком ролике» [Селиверстов 2007: 110]. С. Бочков, член Союза создателей социальной рекламы, так комментирует шоковую социальную рекламу: «Шок часто используют в западной рекламе. Мирное течение жизни останавливается шокирующей информацией, чтобы заставить людей задуматься о несчастиях, проблемах общества. Другое дело, что для России, которая пережила столько шоков, подобные приемы использовать бесчеловечно. Считаю, что их использовать неуместно» [11]. В одной из статей Ю. Беликов подчеркивает, что «влияя на психику человека, мы так же влияем на процессы, происходящие в его организме. Многократно повторяемая фраза типа “курение приводит к раку” может спровоцировать психосоматическую природу многих заболеваний, опасных для жизнедеятельности человека» [Беликов 2008: 14].

Таким образом, в шоковой социальной рекламе внушение определенных установок в сознание адресата осуществляется, как это звучит ни парадоксально, без развернутой аргументации. Шоковая реклама строится полностью на эмоционально-воздействующей функции, определяющей страх, ужас, неприятие у целевой аудитории. Поэтому популярное сегодня обращение к шоковой рекламе не всегда оказывается оправданным из-за морально-этических нарушений некоторых приемов, воздействие которых на зрителя / читателя приводит к нарушению их психоэмоционального баланса и другим негативным последствиям.

Библиографический список

Беликов Ю. Просто убийственная забота. // Бизнес-журнал. М., 2008. №11. С.14.

Дыкин Р. В. Эффективность социальной рекламы: некоторые аспекты проблемы // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. 2009. №1. С.141-149.

Селиверстов С. Э. Социальная реклама: искусство воздействия словом. Самара: Бахрах., 2007. 288с.

Шерковин Ю. А. Социальная психология и пропаганда // Проблемы социальной психологии и пропаганды. М.: Полит, лит., 2012. 56 с.

Schwartz H. "Social Problems" // Social Problems. Vol. 44 (2). May 2007. Pp. 276-296.

Larson Ch., 2012. Shock: Reception and responsibility. Belmont. California: 231.

Список источников

1. http://yandex.ru/images (дата обращения: 03.06.2016).
2. http://kuzbass85.ru/2010/12/22/nuzhna-li-zhestkaya-sotsialnaya-reklama (дата обращения: 03.06.2016).
3. http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/reklamu-v-zaschitu-detej-sdelali-s-chistogo-lista (дата обращения: 03.06.2016).
4. http://www.sostav.ru/ (дата обращения: 03.06.2016).
5. http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/luchshie-obrazcy-socialnoj-reklamy-139605/ (дата обращения: 03.06.2016).
6. http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/luchshie-obrazcy-socialnoj-reklamy-139605/ (дата обращения: 05.06.2016).
7. http://yandex.ru/video/ (дата обращения: 03.06.2016).
8. *http://yandex.ru/video/* (дата обращения: 06.06.2016).
9. *http://opomnis.ru/load/video/kak_brosit_kurit/detskie_otmazki/5-1-0-42* (дата обращения: 03.06.2016).
10. http://myshared.ru (дата обращения: 07.06.2016).
11. http://www.advertology.ru (дата обращения: 03.06.2016).

L.S. Tikhomirova
Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

SHOCK PHENOMENON IN THE SOCIAL ADVERTISING

The article reveals the content of the notion of «shok ad» as a special kind of social advertisement, which is being spread in the general field of publicity. The mentioned kind of advertisement calls upon to shock and epater the audience not only through visual, but verbal way. In the paper the main factors affecting the emotional state of the addressee are examined and analyzed (the presence of swear words and colloqual vocabulary, open commenting on sexual topics, the demonstration of violence and its consequences, the situation artificially modeled and led to tragedy, etc).

Key words: social advertisement; text; speech and ethical divergence in the social (shock) advertisement.

УДК 81’243

Худякова Екатерина Сергеевна
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Khudiakova.es@gmail.com

ПРИМЕНИМОСТЬ ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВОЙ ТРАНСФЕР» К СИТУАЦИИ БЛИЗКОРОДСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА

В статье рассматривается проблема эвристичности понятия «языковой трансфер» при исследовании учебного близкородственного билингвизма (на примере русско-чешского билингвизма). Показано, что данное понятие, весьма популярное в западной лингвистике, не охватывает важных особенностей промежуточного языка, не обусловленных переносом из материнского языка учащегося.

Ключевые слова: языковой трансфер; учебный билингвизм; близкородственные языки; промежуточный язык.

В отечественной литературе для характеристики всех явлений билингвизма, обусловленных влиянием субстратного языка на суперстратный, до сих пор используется понятие интерференции. Предложено множество классификаций билингвизма, в том числе по условиям овладения вторым языком [Хауген 1972: 76-77]. Нас в данном аспекте интересует учебный билингвизм, при котором язык изучается в отрыве от естественной языковой среды, в основном в учебной аудитории [Залевская, Медведева 2003: 7]. При анализе существования двух языковых систем в сознании индивида вводится понятие промежуточного языка (interlanguage), а основным методом его анализа становится анализ ошибок [Залевская 2009: 19]. Ошибки могут объясняться внутриязыковой интерференцией: недостаточным усвоением правил изучаемого языка, в результате чего происходит смешение элементов этого же языка; в этом случае ошибки связаны с механизмами упрощения овладением вторым языком (свергенерацией, игнорированием ограничений на применение, неполнотой применения правила, ошибочными гипотезами о применимости). Ошибки при межъязыковой интерференции связаны с переносом системных особенностей первого языка на второй [Там же: 18].

Однако в мировой традиции для характеристики процесса усвоения второго языка принят иной термин, а именно языковой

© Худякова Е.С., 2016

трансфер, обозначающий «множество факторов, при которых родной язык или какой-либо предшествующий усвоенный язык влияет на усвоение нового языка» [Odlin 2001: 499]. Заметим здесь, что вполне очевидные психолингвистические процессы, связанные с новыми свойствами промежуточного языка (продукта творчества, обусловленного не только переносом из первого языка) полностью игнорируются. Трансфер имеет когнитивную трактовку: это «и процесс, и результат смешения ментальных репрезентаций грамматических знаний» языка – цели (второго языка, усвоенного, TL[1]) и родного языка (NL[2]), причем влияние в данном случае идет от материнского языка к языку-цели (NL→TL). Обратный этому процесс влияния второго языка на родной называют заимствующим трансфером.

Проблематика языкового трансфера включает целое терминологическое поле. Наиболее близки понятию *трансфер* понятия *смешение языков* (language mixing), *интерференция* и *межъязыковое влияние* (cross-linguistic influence). Однако, как считает Т. Одлин, смешение – более широкое понятие и, кроме языкового трансфера, включает и заимствующий трансфер, и переключение кодов [Odlin 2001: 499]. Термин интерференция в мировой традиции применяется в двух случаях – для характеристики нежелательных случаев трансфера (ошибок) и для характеристики индивидуального психологического конструкта в сознании индивида в процессе влияния его материнского языка на второй язык (становится термином психолингвистическим). Отношения трансфера и межъязыкового влияния не столь однозначны: часть исследователей считают их абсолютными синонимами (напр., [Odlin 1989]), другие считают межъязыковое влияние более широким термином, включающим весь комплекс эффектов взаимодействия двух языков, в то время как трансфер предполагает инкорпорацию черт материнского языка в язык-цель [Kellerman & Sharwood-Smith 1986].

Разделяют позитивный и негативный языковой трансфер. Для их различения применяют статистический критерий: в случае, если частота единицы в родном языке и в языке-цели одинакова и близка частоте во втором языке индивида, говорят о позитивном трансфере. При различии частот единицы во втором языке информанта и в языке – цели при близости частот этой единицы во втором языке и в родном языке говорят о негативном трансфере [Beebe & others 1990: 57] (см. схему 1).

---

[1] TL – target language, язык-цель как идеальный конструкт. Следует отличать от IL – interlanguage, второго языка – реального языка с чертами трансфера, свойственного конкретному индивиду.

[2] NL – native language.

Схема 1. Типы языкового трансфера
R (NL) ≈ R (TL); R (TL) ≈ R (IL) – позитивный трансфер
R (NL) ≠ R (TL): R (NL) ≈ R (IL) – негативный трансфер
R (NL) ≠ R (TL): R (TL) ≈ R (IL) - 0 трансфер

Однако, по-видимому, верифицируемым является только негативный трансфер (условно называемый «ошибкой»), поскольку отсутствие ошибки еще не является показателем позитивного трансфера (в формулах типов трансферов отсутствуют случаи, когда частоты единицы в родном и в языке-цели различны, но во втором языке индивида частота приближается к частоте в языке-цели, что также является одним из вариантов усвоения второго языка по Й. Майзелу) [Meisel 2011: 112]. Кроме того, сложность верификации понятий «негативный» и «позитивный» трансфер связана с необходимостью подсчета речевой вероятности (например, по корпусным данным), и языковой вероятности (по данным индивидуальной речи информанта, которых обычно недостаточно для нормальных количественных выводов при исследовании учебного билингвизма вне страны изучаемого языка). Попросту, русские студенты не так часто говорят по-чешски, чтобы считать эти данные нормальными для сравнения с корпусными данными для чешского и русского языков. Кроме того, сами корпусные данные, в идеале приближающиеся к генеральной совокупности, могут затемнять статистику: например, в национальном корпусе чешского языка обнаружены 34 случая «аграмматичного» агентивного возвратного пассива (при величине выборки в 76 форм возвратного пассива) [ČNK: эл. ресурс]. В национальном корпусе русского языка обнаружено 46 форм агентивного возвратного пассива (при величине выборки 102 единицы) [Национальный корпус русского языка: эл. ресурс]. Как видим, речевые вероятности не столь существенно различаются, при этом носители чешского языка агентивные возвратно-пассивные конструкции назвали бы «ошибкой» [Cvrček 2010: 211], а по критериям Л. Биба – это явно случаи позитивного трансфера.

С точки зрения успешности межъязыковой коммуникации на втором языке важны случаи именно негативного трансфера. Поэтому в данной статье рассмотрены примеры негативного трансфера (типичные ошибки в чешской речи русских).

Данная статья ориентирована на методические подходы к трансферу, перечисленные К. Коном. Во-первых, предполагается изучение трансферного потенциала, то есть предварительных условий появления трансфера, базирующихся на структурном сходстве или

различии родного языка и языка-цели. Во-вторых, должны быть проанализированы трансферные паттерны – результаты трансфера – ошибки, выявляемые путем сравнения языка-цели и второго языка информанта. В-третьих, исследуется трансфер как процесс, что предполагает изучение ошибок как единственной «видимой» части процесса трансфера в сопряженности с лингвистической, деятельностной и ценностной предрасположенностью информантов [Kohn 1989: 21]. Тем самым ошибки должны рассматриваться как результат психолингвистических процессов, проявляющихся на уровне грамматики.

Поскольку нас интересует учебный билингвизм, в целом характеризующийся преобладанием письменной формы речи над устной, материалом выступили 20 неспонтанных (со стимулом-изображением) письменных текстов на чешском языке, собранные от 20 студенток-филологов в возрасте от 18 до 24 лет, для которых родным языком является русский.

По схеме К. Кона рассмотрим типологические и генетические условия трансфера.

Генетически чешский язык относится к западнославянской подгруппе славянских языков. В силу культурно-исторических условий его также относят к ареальной группе немецкого (наряду с другими языками стран, входивших в Австро-Венгерскую империю), С.С. Скорвид отмечает ряд фонетических процессов трансфера из немецкого (например, формирование среднеевропейского l), к грамматическим ареальным чертам относят прежде всего функционирование категории определенности / неопределенности (выражаемой парадигмой метоимения ten) (по нашему мнению, скорее категории пространственного дейксиса, так как определенность / неопределенность в чешском связаны с реализацией значения пространственной близости / отдаленности и видимости / невидимости объекта для адресанта), а также habere-конструкции в посессивном и модальном значении. Последнее также вызывает сомнения, так как habere-конструкции регулярно используются в других славянских языках, не относящихся к немецкому ареалу (подробнее см. [Мишланов 2007: 118]).

Остальные грамматические категории являются общими для русского и чешского языков, различаются лишь способы их выражения.

Далее рассмотрим наиболее типичные ошибки в чешских текстах русских студентов в соответствии со схемой К. Кона. Ошибки, ранжированные по частоте, представлены в таблице 1.

Таблица. Типология ошибок в текстах на чешском языке

Тип ошибки	Абсолют. частота	Интерференция
Формы вин. пад. мягкой разновидности	10	внутриязыковая
Формы им.п. множ. ч.	9	внутриязыковая
Согласование сущ. и прил. по роду	9	внутриязыковая
глагольное предложное управление	8	межъязыковая
формы глаголов наст. вр.	5	внутриязыковая
Синтаксическая позиция энклитик se / si	5	внутриязыковая
Опущение глагола –связки Být	4	межъязыковая
Синтаксис с кратким прилагательным «rád»	4	межъязыковая
Формы личных местоимений	4	межъязыковая
Родовая принадлежность существительных (стилистически)	3	межъязыковая
Синтаксис при пассивной конструкция	3	межъязыковая
Формы вин.п. твердой разновидности имен	2	внутриязыковая
Использование невозвратной конструкции вместо возвратной	2	внутриязыковая
Неразличение энклитик se и si	2	внутриязыковая
Формы предл.пад. сущ.ж.р.	2	межъязыковая
Формы род.п. прилагательных ж.р.	1	внутриязыковая
Аспектуальные формы	1	внутриязыковая
Формы условного наклонения	1	межъязыковая
Формы количественных числительных	1	межъязыковая
ВСЕГО	76	

Как видно из таблицы 1, самая частотная ошибка – в окончании винительного падежа существительных мягкой разновидности (10) – связана с отсутствием в русском языке особого окончания для такой разновидности («sukně» вм. «sukni»). Далее следуют ошибки в окончании имен в именительном падеже множественного числа (9) (в чешском литературном языке отличаются от русских: «zelený stormy zelené, bilí růži» вм. «bílé růže»); и в согласовании прилагательных с существительными по роду (9) («bilé svetr» вм. «bílý»; «horké den» вм. «horký»). Менее частотны ошибки в глагольном предложном управлении, обусловленные влиянием русского языка (8): («pošla v park» вм. «do parku»; «oblečená v top» вм. «do topu»; «peče za» вм. «peče o» (ср. «смотрит за цветами»)). С частотой 5 встречаются ошибки в окончаниях глаголов настоящего времени («videme» вм. «vidíme»; «prochaze» вм. «prochazí»). Частоту 5 имеют ошибки в порядке слов, обусловленные сохранением в чешском языке энклитик («Zahradník citi se dobře»), далее

следует опущение глагола-связки «být» в настоящем времени (4) («V dali (jsou) listnaté stromi»), а также ошибки в использовании конструкций с кратким прилагательным «rád» (4), требующих глагола в личной форме, а не в инфинитиве, как в русской конструкции «любить + инфинитив» («ona rada mít» вм. «má»). С меньшей частотой встречаются ошибки в использовании пассива (требуется дательный падеж), в неразличении возвратного местоимения «se» и невозвратного «si» («cití se dobře»), а также в формах личных местоимений, не совпадающих с русскими (форма «jich» (их) вм. «je»).

На полученные количественные данные мы наложили уже классические понятия внутри- и межъязыковой интерференции (в соответствии с причинами ошибки: влиянием особой системы интерлингва или родного языка). Поскольку трансфер связан с устойчивыми, то есть частотными переносами, то к собственно трансферу можно отнести только ошибки в глагольном управлении (9), опущение глагола-связки «быть» и ошибки в формах личных местоимений. Остальные ошибки, которые можно объяснить переносом форм материнского языка на изучаемый, являются малочастотными, то есть характеризуют индивидуальный трансфер в промежуточном языке. Уже сейчас видно, что при учебном близкородственном билингвизме трансфер из материнского языка не столь распространен, как можно было ожидать.

Для психолингвистического анализа ошибок мы разработали систему типов ошибок семиотического свойства (вдохновившись подходом У. Вайнрайха), при котором каждый тип связан с тем или иным отношением в пропорции форма 1 / содержание 1.

В случае с русско-чешскими сопоставительными исследованиями можно представить следующие отношения (связанные с трансфером).

Первый случай – это отсутствие грамматической категории в одном языке и присутствие ее в другом (как в случае с определенностью / неопределенностью), что, вероятно, приводит к негативному трансферу, выражаемому в полной нереализации категории.

Однако в исследуемых студенческих текстах вообще не представлены ошибки, связанные с отсутствием грамматических категорий (например, определенности). Проблема с таким «трансфером» заключается в невозможности его зафиксировать: студенты просто не реализовали данную грамматическую категорию, а оценить, почему это не произошло, не представляется возможным: это или отсутствие в тексте условий ее реализации, или избегание ее в силу неосвоенности. При близкородственном билингвизме случаев полного непересечения

категорий в принципе очень мало, а при русско-чешском – выразительно мало.

Второй тип отношений знаков в двух языках связан с присутствием категории в обоих языках при различиях в формах ее ядерного выражения (например, необходимость личных форм глагола být при образовании форм прошедшего времени глаголов в чешском литературном языке и их отсутствие в современном русском или неагентивность рефлексивно-пассивных конструкций при агентивности в русском).

К данному типу трансфера можно отнести ошибки в окончаниях имен (винительного падежа мягкой разновидности, именительного падежа множественного числа, предложного падежа единственного числа существительных женского рода, а также формы прилагательных и личных местоимений).

Ко второму типу также относятся и многочисленные ошибки в формах глаголов, обусловленные их несовпадением в родном и изучаемом языках (глагольное предложное управление, окончания глаголов в настоящем времени, синтаксическая позиция энклитик se / si, опущение глагола-связки být, использование инфинитива с кратким прилагательным «rád», синтаксис при пассивной конструкции, использование невозвратной конструкции вместо возвратной и неразличение энклитик se и si). Частично и к первому типу трансфера можно отнести ошибку в образовании формы условного наклонения глагола: в чешском языке она выражает и категорию лица (изменяется по лицам), в русском данная категория выражается лексически.

Впрочем, опущение глагола-связи být также относится к переходным случаям: она в чешском языке выражает грамматическое лицо (как и в случае с формами условного наклонения).

Ошибки в синтаксисе довольно сложно квалифицировать: в русском языке при сохранении краткого прилагательного «рад», оно не используется в конструкции, обозначающей предпочтения (вместо нее используется личная конструкция типа «Люблю читать». При этом трансфер очевиден: русскоязычные студенты используют форму инфинитива глагола вместо личной формы глагола. Эту ошибку отнесем также ко второму случаю трансфера, так как семантика конструкции, явно осознаваемая как «знакомая», влияет на форму ее реализации на изучаемом языке.

Синтаксис при пассивной конструкции также отнесем к второму типу, когда категории совпадают, а формы выражения разнятся в материнском и изучаемом языке.

Использование невозвратной конструкции вместо возвратной связано не с отсутствием категории возвратности в материнском языке, а с различием в форме ее выражения: в русском языке возвратный аффикс при кратком местоимении-энклитике в чешском. Причем относительно малое количество ошибок, связанных с полным отсутствием средства выражения возвратности (2), сочетается с частотной ошибкой в реализации синтаксической конструкции с se (ее местом в синтагме): студенты под влиянием родного языка не отрывают местоимение от глагола, используя его как постфикс.

Как видим, данный тип ошибок самый частотный, но стоит обратить внимание на формы имен: ошибки зафиксированы только в случае с конкретными несовпадающими формами, если формы имен совпадают, то все они должны квалифицироваться как позитивный трансфер? Но это не так: в текстах учебных билингвов использованы лишь субъектный, объектный и местный падежи, остальные не реализованы, что вполне закономерно и связано, кстати, не с трансфером а с уже упомянутыми механизмами упрощения при внутриязыковой интерференции.

К третьему типу отношений между знаками двух языков отнесем присутствие категории в обоих языках и совпадение форм ее ядерного выражения (категория аспектуальности, персональности и др.). Но именно здесь и кроется важная проблема в применимости понятия «трансфер» к близкородственным языкам: как можно говорить о полном совпадении форм при разных фонетических системах двух языков? Насколько «похоже» на русское окончание прилагательных женского рода в именительном падеже единственного числа чешское -á (ср. русское -ая), а на окончание прилагательных среднего рода -é (ср. русское -ое)? В случае с богатыми парадигмами словоизменения и в чешском, и в русском языках часть членов парадигм оказываются «похожими», а часть «непохожими». Тогда следует для части форм говорить о позитивном трансфере, а о части – о негативном?

Единственная ошибка в реализации аспектуальной формы является «чистым» примером данного типа переноса: категория аспектуальности даже в периферии близка русской, но формы реализации незначительно, но различаются (studenti kupujou вм. koupí), что особенно заметно в случае различий лексических единиц двух языков.

Особый случай трансфера, не учтенный западными лингвистами, – это различия в стилистической окраске / социолингвистической коннотации некоторых грамматических форм. То есть и форма, и ядерное грамматическое значение единиц могут совпадать, а стилистическая маркированность единиц в материнском и втором языке

различна. Ошибки при данном трансфере не будут относиться к грамматическим (языковым), а будут характеризовать коммуникативную уместность тех или иных языковых форм (то есть будут являться речевыми ошибками), а коммуникативная уместность в формуле позитивного / негативного трансфера вообще не учитывается. К данному типу относятся достаточно частотные употребления форм мужского рода по отношению к женщинам (нормативные в русском литературном языке и ненормативные в чешском) и 1 случай использования формы страдательного причастия (формы причастий считаются устаревшими в чешском языке).

Еще один случай, не учтенный при определении трансфера, – это совпадение и формы, и категориального значения граммемы, но наличие ошибки и в этом случае, что можно объяснить гиперкоррекцией или, что вероятнее, отсутствием соотнесенности форм родного и изучаемого языка в сознании говорящего. Таких случаев достаточно много, см., напр., ошибки в окончаниях существительных винительного падежа твердой разновидности и отсутствие согласования по роду существительных и прилагательных. Однако все эти случаи прекрасно объясняются внутриязыковой интерференцией.

Таким образом, при использовании понятия «трансфер» к близкородственным языкам вообще не учитываются явления, обусловленные внутриязыковой интерференцией, а случаи «сходства / несходства» форм двух близкородственных языков вообще не верифицируемы.

Понятие «позитивного» трансфера также неприменимо к близкородственным языкам: отсутствие ошибки еще не означает положительный перенос явления из родного языка, это может быть усвоение внутрисистемных отношений изучаемого.

То есть понятие «трансфер» с случае с близкородственным учебным билингвизмом абсолютизирует влияние компетенций родного языка и нивелирует активную позицию учащегося при усвоении системы второго языка, что может отражать компетентностную парадигму англоязычной лингвистики. Однако частотный анализ ошибок подтверждает точку зрения на творческий (как охарактеризовала его Т.В. Черниговская (цит. по [Залевская 2009: 21]), некопирующий характер промежуточного языка.

Библиографический список

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 25–60.

Залевская А. А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 6–22.

Залевская А. А., Медведева И. Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: Учебное пособие. Тверь: Тверской государственный университет, 2002. 194 с.

Мишланов В. А. Семантика русских предложений с глаголом *быть* // Филологические заметки. Сб. статей. Пермь: Пермский ун-т, 2002. С. 117–128.

Скорвид С. С. Чешский язык // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 234–274.

Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике: Языковые контакты. Вып. VI. М.: Прогресс, 1972. С. 61–80.

Beebe, L. M., Takahashi, T., & Uliss-Weltz, R. Pragmatic transfer in ESL refusals. In Scarcella, R. C., Andersen, E., & Krashen, S. C. (eds.). Developing Communicative Competence in a Second Language. New York: Newbury House, 1990. Pp. 55–73.

Cvrček, V. Mluvnice současné češtiny 1. Jak se piše a jak se mluví. Praha: Karolinum, 2010. 354 s.

Kellerman, E., & Sharwood Smith, M. Introduction. In Kellerman E., Sharwood-Smith M. (eds.) Cross-linguistic influence in second language acquisition. Oxford: Pergamon, 1986. Pp. 1–20.

Kohn K. The analysis of transfer. In Kellerman E., Sharwood-Smith M. (eds.) Crosslinguistic influence in second language acquisition and performans. Oxford: Pergamon, 1986. Pp. 21–34.

Meisel J.M. First and second language acquisition. Parallels and differences. Cambridge: CUP, 2011. 569 p.

Odlin T. Language transfer. Cambridge: CUP, 1989. 213 p.

Odlin T. Language transfer and substrates. In Mesthrie R. (ed.) Concise encyclopedia of sociolinguistics. Oxford: Elsevier, 2001. Pp. 499–503.

Национальный корпус русского языка // URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 28.06.2016).

Český národní korpus (ČNK) // URL: http://www.korpus.cz (дата обращения: 28.06.2016).

E. S. Khudiakova
Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

THE APPLICABILITY OF THE CONCEPT “LANGUAGE TRANSFER” TO THE SITUATION OF KINDRED LANGUAGES BILINGUALISM

The article considers the problem of heuristic of the notion of "language transfer" in the investigation of educational bilingualism (for instance, Russian-Czech bilingualism). It is shown that this concept is very popular in the western linguistics, jet it does not cover the important features of an interlanguage, that are not due to the learner’s maternal language transfer.

Key words: language transfer; bilingualism; interlanguage; kindred languages.

УДК 81'38:81'42

Ширинкина Мария Андреевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
m555a@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ В ОТВЕТАХ ВЛАСТИ НА ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН

Статья посвящена проблеме интерпретации правовых норм в письмах-ответах власти на обращения граждан. Рассматриваются такие механизмы построения текстов-интерпретаций: сокращение, расширение и перефразирование. Утверждается, что основная задача составителя письма-ответа – доступным, понятным языком изложить гражданину смысл законодательных положений.

Ключевые слова: официально-деловой стиль; деловое письмо; интерпретация; доступность; понятность.

В соответствии с Конституцией «граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» [Конституция РФ: статья 33]. Порядок рассмотрения обращений граждан регулирует Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», в котором определяется, что «обращение, поступившее в государственный орган… подлежит обязательному рассмотрению» [ФЗ № 59: статья 9] и государственный орган «дает письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов» [ФЗ № 59: статья 10].

Результатом описанной коммуникативной ситуации становится деловое письмо, составленное специалистом органа государственной власти и адресованное гражданину. Из сказанного ясно, что поводом для составления такого письма являются запросы граждан, на которые специалист, составитель письма, должен дать исчерпывающий ответ, чтобы не оставалось неясности, а также возможности двусмысленного толкования положений законодательства и различий в правилах поведения граждан в тех или иных правовых ситуациях.

Как же осуществляется интерпретация правовых норм в ответах на обращения граждан?

Как известно, понятие интерпретации является предметом изучения герменевтики. Интерпретацией в герменевтике называют понимание текста, постижение его смысла. В частности, по словам

© Ширинкина М.А., 2016

П. Рикера, «интерпретация – это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» [Рикер 1995: 18]. При этом «лишь потому, что текст требует этого, дело вообще доходит до толкования, и причем лишь так, как этого требует текст» [Гадамер 1988: 546].

Опишем этапы когнитивно-коммуникативной деятельности специалиста, составляющего письмо-ответ: 1) определение цели, 2) определение адресата, 3) выбор схемы построения текста, 4) языковое воплощение схемы. Цель составителя очевидна: он должен ответить на вопрос гражданина, опираясь при этом на нормативную базу. Адресат вполне конкретен: гражданин, направивший обращение в органы власти. Выбор схемы построения текста обусловлен, с одной стороны, вопросом гражданина, с другой, нормативным документом, регулирующим соответствующую сферу. Составитель письма-ответа вынужден действовать в двух направлениях: изменять объем исходного текста (выбирать информацию, необходимую для ответа) и степень его сложности (доступным языком изложить эту информацию гражданину).

Так, по признаку объема выделяют три схемы построения текста-интерпретации на основе исходного: **сокращение, расширение и перефразирование** [Карасик 1997: 69].

Вставка (или расширение) – это включение автором в текст такого элемента, которого нет в тексте-источнике. Как правило, вставка несет информативную функцию, так как содержит дополнительную информацию, важную для адекватного понимания смысла исходного текста. **Опущение** (или сокращение) – это «полное изъятие» [Васильева 1998: 211] некоторых элементов, в результате чего из текста удаляется не актуальная для автора в данный момент информация. И последний способ – «замещение некоторых “чужих” конструкций «своими»» [Васильева 1998: 211], заключающееся в **трансформации (или перефразировании)** языковых выражений исходного текста с целью более точно выразить передаваемое ими содержание. Назначение замещения, или трансформации, с одной стороны, «лаконизировать композиционные элементы», с другой – «увеличить их информационную насыщенность» [Костыгина 1999: 311]. Интерпретатор использует тот или иной способ с целью извлечь и сформировать информацию о содержании и смысле интерпретируемого текста.

По признаку сложности исходному тексту противопоставляются его перефразированные варианты, отличающиеся от исходного текста **степенью адаптации содержания или формы.** Можно сказать, что на

последнем этапе – этапе языкового наполнения схемы – работа специалиста заключается в том, чтобы доступно, понятно, убедительно изложить смысл правовой нормы гражданину, тем самым ответив на его вопрос.

На основе анализа писем-ответов на обращения граждан мы выявили следующие приемы интерпретации правовых положений:

– расширение путем привлечения информации из других нормативных актов;

– усложнение синтаксической конструкции исходного предложения. Усложняя предложение, автор стремится полнее представить адресату, каким образом необходимо выполнять действия и какие нюансы при этом учитывать;

– упрощение синтаксической конструкции исходного предложения. Упрощение может заключаться в том, что опускается какое-либо слово или словосочетание;

– сокращение путем освобождения от неактуальной для адресата информации;

– изменение порядка слов. Составитель текста-ответа изменяет порядок слов в предложении с целью вывести на первый план и акцентировать более важную, по его мнению, информацию;

– экспликация субъекта действия. Законодатель часто формулирует положение закона так, что субъект нормы права не совпадает с грамматическим субъектом в предложении; это затрудняет понимание законодательного положения адресатом. Составитель письма-ответа преобразует норму таким образом, чтобы субъект права и подлежащее в предложении совпадали.

Нередко составитель письма-ответа использует несколько приемов: опуская одни положения статьи закона, добавляет информацию из другой статьи или правового акта и перестраивает синтаксическую конструкцию так, чтобы выделить значимые для адресата в контексте его вопроса моменты.

Приведем некоторые примеры. Проанализируем, как интерпретируют специалисты органов власти статью 44 «Общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме» Жилищного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 188-ФЗ).

1 комментарий (вопрос о стоянке на придомой территории): *В соответствии со ст. 44 Жилищного кодекса РФ, п. 17 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, решение вопросов, связанных с благоустройством, пользованием, содержанием и ремонтом общего имущества, а также ограничением пользования земельным участком, на*

котором расположен многоквартирный дом, находится в компетенции общего собрания собственников помещений в этом доме.

Статья ЖК РФ включает два пункта, в первом из них устанавливается статус общего собрания как органа управления многоквартирным домом, во втором перечисляются вопросы, находящиеся в компетенции этого органа управления. При этом п. 2 представляет собой сложноподчиненное предложение, главная часть которого – простое предложение, осложненное однородными дополнениями. Каждое дополнение является подпунктом в общей структуре статьи, причем к нескольким дополнениям относятся придаточные определительные, с помощью которых законодатель детализирует полномочия общего собрания собственников жилья. Кроме того, следует отметить, что в п. 2 наблюдается неоправданное многократное повторением словосочетания *принятие решения.* В письме-ответе мы наблюдаем упрощенный «перифраз» этого высказывания: составитель текста использует также сложноподчиненное с придаточным определительным: главная часть осложнена обособленным определением (причастным оборотом) и рядом однородных дополнений (называющих уже только те вопросы, о которых говорилось в обращении гражданина), сказуемое намеренно вынесено составителем в конец предложения.

Таким образом, оказывается, что составитель письма-ответа облегчил синтаксическую конструкцию, употребленную в тексте законодательного акта, избавился от многочисленных повторов и, в соответствии с «правилом края», вынес в конец предложения концептуально значимую для адресата информацию. Можно говорить о том, что исходная формулировка правовой нормы подверглась операциям сокращения и смещения акцента.

2 комментарий (вопрос о благоустройстве территории вокруг жилого дома – асфальтировании дороги): *Согласно Жилищному кодексу, органом управления жилым домом является общее собрание собственников, на котором принимаются решения и заказывается выполнение работ в рамках собранных средств или по отдельному договору. Инициатором общего собрания может быть любой собственник. На данном собрании можно решить вопросы о благоустройстве придомовой территории, в том числе об асфальтировании проезда вдоль дома.*

Как видим, составитель письма не указывает конкретную статью ЖК РФ, а делает обобщение на основе правовых положений из нескольких статей. Таким образом, последовательно посредством трех логично выстроенных друг за другом предложений специалист растолковывает гражданину способ решения описанной в обращении проблемы.

3 комментарий (вопрос о переводе жилого помещения в нежилое): *Однако, как следует из положений Жилищного кодекса Российской Федерации, для проведения реконструкции многоквартирного дома требуется решение общего собрания собственников помещений, а в отдельных случаях и согласие всех собственников помещений в многоквартирном доме.*

Так, п. п. 1, 2 ст. 44 ЖК РФ предусмотрено, что принятие решений о реконструкции многоквартирного дома, а также принятие решений о пределах использования земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, в том числе введение ограничений пользования им, относятся к компетенции общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме. В случаях же, когда идет речь об уменьшении размера общего имущества в многоквартирном доме путем его реконструкции или когда реконструкция, переустройство и (или) перепланировка помещений невозможны без присоединения к ним части общего имущества в многоквартирном доме, то для этого необходимо согласие всех собственников помещений в данном доме (ч. 3 ст. 36 ЖК РФ).

При этом необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации под реконструкцией понимается изменение параметров объектов капитального строительства, их частей (высоты, количества этажей, площади, показателей производственной мощности, объема) и качества инженерно-технического обеспечения.

Опишем, какие приемы интерпретации исходного текста использует составитель. В первом предложении можно наблюдать обобщение информации из нескольких статей ЖК РФ (введение к комментарию). Во втором предложении дается ссылка на конкретную статью (44), которая затем перефразируется и сокращается (перечисляются только указанные в обращении гражданина вопросы, решение которых относится к компетенции общего собрания собственников жилого дома). Далее привлекается дополнительная информация из другой (36) статьи ЖК РФ. Положение этой статьи также трансформируется: в начало предложения выносится известная для гражданина информация (называются действия, которые гражданин собирается совершить), а в конец предложения – новая информация: о том, кто уполномочен дать разрешение на осуществление этих действий. И наконец, в заключение составитель текста привносит информацию из другого нормативного акта (Градостроительного кодекса РФ) – предлагает адресату определение понятия *реконструкция.*

В заключение сделаем некоторые выводы. Восприятие гражданином смысла правовой нормы может быть затруднено по ряду причин, например, из-за сложности самой мысли законодателя для данного адресата, из-за неожиданности этой мысли, её необычности (а в

случае с законодательным языком это вполне справедливо!), из-за запутанности выражения мысли – по причине перенасыщения текста специальной терминологией и при усложнении синтаксиса. А поскольку объем специальных знаний гражданина значительно меньше объема этих знаний у представителя власти, то последний стремится с наибольшей точностью и ясностью передать адресату необходимую информацию. Иными словами, выявленные нами способы и приемы интерпретации правовых норм в письмах-ответах на обращения граждан специалист использует для того, чтобы доступным, понятным языком ответить на вопрос гражданина, ссылаясь при этом на законодательную базу.

Библиографический список

Васильева В. В. Интерпретация как взаимодействие человека и текста // Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1998. С. 196–213.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. 704 с.

Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 188-ФЗ (ред. от 31.01.2016).

Карасик В. И. Типы вторичных текстов // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Волгоград, 1997. С. 69–71.

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

Костыгина К. А. Интертекстуальность в печатном интервью как фактор текстообразования // Studia Linguistica – 8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. СПб, 1999. С. 308–313.

Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. 415 с.

Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ (ред. от 03.11.2015).

M.A. Shirinkina
Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

INTERPRETATION OF LEGAL NORMS IN AUTHORITIES'RESPONSES TO THE CITIZENS' APPLICATIONS

The article is devoted to the problem of interpretation of legal norms in the authorities' letters of response to applications written by the citizens. Reduction, expansion and paraphrasing as means of interpretive text formation are considered. It is argued that the major task of an author of a response letter is to explain to a citizen the sense of legislative provisions in a clear and comprehensible language.

Key words: official style; business letter; interpretation; accessibility; comprehensibility.

СЛОВАРЬ, ГРАММАТИКА, ТЕКСТ, ДИСКУРС МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 811.161:004

Березина Валерия Юрьевна
преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
lera_berezina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В КИТАЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СМИ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

В статье рассмотрены особенности преподавания русского языка как иностранного в китайском вузе, даны рекомендации по методике преподавания дисциплин в курсе РКИ в Китае для студентов продвинутого уровня.

Ключевые слова: русский как иностранный; китайский вуз; интернет; средства массовой информации; цензура.

Развитие информационно-коммуникационных технологий существенно меняет современный учебный процесс. Все чаще в курсе преподавания используются мультимедиа технологии: это касается как использования готовых ресурсов Интернета, так и создания новых учебных материалов на основе существующих в Интернете программных средств.

Важным вопросом в связи с вышесказанным являются критерии отбора Интернет-ресурсов для использования их на занятиях в рамках курса «Русский язык как иностранный» (РКИ). На данном этапе следует обращать внимание на такие параметры, как языковая сложность материала, надежность, актуальность и объективность информации, соответствие программе обучения и уровню владения иностранным языком учащихся.

Преподаватель русского языка как иностранного может использовать готовые компьютерные учебные материалы или создавать новые на основе уже имеющихся технологий. Все это позволяет говорить о создании особой электронной образовательной среды по

© Березина В.Ю., 2016

русскому языку как иностранному. Принципы построения такой среды изложены в работах Э.Г. Азимова, А.Н. Богомолова.

В научно-методической литературе описаны методические приемы создания учебных материалов на основе ресурсов Интернета с использованием уже готовых программных средств. Такие подходы получили распространение в работах П.В. Сысоева, М.Н. Евстигнеева, С.В. Титовой.

В процессе преподавания для эффективной оценки того или иного ресурса (соответственно, и текстов, этот ресурс образующих) необходимо сформулировать критерии, которые необходимы для характеристики того или иного сайта (веб-страницы) как особого вида учебного текста.

Представляется, что можно опираться на следующие критерии, обусловленные особенностями компьютерных технологий: авторство сайта, периодичность обновления информации, скорость загрузки информации и возможности ее сохранения, удобство поиска информации и навигации по сайту, количество и типы гипертекстовых связей с другими ресурсами, оформление сайта.

Однако работают ли данные критерии в отборе материала в курсе преподавания русского языка как иностранного в Китае? Какие особенности преподавания РКИ существуют в условиях работы в китайском вузе?

Принято считать, что лектор в вузе – посредник между культурами, человек, который может установить дипломатические связи, донести информацию о языке и культуре страны до учащегося из первых уст, описать картину реальной жизни, не скрывая правды об отрицательных моментах жизни общества страны, язык которой изучают иностранные студенты. Однако в Китае преподавание иностранного языка и культуры носит более закрытый и менее демократичный характер в силу политического устройства КНР. Политический курс университета и уровень открытости информации определяется провинциальным партийным отделом, который, в свою очередь, ориентируется на положения, принятые высшим партийным съездом.

Так, например, образ президента России и правящей партии «Единая Россия» в представлении общества КНР исключительно положительны, т. к. на данном этапе истории Россия и Китай переживают подъем дружеских отношений. Формирование этих образов достигается посредством СМИ и Интернет-ресурсов. Соответственно, преподаватель русского как иностранного должен поддерживать положительный образ правящей элиты России, полагаясь не на свои

политические вкусы, а руководствуясь курсом, который предлагает университет, используя в процессе преподавания только те ресурсы, которые отображают «нужную» информацию.

Опыт Китая и России по обращению друг к другу посредством СМИ имеет сложную историю и «географию» взаимодействия. Российским читателям информация о Китае впервые стала доступна в XVIII в. на страницах первой русской газеты «Ведомости». Однако сведения об этой стране и даже сообщения о приезде в Пекин российских послов попадали в газету в основном через Западную Европу. Что касается «обратного процесса, то русская тема лишь эпизодически освещалась в официальной газете «Цзин бао» («Столичный вестник»).

Полноценные зарубежные СМИ, в том числе на русском языке, появляются в Китае после образования КНР (1949 г.). Обратимся к списку СМИ, которые рекомендуется использовать в курсе преподавания русского языка как иностранного в Китае.

Радиовещание Китая осуществляется на русском языке с 1945 г. В системе русскоязычных «голосов» «Международное радио Китая» (China Radio International) остается наиболее динамично развивающимся СМИ.

Информационное агентство «Синьхуа», однин из ведущих государственных мультимедийных источников информации для зарубежной аудитории, ежедневно готовит ленту оперативной информации на русском языке объемом до ста сообщений в сутки.

В 2001 г. выход на русском языке наладило центральное издание – газета «Жэньминь Жибао» («Народная газета»), с 1946 г. являющаяся органом Центрального комитета коммунистической партии Китая и распространяющаяся более чем в ста странах мира. На русском языке газета выходит в он-лайн интернет-версии «Жэньминь Жибао», ставшей одним из авторитетных официальных русскоязычных серверов КНР.

Русскоязычный телеканал Центрального телевидения Китая CCTV-R запущен в 2009 г., в Год русского языка в КНР, когда дружественные страны отмечали 60-летие установления российско-китайских дипломатических отношений.

Так, к вышеизложенному списку китайских СМИ на русском языке, которые можно использовать в курсе преподавания РКИ в китайском вузе, можно отнести электронную версию правительственного издания «Российская газета», а также Интернет-версию «Первого канала», которые находятся в свободном доступе для студентов вузов.

Основная сложность, с которой сталкивается преподаватель русского языка в Китае – это то, что основные ресурсы, которые разработаны ведущими вузами России в области преподавания РКИ не работают на материковом Китае без специальных устройств. Данная проблема связана с тем, что одной из главных особенностей Интернет-пространства и СМИ в Китае является их закрытость и «цензурность». Доступ к иностранным сайтам на территории материкового Китая контролируется правительством Китая в целях цензуры.

В 2003 г. был введен в эксплуатацию проект «Золотой щит», который по всему миру известен как *Great Firewall of China* – Великий китайский файрвол. «Щит» представляет собой систему серверов на интернет-канале между провайдерами и международными сетями передачи информации, которая фильтрует информацию, угрожающую национальной безопасности Китая.

«Победить великий китайский файрвол» – получить доступ к иностранным сайтам и поисковым системам (в Китае не работает, например, Google. Yandex, сайты МГУ, где можно воспользоваться архивом документов для работы с иностранцами и т.д.). Победить цензуру китайского Интернета можно, установив на электронное устройство VPN (Virtual Private Network) – виртуальную частную сеть, которая позволяет обеспечить одно или несколько соединений поверх сети Интернет. Однако с 2015 г. все программы VPN запрещены законодательством КНР, и зачастую установка данного устройства не гарантирует полноценного доступа в Интернет.

В настоящее время в Китае имеется более тысячи высших учебных заведений, в том числе более десяти вузов иностранных языков, где преподавание русского языка занимает важное место. В исследовании китайского ученого Ван Фусяна есть упоминание о том, что ещё в 1978 г. в Пекине на всекитайском совещании по вопросам преподавания иностранных языков были определены следующие направления в преподавании иностранных языков: 1) улучшать преподавание иностранных языков, прежде всего русского, в школах и вузах филологического и нефилологического профиля; 2) формировать у учащихся прочные основы владения иностранным (русским) языком уже в средней школе, а также 3) расширять круг их знаний, соблюдая определенную профессиональную направленность обучения [Ван 2005: 120-123].

Обучение в вузе иностранному языку можно разделить на два этапа: начальный и продвинутый. На начальном этапе закладываются основы фонетики, лексики и грамматики русского языка с упором на комплексное развитие навыков аудирования, говорения, чтения, письма

и перевода. Целью продвинутого этапа обучения является дальнейшее развитие речевых умений по русскому языку, расширение лингвистических, страноведческих знаний.

Именно на продвинутом этапе изучения русского языка как иностранного рекомендуется вводить предметы, которые могут сопровождаться материалами СМИ и Интернета. Это обусловлено не только лишь лингводидактическими причинами, но и тем, что к 3-4 году обучения студент проходит «школу коммунизма», знакомится с правилами и уставами, становится сознательным гражданином КНР, который может отсеивать «ненужную» информацию в случае, если преподаватель-иностранец допустит ошибку и продемонстрирует непринятую в китайском обществе точку зрения по какому-либо вопросу, предложив для изучения материал из непроверенных СМИ.

Так, например, на 4 курсе (продвинутый уровень) для выпускников кафедры русского языка можно предложить следующие виды заданий в курсе предмета «Смотрим и слушаем СМИ»:

1. Прочитать и сравнить одинаковый новостной материал из газеты «Жэньминь Жибао» на русском и китайском языках (тема – на выбор студентов).
2. Посмотреть видеоролики с сайта «Первого канала» и кратко пересказать, донести главную мысль сообщения.
3. Выбрать материал на сайте «Российской газеты», выполнить перевод (тема – общество, политика).
4. Прослушать радионовости на русском языке, написать текст по прослушанному материалу.

Обратим внимание на выбор видеороликов с сайта «Первого канала». Здесь выбор должен осуществляться преподавателем в силу двух причин: 1) информация должна носить положительный характер по отношению к Китаю, желательно выбирать материал о достижениях российской науки, особенностях празднования национальных праздников, о дипломатической дружбе с КНР, исключать видеоролики с сценами жестокости, с использованием оружия; 2) как правило, выпускник факультета иностранных языков в китайском вузе не может свободно говорить и воспринимать сложный текст, необходимо заранее отобрать доступный материал для понимания студентов.

Подводя некоторые итоги, можно сделать следующий вывод: основные особенности преподавания русского языка как иностранного в Китае зависят от политического курса партии КНР, от уровня владения иностранным языком студентов, от технических возможностей (не во всех университетах материкового Китая удается получить доступ к сайтам «Российской газеты» и «Первого канала»).

Должность преподавателя русского как иностранного требует огромной самоотдачи на этапе поиска, выбора и адаптации материала для студентов, т. к. практически все иностранные поисковые системы на территории Китая запрещены. Преподаватель РКИ в Китае должен обладать дипломатическим складом характера, чтобы не допустить ошибок, которые могли бы привести к идеологическому расхождению со студентами и руководством вуза.

Библиографический список

Азимов Э. Г. Методика организации дистанционного обучения русскому языку как иностранному. М.: Русский язык, 2005. 148 с.

Богомолов А. Н. Виртуальная среда обучения русскому языку как иностранному. Лингвокультурогический аспект. М.: Макс Пресс, 2008. 320 с.

Ван Фусян. Русский язык в Китае // История преподавания русского языка как иностранного. В очерках и извлечениях: Учебное пособие / ред. сост. А.Н. Щукин. М.: Филоматис, 2005. С. 120-123.

Калинина Н. С. Межцивилизационные взаимоотношения России и Китая: особенности и история развития // Восток, 2004. №5. С. 119.

Сысоев В. П., Евстигнеев М. Н. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет-технологий. М.: Глосса Пресс, 2010. 220 с.

Титова С. В. Информационно-коммуникационные технологии в гуманитарном образовании: теория и практика. М.: Квинто-Консалтинг, 2009. 240.

V.Y. Berezina
Lecturer of Journalism and Mass Communication Department
Perm State University

PECULIARITIES OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN CHINA USING THE MEDIA AND INTERNET RESOURCES

The article describes the features of teaching Russian as foreign language; there are recommendations of the method of teaching subjects in China for advanced students.

Key words: russian as foreign language; Chinese University; media; internet; censorship.

УДК 811.161.1’06:81’373.23(470.53):371.897

Боброва Мария Владимировна
инженер кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
bomaripgu@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЗВИЩА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ г. ПЕРМИ: ФОРМАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрены формально-грамматические способы образования прозвищ учащихся младших классов г. Перми различных периодов – 1995-1998(?) и 2008-2009 гг. Представлена общая характеристика номинаций, демонстрирующая разнообразие прозвищ с точки зрения структуры, словообразования, грамматических особенностей. Сопоставление указанных антропонимов позволило сделать вывод о том, что в прозвищах отражаются различия в реализации языковой компетенции учащимися разных лет. В 90-е гг. младшие школьники в большей степени и более свободно использовали языковые средства, нежели в начале XXI века.

Ключевые слова: ономастика; современные прозвища; младшие школьники; языковая компетенция; Пермский край.

Прозвища – уникальное явление, которое может служить объектом изучения в исследованиях самой разной направленности: в области психологии, логики, истории, социологии и т. д. Несомненный интерес они представляют для лингвистики, особенно в современном ее состоянии – в условиях актуализации антропоцентрического принципа. Актуально обращение к тем из них, которые используются носителями различных субкультур, с учетом разнообразных социокультурных характеристик, страт «возраст», «образование», «место проживания», «национальность» и др.

Мы обращаемся к прозвищам детей младшего школьного возраста (1-4 класс) г. Перми, зафиксированным с интервалом в 10 лет: в нашем распоряжении имеются антропонимы 1990-х гг. (предположительно записаны в 1995–1998 гг. студентом Пермского университета) и конца «нулевых» (собраны методом анкетирования в 2008-2009 гг. выпускницей Пермского педагогического университета Е.Н. Орел). В нашей картотеке имеются также фиксации антропонимов, которые, по сообщению информантов, функционировали в школьные годы, но без уточнения периода; подобные единицы в работе не учитывались.

© Боброва М.В., 2016

Сосредоточимся на общей и сравнительной характеристике материала с целью описать данные и выявить особенности языковой компетенции младших школьников указанных периодов. При работе мы опирались на исследования [Абраменкова 2008; Волкова 2007; Родина 2014; Шкуричева 2013].

Всего в картотеке прозвищ младших школьников 222 единицы, 167 из которых записаны в 90-е гг., 55 – в «нулевые». Разница в количестве фиксаций объясняется, в частности, демографическим спадом в России после 1991 г.: если в первом случае школьные «параллели» включали по нескольку учебных групп, то во втором только по одной. Кроме того, в 1090-е гг. прозвища в начальной школе использовались, вероятно, активнее, т. к. у 14 человек зафиксировано более одного (от двух до четырех) такого антропонима, в то время как в «нулевые» лишь у двух человек выявлено по два прозвища.

В 1990-е гг.обнаруживается однозначная тенденция к возрастанию частотности употребления прозвищ: 1 класс – 10, 2 класс – 22, 3 класс – 55, 4 класс – 80. В «нулевые» ситуация нестабильна (1 класс – 14, 2 класс – 9, 3 класс – 20, 4 класс – 10), однако такое положение может объясняться неполнотой сведений о второй группе и / или нежеланием участников анкетирования сообщать такие данные (ср. количество единиц в 3 классе). При этом во втором случае такие онимы широко используются даже среди самых младших учащихся. Данные могут свидетельствовать о том, что за 10 лет, вероятно, произошли сдвиги в функциональной нагрузке прозвищ, в частности расширились возрастные рамки их употребления. И (гипотетически) произошли изменения в социальной стратификации учебных групп с тенденцией к унификации принципов номинации их членов в коллективе. Впрочем, такие наблюдения требуют проверки на более объемном материале.

Прозвища разнообразны по формальным особенностям. В большинстве своем это однословные именования, представляющие собой существительные – онимизированные нарицательные слова (***Поп***, ***Доня***, ***Серьга*** и др.), трансонимизированные единицы (***Тобик***, ***Филат***, ***Пушкина***, ***Кузьминки***, ***Госстрах*** и др.), построенные по моделям существительных новообразования (***Забло*** из фам. *Заблоцкий*, ***Трудиха*** из фам. *Трудова*, ***Карпуха*** из фам. *Карпова*, ***Ксюндель*** из имени *Ксюша* и др.). Реже встречаются прилагательные (***Длинная***, ***Серый***, ***Баловной***, ***Рыжий***, ***Мелкий***, ***Сердитая***, ***Лысый***), в том числе окказиональные (***Машастая***, ***Противорождественская***). Встретилось также междометие (***Алю-лю***).

Иногда используются композиты, трансонимизированные (***Кровопийца***, ***Водолаз***, ***Телескоп***, ***Скалолаз***) или окказиональные

(***Копкодав*** из фам. *Копков*, ***Младоклёнова*** из фам. *Стародубова*, ***Димократик*** из имени *Дима*) единицы. Отмечен один случай контаминации (***Пётригорович*** из именования *Пётр Гончаров*). Но чаще это однокорневые слова, возникшие вследствие редеривации (в т.ч. ложной) – усечения производящей основы, чаще фамилии (***Баран*** из *Баранов*, ***Дед*** из *Дедаш*, ***Кузя*** из фам. *Кузнецов*, ***Мирончик*** из фам. *Миронова*, ***Фара*** из *Фарафонова*, ***Попа*** из *Попов*), часто осложненной аффиксацией: обычно суффиксацией (***Медвежонок*** из фам. *Медведев*, ***Тапочки*** из фам. *Потапов*, ***Холяр*** из фам. *Холин*, ***Чернышка*** из фам. *Чернышова*), в одном случае префиксацией (***Противорождественская*** из фам. *Рождественская*). Иногда редеривация сопровождается меной суффиксов (***Чистюля*** из фам. *Чистилина*), усечением восстанавливаемой основы (***Зуб*** из фам. *Зубков*, ***Дрозд*** из *Дроздков*), усечением и вторичной суффиксацией восстановленной основы (***Барашка*** из фам. *Баранов*, ***Воробушек*** из фам. *Воробьев*, ***Габила*** из фам. *Агабабов*, ***Ловяшка*** из фам. *Ловягин*, ***Филька*** из фам. *Филиппенко*, ***Артамошка*** из фам. *Артамонова*, ***Овечка*** (< *Овец*) из фам. *Коховец* и др.), образованием иной грамматической формы (***Крылья*** из *Крылов*). Отмечены также аббревиатуры (например, ***Михася*** из фамилии и имени *Михальчук Олеся*), в том числе осложненные суффиксацией (***Тобик*** из фамилии и имени *Толя Боборыкин*). Зафиксирована суффиксация исходной фамилии (***Шостакович*** из фам. *Шестаков*). В одном случае имеет место образование прозвища по продуктивной модели русских фамилий (***Дребодахина***).

Немногим более чем в половине случаев прозвища словообразовательно связаны с официальным именованием школьников. В остальных единицах собственно деривационные связи между прозвищем и фамилией либо именем отсутствуют. Продуктивна, например, подмена лексем, основ, корней на основе фонетического сходства (парономазии) слов с фамилиями номинируемых школьников (***Бройлер*** из фам. *Курочкин*, ***Аббат*** из фам. *Обатуров*, ***Марфуша***, ***Морковка*** из фам. *Маркова*, ***Алю-лю*** из фам. *Аляутдинов*, ***Банда*** из фам. *Бондаренко*, ***Госстрах*** из *Гостищева*, ***Лорин*** из фам. *Ларионов*) или семантического сближения лексем (***Курица*** из фам. *Кокурина*), на основе обоих признаков (***Трусы*** из фам. *Трухина*, ***Копчик*** из *Копков*), а также в результате замены малопонятной лексемы пассивного запаса русского языка сходной с ней более известной лексемой из активного словаря (***Бублик*** из фам. *Библиков*, ***Крестик*** из фам. *Крестьяк*, ***Моська*** из фам. *Моисеев*). Имеются примеры использования варваризмов в результате калькирования продукта редеривации фамилии (***Квикли*** из фам. *Кувырков*, ***Брифмарка*** через ***Почтовая Марка*** из фам. *Маркин*). Однако

лексико-семантические связи прозвищ настолько разнообразны и интересны, что заслуживают специального изучения.

При деривации прозвищ от имени может использоваться суффиксация (***Машастая*** из имени *Маша*), в том числе с применением непродуктивных аффиксов либо квазиаффиксов и образованием неологизмов (***Ксюндель*** из вторичного имени *Ксюша* (< *Ксения*), ***Димократик*** из вторичного имени *Дима* (< Дмитрий)).

От отчеств младших школьников прозвища не образуются, очевидно в силу абсолютной их неактуальности в повседневной коммуникации.

Частотны также неоднословные прозвища. Структурно они могут представлять собой словосочетания и сочетания слов. Фразовые прозвища в данной картотеке отсутствуют.

Сочетания слов представлены прозвищами, построенными по моделям официальных именований (***Ванидзе Михайлидзе***, ***Мария Ивановна***, ***Кот Котофеич*** и др.).

В словосочетаниях реализуются такие типы связи, как согласование (***Дядя Юра***, ***Покровские Ворота***, ***Пчельницкая Морда***) и сильное управление (***Вождь Краснокожих***). Прозвища, построенные по типу согласования, могут включать оним в сочетании с номенклатурной единицей или родовым понятием (***Пан Беспал***, ***Мужик Аниськин***, ***Котёнок Биб*** и др.), оним в сочетании с приложением (***Анка-Пулемётчица***, ***Ермак-Дурак*** и др.). В одном случае (***Супер Герой***) реализовалось примыкание вследствие лексикализации префиксоида, которая поддерживается сленговыми употреблениями *супер* в качестве самостоятельной единицы со значением ‘лучший’ (типа «*Он супер!*»). Впрочем, второй причиной появления такой фиксации считаем элементарную безграмотность второклассника, который указал данное прозвище как автономинацию («самоназвание») в анкете.

Как и в случае с однословными онимами, неоднословные прозвища можно объединить в две группы: образованные на базе официальных антропонимов (отфамильные и отыменные единицы) и не имеющие словообразовательных связей с официальными именованиями школьников.

К первой группе относятся, например, усеченные отфамильные образования в сочетании с рифмующимся компонентом типа приложения (***Ермак-Пятак***, ***Ермак-Дурак*** из фамилии отстающего ученика *Ермаков*, ***Малах-Аллах*** из фам. *Малахов*). Это также именования, трансформированные по моделям иноязычных антропонимов (***Андриано Разыграно*** из *Андрей Разыграев*, ***Мария Хлопес*** из *Мария Хлопина*, ***Ванидзе Михайлидзе*** из *Ваня Михайлов*).

Оригинальны случаи трансформации фамилии (обычно мальчиков) в женское именование, включающее имя и отчество (***Зинаида Ивановна*** из фам. *Зенкин*, ***Мария Ивановна*** из фам. *Марьин*), фамилии и инициала имени девочки в номинацию мужчины (***Корней И. Чуковский*** из *Корнеева Ира*). Встречаются трансформации однословных именований в неоднословные на основе созвучия (***Дядя Юра*** из фам. *Дедюра*). Особую модель представляют собой отфамильные номинации, возникшие на основании корреляции фамилии с прецедентным словосочетанием с однокоренным компонентом (***Третьяковская Галерея*** из фам. *Третьяков*, ***Покровские Ворота*** из фам. *Покровская*, ***Пан Беспал*** из фам. *Беспалов* (пан Беспальчик – персонаж юмористической телепередачи «Кабачок “13 стульев”»)). Одно характеризующее прозвище включает отфамильное притяжательное прилагательное (***Пчельницкая Морда*** – прозвище школьницы, вызывающей неприязнь у одноклассников).

Иногда в прозвище обыгрываются одновременно структурные или фонетические – и лексико-семантические связи слов в языке, нередко транслируются ассоциативные связи понятий (***Кот Васька*** из фам. *Васин*, ***Мужик Аниськин*** из фам. *Анисимов*, ***Кот Котофеич*** из фам. *Котов*, ***Курочка Ряба*** из фам. *Рябчикова*, ***Котёнок Биб*** из *Катя Бибова*, ***Максим Перепелица*** из имени и фамилии *Максим Яшин*, ***Анка-Пулемётчица*** из имени *Аня*).

В остальных случаях следует говорить не о формально-грамматических, а о лексико-семантических способах и средствах образования прозвищ младших школьников (***Длинная*** – прозвище школьницы по фамилии *Короткова*, ***Президент*** – прозвище школьника по фамилии *Медведев*, ***Чирок*** – прозвище школьника по фамилии *Кряквин*, ***Чупа-Чупс*** – прозвище школьника по фамилии *Леденцов* и др.), об экстралингвистических причинах возникновения ситуативных антропонимов (***Прачка*** – прозвище школьницы, которой нравится стирать, ***Суслик*** – прозвище школьника с характерной прической, ***Крыса*** – прозвище школьницы с длинными передним зубами и длинным носом, которая родилась в год Крысы). Такие онимы нуждаются в специальном рассмотрении. Но подчеркнем: для прозвищ характерен выбор лексики с учетом формальных особенностей официального именования, что становится причиной частотности множественной мотивации антропонимов (***Лидер*** – прозвище школьника по фамилии *Ледерь*, который однажды победил в эстафете, ***Шляпа*** – прозвище школьницы по фамилии *Шлякова*, которая отличается несобранностью, вялостью).

Сопоставительный анализ прозвищ позволяет выйти на иной аспект исследования и говорить об отражении в антропонимическом

материале языковой компетенции детей младшего школьного возраста.

Сравнение прозвищ 1990-ых и «нулевых» годов показывает значительное расхождение в выборе формально-грамматических способов их образования. Так, однословные антропонимы второй группы в этом плане неразнообразны, в отличие от антропонимов первой: им свойственны лишь редеривация (в том числе ложная редеривация) фамилии, которая может сопровождаться суффиксацией эпонима, (в одном случае) суффиксация фамилии, (наиболее часто) редеривация фамилии с последующей заменой производящей основы парономастичной, (в одном случае) редеривация с последующим усечением и (в одном случае) образование композита на основе имени. Прозвищам 1990-ых свойственны перечисленные (за исключением образования сложных слов и редеривации с усечением) и все остальные из указанных ранее способов, в том числе суффиксация имени, (в одном случае) префиксация, калькирование, (в единичных случаях) аббревиация, (в одном случае) контаминация и др. При образовании неоднословных прозвищ 1990-ых также использовались более разнообразные модели.

Обращают на себя внимание различия в наборе суффиксов, которым отдавалось предпочтение номинаторами в разное время. Так, в «нулевые» преобладают бессуффиксные единицы либо антропонимы с аффиксами, использованными для придания неодобрительной, пренебрежительной и т. п. стилистической окраски (***Бойцуха***, ***Трудиха***, ***Карпуха***, ***Ксюндель*** (ср. жаргонное *хрюндель*), ***Степашка*** и др.). Номинации с ласкательными суффиксами в целом не свойственны данной группе и являются либо перенесенными из семьи (***Котёнок***, ***Медвежонок***, ***Пампушечка*** и другие в антропонимии первоклассников), либо используются в ироничном значении (например, ***Мамонтёнок*** – прозвище школьницы по фамилии *Момотова*, с массивным телосложением). В 1990-ые гг. суффиксы играли большую роль: в качестве прозвищ часто использовались суффиксальные образования, аффиксы обладали разнообразной стилистической окраской (***Медвежонок***, ***Волчонок***, ***Морковка***, ***Ловяшка***, ***Малышка***, ***Овечка***, ***Кирпичка***, ***Моська***, ***Молчанка***, ***Чернышка***, ***Корнюша***, ***Марфуша***, ***Копылуся***, ***Кочетуся***, ***Антошка***, ***Артамошка***, ***Анурчик***, ***Бугайчик***, ***Мирончик***, ***Крестик***, ***Кустик***, ***Летик***, ***Рудик***, ***Скуратик***, ***Власик***, ***Шитик***, ***Косточка***, ***Тихоночка***, ***Тапочки*** и др.). Можно говорить о существовании продуктивных суффиксальных моделей образования прозвищ, многочисленных в 1990-ые гг., единичных в «нулевые».

Кроме этого, специфику прозвищ различных периодов обеспечивает наличие уникальных моделей их образования. Так, в 1990-

ые была неоднократно использована модель «фамилия школьника → женское созвучное имя и отчество» (*Зенкин* > ***Зинаида Ивановна***, *Марьин* > ***Мария Ивановна***), «фамилия школьницы → созвучная фамилия известного композитора» (*Липенкова* > ***Лист***, *Шибанова* > ***Шопен***), «имя и фамилия школьника / школьницы → сложносокращенное слово, иногда осложненное суффиксом» (*Толя Боборыкин* > ***Тобик***, *Михальчук Олеся* > ***Михася***). Для прозвищ «нулевых» годов специфично образование прозвищ по моделям иноязычных именований (***Андриано Разыграно***, ***Ванидзе Михайлидзе***, ***Мария Хлопес***).

В целом сопоставление неоднословных антропонимов весьма показательно. В нашей картотеке прозвищ 1990-ых гг. представлено 18 таких единиц (11%), в картотеке «нулевых» – 11 (20%). В относительных числах вторые количественно превосходят первые, но формально они «беднее», поскольку почти все представляют собой номинации, построенные по моделям официальных антропонимов, а также по моделям зоонимов, либо являются прецедентными такими именованиями (ср.: ***Кот Котофеич***, ***Курочка Ряба***, ***Котенок Биб***, ***Андриано Разыграно***, ***Ванидзе Михайлидзе***, ***Мария Хлопес***, ***Дима Билан***, ***Анка-Пулеметчица*** – и ***Модная Кукла***, ***Супер Герой, Чупа-Чупс***). Первые, соответственно, «богаче»: они представляют собой антропонимы, зоонимы, описательные конструкции, прецедентные номинации, отражающие более широкий кругозор номинаторов (***Зинаида Ивановна***, ***Мария Ивановна***, ***Кот Васька***, ***Барбара Краус***, ***Корней И. Чуковский***, ***Крыса-Лариса***, ***Максим Перепелица***, ***Мужик Аниськин***, ***Пан Беспал***, ***Вождь Краснокожих***, ***Царевна Несмеяна***, ***Покровские Ворота***, ***Третьяковская Галерея***, ***Плавучая Эскадра***, ***Почтовая Марка***, ***Пчельницкая Морда***, ***Бездомная Ватрушка***, ***Ермак-Дурак***).

Но больший интерес с точки зрения изучения языковой компетенции создателей прозвищ будут в дальнейшем представлять изыскания в области лексико-семантических и мотивационных особенностей прозвищ.

Итак, исследование формально-грамматических особенностей прозвищ младших школьников г. Перми показало, что данные онимы разнообразны структурно, словообразовательно, грамматически. При этом сопоставление материалов 1990-ых и конца «нулевых» годов демонстрирует упрощение и резкое количественное уменьшение формальных способов и приемов образования прозвищ учащихся начальных классов. С большой долей уверенности можно говорить об отражении в прозвищах языковой компетенции учащихся, причем в

1990-ые гг. младшие школьники использовали языковые средства в большей степени и более свободно, нежели в начале XXI в.

Библиографический список

Абраменкова В. В. Подростковая субкультура как пространство самореализации // Мир психологии. 2008. №1. С. 175–189.

Волкова Н. И. Современная антропонимия в лингвосоциокультурном пространстве республики Коми: учеб. пособие. Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2007. 134 с.

Родина Н. А. Современные детские и молодежные прозвища: структурно-семантический и функционально-динамический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014. 254 с.

Шкуричева Н. А. Прозвища и клички младших школьников // Начальная школа. 2013. №10. С. 10–15.

M.V. Bobrova
Engineer of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

MODERN NICKNAMES OF PRIMARY SCHOOL PUPLES IN PERM

There are the formal-grammatical ways of forming nicknames in Junior classes of Perm in different periods – in 1995-1998(?) and 2008-2009. The general characteristics of the nominations, showing a variety of nicknames from the point of view of structure, word formation, grammatical features, are presented. The comparison of this anthroponyms has led to the conclusion that the nicknames reflect implementation differences in language competence by the students of different years. In the 90s the younger students used linguistic means to a greater extent and more freely than at the beginning of the XXI century.

Key words: onomastics; modern nicknames; primary school puples; Perm Krai.

УДК 81’42:81’373.612.2

Карзенкова Елена Петровна
старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
karzenkova_e@mail.ru

МЕТАФОРЫ В ДРУЖЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются метафоры, используемые как средства стилизации высказывания и как приёмы организации текста дружеского письма. Также рассматривается значимость метафорического переосмысления действительности в дружеском дискурсе, дружеских взаимоотношениях.

Ключевые слова: метафора; анализ дискурса; дружеский дискурс; дружеское письмо; дружба.

У меня есть друг, я люблю – значит, я существую.
М.М. Пришвин

Со времени введения **метафоры** в особый научный оборот Д. Лакоффом и М. Джонсоном (см.: [Lakoff, Johnson 1980]), её стали понимать в широком смысле. Не только как повседневную практику языка, но ещё и как отражение «практики мышления», как специфический механизм мышления. С этих самых пор метафора стала наиболее изучаемым средством выражения тех или иных смыслов в речи, стала особо выделяемым средством «в*и*дения мира» и речевого представления действительности… Как иносказательность, фигуральность, переносность, образность [Абрамов 1999], а также как «насыщенность метафорами» [Ожегов, Шведова 1997] текста **метафоричность** почти всегда свидетельствует о достаточно высоком уровне речевого мастерства того, кто практикует такого рода стиль, такой способ репрезентации – речевой «представленности в тексте» – мира и человека. В современной науке под **метафоризацией** понимается универсальный способ характеристики объекта, его номинации (классификации и идентификации) в соответствии с этой – становящейся прозрачной «для посвящённых» – характеристикой [Арутюнова 1998: 296]. Такое понимание метафоризации стало общепризнанным в современной философии языка, в когнитивной психологии и в лингвистике. Этот – метафорический – «механизм речи» (термин Н.Д. Арутюновой) позволяет наглядно, ярко, точно, «целенаправленно» <…> назвать тот или иной объект, тот или иной процесс (номинативная и метаязыковая функции метафоры), то или иное отношение к этому объекту и / или к действительности в целом

© Карзенкова Е.П., 2016

(референтивная и эмотивная её функции)… Такое – современное расширенное – восприятие метафоры научным сообществом будто бы относит поэтическую функцию использования метафоры на задворки повседневной речи. Но, как отмечал, в частности, ещё Р.О. Якобсон, «использование поэтических средств для какой-либо инородной цели не отнимает у них (у поэтических средств) их первичной сущности – точно так же, как элементы экспрессивного языка, используемые в поэзии, сохраняют свою эмоциональную окраску» [Якобсон 1975]. Заметим, что и автором данной статьи метафорические механизмы речи толкуются как творческое переосмысление действительности и творческое её обозначение с целью более точного отображения тех или иных смыслов.

Все это позволяет сделать заключение о том, что метафора соединяет в себе все языковые функции, поименованные некогда Р.О. Якобсоном: она полифункциональна. А метафорические механизмы мышления, наблюдаемые исследователями в речи (и только с помощью анализа речи!), в определённой степени характеризуют как субъекта речи, который тем самым демонстрирует своё отношение к адресату, а следовательно, своё – метафорическое – в*и*дение мира, так и его взаимоотношения с адресатом. Такого рода понимание метафорического механизма речепорождения позволяет исследователю сделать вполне определённые выводы относительно используемых в нём тектонических средств (термин К.Гаузенбласа, см.: [Гаузенблас 1967: 69]).

Автором данной статьи исследовалась дружеская переписка в аспекте понятия коммуникативно-речевой категории (см., в частности: [Карзенкова, Салимовский 2005; Карзенкова 2011 и др.]). Это позволяет предположить, что метафоре при порождении дружеского письма может принадлежать важная роль, ибо она может выступить способом создания тональности дружбы в письме, основная цель которого состоит в формировании, поддержании дружеских чувств, подтверждении дружеского расположения в адресату [Карзенкова 2011].

Сами взаимоотношения, средством фиксации которых выступает дружеское письмо, охарактеризованы целым рядом психологических исследований (см.: [Изард 2002; Кон 1989; Немов 2001; Петровский 2001]). И.С. Коном, в частности, были определены свойства дружеских отношений [Кон 1989], позволяющие охарактеризовать дискурс. Друг, по мнению исследователя, выступает в нескольких ролях-аспектах, вполне доступных … для метафорического отображения: (а) понимание себя как отражение в друге («друг-зеркало»); (б) взаимопонимание и самораскрытие («друг-собеседник); (в) наличие совместной деятельности, общих интересов («друг-товарищ»); (г) эмоциональное сопереживание («друг-сострадальник») [Там же].

Пронаблюдаем, какие из указанных «дружеских смыслов» могут быть обнаружены, напр., в переписке А.С. Пушкина, И.И. Левитана и с помощью каких средств они передаются.

Ср.: ***Муза*** *моя стала очень* ***ленива, её тормошить надобно,*** *чтобы вышло что-нибудь путное* [Переписка 1982: 57]. В указанном фрагменте автор жалуется адресату на отсутствие лёгкости в его писательской деятельности, ища сопереживания. Происходит это с помощью олицетворения творческого процесса, символом которого обычно считается *Муза*, а также самоиронии (описание собственной *лени* и необходимости заставлять себя – *тормошить*). Адресант-поэт ищет взаимопонимания и эмоционального сопереживания у адресата-поэта, выступающего здесь в роли собеседника и сострадальника. Продолжая «самоироничное освещение» своей поэтической деятельности (а точнее, бездеятельности) адресант снова с помощью олицетворения (а также метонимии) подчёркивает отсутствие вдохновения и скорых результатов его труда, ср.: *Можно ли мне надеяться, Вы простите девятимесячную* ***беременность пера ленивейшего из поэтов***… [Там же: 57]. Адресант по-прежнему просит у друга-адресата сострадания, ожидает, что тот приободрит его, проявит сочувствие. При этом следует упомянуть, что именно наличие общих интересов («друг как товарищ») могло вызвать к жизни процитированные строки. Другу следует прощать другу лень и бездействие; поэту нетрудно понять «муки творчества» другого поэта. Ко всему этому обязывают, скрыто и явно, неписаный Кодекс дружбы (см.: [Немов 2001]) и профессиональная солидарность участников коммуникации.

Ещё одна из «статей» Кодекса дружбы предписывает проявлять внимание к интересам и переживаниям друга («друг-сострадальник», по И.С. Кону), эмоционально поддерживать друга, а также стремиться быть с ним рядом [Немов 2001; Петровский 2001; Кон 1989]. В связи с этим дружеское письмо может представлять собой материальное проявление этого стремления. А отсутствие писем находящегося на расстоянии друга может рассматриваться как нарушение Кодекса. Однако при наличии взаимопонимания, также предписанного Кодексом, у друзей-собеседников существует возможность и желание прощать промахи друг друга, в том числе и нарушения Кодекса. Это не исключает наличия «извинительных» высказываний, подчёркивающих стремление следовать неписаным правилам. Ср.: *Кажется, что судьбою определены мне только два рода писем – обещательные и извинительные;* ***первые в начале годовой переписки****, а* ***последние – при последнем её издыхании*** [Переписка 1982: 57]. Юмор,

самоирония и олицетворение (*при последнем издыхании годовой переписки*) в приведённом фрагменте, в частности, придают ему тот самый извинительный оттенок. Кроме того, на первый взгляд, «почти нейтральные» существительные *обещание* и *извинение*, превращаясь в прилагательные (*извинительные* и *обещательные*) и становясь эпитетами, наполняют текст письма юмором. Адресант ищет и, скорее всего, находит в адресате друга-сострадальника, друга-товарища, друга-собеседника, Кроме того, явное преувеличение и ирония в сочетании слов *предопределённость судьбой* минимального количества писем, присланных адресату (два в году: *первое и последнее*), усиливает просьбу о прощении за нечастые дружеские послания…

Заметим, что юмор в дружеской переписке, в отличие, например, от любовной, может быть направлен не только на адресанта (самоирония). Дружеское подшучивание вполне допустимо и в отношении адресата, ср.: *Как себя чувствуешь, господин почетный академик? Длится ли лихорадка, о которой писал мне? Я склонен думать, что эта твоя лихорадка есть* ***лихорадка самовлюбленности*** *– твоей* ***хронической болезни****! <…> Вот она* ***твоя пята*** *–* ***обличителя человеческих пят****! Какой, брат, стыд, срам. Хоть я и простой академик, но тем не менее я снисхожу к тебе, почетному, и протягиваю тебе руку* [Левитан: эл. ресурс].

Тоскую здесь ужасно, ***не с кем слово сказать. Окружен англичанами,*** *которых, кстати, куда ни приедешь в Европу, всюду* ***бездна, как летом мух****. Начинаю думать, что в Англии англичан нет, или уж всюду слишком много! Недели через две, вероятно, еду в Россию, куда смертельно хочется* [Там же].

Следует отметить, что для текста дружеского письма характерны такие аспекты метафоричности, как гиперболы, эпитеты, олицетворения и др. Все эти аспекты в дружеском письме оказываются соединены с юмором, самоиронией, иронией, что дополнительно подчёркивает стремление адресанта к тому, чтоб эмоционально поддержать адресата, дать ему повод для улыбки, тем самым развлечься. Кроме того, всё это не исключает и надежду на проявление взаимности со стороны друга. Ибо, как писал Демокрит: «Мы нуждаемся не столько в помощи друзей, сколько в уверенности, что можем её получить».

Библиографический список

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 7-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 1999.

Арутюнова Н.Д. Метафора // Языкознание: БЭС. М.: Больш. российск. энциклопедия. 1998. С.296-297.

Гаузенблас К. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования // Вопросы языкознания, 1967, №5, с.69-75.

Изард К. Э. Психология чувств. М., СПб, Нижн. Новгород: Питер, 2002.

Карзенкова Е. П., Салимовский В. А. К экспликации понятия коммуникативной категории // Стереотипность и творчество в тексте: По матер. Междунар. конф. (Пермь, 5-7 октября 2005 г.). Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 2005. С. 98-104.

Карзенкова Е. П. Коммуникативно-речевая категория «дружба» // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. 2011. Вып.2(14). С. 89-94.

Кон И. С. Дружба: этико-психологический очерк. М.: Изд-во полит. лит., 1989. 352 с.

Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. М.: Юрайт, 2013. 416 с. URL: http://www.file://C:/Users%D0%95%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B0/Downloads/978-5-9916-2230-1_2013_.pdf (дата обращения 17.02.2016).

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // URL: http://metaphor.nsu.ru/lacoff_main.htm (дата обращения: 27.11.2015).

Левитан И. И. Письма Исаака Левитана Чехову, Третьякову, Поленову, Дягилеву // URL: http://isaak-levitan.ru/letters.php (дата обращения: 08.06.2016 г.)

Немов Р.С. Дружба // Немов Р.С. Психология в 3-х кн. Книга 1: Общие основы психологии. М.: Владос, 2001. С.601-604.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. С. 353.

Переписка А. С. Пушкин. М.: Художественная литер. 1982. В 2-х тт. Том 1.

Петровский А. В. Категории психологии: Дружеское общение // Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология. М.: ACADEMIA, 2001.С. 253-255.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против», М.:1975. С.193-230 //URL: http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm (дата обращения 09.12.2015).

Якобсон Р. Работы по поэтике. М: Прогресс, 1987. URL: http://www.imwerden.de/pdf/yakobson_roman_raboty_po_poetike_1987.pdf (дата обращения 09.12.2015).

George Lakoff. Mark Johnson. Metaphors We Live By. Chicago, University of Chicago Press, 1980. URL: http://www.metaphor.nsu.ru/lacoff_2.htm Лакофф (дата обращения. 28.12.2015).

E. P. Karzenkova
Senior Lecturer of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

METAPHOR IN THE FRIENDLY DISCOURSE

The metaphors used as means of stylization of the statement and as receptions of the organization of the text in the friendly letter. The metaphors used as means of stylization of the statement and as receptions of the organization of the text in the friendly discourse.

Key words: metaphor; linguistic discourse analysis; friendly discourse; friendly letter, friendship.

УДК 32:070.8

Кошкарова Наталья Николаевна
доцент кафедры «Международные отношения
и зарубежное регионоведение»
Южно-Уральский государственный университет
nkoshka@rambler.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КНИГИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВЕКТОР КОНФЛИКТНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу книги, функционирующей в пространстве конфликтного дискурса. Дается обоснование расширения жанрового пространства указанного типа дискурса. Предлагается характеристика средств, которые позволяют трактовать то или иное произведение как обладающее агрессивным прагматическим потенциалом.

Ключевые слова: межкультурное политическое пространство; журналистика; конфликтный дискурс; жанр; книга.

В своей предыдущей работе [Кошкарова 2015] мы уже обращались к жанру книги, функционирующему в рамках как конфликтного, так и кооперативного типов дискурса. Позволим себе несколько замечаний теоретического характера, обосновывающих отнесение рассматриваемого формата (книга) к жанровому пространству указанных типов дискурса. Полагаем, что жанрообразование на современном этапе развития науки идет по пути интеграции в понятие *жанр* достижений различных направлений исследования речи и языка (например, журналистики), что расширяет и дополняет бахтинское определение анализируемого феномена. Так, В. В. Дементьев полагает, что «идея расширительного понимания речевого жанра при одновременной внутренней дифференциации данного явления, по возможности более детальной», является более предпочтительной [Дементьев 2009: 18]. На необходимость и очевидность дополнения традиционного понимания жанра указывает и А. В. Курьянович, что, по мнению исследователя, обусловлено «присутствием в семантике и прагматике жанра целого комплекса культурно значимых, когнитивных, социопрагматических особенностей, существованием устойчивой тенденции к его дискурсивному развертыванию и наличием репрезентанта в виде вербального коммуникативного события – текста» [Курьянович 2013: 49]. Таким образом, жанр понимается нами как

© Кошкарова Н.Н., 2016

комплексное образование, которое опирается на литературное понимание жанра М. М. Бахтиным и журналистскую типологию жанров, что позволяет нам отнести книгу к жанровому пространству указанных типов дискурса. Полагаем, что книга представляет собой разновидность интервью-монолога, то есть диалога «на расстоянии», когда политический лидер отвечает на заранее присланные вопросы или комментирует высказывания других политиков» [Чудинов 2012: 58].

Наши исследования показывают, что текст книги, представляющей собой интервью-монолог, может функционировать в рамках конфликтного дискурса. Такими характеристиками, на наш взгляд, обладает книга «Жириновский отвечает журналистам» [Жириновский 1995]. Книга эта сочетает в себе признаки интервью-монолога (когда вопросы интервьюеров были присланы заранее, а ответы интервьюируемого были опубликованы в печатном виде; когда отсутствует незамедлительная реакция на реплики политика) и относится к области межкультурного политического пространства (вопросы принадлежат журналистам, аккредитованным в том числе и иностранными СМИ: тайваньское издательство «Журналист», канадский еженедельник «Вестник», английской газеты «Наблюдатель» и др.).

Перечислим те характеристики этой книги, которые позволяют нам отнести данное издание к области функционирования конфликтного дискурса.

1. Агрессивный прагматический потенциал в заголовках некоторых разделов, чему способствует, например, умышленное объединение слов в прямом и переносном значениях, когда объектом отрицательной оценки становятся те, кто ответствен за удручающее положение дел в современной России: *Кто продает Россию?*

Книга состоит из 11 разделов: *1. Каким должен быть политик? 2. О друзьях ЛДПР. 3. ЛДПР в Государственной Думе. 4. Кто продаёт Россию? 5. О политике ЛДПР в случае прихода к власти. 6. О русском вопросе. 7. О революционерах и революциях. 8. Международная политика ЛДПР. 9. О патриотизме, национализме и фашизме. 10. Будущее. Научный прогноз. 11. О восстановлении России в исторических границах.* Как видно из приведенных заголовков, автор книги репрезентирует в своих ответах на вопросы журналистов собственную политическую и идеологическую позицию, дистанцируется от людей с противоположными взглядами через конкретизацию оппозиции «свой – чужой» посредством выстраивания социальных отношений (друзья – враги) и создания ***мы***-концепта (в противоположность ***они***-концепту): *О друзьях ЛДПР.*

Следует обратить внимание на временную маркированность заголовка предпоследнего раздела, экстраполирующего взгляд политика в будущее (*Будущее. Научный прогноз*) и связанного с субъективным темпоральным субкодом как разновидностью темпорального кода, под которым понимается «фрагмент языковой системы, репрезентирующей понятийную категорию времени и отражающей неоднородность восприятия, осмысления, познания категории времени человеком» [Широкова 2010: 69].

2. Прием «навешивания ярлыков», когда он используется применительно к конкретному историческому периоду в судьбе нашей страны и к людям, занимавшим месте на «российском политическом Олимпе» в тот период; качества и (или) признаки, не свойственные объекту характеристики или присущие ему в незначительной степени, при этом обобщаются или гипертрофируются: *Интеллектуально эта публика* ***довольно убога***. ***Ее умственный потенциал значительно ниже*** *умственного потенциал среднего российского интеллигента. <…> А кто были первыми большевиками?* ***Недоумки-недоучки*** [Жириновский 1995: 5]. *<…> Если прочитаете эту книгу, вы поймете, что Лимонов и в ней выступает не как политик, а как* ***сплетник*** [Там же: 10].

3. Прецедентные антропонимы как обобщенное метафорическое обозначение чиновников, препятствующих нормальному функционированию переговорного процесса, ведения дел и т. д.: *Кислюк, руководитель администрации Кемеровской области, видимо, убоялся нашей встречи с горняками Кузбасса и решил любой ценой помешать ей. <…> Мы же, возвратившись из Кореи в Москву, после этого снова отправились в Кемерово и встретились с шахтерами. Никакие* ***кислюки*** *не смогли нам помешать* [Там же: 9].

4. Стилистически маркированная лексика с целью оскорбления своих политических оппонентов: *Конечно, я буду баллотироваться в президенты. Не потому, что я рвусь к власти (я считаю, что неуемная жажда власти – это признак* ***дегенератов)*** [Там же: 13]. *<…> От* ***дегенератов-дедов*** *пошли* ***дегенераты-внуки*** [Там же: 29]. *<…> Так вот, чтобы прекратить ограбление страны, я и решил стать президентом. Не потому, что я жажду власти (по-моему, неуемная жажда власти – это свойство* ***психически ненормальных людей или активных гомосексуалистов или лесбиянок с садистскими наклонностями****), а потому, что мне жаль этих детей, жаль этих стариков* [Там же: 46].

5. Кавычки в модальной функции, когда их ироническое употребление передает ложно положительное, а скорее отрицательное отношение адресанта к предмету обсуждения. Иногда кавычки упо-

требляются со словами-сигналами отрицательно-оценочной модальности: ***«Добренький»*** *Сергей Адамович* (Сергей Адамович Ковалев – участник правозащитного движения) *радовался (по крайней мере нисколько не возражал), когда тысячи русских женщин и детей были убиты у Белого дома в октябре 1993 года* [Там же: 33]. <…> *В результате* ***так называемых «демографических реформ»*** *молодежь ограблена больше всех* [Там же: 15]. <…> *Коммунистические газеты не закрывают, несмотря на* ***кажущуюся их «оппозиционность»*** [Там же: 28].

6. Упрек, выраженный эксплицитно на лексическом уровне: *Как вы оцениваете свои шансы на победу в 1996 году? – Если говорить коротко, я уверен в победе. В то же время, уважаемая госпожа Кларк, меня удивляет тон вашего вопроса. Можно подумать, что речь идет о каком-то спортивном соревновании, а не о судьбе великого народа и его государства, которая будет решаться на предстоящих выборах.* ***Это упрек не только вам, а всей западной прессе.*** *Ее холодное, бездушное отношение к несчастьям, переживаемым нашей страной, давно удивляет нас, русских людей* [Там же: 45].

7. Противопоставление России и Запада: *Я уже сказал, что русские женщины – самые красивые в мире (как и русские мужчины, между прочим).* ***Они гораздо умней, благородней, культурней, обладают более тонким вкусом, чем западные женщины, особенно американки*** [Там же: 61].

Таким образом, на материале книги как жанра можно сделать следующий вывод о принадлежности к конфликтному или кооперативному типу дискурсу. Типологическим основанием последнего является не различие в национальной принадлежности коммуникантов, а их стремление принять и понять то, что может восприниматься как «отклонение от нормы», сформированность навыков межкультурного, межнационального, межидейного общения, отказ от межценностных и межконфессиональных предрассудков и условностей. В случае невыполнения последних условий мы относим книгу, в которой в печатном виде зафиксировано общение представителей разных культур, к области конфликтного дискурса.

Библиографический список

Дементьев В.В. «Расширяющая» и «сужающая» тенденции в определении речевого жанра // Современная речевая коммуникация: стратегии и жанры. Омск: Омский гос. ун-т, 2009. С. 17–29.

Жириновский отвечает журналистам. М.: Чертановская типография, 1995. 111 с.

Кошкарова Н. Н. Книга в межкультурном политическом пространстве: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 20 (375). С. 69-72.

Курьянович А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике. Томск: Томский государственный педагогический университет, 2013. 220 с.

Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 2 (40). С. 53–59.

Широкова Е. Н. Темпоральный код языка и его эмотивный субкод. Н. Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет, 2010. 189 с.

N. N. Koshkarova
Associate Professor of International Relations
and Foreign Regional Studies Department
South Ural State University

BOOK IN INTERCULTURAL POLITICAL SPACE: VECTOR OF CONFLICT DISCOURSE

The paper is devoted to the analysis of the book functioning in the framework of the conflict discourse. The ground for widening the genre representation of the mentioned type of discourse is given. The means which let us interpret the book as having aggressive pragmatic potential are described.

Key words: intercultural political space; journalism; conflict discourse; genre; book.

УДК 371.4:811.161.1 (075)

Кыркунова Лариса Геннадьевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
KyrkunovaLG@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ
(на примере лингвистических материалов для 9 класса)

Статья посвящена проблеме формирования духовно-нравственных качеств личности ученика школы средствами учебного предмета русский язык. В качестве основного средства воздействия на внутренний мир подростка рассматривается корпус учебных текстов, используемых учителем при подготовке школьников 9 класса к ГИА в форме ОГЭ. Разбору подвергается характер заданий по содержанию текста и методика подготовки к написанию изложения/сочинения.

Ключевые слова: методика обучения и воспитания; духовно-нравственное воспитание; чувственно-волевая сфера; лингвистический анализ текста.

Осуществленный университетом в последнее десятилетие переход к компетентностной основе подготовки студентов, расширение спектра направлений подготовки за счет «Педагогического образования» побуждает преподавателей по-новому взглянуть на учебные дисциплины, переосмыслить некоторые стороны осуществляемого педагогического процесса, «осовременить» материалы курсов, приблизив их к требованиям сегодняшнего дня. Это в полной мере касается предмета «Методика русского языка».

Методика русского языка, будучи, с одной стороны, вполне традиционной дисциплиной лингвистического цикла (со своей методологией, предметом и объектом исследования, системой принципов и правил, законов и закономерностей), с другой, – максимально плотно соотносится с педагогикой и практической своей стороной вплетена в ткань педагогических проблем общества, которые средняя и высшая школа призвана оперативно решать.

Одной из таких проблем для российского общества стала проблема духовно-нравственного воспитания. В новом Федеральном государственном стандарте общего образования и в «Концепции модернизации Российского образования» эта проблема определяется как

© Кыркунова Л.Г., 2016

одна из центральных, ей полностью посвящается «Концепция духовно-нравственного воспитания российских школьников» [Данилюк 2009].

О значимости проблемы воспитания школьников средствами учебного предмета свидетельствует изменение названия методической дисциплины: с некоторых пор она называется «Методика обучения и воспитания (русский язык)».

Под духовно-нравственным воспитанием личности в широком плане понимается последовательное расширение и укрепление ценностно-смысловой сферы личности, формирование способности человека оценивать и сознательно выстраивать на основе традиционных моральных норм и нравственных идеалов отношение к себе, другим людям, обществу, государству, Отечеству, миру в целом. Проще говоря, у ребенка в ходе учебной (в нашем случае) деятельности должно формироваться представление об единственно возможном (соответствующем нравственным и этическим нормам нашего общества) варианте поведения в разнообразных ситуациях взаимодействия с людьми (знакомыми и незнакомыми, старшими и младшими, родными и посторонними), природой (живой и неживой). Кроме этого, нравственная воспитанность ребенка и подростка проявляется в отношении к результатам человеческого труда, произведениям искусства, объектам истории, культуры и т.д.

Одним из действенных средств реализации целей духовно-нравственного воспитания школьников, с которым должны быть максимально близко ознакомлены студенты педагогического направления, являются учебные тексты. В настоящее время не существует общепринятого определения термина «учебный текст», несмотря на его востребованность и частое использование в научно-педагогической и методической литературе. Большинство авторов понимают под словосочетанием «учебный текст» материал учебников, учебных пособий и справочных изданий. Некоторые предлагают употреблять термин «учебный текст» в расширенном понимании, – это и сами тексты, и иллюстрации, и даже способы организации текстового материала в книге. Традиционно в методике текстом называют даже не целое произведение, а «часть текста, выраженную в словесной форме, в отличие от рисунков, чертежей, формул и т.п.» [Львов 2000].

Независимо от дидактических целей урока русского языка при обращении к учебному тексту учитель, как правило, не выходит за пределы традиционного набора заданий и вопросов, образующих комплексный анализ текста в 9-11 классе: *1. Прочитайте текст. При чтении используйте интонационные подчеркивания, выделения как отдельных слов, так и смысловых отрезков. 2. Вспомните, что вы знаете о*

его авторе. (Когда он жил, в какую эпоху? К какому литературному направлению принадлежал? Чем прославился?) Если не знаете, постарайтесь узнать из справочной литературы. 3. Определите, к какому функциональному стилю речи принадлежит текст (к художественному, публицистическому, научному / научно-популярному)? 4. Какой тип речи использован при создании текста (описание, повествование, рассуждение.)? 5. К какому жанру относится текст (эпизод художественного произведения, очерк, воспоминание, притча, легенда, стихотворение в прозе и пр.)? 6. Какое настроение преобладает в тексте? 7. Определите тему текста. 8. Если текст не имеет заглавия, озаглавьте его. Если заглавие уже есть, подумайте над его смыслом (почему именно такое заглавие выбрал автор). 9. Разделите текст на смысловые части, составьте для себя план текста. 10. Как связаны части текста? Обратите внимание на лексические и синтаксические средства связи (повторяющиеся слова, синтаксические параллели или, наоборот, резкое изменение синтаксических конструкций и интонации, на порядок слов в предложениях). 11. Как соотносятся начало и конец текста? 12. На каком приеме / приемах построен текст (сопоставление, противопоставление; постепенное усиление чувства, постепенное развитие мысли; быстрая смена событий, динамичность; неторопливое созерцание и пр.)? 13. Отметьте основные образы текста (не забудьте об образе автора). 14. Проанализируйте лексику, использованную в тексте: найдите незнакомые или непонятные слова и установите их значения по словарю. 15.Обратите внимание на правописание этих слов; найдите ключевые слова в каждой части текста. Определите, чем обусловлен их выбор? Понаблюдайте за различными повторами (анафорами, эпифорами, лексическими повторами, повторами однокоренных слов). Чем они обусловлены? Найдите в тексте лексические и контекстуальные синонимы и / или антонимы. Найдите перифразы. С какими целями они использованы? Найдите многозначные слова и слова, употребленные в тексте в переносном значении. 16. Обратите внимание на стилевую принадлежность лексики, на употребление архаизмов, историзмов, неологизмов и терминов; на оценочные слова, разговорные, просторечные или, наоборот, слова возвышенного стиля. Зачем они употреблены автором? Выделите фразеологизмы. Зачем они употреблены? 17.Обратите внимание на средства художественной выразительности и фигуры речи, если они применяются автором (эпитеты, метафоры). И т. д.

Без труда можно заметить, что перечень этих и других, несомненно, чрезвычайно важных для формирования речевых компетенций вопросов не включает ни одного, напрямую соотносящегося с воспитательными задачами урока. Вместе с тем, для достижения целей духовно-нравственного воспитания необходима именно планомерно осуществляемая, полноценная систематическая работа на каждом уроке. А значит, вопросы, направленные на

формирование нравственных оценок содержания текста, осмысление ценностных ориентиров, освоение социально-нравственного опыта, должны стать неотъемлемой частью работы над каждым текстом. Как справедливо отмечают Е.П.Александров и М.В.Воронцова, «в современной образовательной практике широкое применение находят разнообразные художественные тексты (в том числе и тексты медиа), направленные на социализацию личности, на становление ее гармоничных отношений с окружающим миром, на развитие творческих способностей и умений. Художественные тексты, как правило, не подчиняются объяснительному принципу, а прямо рассчитаны на «встречную» смыслотворческую активность адресата» [Александров, Воронцова 2015]. В общий план работы над текстом могли бы быть введены вопросы и задания следующего типа:

– оцените поступки главных героев текста;

– определите, почему герои оказались в подобной ситуации;

– если бы вы оказались в такой же ситуации, как бы вы поступили?

– если бы вы оказались свидетелями событий, о которых говорится в тексте, на чью сторону вы бы встали и почему?

– попробуйте представить себе и расскажите, что будет происходить после описанных событий;

– попробуйте объяснить, почему возникла ситуация, в которой оказались главные герои текста.

Чтобы проверить возможность введения перечисленных вопросов в процесс обсуждения текста на уроке русского языка, мы проанализировали корпус учебных текстов, максимально часто используемых учителями- словесниками при работе в девятых классах. Это тексты, входящие в тесты ГИА и объединенные таким образом в типовые экзаменационные варианты [ОГЭ. Русский язык 2015].

Учебные тексты по подготовке к ОГЭ условно можно разделить на две группы: тексты для изложений и тексты для лингвистического анализа, включенные в структуру тестов.

Тексты для изложений имеют дозированный объем (от 130 до 190 слов), с воспитательной точки зрения объясняющее-назидательный характер. В них, как правило, приводятся взвешенные оценки, точные определения. Например: *Не стоит думать, что друг должен быть идеальным человеком* (по И.Бондаревой), *Отказать человеку в помощи – значит, потерять собственное человеческое достоинство* (по Д.С.Лихачеву), *Добрые чувства, эмоциональная культура – это средоточие человечности* (по В.А.Сухомлинскому). Они направлены, скорее, на обдумывание, а не на сопереживание. В них не отражаются

конфликтные ситуации, в них нет героев, коллизий. Это тексты – рассуждения.

В методическом плане это означает, что тексты изложений ориентированы не на чувственно-эмоциональную или волевую сферы личности обучаемого, а почти исключительно на сферу сознания школьника. На наш взгляд, это обстоятельство одновременно и облегчает, и затрудняет реализацию воспитательных задач при работе над текстами изложений. Облегчает, так как некие духовно-нравственные постулаты сформулированы в текстах напрямую, непосредственно. Задача воспитанников – усвоить их, запомнить и принять как руководство в жизни. С другой стороны, мы понимаем, что это возможно лишь в том случае, когда духовно-нравственный смысл текста может быть адекватно воспринят учеником, то есть ученик уже поднялся в своем развитии на определенный уровень, находясь на котором, он способен воспринимать абстрактный смысл предлагаемого текста. К сожалению, в реальной практике работы с девятиклассниками мы очень часто наблюдали ситуации, когда ученики не могли ответить на вопросы: «О чем этот текст? Какая нравственная проблема волнует автора текста» и т.п.

Тексты для лингвистического анализа, включенные в структуру тестовых заданий, принципиально иные. Это объемные фрагменты публицистических, реже – художественных произведений со своей сюжетной основой, персонажами и т.д. В основном приводятся повествования, редко – описания. Всего нами было рассмотрено 36 текстов. Именно эти тексты дают учителю простор для выяснения деталей, анализа педагогических ситуаций, в которые попадают герои, для оценки поступков и их последствий, то есть позволяют полноценно решать воспитательные задачи. Тексты по А.Иванову, Ю.Яковлеву, В.Катаеву, В.Астафьеву в полной мере реализуют задачи формирования уважения к старшим, преклонения перед силой и красотой природы, милосердного отношения к животным, дают примеры человеческой стойкости, гражданского мужества и других качеств, делающих честь любому современному человеку.

Однако хотелось бы поделиться одним субъективным наблюдением, которое возникает в ходе изучения текстов ГИА. Будучи извлеченными из тестов и читаемыми один за другим, тексты, предлагаемые составителями, вызывают отнюдь не чувство оптимизма и веры в человека, его силы и возможности, его благородство и мудрость, а воздействуют, скорее, угнетающее. Причем по мере продвижения от одного текста к другому такое впечатление только усиливается. Что

этому способствует? Для ответа на этот вопрос обратим внимание на события, предшествующие ситуациям, описанным в текстах. Например:

Текст к тесту 2 (по В.Железникову) – *девочка прощает одноклассника, которому дети пытаются объявить бойкот, так как ее до этого тоже долго травили.*

Текст к тесту 3 (по Р.Госман) – *девочка-поэтесса прощает подругу, до этого времени подло высмеивающую ее стихи за ее спиной.*

Текст к тесту 7 (по Ю.Яковлеву) – *мальчик подкармливает собаку, которая преданно ждет на берегу моря возвращения давно погибшего хозяина.*

Текст к тесту 8 (по Ю.Яковлеву) – *школьник помогает выгуливать собаку мальчика-инвалида, которую собираются продать.*

Текст к тесту 9 (по В.Астафьеву) – *у куницы Белогрудки мальчишки до смерти замучили детеныша, после чего она начинает мстить людям.*

Текст к тесту 10 (по А.Лиханову) – *на пожаре мальчик спасает цыплят из огня.*

Текст к тесту 12 (по Ю.Яковлеву) – *директор школы беседует с мальчиком, отец которого перед этим убил его любимую собаку* и т.д.

Лишь в нескольких отдельных текстах без этой предваряющей или фоном сопровождающей рассказ жути повествуется о преодолении стихии (текст к тесту 4), о завораживающей силе и красоте всего живого, о мудрости человека (текст к тесту 11), о нелегком взрослении мальчика через душевные страдания и первую влюбленность. Получается, что мы (составители тестов – методисты, профессионалы), декларируя идеи добра, свободы, справедливости, ценности всего живого на земле, имплицитно (если можно так сказать) разворачиваем перед детьми картину страшного мира, где сильный губит слабого; жестокие и недалекие люди, сбившись в стаю, травят других, ни в чем не повинных; где героизм и мужество поступать по-человечески можно проявить только на фоне чужого преступления, подлости, обмана.

Выводы очевидны. Во-первых, воспитательный компонент должен стать полноценной частью любой работы над учебным текстом. Несомненно, сама процедура подбора учебных текстов – сложное и ответственное дело. Все же мы надеемся, во-вторых, что в учебной, учебно-методической и дополнительной литературе по русскому языку для средних школ будет представлен более широкий спектр учебных текстов, в том числе отражающих не только негативные стороны действительности, несправедливость окружающего мира и жестокое отношение человека ко всему живому, которое затем в результате нечеловеческих усилий преодолевается исключительными личностями.

Нужны тексты с позитивной, жизнеутверждающей доминантой, передающие красоту окружающего мира, повествующие о мудрости человека, о его способности к преодолению себя и к самоконтролю, самовоспитанию. В-третьих, особого внимания методистов требуют тексты, содержащие назидания (тексты для изложений). Методика их анализа должна быть простой и понятной школьнику и включать скрупулезную предварительную работу, направленную на развитие не столько образного, сколько абстрактного мышления и, конечно, речи.

Библиографический список

Александров Е. П., Воронцова М. В. Учебный текст и текстовая деятельность в образовательном процессе // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 6. С. 56-61; URL: http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=35060 (дата обращения: 12.07.2016).

Габидуллина А. Р. Учебно-педагогический дискурс. Горловка: ГГПИИЯ, 2009. 160 с.

Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. Рос. акад. образования. М.: Просвещение, 2009. 29 с.

Львов М. Р. Основы теории речи. М., 2000.

ОГЭ. Русский язык: типовые экзаменационные варианты: 36 вариантов / под. ред. И.П. Цыбулько М: «Национальное образование», 2015. 240 с.

L. G. Kyrkunova
Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

MODERN EDUCATIONAL TEXT AS AN INSTRUMENT OF SPIRITUAL AND MORAL PUPILS EDUCATION (evidence from linguistic materials for ninth grade)

The article is devoted to a problem of formation of spiritual and moral qualities of municipal educational institution student by means of the study subject. The training corpus which is used by the teacher in preparing graduating classes students (in this particular case, the 9th grade) for the state final attestation in the form of basic state exam is considered as the main tool of influencing at the inner world of a teenager. Nature of tasks on the content of the text and the methods of preparation for writing works are analyzed.

Key words: training and education methods; spiritual and moral education; sensory-volitional sphere; linguistic text analysis.

УДК 81.367.4

Мишланов Валерий Александрович
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
vmishlanov@yandex.ru

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье вновь поднимается проблема словосочетания как особой единицы синтаксического уровня. Обосновывается тезис о том, что в статическом плане словосочетание всецело принадлежит структуре предложения (является ее неэлементарной непосредственно составляющей), а функциональная специфика словосочетания проявляется в динамическом (деривационном) плане. Будучи, как и слово, строительным материалом для предложения, словосочетание само деривационно соотнесено с предложением, являясь результатом трансформации (дезактуализации) предложения, осуществляемой в процессе развертывания связного текста для оформления темы нового высказывания.

Ключевые слова: синтаксические единицы, предложение, словосочетание, синтаксис текста, синтаксическая деривация, дезактуализация.

Разрабатывая много лет назад курс лекций по синтаксису русского языка, я столкнулся с тем, что не могу определенно отграничить синтаксические явления, касающиеся простого предложения, от того, что в синтаксической науке квалифицируют как принадлежность словосочетания. Известно, что многие языковеды в синтаксических исследованиях обходились, в общем, без этой категории. Ср.: «У тех языковедов, для которых в центре синтаксиса находилась теория предложения и его членов (например, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, Д.Н. Овсянико-Куликовского, А.А. Шахматова и др.), изучение словосочетания отходило на задний план и даже нередко совсем исчезало из синтаксиса» [Виноградов 1975: 232]. Как пишет В.А. Белошапкова, в рамках логического и психологического направлений в синтаксисе его предметом было предложение, а «понятие словосочетания при таком построении было ненужным» [Совр. русск. язык 1981: 400].

Не обращаются к категории словосочетания как к особому синтаксическому понятию и историки синтаксиса, описывающие специфические синтаксические явления старославянского или древнерусского языков в терминах синтаксиса простого или сложного предложения (см., например: [Борковский, Кузнецов 1963]; [Хабургаев

© Мишланов В.А., 2016

1974]). А.Б. Шапиро в «Очерках по синтаксису русских народных говоров» ограничивается исследованием строении предложения, объясняя это тем, что «характерными для синтаксиса разговорной речи, в отличие от книжно-письменной, являются главным образом (а может быть, даже исключительно) приемы построения предложения» [Шапиро 1953: 9]. Добавлю, забегая вперед, что словосочетание как результат свертывания (дезактуализации) предложения используется в особой функции, имеющей отношение не только к структуре предложения, но и к синтаксису текста, но в этой роли оно вообще мало характерно для «изобразительного» синтаксиса живой разговорной речи. Функциональная «ниша» словосочетания – «описательный» синтаксис книжных стилей языка (подробней об этом см.: [Мишланов 2004: 108]).

Традиционный взгляд на словосочетание в русском синтаксисе сложился, возможно, из обобщения опыта обучения грамматике в школе. Выявление синтаксических связей в предложении не составляет обычно особого труда для учеников, если каждая из них представляется в «школьной» грамматической модели с вопросительными местоимениями и «провербом» *делать*. Ученик подобным образом разбирает предложения сколь угодно сложной структуры на элементарные блоки, отчего создается впечатление, что из этих блоков (*непосредственно составляющих*, по определению Л. Блумфилда) предложение и строится в процессе говорения. Но если, например, соединения слов *соседские дети* или *сказку о сером волке* в высказывании *Соседские дети с интересом слушают сказку о сером волке*, действительно, могут и должны быть рассмотрены как строительные блоки, созданные до момента порождения данного предложения, то для «блоков» типа *слушают сказку* («Слушают что?»), *слушают с интересом* («Слушают как?») такая трактовка неверна, ибо они являются неотъемлемой частью данного предложения, такой же, собственно говоря, какой является и его предикативная основа.

В истории русского синтаксиса термин «словосочетание» употреблялся как синоним выражения «соединение (сочинение) знаменательных слов». Этим русским словом передаются обозначения типа англ. *phrase, combination of words, word-combination, word-group, collocation* («соединение двух или более знаменательных слов, служащее для выражения единого, на расчлененного понятия», а также «любой вид грамматического сочетания полнозначных слов» [Ахманова 1966: 426]).

В таком именно значении используется обозначение «словосочетание» в работах Ф.Ф. Фортунатова, называвшего и предложение «законченным словосочетанием». Противопоставив таким

образом предложение незаконченному словосочетанию, Ф.Ф. Фортунатов, по сути дела, и выделил эту синтаксическую единицу, определив ее как «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом», употребляющимся в качестве части «целого психологического суждения» [Фортунатов 1957: 451].

В этом же значении использует термин «словосочетание» и А.А. Шахматов, обозначая им «такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других» [Шахматов 1941: 274].

По сути дела, термин «словосочетание» используется в широком значении «синтаксическая конструкция». Ср: «Свободные формы (слова и словосочетания) языка выступают в составе более крупных несвязанных форм (словосочетаний), организуемых посредством таксем модуляции, фонетической модификации, селекции и порядка следования. Любой повторяющийся и обладающий значением набор таких таксем является *синтаксической конструкцией*. В англ. языке, например, конструкция “действующее лицо – действие” в таких словосочетаниях, как *John ran, John fell*» [Блумфилд 1968: 195-196].

Ср. еще: «Между словом и предложением грамматисты обычно выделяют две другие единицы: словосочетания и несамостоятельные предложения (*clauses*). Различие между двумя последними традиционно описывается примерно след. образом: любая группа слов, грамматически эквивалентная отдельному слову и не имеющая собственного подлежащего и сказуемого, есть *словосочетание* [*phrase*]; с другой стороны, группа слов с собственным подлежащим и сказуемым, если она включена в большее предложение, есть *несамостоятельное предложение*» [Лайонз 1978: 183]. Из данного определения следует, что *клауза* – это придаточное предложение, ибо, например, причастный оборот может быть эквивалентом слова лишь в соединении с определяемым именем, находящимся вне оборота, а деепричастный оборот в русском языке в принципе не является эквивалентом иного слова, не может быть «свернут» в подлежащее, так как, потеряв значение им.п. (а также рода и числа), деепричастие перестало в некоторый момент истории согласовываться с ним, в то же время эти обороты не имеют собственного подлежащего и сказуемого. Термин «клауза», однако, употребляется в существенно более широком значении, чем указанное у Лайонза (см. [Тестелец 2001: 255-256], где этим словом обозначается любая синтаксическая конструкция с пропозитивным значением, т.е. семантически эквивалентная предложению (референтно соотнесенная с ситуацией).

Наиболее влиятельной в отечественном синтаксисе стала концепция В.В. Виноградова. Критикуя синтаксические взгляды А.М. Пешковского, он замечает: «В корне ошибочна мысль, внушенная А.М. Пешковскому акад. Ф.Ф. Фортунатовым, будто понятие предложения можно вывести из понятия словосочетания. Словосочетание и предложение – понятия разных семантических рядов и разных стилистических плоскостей. Они соответствуют разным формам мышления… Словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных категорий речи, средств сообщения. Но оно относится так же, как слово, и к области "номинативных" средств языка, средств обозначения. Оно так же, как и слово, представляет собой строительный материал, используемый в процессе языкового общения. Предложение же – произведение из этого материала, содержащее сообщение о действительности» [Виноградов 1950: 38].

Специфику словосочетания (и необходимость выделения в качестве особой единицы) В.В. Виноградов усматривает в том, что они «выражают в составе предложения единые, хоть и расчлененные значения. Такого рода грамматические единства, называемые словосочетаниями, состоят не менее чем из двух полнозначных слов и являются строительным материалом для предложения. Только в составе предложения и через предложение словосочетания входят в систему коммуникативных средств языка. Рассматриваемые вне предложения, как строительный материал для него, словосочетания, так же, как и слова, относятся к области номинативных средств языка…» [Виноградов 1975: 231].

«Естественно, что в систему форм глагольных словосочетаний – *изучать философию, заниматься пением*… и т.п. – входят и их предикативные формы: *изучаю философию, занимаюсь пением* и т.п. Но эти формы представляют собой лишь потенциальный материал для составления предложений, так как словосочетание сам по себе не имеет интонации сообщения и ему чужды соотносительные категории подлежащего, сказуемого и других членов предложения» [Там же: 232]. Словосочетание понимается, таким образом, как строительный материал для предложения, а система форм словосочетания тождественна системе форм господствующего слова.

Эти идеи В.В. Виноградова нашли отражение во многих научных исследованиях русского синтаксиса (в т.ч. в «Грамматике-80) и в вузовских учебниках. Ср.: «Словосочетание – это синтаксическая конструкция, образующаяся на основе подчинительных связей: согласования, управления и примыкания»; «Как и всякая синтаксическая

единица, словосочетание – в определенном своем лексическом наполнении – предстает в предложении, в составе текста или – вне предложения – в качестве именующей единицы…» [Грамматика 1980: 79, 80]. Завершая краткий обзор разработки в русском синтаксисе понятия словосочетания, Д.Э. Розенталь пишет: «1) Словосочетания не результат дробления предложения на части…, но наряду с отдельными словами они входят в состав предложения в качестве его конструктивных элементов, выполняя лексико-семантическую функцию сложного названия…; 2) к числу словосочетаний не относятся пары, образуемые подлежащим и сказуемым, поскольку здесь налицо отношения, возникающие только в предложении (предикативные отношения); 3) не образуют словосочетания также конструкции, связанные т.н. полупредикативными отношениями, т.е. обособленный оборот и слово, к которому он относится [на это замечу, забегая вперед, что конструктивно и функционально вполне тождественны словосочетаниям причастные обороты с определяемыми существительными]; 4) группа однородных членов (сочинительное сочетание) не образует словосочетания, т.к. не является «распространенным словом», т.е. сложным наименованием явлений объективной действительности…» [Валгина, Розенталь… 1971: 305]. Замечу, что в состав словосочетаний здесь включены и «непосредственно составляющие» типа *вымыл машину, придет завтра, способный на многое, полный/полон сена* и т.п., которые в действительности не производны и являются неотъемлемой частью предложения (либо словосочетания типа *полный душистого сена чердак*).

Анализируя историю изучения в русской синтаксической науке словосочетания, В.А. Белошапкова пишет: «Конкретное воплощение идеи о двух синтаксических единицах: словосочетании и предложении – в концепции В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой вызвало ряд возражений. Обобщая эти возражения, можно сказать, что подвергнуто убедительной критике само понимание словосочетания как «распространенного слова» и его следствия, – в частности, понимание формы словосочетания как формы главного слова» [Современный русский язык 1981: 403]. По мнению В.А. Белошапковой, нельзя словосочетание ограничивать только конструкциями с присловными подчинительными связями, и оппозиция словосочетание / предложение должна строиться «с опорой на признак непредикативности / предикативности». «С этих позиций словосочетание должно быть определено как непредикативное соединение на основе синтаксической связи слова с формой слова или формы слова с формой слова» [Там же].

Как видно, и определение В.А. Белошапковой, расширяя границы словосочетания, оставляет открытым вопрос о мотивах выделения словосочетания как особой синтаксической категории (как будто это само собой разумеется). Если словосочетание «не результат дробления предложения на части», а его «конструктивный элемент», «строительный материал», то возникает вопрос о деривации самого словосочетания – мотивах и механизмах его порождения. Приведенных выше определений для этих целей недостаточно.

Итак, проблема – до сих пор сохраняющая актуальность и теоретическую значимость – состоит не в том, чтобы ответить на вопрос, есть ли словосочетание как особая синтаксическая единица, а в том, чтобы определить грамматическую природу словосочетания и понять, какие из реально встречающихся в текстах синтаксические комплексы должны быть отнесены к этому классу синтаксических единиц.

Любое соединение из грамматически связанных знаменательных слов есть синтаксическая конструкция (непосредственно составляющая), но не всякая конструкция внутри предложения есть синтаксическая единица. Определим синтаксическую единицу как такую непроизводную или производную грамматическую форму, которая определенным образом, при участии определенных служебных слов и аффиксов, выполняя при этом некую собственную функцию, входит в состав предложения, простого или сложного. Подчеркнем при этом, что в простом неосложненном предложении (например: *Иван еще утром очень старательно вымыл эту машину*) нет производных синтаксических единиц (лексическая деривация, понятно, во внимание не принимается), в том числе и словосочетаний, если под ними понимать не конструкцию только (непосредственно составляющую), а синтаксическую единицу, обладающую особой функцией.

Так, в предложении *Мальчик увлеченно рассказывал другу о рыбалке* имеются такие синтаксические связи слов, которые называют управлением и примыканием, но нет здесь каких-либо оснований для того, чтобы интерпретировать синтаксические соединения внутри этого предложения как особые единицы, как структуры, привнесенные извне. В этом просто нет необходимости. В традиционной (статической) трактовке словосочетание вне предложения выполняет только одну функцию – номинативную, а в составе предложения к ней можно добавить «конструктивную» (синтаксическую); впрочем, в этом плане следует говорить о функции не столько словосочетания, сколько его опорного слова.

Тем не менее выделение словосочетания как особой синтаксической единицы представляется делом совершенно оправданным, даже необходимым, ибо многие языковые факты дают основания для того, чтобы некоторые соединения слов считать особой синтаксической сущностью, для осмысления которой недостаточно анализа синтаксических связей внутри простого предложения. Но проникнуть в синтаксическую природу словосочетания, т.е. выявить его специфические (на фоне слова и предложения) функции и деривационные особенности, можно, по-видимому, лишь изменив угол зрения, переведя анализ из статической плоскости (где понятие словосочетания оказывается просто избыточным, дублирующим понятия, используемые при описании простого предложения) в динамическую.

Словосочетание – это не статическая единица языка, оно не извлекается из словаря. В то же время словосочетание не образуется до процесса порождения предложения. Точнее, оно строится до порождения актуального предложения-высказывания из материала, содержащегося в предшествующем контексте (эксплицитном или, очень часто, подразумеваемом).

То, что в современном синтаксисе обозначено термином «пропозиция» и что можно определить как семантический эквивалент ситуации (события), в поверхностно-синтаксической структуре представляется не только в форме предложения (предикативной единицы), но и иными, непредикативными грамматическими формами – т.н. *номинализациями* (*полет птицы, белизна снега, гордость аристократа*) и *атрибутивациями* (*летящая птица, белый снег, уставшие после долгой прогулки дети* и т.п.).

Априори ясно, что и в синхроническом, и в диахроническом плане первичным (непроизводным) является предложение. Всякое словосочетание есть результат определенным образом мотивированного преобразования предложения (с использованием механизмов синтаксической деривации), в то же время предложение (в его ядерной основе) не может быть возведено к словосочетанию. Конечно, мы, владея языком, в т.ч. механизмами порождения и трансформации предложения (синтаксической деривации), можем сконструировать любое словосочетание вне текстопорождающего процесса, как бы из воздуха, и нередко так и поступаем, образуя сложные наименования путем соединения прилагательного и существительного (атрибутивные конструкции типа *чистая рубашка* или *густой ельник* обычно порождаются вне контекстуальной связи с предложениями

Рубашка – чистая, *Ельник – густой*). Мы, играя и играючи, способны образовать словосочетание любой сложности из любых слов (даже выдуманных или настоящих, но не имеющих семантической когезии, как в случае с известными *штеко будлануть, кудряченье бокренка, яростный сон зеленых идей* и т.п.). Но это не опровергает постулата о синхронической (деривационной) и диахронической вторичности словосочетания. Словосочетание, будучи строительным материалом для предложения, само строится из «материала» предложения.

Функциональная специфика словосочетания как особой синтаксической единицы – в грамматике текста. Различия между словосочетанием и словом (и даже аналитическим выражением) качественны; они лежат в области деривации: словосочетание производно синхронически, тогда как слово (производное, естественно) – диахронически. Словосочетание образуется в процессе текстопорождения для определенных коммуникативных целей. Только в этом смысле мы можем говорить о словосочетании как строительном материале для актуального предложения текста.

Если попытаться найти линии разграничения словосочетания и сочетаний слов внутри предложения, то окажется, что для адвербиальных и адъективных «словосочетаний» (*очень высоко, богатый на события, твердый в решениях, коричневый от загара, строгий к себе*) места не найдется, ибо в реальных текстах эти соединения существуют в составе предложения только в определенной синтаксической позиции и их описание, даже в составе обособлений, не требует выхода за рамки предложения.

Нельзя полагать (не умножая сущностей), что в предложении *Соседские дети увлеченно читают сказку о сером волке* части *читают сказку* или *увлеченно читают* построены из словосочетания *читать сказку, читать увлеченно.* Напротив, синтаксические соединение глагола-сказуемого с дополнением или обстоятельством служат материалом для реальных словосочетаний (*читать сказку* или *чтение сказки, увлеченное чтение*), которые заполняют синтаксические позиции нового предложения текста (например: *Чтение сказки было прервано неожиданным происшествием…*).

Можно поэтому, не порывая с существующей традицией, выделять словосочетания реальные и потенциальные. Реальное словосочетание – номинативный компонент предложения, соотносимый с предшествующим (реальным или подразумеваемым) предложением, потенциальное – предикативное сочетание и подчинительные связи глагола с актантами, с той, однако оговоркой, что потенциальное

словосочетание должно еще трансформироваться, прежде чем станет реальным, а потому не является словосочетанием как таковым.

Иначе говоря, реальное словосочетание – это результат дезактуализации (деградации, выражаясь словами Г. Пауля) предикативных компонентов предложения и их транспозиции в тему (как правило) нового высказывания (о понятии дезактуализации см.: [Мишланов 2010]).

Поэтому мы не вправе определять как словосочетания такие основанные на подчинительной связи соединения, которые не могут быть возведены к первичному (в предтексте) предикативному состоянию. Такие соединения не могут, кроме того, самостоятельно образовывать тему актуального высказывания (случаи метаязыкового употребления в кавычках, естественно, не в счет). Ср.: *Иван очень старательно моет автомобиль,* в котором между *старательно* и *очень* не могут быть восстановлены предикативные отношения, *очень старательно* (как и всякое другое сочетание наречия с прилагательным или с наречием) само по себе не может быть темой высказывания. То же относится и к адъективно-субстантивным и адъективно-инфинитивным сочетаниям типа *богатый на события, склонный приврать.*

Итак, если говорить коротко, словосочетание как особая синтаксическая единица есть результат синхронных синтаксических процессов, обеспечивающих развертывание связного текста, результат дезактуализации высказывания для транспозиции его в тему нового высказывания. Дезактуализация, в ходе которой образуется словосочетание, реализуется, как уже было сказано, в виде номинализаций (*Дети читают книгу > чтение книги / читать книгу; Снег белый > белизна снега*) или атрибутиваций (*читающие книгу дети*; *белый снег* и т.п.) [Мишланов 2010: 57–58].

Из сказанного следует, что словосочетание – это номинативная единица, соотнесенная с пропозицией, а потому оно всегда может быть возвращено на уровень предикативной единицы. Не являются поэтому словосочетаниями соединения с прилагательными и наречиями в качестве господствующего слова или соединения личных форм глагола-сказуемого с любым из членов предложения, а также аналитические обозначения типа *железная дорога* или *серый волк*.

Словосочетание образуется из предложения для определенных синтаксических потребностей, в частности для формирования темы нового высказывания в связном тексте. Конструкции вида *склонный пофантазировать*… не могут, не субстантивируясь, быть синтаксически

независимой номинативной единицей, стало быть, полноценной темой высказывания (в метаязыковом употреблении это сочетание субстантивируется, получая значение ‘выражение «склонный пофантазировать»’; ср.: *«Склонный пофантазировать»* (тема) – *не словосочетание* (рема).

Словосочетания употребляются и вне предложения – в виде заголовков, например, или разного рода вывесок (коммерческих онимов). Подчеркнем, однако, что в этой функции они уже не являются формами пропозиции (лишены «событийной референции»), иначе говоря, в этой функции словосочетания, как и предложения, перестают быть таковыми, т.е. перестают быть синтаксическими единицами (ср.: «Капитанская дочка», «Отцы и дети», «Доживем до понедельника», «А зори здесь тихие» и т.п.).

Итак, в статическом аспекте словосочетание есть грамматическое объединение на основе непредикативной подчинительной связи знаменательных слов, выражающее некоторое отношение (синтаксическое или логико-семантическое) и имеющее пропозитивное значение (референтно соотнесенное с ситуацией). С динамической (деривационной) точки зрения словосочетание есть результат трансформации предикативной единицы (дезактуализации), осуществляемой в процессе развертывания связного текста для оформления темы нового высказывания. Таким образом, функциональная специфика словосочетания состоит в том, чтобы быть средством тема-рематической организации высказывания как компонента связного текста, одним из основных способов включения синтаксиса предложения в синтаксис текста.

Библиографический список

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: «Советская энциклопедия», 1966. 608 с.

Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 608 с.

Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд. АН СССР, 1963. 512 с.

Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И., Цапукевич В. В. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1971. 510 с.

Виноградов В. В. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А.М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. С. 36–4.

Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетания // Исследования по русской грамматике. Избр. труды. М., 1975. С. 231–253.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 544 с.

Мишланов В. А. О синтаксисе изобразительном и описательном // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текстов и речи. Сб. ст. Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Соликамск, 2004. Т. 2. С. 107–113.

Мишланов В. А. К типологии сложного предложения: структурно-семантические особенности изъяснительных конструкций // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2 (8). С. 52–59.

Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. II. 712 с.

Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981. 560 с.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 800 с.

Фортунатов Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Избранные труды. Т. II. М.: Учпедгиз,, 1957. С. 427–462.

Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1974. 432 с.

Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М.: Изд. АН СССР, 1953. 317 с.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. 620 с.

V. A. Mishlanov
Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

WORD COLLOCATION IN THE DYNAMIC ASPECT

The article is about the issue of word collocation as a peculiar unit of the syntactic level again. The author substantiates the thesis that in static terms the word collocation belongs entirely to the structure of the sentence (it is non-elementary component directly), and the functional specificity of the phrase is manifesting in the dynamic (derivative) terms. Being as the word, the building block of sentence, the word collocation itself associates with the sentence derivationally, as a result of the transformation (deactualization) of the sentence which are realizing during the deployment of coherent text for registration of the topic of the new utterance.

Key words: syntactic units; sentence; word collocation; syntax of text; syntactic derivation; deactualize.

УДК 81'367

Пиотровская Лариса Александровна
профессор кафедры русского языка
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
larisa11799@yandex.ru

ЭМОТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ТЕКСТЕ

Объектом исследования являются эмотивные высказывания, то есть высказывания, в коммуникативной характеристике которых доминирует намерение субъекта речи выразить свое эмоциональное состояние или эмоциональное отношение к кому-либо или чему-либо. Рассматриваются синтагматические связи эмотивных высказываний с высказываниями, в которых доминирует рациональная оценка того же фрагмента действительности. В статье предлагается когнитивная трактовка двух вариантов синтагматических связей эмотивных высказываний и высказываний других коммуникативных типов, то есть препозиция и постпозиция эмотивного высказывания, – с точки зрения взаимодействия эмоциональной и рациональной оценки отражаемой ситуации.

Ключевые слова: эмотивные высказывания; эмоциональная оценка; рациональная оценка; синтагматические связи эмотивных и не-эмотивных высказываний.

В исследованиях, выполненных на материале разных языков (русского, английского, французского, немецкого), авторы которых анализируют высказывания, являющиеся в нашем понимании эмотивными [Пиотровская 1994], имеются противоречивые данные о том, какая позиция в линейной цепи внешней речи характерна для эмотивных высказываний – препозиция или постпозиция.

Проиллюстрируем разные позиции примерами, записанными нами в разговорной речи (здесь и далее полужирным шрифтом выделяется эмотивное высказывание; подчеркивается высказывание, в котором тот же фрагмент внеязыковой действительности характеризуется с точки зрения рациональной оценки):

(1) А: – *Наташа! Где это Вы так хорошо загорели?*

В: – ***Что вы говорите?*** *По-моему, я зеленая после болезни.*

(2) [Мать сыну при проверке домашнего задания по русскому языку:] *Ты посмотри, как ты безграмотно пишешь!* ***Тоже мне, грамотей нашелся! А еще в институт поступать собрался!***

Можно было бы предположить, что выбор пре- или постпозиции эмотивного высказывания зависит от специфики эмотивной

© Пиотровская Л.А., 2016

синтаксической модели. Однако материалы, имеющиеся в нашей картотеке эмотивных высказываний русского языка, этого не подтверждают. Ср. два варианта синтагматических связей эмотивных высказываний одного структурно-семантического типа, построенных по модели «(тоже + мне +) существительное с характеризующим значением (+ какой / мне) + нашелся / называется»: *Тоже мне, герой!* / *Тоже мне, герой нашелся!* / *Тоже мне, герой называется!* / *Герой какой нашелся!* / *Герой мне нашелся!*:

(3) [Любим:] – *Ты за зебры хватай, за зебры!*

[Герасим:] – *Не видать жабров-то… Постой, ухватил за что-то… За губу ухватил… Кусается, шут!*

[Любим:] – *Не тащи за губу, не тащи – выпустишь! За зебры хватай его, за зебры хватай! Опять почал рукой тыкать! Да и беспонятный же мужик, прости царица небесная! Хватай!*

[Герасим:] – *Хватай… – дразнит Герасим. –* ***Командер какой нашелся…*** *Шел бы да и хватал сам, горбатый черт… Чего стоишь?* [А. П. Чехов. Налим]

(4) – *Витька!*

– *Ну!*

– *Чего молчишь?*

– *Я читаю.*

– *Что ты мне очки втираешь?* – осердился дядя Николай. – *Читает он!* – Потянулся, взял у Витьки книгу. – *Что ты читаешь? То ж задачник! Кто же так задачник читает… как художественную литературу.* ***Менделеев мне нашелся!***

[В. Шукшин. Позови меня в даль светлую]

Предварительный анализ картотеки эмотивных высказываний русского языка свидетельствует о том, что препозиция эмотивного высказывания по отношению к высказыванию, содержание которого представляет собой развернутое вербальное выражение рациональной оценки соответствующего фрагмента внеязыковой действительности, является типичной для всех эмотивных высказываний (около 80%), независимо от их структурно-семантического типа.

Для объяснения данного феномена целесообразно рассмотреть процесс речепроизводства во взаимосвязи с познавательным процессом, направленным на определенный фрагмент внеязыковой действительности.

В философских и психологических исследованиях аксиоматичным считается положение о том, что познание представляет собой сложный, многоуровневый процесс. В настоящее время мы располагаем и данными экспериментального исследования начального этапа процесса

познания. В психологическом исследовании Е. Ю. Артемьевой экспериментально доказано, что начальный этап процесса познания любого объекта, названный автором «первовидением», представляет собой нерасчлененную эмоциональную оценку: «… восприятие объекта проходит по крайней мере две принципиально различные стадии: “первовидение” – когда объект оценивается нерасчленимо-целостно, и “второвидение” – когда он (объект) отдается на поаспектное анализирование классифицирующим системам типа систем сенсорных эталонов» [Артемьева 1989: 32].

На этом основании можно заключить, что в случае препозитивного употребления эмотивного высказывания по отношению к высказыванию, в котором тот же самый объект анализируется с позиций рациональной оценки, содержание эмотивного и постпозитивного последующего (повествовательного, вопросительного, побудительного или оптативного) высказывания соотносится между собой как разные этапы познания одного и того же объекта. Однако квалифицировать содержание эмотивного высказывания как абсолютно нерасчлененное отражение соответствующего положения дел во внеязыковой действительности и, следовательно, как этап «первовидения» объекта, некорректно по следующим причинам.

Во-первых, речь идет о таких эмотивных высказываниях, в состав которых обязательно входит номинативный компонент, – следовательно, имеет место не только эмоциональная, но и рациональная оценка.

Во-вторых, как нами уже было доказано ранее [Пиотровская 1994: 73–85], содержание эмотивного высказывания представляет собой результат органического взаимодействия собственно эмотивных и эмотивно-оценочных компонентов значения, таких как ‘выражение удивления / восхищения / разочарования / досады / раздражения’ и под., с одной стороны, и логизированных компонентов значения, таких как ‘согласие’, ‘несогласие’, ‘соответствие’, ‘несоответствие’, ‘противопоставление’, ‘сопоставление’ и под., – с другой.

Таким образом, в содержании любого эмотивного высказывания находит отражение начальная стадия этапа «второвидения» объекта. Иначе говоря, «поаспектное анализирование» уже началось, однако результатом расчлененного отражения соответствующего фрагмента действительности стало вычленение лишь ограниченного числа признаков, коррелирующих с рациональной оценкой. Тем не менее сравнение содержания эмотивных высказываний с содержанием высказываний других коммуникативных типов бесспорно

свидетельствует о том, что соотношение эмоциональной и рациональной оценки в них явно противоположное. Ср. пары высказываний, в содержании которых отражается одна и та же ситуация: а) *Что вы говорите? –* б) *По-моему, я зеленая после болезни*; в) *Командир какой нашелся! –* г) *Шел бы да и хватал сам, горбатый черт!*; д) *Тоже мне, грамотей нашелся! –* е) *Ты посмотри, как ты безграмотно пишешь!* В содержании эмотивных высказываниях а), в) и д) доминирует эмоциональная оценка, тогда как в высказываниях других коммуникативных типов, соответственно б), г) и е), доминирует оценка рациональная.

Таким образом, препозиция эмотивного высказывания, характеризующегося доминированием эмоциональной оценки над рациональной, по отношению к высказываниям других коммуникативных типов, в содержании которых соотношение рациональной и эмоциональной оценки противоположное, есть результат отражения в синтагматической цепи внешней речи процесса «поаспектного анализирования» того фрагмента действительности, на который направлен акт познания субъекта речи.

Обратимся теперь к трактовке другого типа синтагматических связей – постпозиции эмотивных высказываний по отношению к высказываниям, в которых доминирует рациональная оценка.

Принимая за основу положение о сложности, многоэтапности акта познания человеком, не следует понимать его слишком прямолинейно – как процесс, непременно заканчивающийся «чисто» рациональной оценкой. О научной несостоятельности такого подхода писали многие отечественные психологи. Первым соответствующее положение сформулировал Л. С. Выготский: «… отрыв интеллектуальной стороны нашего сознания от его аффективной, волевой стороны представляет один из основных и коренных пороков всей традиционной психологии» [Выготский 1996: 19]; и далее: «Анализ, расчленяющий сложное целое на единицы <…> показывает, что *во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее*» (курсив мой. – *Л. П.*) [Выготский 1996: 20]. Данное положение позднее было развито Л. С. Рубинштейном, также подчеркивавшим органическое единство интеллектуальных и эмоциональных процессов: «Сами эмоции человека представляют собой единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы образуют единство интеллектуального и эмоционального» [Рубинштейн 1989: 141].

Исходя из этого, можно сделать следующий вывод: на заключительном этапе акта познания эмоциональная оценка в принципе «не исчезает» бесследно – она может лишь в разной степени «поглощаться» оценкой рациональной. Природу синтагматического развертывания внешней речи, при котором эмотивное высказывание оказывается в постпозиции по отношению к высказыванию, в котором доминирует рациональная оценка, можно объяснить следующим образом. Высокая степень значимости для субъекта речи определенного положения дел во внеязыковой действительности на всем протяжении соответствующего познавательного акта предопределяет высокую значимость эмоциональной оценки до конца процесса. Именно поэтому говорящий и испытывает потребность в завершении отрезка внешней речи, характеризующегося смысловой целостностью, эмотивным высказыванием.

Подводя итог краткому анализу синтагматических связей эмотивных высказываний, считаем необходимым хотя бы в общих чертах остановиться на одной особенности не-эмотивных высказываний, т. е. высказываний, содержание которых представляет собой анализ соответствующего фрагмента действительности с позиций рациональной оценки. Соседнее с эмотивным высказывание, как правило, содержит какие-либо специализированные языковые средства выражения эмоций. По нашим данным, особенно часто представлены два показателя:

1) слова с эмотивным компонентом значения («эмотивы», по терминологии В. И. Шаховского), в которых эмотивность может быть либо обязательной, либо факультативной, либо потенциальной [Шаховский 1987]; ср.: *По-моему, я* ***зеленая*** *после болезни; Шел бы да и* ***хватал*** *сам,* ***черт горбатый***;

2) соответствующее интонационное оформление – именно такие интонационные контуры в классификации интонационных конструкций, разработанной Е. А. Брызгуновой, квалифицируются как модальные реализации основных интонационных конструкций [Брызгунова 1980; 1984].

Таким образом, высказывание, занимающее в синтагматической цепи внешней речи соседнюю с эмотивным высказыванием позицию, в подавляющем большинстве случаев характеризуется сложным взаимодействием рациональной оценки с эмоциональной. Если принять за основу предложенный принцип анализа синтагматических связей эмотивных высказываний (как отражение познавательного процесса, направленного на определенный объект внеязыковой действительности), то сохранение значимости эмоциональной оценки и на этапе оценки

рациональной свидетельствует о том, что эмоциональная оценка не будет / не была полностью «поглощена» оценкой рациональной. Следовательно, два соседних во внешней речи высказывания – эмотивное и не-эмотивное – в равной мере характеризуются эксплицитно выраженным органическим единством эмоциональной и рациональной оценки, различие же их состоит в доминировании одного из видов оценки.

Библиографический список

Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М.: Наука, 1980. 127 с.

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. С. 96–122.

Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 117 с.

Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996. 416 с.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. 2: Бытие и сознание. М.: Педагогика, 1989. 322 с.

Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. СПб.: Языковой центр филол. фак. С.-Петерб. ун-та, 1994. 146 с.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 191 с.

L. A. Piotrovskaya
Professor of Russian Language Department
Herzen State Pedagogical University of Russia

EMOTIVE UTTERANCES IN TEXT

The main concern of the research are emotive utterances, i. e. utterances which are communicatively prevailed by the intention of the subject of the speech to express his/her emotional state or emotional disposition to someone or something. The syntagmatic relationship of emotive utterances and the utterance which are communicatively prevailed by rational evaluation of the same real situation are analyzed. The author proposes a cognitive approach to different variants of syntagmatic relationships of emotive utterance and an utterance with another communicative purpose, i. e. preposition and postposition of emotive utterance, taking into account the interaction of emotional evaluation and rational evaluation of the same real situation.

Key words: emotive utterances; emotional evaluation; rational evaluation; syntagmatic relationship of emotive and non-emotive utterances.

УДК 81'38; 81'42

Соловьева Наталья Васильевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
biserova@bk.ru

СПОСОБЫ ЭКСПЛИКАЦИИ СТАРОГО ЗНАНИЯ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ XIX–XXI ВЕКОВ (аксиологический аспект)

В статье рассматривается один из способов экспликации старого знания – цитирование. Объектом исследования становятся цитаты с эксплицитно выраженной аксиологической функцией. Это цитаты, метатекстовое окружение которых содержит оценку. На материале научных текстов по лингвистике трех периодов (XIX, XX и XXI века) проводится анализ функционирования цитат в динамике и делаются наблюдения в отношении способов введения цитат в научный текст, а также в отношении оценки цитированного знания.

Ключевые слова: научный текст; оценка; цитата; метатекстовое окружение цитаты.

Обращение к ментальному опыту предшественников – необходимое условие создания научного текста. Новое знание возникает только на фундаменте старого через осмысление и оценку последнего субъектом познавательной деятельности.

Механизмами экспликации старого знания могут быть цитаты, косвенная речь, отсылки к предшествующему опыту (референции). На наш взгляд, один из основных способов фиксации связи с традицией (или ее отвержения) – это цитата, под которой понимается дословно воспроизведенный фрагмент из чужого научного текста (объемом от слова до комплекса предложений), обособленный графически и сопровождающийся ссылкой на автора и соответствующую страницу источника.

Актуализируя старое знание, цитата вступает в различные отношения с полученным новым (собственно авторским) знанием. При использовании именно цитаты граница между старым и новым знанием графически маркирована, тогда как использование косвенной речи или пересказа не предполагает дословного изложения и может допускать частичное «вмешательство» со стороны интерпретирующего автора. Таким образом, маркирование цитат позволяет отчетливо разграничивать диалогические смысловые позиции.

© Соловьева Н.В., 2016

Способы введения цитат в текст мы, вслед за М.П. Котюровой [Котюрова 2001], условно разделили на 2 вида: 1) констатация ментальных действий предшественника – *написать, отметить, подчеркнуть* и др. – без проникновения в глубину его мысли и методологической оценки старого знания, это тип констатирующего цитирования (например: *Вот как педагоги* (сноска) ***определяют*** *ничем незаменимую пользу обучения древним языкам: «Цитата»* [Бусл., с. 49]; 2) экспликация методологической характеристики персонифицированного предшествующего знания, зафиксированной во вводящем цитату высказывании, это теоретический подход к старому знанию (например: *«Цитата». Такова в общих чертах господствующая теперь* ***гербартова теория*** *представлений как сил, вся основанная на стремлении постигнуть законность душевной жизни* [Пот., с. 61].

Анализ 9 научных текстов по лингвистике трех временных периодов (XIX, XX и XXI вв.)[1] показал, что в текстах всех авторов, независимо от периода, преобладает констатирующее цитирование. Если сравним количественные показатели способов введения цитат в текст по каждому веку (имеется в виду их процентное выражение), то увидим, что количество цитат, введенных с помощью констатации, более чем в 2 раза превышает количество цитат, введенных вторым способом: XIX в. – 67,6% и 32,4%; XX в. – 70% и 30%; XXI в. – 70% и 30%.

При использовании цитаты в тексте вокруг нее образуется контекст, именуемый исследователями «ремарки цитирования» [Чернявская 2009], «метатекстовое окружение цитаты» [Шагеева 2005], «вокругцитатное окружение»[2] [там же] или «аксиологическое поле» при эксплицитно выраженной аксиологической функции [Котюрова 2001]. В фокусе нашего исследования оказались именно такие цитаты, т.е. цитаты, оценка которых передается эксплицитно. Важно добавить, что окружение цитаты может состоять не только из вводящего ее предложения, иногда могут быть комментирующие высказывания более широкого контекста, которые также позволяют судить об отношении автора к какой-либо позиции. Приведем примеры:

Исследование значения и сочетаемости глагольной основы предложения получило в некоторых работах валентностно-лексическое развитие. При этом подходе в фокус исследовательского интереса попадает структурно-лексическая основа предложения, под которой понимается «цитата» (ссылка).

Признавая плодотворность подобного подхода *в плане обнаружения валентностных свойств слова (лексемы) как «усредненной» и отвлеченной от синтаксической функции единицы*

словаря, ***мы в то же время сомневаемся*** *в том, что он может приблизить к раскрытию закономерностей формирования структурно-лексической основы предложения* [Арут., с. 10].

Так, Черилл Глотфелти в предисловии к составленной ею антологии «экологических» текстов ... определяет экологическую поэтику следующим образом «цитата»... ***Парадоксально, что определение, предложенное исследовательницей, отвергающей структуральный и постструктуральный подходы к тексту, сформулировано полностью в традициях структурализма****...* ***Тем не менее, несмотря на понятийную расплывчатость, определение Черилл Глотфелти остается пока единственным, сформулированным по закону представления дефиниций*** [Бел., с. 25].

В ходе исследования современных научных текстов нам встретились фрагменты, в которых широко используется констатирующее цитирование, но при этом окружение таких цитат не содержит оценочных комментариев. Например: *Детерминационные отношения ... во многом обусловливают характер эволюционирования языка как самоорганизующейся системы. Так, например,* ***М.Г. Шкуропацкая****, исследующая процессы деривационного функционирования лексики,* ***трактует*** *«оязыковление внешней детерминационности» как «эффект самодетерминации лексической системы» (2004: 6–7). Сочетание детерминационного и синергетического подходов, по мнению исследователей, должно способствовать созданию полной, целостной картины языка, его функционирования. Эта мысль неоднократно подчеркивалась различными исследователями. Например,* ***И.А. Герман и В.А. Пищальникова утверждают****, что синергетический подход предоставляет большие возможности для создания целостной концепции языка, центральной идеей которой является положение о том, что «…» (1999: 9–10).* ***Е.В. Пономаренко отмечает*** *широкий функционализм синергетических исследований: «…» (2006: 25).* ***М.Г. Шкуропацкая считает****, что важным шагом на пути формирования полной детерминологической картины языка является создание такой модели, «которая…» (2004: 6)* [Сол., с. 26–27].

С целью выявления закономерностей в употреблении оценки мы провели анализ функционирования цитат в динамике (в диахроническом аспекте), который показал, что в XXI в. наблюдается снижение количества цитат с эксплицитно выраженной аксиологической функцией. В процентном отношении это выглядит следующим образом: 78% (XIX в.), 57% (XX в.), 22% (XXI в.) от общего количества цитат, взятых за 100%. Такие данные позволили нам сделать предположение об

ослаблении оценочно-проверочной функции критического мышления, поскольку именно оценка является важным инструментом реализации познавательной деятельности ученого [Данилевская 2005].

Как известно, оценка, в том числе и оценка цитированного знания, может быть позитивной (при выражении согласия), негативной (при выражении несогласия) и смешанного типа (иллюстрирующей частичное согласие либо частичное несогласие автора). Проведенный анализ свидетельствует о снижении количества употреблений цитат с негативной оценкой в текстах XXI в., тогда как в текстах XIX и XX вв. цитатное окружение содержит оценку всех типов, причем оценка с выражением несогласия является преобладающей. В процентном отношении количество ремарок цитирования, содержащих негативную оценку, занимает 52% (XIX в.), 45% (XX в.), 6% (XXI в.) – соответственно – от общего количества оценочных ремарок цитирования. Зато по сравнению с текстами авторов XIX и XX веков в текстах авторов XXI века существенно возрос процент употребления ремарок цитирования с позитивной оценкой: 24% (XIX в.), 40% (XX в.), 69% (XXI в.).

Продолжая характеризовать ремарки цитирования в текстах авторов XXI в., отметим тенденцию к стереотипности средств выражения, в том числе средств выражения цитатного окружения. Преимущественно это встречается в ситуациях частичного несогласия, а также «вежливого» несогласия с оппонентом. И в этом, как нам кажется, проявляется еще одна из тенденций современного научного стиля речи – тенденция к некатегоричности изложения, иллюстрирующая толерантную манеру общения. Приведем примеры:

Исследователи подчеркивают сложный характер коммуникативных норм, детерминированный лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Отсюда возникает проблема определения структуры коммуникативных норм... Е.П. Захарова представляет эту структуру следующим образом: «Цитата» (Захарова 2001: 178). ***Опираясь на данную трактовку, считаем необходимым внести*** *в нее* ***некоторые коррективы*** [Сол., с. 113].

В отличие от Лакоффа и его соратников ... заключения Уилрайта выведены на основе анализа поэтических произведений, предваряемого метафизической посылкой: «Цитата»… ***В принципе, ничего не имея против метафизики и метафизических посылок, отметим недостаточность данной посылки****. С одной стороны, за метафорой не всегда скрывается духовная глубина.., с другой стороны, опираясь на такие метафорические и экспрессивные посылки, невозможно определить механизм процесса метафоризации* [Бел., с. 15–16].

Анализ материала позволяет сделать выводы, которые следует интерпретировать с учетом ситуации, сложившейся в современной науке. Новые дискурсивные условия ставят перед учеными задачу: по-новому подходить к научному знанию, по-новому писать и, разумеется, по-новому цитировать. Например, одним из требований к научным публикациям в журналах баз данных Web of Science и Scopus является преимущественное цитирование работ, опубликованных за последние 5–10 лет.

Как показывают наблюдения, количество употреблений цитат в научных текстах постепенно увеличивается (от XIX к XXI в.), что «приводит к возрастанию объективности научного изложения» [Прохватилова, Вотрина 2011: 190]. Согласимся с исследователями и в том, что «высокая частотность цитирования в рамках современного научного языковедческого текста предстает лингвокультурологически важным фактором континуальности научного знания» [Нехлюдова 2004: 4]. В то же время от XIX к XXI в. количество употреблений цитат с эксплицитно выраженной аксиологической функцией снижается. Уменьшается и количество употреблений цитат, окружение которых выражает негативную оценку. По нашему предположению, это связано с проявлением в современном научном дискурсе таких тенденций, как тенденция к снижению уровня критичности мышления, а также тенденция к некатегоричности изложения, обусловленная стремлением автора быть толерантным.

Примечания

[1] Список исследованных научных текстов приведен в конце статьи. Из текста каждого автора проанализирован материал объемом 6 тыс. словоупотреблений.

[2] Термин «вокругцитатное окружение» мы считаем не вполне удачным ввиду содержащейся в нем тавтологии, поэтому вместо него используем в статье термин «цитатное окружение».

Библиографический список

Данилевская Н. В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 360 с.

Котюрова М. П. Творческая индивидуальность и цитирование // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 4. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2001. С. 244–258.

Нехлюдова Л. А. Тенденции развития современного языковедческого текста: лингвокультурологический анализ: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 26 с.

Прохватилова О. А., Вотрина Е. Н. Функционирование средств внутренней диалогичности в научных текстах XX века (синхронно-диахронический аспект) // Вестник Волг. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2011. № 2(14). С. 186–191.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учебное пособие. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 248 с.

Шагеева А. А. Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 22 с.

Список исследованных научных текстов (с принятыми сокращениями)

XIX век

Бусл. – Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз и лит.». М.: Просвещение, 1992. 512 с.

Грот – Грот Я.К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго Отделения Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1894. 120 с.

Пот. – Потебня А.А. Слово и миф. М.: Изд-во «Правда», 1989. 624 с.

XX век

Ар. – Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.

Буд. – Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М.: Изд-во «Высшая школа», 1967. 376 с.

Вин. – Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

XXI век

Бел. – Белозерова Н.Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы: монография. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. 252 с.

Куш. – Кушнина Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. 196 с.

Сол. – Сологуб О.П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте: монография; под ред. Н. Д. Голева. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. 332 с.

N. V. Solovyova
Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

WAYS OF THE EXPLICATION OF OLD KNOWLEDGE IN SCIENTIFIC TEXTS OF THE 19–21st CENTURIES (AXIOLOGICAL ASPECT)

In the article citing as one of the ways of old knowledge explication is considered. Quotes with explicitly expressed axiological function are the object of research. It is quotes which metatext environment contains an assessment. The analysis of functioning of quotes in dynamics is carried out and observations concerning ways of introduction of quotes to scientific text, and also concerning assessment of quoted knowledge are made on the material of scientific texts on linguistics of three periods (the 19th, the 20th and the 21st century).

Key words: scientific text; assessment; quote; metatext environment of the quote.

УДК 811.163.3

Талески Александр
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
taleski87@yahoo.com

СПЕЦИФИКА ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В МАКЕДОНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Задача работы состоит в попытке показать специфику и средства выражения персонального дейксиса в македонских народных сказках, которые с точки зрения семантической категории дейксиса практически не исследованы, а также обозначить место персонального дейксиса в функционально-семантическом поле персональности, его центре и периферии, проследить переключения в сфере персональности, одним словом, показать картину средств выражения персонального дейксиса фольклорных текстов.

Ключевые слова: македонский язык; персональный дейксис; средства выражения; персональность; нарратив; эгоцентричность; семантическое поле.

Понятие “дейксис“ известно с античных времен, но в новое время к нему привлек внимание немецкий индоевропеист Карл Бругманн (1904). Дейксис, по словам Бругманна, можно считать основной причиной возникновения языка [цит. по Бюлер 1993].

Что такое дейксис? Дейксис – это указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими или граматическими средствами [Виноградов 1990: 128].

Различаются три основных типа первичного дейксиса: персональный (личный), пространственный и временной [Кибрик: эл. ресурс]. Е.В. Падучева в своей работе она предлагает выделять речевой (дейктический, диалогический) режим интерптетации, в котором роль говорящего выполняет реальный говорящий, и нарративный, когда текст интерпретируется в неканонической коммуникативной ситуации и полноценный говорящий отсутствует [Падучева 2011: 265]. На основе этого, опираясь на теории К. Бюлера и Ю.Д. Апресяна, она дает понятия первичного и вторичного дейксиса. Первичный дейксис ориентирован на говорящего, а вторичный – ориентирован на наблюдателя. Между первичным и нарративным дейксисом имеется внутренняя связь [Падучева 2011: 268]. Нарративный дейксис связан с воображаемым миром, с художественным и фольклорным текстами [Сребрянская 2005: 24].

© Талески А., 2016

Проблему дейксиса на базе русских художественных и фольклорных текстов достаточно полно иследовали такие русские ученые, как Е.В. Падучева, А.В. Бондарко, Ю.Д. Апресян и др. Что касается македонского языка, на его материале работ на эту тему практически не существует, и наша работа, несомненно, будет являться основой для дальнейших исследований. Это позволяет говорить о новизне работы. Новизна исследования заключается в попытке структурного описания особенностей средств выражения персонального дейксиса на таких текстах македонского языка, которые представляют собой лексическую и синтаксическую сокровищницу архаизмов. В работе мы попытаемся исследовать дейктические проекции и способы их выражения в македонской народной сказке.

Материалом исследования являются македонские народные сказки (МНС), в статье мы опираемся на текст под названием «Нероденото моме» («Нерожденная девочка») (объем – около двухсот предложений).

Прежде всего, надо сказать о функционально-семантическом поле (ФСП) персональности, в котором центральную роль играют грамматические формы лица глаголов и личных местоимений. В этом грамматическом поле выделяются ядро (формы первого и второго лица местоимений и глаголов) и периферия (формы третьего лица) [Бондарко 2002: 569]. Все сказанное выше, а также особенности персонального дейксиса МНС, мы покажем на примерах в нижеследующей части работы.

Для анализа были отобраны наиболее показательные примеры, в которых показаны различные варианты дейктических проекций и средства реализации ФСП персональности.

В Пр.1 мы встречаемся с говорящим/повествователем как субъектом наблюдения в ситуации нарративного дейксиса:

Пр.1.

Одамна в некое време живеал некој крал, кој имал еден син. Син му по извесно време кога наполнил двајсетина години требало да се жени. Шетајќи тој горе-долу по селата решил да избери најубава девојка да најди за него. Оди на едно село, оди на друго, не можи да најди спрема него девојка, да си одбери. Шета горе-долу, шета, никако не можи да најди како за него шо одговара. Одејќи по пато сретнал некоа си баба стара и ја прашува, таа го прашува:

– Синко, рече, што бараш?

– Мори, бабо, – рече – толку време шетав, сите села ги прошетав...

(Жил-был некогда один король, у которого был единственный сын. Когда, через некоторое время, его сыну исполнилось двадцать лет, он должен был жениться. Разъезжая туда-сюда по деревням, решил выбрать самую красивую девушку, найти для себя. Заходит в одну деревню, заходит в другую, не может найти девушку по душе, не может выбрать. Ездит туда-сюда, ездит и никак не может найти подходящую для себя. Идя по дороге, встретил какую-то старушку и спросил ее, и она спрашивает его:

– Сынок, – спросила, – что ищешь?

– Эх, бабушка, – сказал, – столько времени ходил, все деревни обошел...).

Повествование в отрывке в целом идет от третьего лица, а первое и второе лицо мы встречаем только в диалогах, где используется первичный дейксис. Это характерно для большинства македонских народных сказок и говорит о движении персональности от центра к периферии ФСП. В сказках преобладает вторичный дейксис как часть нарративного режима интерпретации, характерный для повествовательного текста, где наблюдатель меняется только референциально, т.е. роль наблюдателя выполняет персонаж или повествователь.

Данный пример показывает, что употребление неопределенного местоимения *некој*, а также так называемой «л-формы», характерно для вторичного дейксиса, т.е о нарративного режима интерпретации, где заместитель говорящего – это, несомненно, повествователь. Но здесь мы встречаемся с одним интересным феноменом – использованием глаголов настоящего времени типа *оди, шета, не можи, прашува и др.*, которые меняют позицию эгоцентрика-повествователя. Таким образом, если глаголы в л-форме показывают, что повествователь не был непосредственным участником событий, то глаголы в форме свидетельской модальности *оди, шета, прашува* указывают на то, что он позиционирует себя как участника событий.

Во втором примере нужно обратить внимание на вставку: „*Му рекла, рече“* (Пр.2.), через которую повествователь свидетельствует, что лично наблюдал речевой акт. Здесь мы встречаемся с контаминацией двух точек зрения: повествователя и наблюдателя. Таким образом, глагол *рекла* указывает на то, что повествователь опосредованно свидетельствует об этом речевом акте, а глагол *рече*, напротив, указывает на непосредственное участие повествователя:

Пр.2.

– Што е – рече – јас што треба да направам, од цар дете сум...

Му рекла, рече:

– Ќе земиш ... Да си земиш еден стап железен - рече - и да се спремиш за патување...

(–Что, – сказал, – что мне нужно сделать, я сын царя...

Она сказала ему, – говорил:

– Возьмешь... Возьми железный посох – сказала, – и подготовься к дороге...).

В третьем примере особое внимание следует уделить пассивным конструкциям:

Пр.3.

Таа му рекла:

– Јас ќе ти кажам еден пат, ќе се држиш по него ќе патуваш една година и на годината ко ќе ги скиниш – рече – пинците оддолу треба да бидат дупнати, да се изедело железото, да се дупнеле. И тамо ко ќе стигниш на таа целта има еден рид близу на тој ридо има три трски. Тие трите трски се - три сестри... Сите се убаи – рече – со позлатени коси...

(Она сказала ему:

– Я покажу тебе один путь, по которому ты будешь идти целый год, и к концу года обувь, – сказала, – порвется, подошвы изотрутся, железо ржа разъест, вот они и порвутся. И когда доберешься туда, к цели, увидишь один холм, рядом с которым растут три камыша. Эти три камыша – три сестры... Все красивые, – сказала, – златоволосые...).

Через семантику пассивной конструкции в пересказывательной форме повствователь показывает степень уверенности персонажа. Говорящий использует пассивную конструкцию *да се изедело; да се дупнеле, треба да бидат дупнати*. Причем словосочетания типа *да се изедело; да се дупнеле* в себе содержат оттенок предположения, который создается за счет использования л-формы.

В Пр. 4 содержится цитирование как особая черта эгоцентризма, которое включает фразу с прямой речью персонажа, что также свидетельствует о переключении двух позиций:

Пр.4.

– Добро.

Овај си дошол дома ... Бил уморен и си рекол:

– Море, нека с'е – и мајката – рече – не одам појќе ни ништо!

Седнал на тој стапо ... И и гледа тија пинците, се дупнале одосдола: "Мора, – рече – да е негде близу тука."

Се свртил едно време гледа горе на тој ридо така три трски растат."Мора да се овие". Оди си го вади ножето.

(– Хорошо. Он вернулся домой ... Был уставший, сказал себе:

– Ах ты, пропади все оно пропадом! – сказал, – дальше ни за что не пойду!

Сел на этот посох ... И смотрит: подошва на опинках истерлась. „Должно быть, – сказал, – недалеко уже“.

Он повернулся, смотрел некоторое время на верх холма, так там растут три камыша. „Должно быть, это они“. Идет себе и достает нож...).

Как показывает пример, в цитате *Мора, – рече – да е негде близу тука,* с глаголом *рече* повествователь вмешивается в текст, т.е. указывает на источник сообщения. В некоторых теориях (см.: [Успенский 2011: 18]) говорится, что в цитировании мы можем понять эти слова не только как высказывание персонажа, но и как высказывание от лица повествователя, причем здесь нельзя говорить о вторичном дейксис. Такие явления обычно принимаются как переключение от вторичного дейксиса к первичному.

Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда персонаж в прямой речи является одновременно и говорящим, и адресатом

Бил уморен и си рекол:

– Море, нека с'е – и мајката – рече – не одам појќе ни ништо!, а слово *рече* указывает на повествователя.

Еще одно средство указания на персональный дейксис, входящее в периферию поля персональности в македонском языке, – это членные формы и формы указательных местоимений. Как известно в македонском языке существует троичная система указательных местоимений и членных форм, при этом формы с показателем –в отсылают к говорящему, с –т – к слушающему, с –н – к не-участнику речевого акта. Как правило, указательные местоимения не употребляются в именных группах с членной формой. Однако в примере 5 встречается именная группа с «двойной определенностью» [Боронникова 2010: 58]. Это балканское языковое явление, вероятно, зародившееся в древнегреческом языке, присуще пространственому дейксису, но здесь он коррелирует с персональным дейксисом. Оно выполняет, как правило, эмфатическую функцию. В примере

используется показатель удаленности, отсылающий к третьему лицу. Кроме того, в одной именной группе встречаются указательное местоимение и членная форма, что свидетельствует об эмфатическом подчеркивании информации говорящим (см. *од онај перјата*):

Пр. 5.

–Што си ти?

И оваа ѝ кажала одма рече:

– Јас сум за царо невеста, сеа ме зедоа. И дувнала со некој перја, носела кромид. Од онај перјата и дувнала во ушите и та се претворила во гулаби летнала девојката.

(– Кто ты?

А эта девушка сразу сказала ей, - говорила:

– Я невеста царя, только что выдали замуж меня меня. У нее был лук и какие-то перья. Этими перьями она махнула и превратилась в голубку, улетела девушка).

Итак, можно отметить, что в МНС мы встречаемся со вторичным дейксисом как частью нарративного режима интерпретации, а также с его средствами и способами выражения, причем в примерах находим постоянное переключение точек зрения повествователя и персонажа. Что касается первичного дейксиса, то он и средства его выражения проявляются в прямой речи персонажа через глагольные формы и личные и притяжательные местоимения. Интересно явление степени уверенности говорящего, проявляющееся в использовании конструкций со значением эвиденциальности. Сталкиваемся и с цитированием, и самоцитированием и их особенностями как основными чертами вторичного дейксиса. Видим ситуацию, когда персонаж в прямой речи является одновременно и говорящим, и адресатом. К периферии поля персональности в македонском языке относится использование пространственно окрашенных членных форм и местоимений (в том числе и двойноопределенных).

Библиографический список

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.

Боронникова Н. В. Проблема «Двойной определенности» в современном македонском языке // Вестник Пермского университета. Вып.5(11). 2010. С. 58-68.

Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 501 с.

Виноградов В. А. Дейксис // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 128.

Кибрик А. Дейксис // Энциклопедия Кругосвет URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0,0 (дата обращения: 15.04.2016).

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2011. 480 с.

Успенский Б. А. Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 4-30.

Brugmann K. Die Demonstrativa Pronomina der indogermanishen Sprachen [Text] / K. Brugmann. Leipzig: Gruyter, 1904.144 p.

Македонски народни волшебни приказни / [текст]. Скопје. Институт за фолклор „Марко Цепенков“, 1986. 297 с.

A. Taleski
Master Student of Philological Faculty
Perm State University

DIVACES OF EXPRESSING PERSONAL DEIXIS IN THE MACEDONIAN FOLK STORIES

The objective of this work is an attempt to show the devices of person deixis expressing in Macedonian folk stories, which from the standpoint of semantic category of deixis remain practically unexplored. The present paper undertakes to indicate their place in the functional semantic field of personality, its center and periphery of deixis; to follow switching in the area of personality of the text and context, and their components.

Key words: macedonian language; personal deixis; devices of expressing; personality; narrative; egocentric; semantic field.

УДК 811.112.2’36, 811.112.2’1, 811.112.2’37

Шустова Светлана Викторовна
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
профессор кафедры рекламы, связей с общественностью
и гуманитарных дисциплин
Пермский институт экономики и финансов
lanaschustova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРЕКАТЕГОРИЗАЦИИ В СФЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ (на материале немецкого языка)

В предлагаемой статье рассматриваются операторы каузативной связи немецкого языка в аспекте грамматикализации. В рамках статьи выделяются различные типы модификаций: актуализация информативной, эмоциональной, перцептивной, акциональной модификаций. В ситуации с операторами каузативной связи функционируют девербативы, лексическая и аспектуальная семантика которых приобретает особое значение в плане интерпретации всей ситуации.

Ключевые слова: грамматика; семантика; каузативная ситуация; операторы каузативной ситуации; грамматикализация; перекатегоризация; немецкий язык.

Изучение любого языка сводится к изучению его грамматики и лексики, которые представляют собой самостоятельные подсистемы. Разграничение лексики и грамматики является относительным, так как эти две взаимодействующие подсистемы образуют, по словам В.Г. Адмони, «сердцевину» [Адмони 1979: 7] языковой системы. Грамматический строй является наиболее репрезентативным, поскольку соединение формы и значения актуализируется здесь наиболее полно, сочетающиеся компоненты языкового знака выступают здесь в своем наиболее осложненном виде и в своей максимальной обусловленности [Храковский 2013: 11]. С.Д. Кацнельсон отмечал, что «<…> проблема, как отграничить грамматические значения от лексических, становится особенно острой при рассмотрении строевых слов. Многие слова, как подчеркивал Л.В. Щерба, выражают значения, близкие к грамматическим, ср. *быть, делать, становиться, пытаться, длиться, любой, весь, очень, обычно, внезапно, само собой* и т.п. Лишь немногие слова этого типа «зарегистрированы грамматикой как служебные». Из рассмотрения таких слов явствует, что лексемы не всегда имеют именно

© Шустова С.В., 2016

лексическое значение, но, чтобы с уверенностью отличать строевые слова и не смешивать их со знаменательными, нужны критерии функционального порядка» [Кацнельсон 1972: 92].

В предлагаемой статье мы хотели бы обратиться к особенностям использования функциональных структур, среди которых мы выделяем в особый разряд структуры с функционально-грамматическими каузативами в аспекте грамматикализации. Функционально-грамматические каузативы можно обозначить как операторы каузативной связи, поскольку они выступают в качестве вспомогательных каузативных глаголов.

Функционирование операторов каузативной связи демонстрирует признаки грамматикализации, которая рассматривается как процесс возникновения грамматического знака из лексического и усиления его грамматической функции [Lehmann, (1985), Е. Трауготт, Б. Хайне (Traugott, Heine, 1991), П. Хоппер, Е. Трауготт (Hopper, Traugott, 2003), Т. Линдстрём (Lindström, 2004), Майсак, 2005; Bybee, 1985; Givón, 1971; Heine, Reh, 1984; Kuryłowisz, 1965; Nübling, 2006; Szczepaniak, 2011].

Грамматикализация «представляет определенную степень изменения категориального значения глагола, его перекатегоризации как языковой единицы, отражающую его движение вдоль категориального континуума в направлении от лексического значения к грамматическому. Чем больше грамматических характеристик приобретает глагол, тем менее конкретным становится его лексическое значение» [Болдырев 2009: 90]. Данный подход соотносится с позицией Т.А. Майсака, рассматривающего грамматикализацию как особый семантический процесс, результатом которого является появление языковой единицы с грамматическим значением [Майсак 2005: 40].

С позиций теории грамматикализации, слова из списка Л.В. Щербы еще не имеют отношения к грамматике, а служат базой для возможного формирования грамматических показателей. Б.В. Касевич и В.С. Храковский высказывают предположение о том, что существуют значения, которые обладают вполне определенной спецификой в собственно семантическом плане и в то же время обнаруживают «склонность» к выражению служебными грамматическими средствами или строевой глагольной лексикой с ее яркой грамматической спецификой. Это – значения, выступающие в качестве непредикатных функторов. Возможно, что подобные значения следует квалифицировать как грамматические по своей природе [Касевич, Храковский 1981: 26; Храковский 2013: 11-22].

В фокусе нашего внимания находятся операторы кузативной связи, которые употребляются в функциональных структурах,

рассматриваемых как «сочетания семантически опустошенных глаголов с существительными» [Касевич 2006: 463].

В немецком языке в качестве функциональных глаголов используются следующие: *bringen, machen, lassen, tun, halten* и многие другие: *zum Reden, Schweigen, Lachen, Weinen, Rasen, zu Tränen, zur Verzweiflung, Vernunft, Ruhe bringen* и др.

*Das ist die Geschichte des Musikers Johannes Elias Alder, der zweiundzwanzigjährig sein Leben **zu Tode brachte**, nachdem er beschlossen hatte, nicht mehr zu schlafen* (Schneider, 7).

Операторы каузативной связи (функциональные глаголы (Funktionsverben в Duden "Grammatik der deutschen Gegenwartssprache" (DG)) демонстрируют общие черты со вспомогательными глаголами, так как они образуют предикат в сочетании с другими языковыми элементами (дополнения в Akk, предложные группы). Они выполняют только грамматическую функцию, выступая в качестве маркеров числа, лица, времени, наклонения, залога, утрачивая при этом в той или иной степени свое лексическое значение.

Ю.В. Орлов, исследуя аналитические структуры, образующие «структурно-синтаксическое и семантико-функциональное единство» с глаголами *sein, sich befinden, bleiben, stehen, liegen, kommen, geraten, gelangen, sich setzen, treten, gehen, fallen, verfallen, bringen, setzen, versetzen, ziehen, stellen, nehmen, halten, haben,* отмечает, что данные глаголы десемантизируются, сохраняя лишь следы значений своих прототипов [Орлов 1993: 7].

В этой связи речь идет об операторной (вспомогательной) функции изучаемых глаголов, так как они употребляются не самостоятельно, а обслуживают широкий класс лексических единиц. Другими словами, именно обслуживающая функция является общей функцией этих глаголов. Так, например, оператор каузативной связи *bringen* имеет следующее лексикографическое толкование:

bringen: 'herbeischaffen'; etw. hervorrufen, verursachen: drückt häufig ganz allgemein eine Lage- oder Zustandsveränderung aus; in Verbindung mit ›aus‹ : jmdn. aus Amt und Brot bringen (jmdn. brotlos machen); in Verbindung mit ›in‹, ›ins‹: jmdn. in Gefahr, Not, Schande, schlechten Ruf, Misskredit, Verlegenheit bringen; in Verbindung mit ›über‹, ›übers‹: er bringt Unheil über seine ganze Familie (stürzt seine ganze Familie ins Unheil); in Verbindung mit ›zu‹ jmdn. zu etw. bringen jmdn. zu etw. veranlassen: jmdn. zum Reden, Schweigen, Lachen, Weinen, Rasen, zu Tränen, zur Verzweiflung, Vernunft, Ruhe bringen (dwds); *zur Folge haben, verursachen; Ärger, Dank, Freude, Trost, Unheil, in Aufregung, in Erregung, in Gefahr, in Verlegenheit,*

unter einem Einfluß, zum Lachen, zur Erkenntnis, zur Ruhe, zum Schweigen, zur Sprache, zur Verzweiflung, zum Weinen (DVWA).

Стандартно этот глагол может функционировать в структурах, обозначающих действия, которые актуализируют разные виды модификации:

1) актуализация информативной модификации:

- *Die Schüler **brachten** ihre Betroffenheit auf Plakaten **zum Ausdruck** und gedachten der Opfer* (wort).
- *Die Teilnehmer **brachten** bei der Versammlung eigene Anliegen **zur Sprache*** (wort).
- *Mit Hilfe einer weiteren Streifenwagenbesatzung **brachten** die Beamten die Lage **unter Kontrolle*** (wort).
- *Suchaktionen der Polizei und der Feuerwehr **brachten neue Erkenntnisse*** (wort).

2) актуализация физиологической / перцептивной модификации:

- *Die Fragen waren sehr vielschichtig und **brachten** so einige von uns **ins Schwitzen*** (wort).
- *Die Schüler der Kreismusikschule hatten ihre Gitarren im Gepäck und **brachten** insgesamt drei Stücke **zu Gehör*** (wort).
- *Die Chöre **brachten** festliche Lieder **zu Gehör**, auch das Publikum durfte mitsingen* (wort).

3) актуализация эмоциональной модификации:

- *Zahlreiche weitere technische Details **brachten** das Fachpublikum immer wieder **zum Staunen*** (wort).
- *Seine Drogenprobleme **brachten** Doherty schon häufiger **in Konflikte** mit der Polizei* (wort).
- *Die Affären in der Bundeswehr **brachten** den Verteidigungsminister arg **in Bedrängnis*** (wort).
- *Außerdem **brachten** einige Clowns das Publikum durch ihre komischen Aktionen **zum Lachen*** (wort).
- *Tanzeinlagen **brachten** auch die zahlreichen Zuschauer **in Schwung*** (wort).
- *Die Mädchen **brachten** mit ihren akrobatischen Einlagen **Stimmung** in die Bude* (wort).

4) актуализация акциональной/ процессуальной модификации:

- *Doch deutsche Nachlässigkeiten **brachten** Dänemark zurück **ins Spiel*** (wort).
- *Sie gaben mehrere Schüsse auf die Reifen ab und **brachten** das Auto **zum Stoppen*** (wort).

В рамках ситуации с операторами каузативной связи особую релевантность приобретают девербативы, а именно их лексическая и

аспектуальная семантика. Так, например, можно выделить следующие разряды девербативов, образующих ядро каузативной семантики, поскольку в них заключено реальное содержание каузации:

1. Статальные девербативы: имена, обозначающие и называющие те или иные состояния каузатора. В зависимости от природы состояния каузатора (эмоционального, физического/ физиологического) выделяются:

1.1. Имена, обозначающие состояния сна, бодрствования, пребывания в том или ином положении: *das Sitzen, das Liegen, das Stehen, der Schlaf*.

1.2. Имена, обозначающие психическое / эмоциональное состояние: *die Aufregung, die Erregung, die Hoffnung, die Begeisterung, die Befürchtung, das Berdauern.*

2. Процессуальные девербативы:

2.1. Обозначающие психические процессы, связанные с умственной или интеллектуальной деятельностью: *das Erinnern, das Nachdenken, das Überlegen.*

2.2. Обозначающие физиологические / перцептивные процессы: *das Hören, das Schauen, das Lachen, das Husten.*

3. Акциональные/ процессуальные девербативы:

3.1. Обозначающие физическую, познавательную деятельность (род занятий): *das Arbeiten, das Tanzen, das Schwimmen, das Laufen, das Reiten, das Fahren*.

3.2. Обозначающие интеллектуальные, речемыслительные действия-акции: *die Begrüßung, die Begründung, die Erwähnung*.

4. Событийные девербативы, констатирующие действия, как некоторый целостный факт реальной действительности, его называние в общем смысле: *der Abschied, die Abreise, die Abfahrt, die Ankunft, die Beratung, die Sitzung.*

Специфика операторов каузативной связи в аспекте грамматикализации заключается в том, что они становятся вершиной всей каузативной ситуации. Эта функция предусмотрена их семантическим потенциалом и является результатом перекатегоризации вследствие регулярного использовании в определенных синтаксических контекстах (см., например, [Шустова 2015 а, б]). Специфика данных глаголов заключается также и в том, что их конкретная интерпретация определяется лексическим заполнением второй актантной позиции.

Библиографический список

Адмони В. Г. Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1979. С. 6−36.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 216 с.; 4-е изд. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 218 с. (Лингвистическое наследие XX века).

Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 144 с.

Касевич В. Б., Храковский В. С. Общие вопросы семантики конструкций с предикатными актантами // Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1981. С.7–23.

Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 480 с.

Орлов Ю. В. Семантико-функциональная характеристика аналитических глагольно-именных сочетаний предложного типа в немецком языке XVIII—XX вв. Автореф. … к. филол. н. Москва, 1993. 24 с.

Храковский В. С. О специфике значений, которые могут параллельно выражаться как лексическими, так и грамматическими средствами // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Институт лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. IX. Ч. 3. Сб. ст. к 60-летию Евгения Васильевича Головко / Сост. и ред. тома Н.Б. Вахтин, Е.В. Перехвальская,. СПб: Наука, 2013. С. 11−22.

Шустова С. В. Функционально-грамматический каузатив lassen в аспекте грамматикализации // Евразийский вестник гуманитарных исследований. № 1(2). Пермь, 2015а, С. 111−114.

Шустова С. В. О грамматикализации глаголов (на материале немецкого языка) // Филологические заметки. 2015б. Вып 13, № 2. URL: http://philologicalstudies.org/index.php?option=com_content&task=view&id=474&Itemid=185 (дата обращения: 24.02 2016).

Bybee J. L. Morphology: the study of the relation between meaning and form. Amsterdam: John Benjamins, 1985. 235 p.

Givón T. Historical Syntax and Synchronic Morphology: an Archaeologist's Field Trip. In Chicago Linguistic Society: Papers from the 7th Regional Meeting (April 16-18, 1971). Chicago: Chicago Linguistic Society, 1971.

Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Hsgb. u. bearb. von Günter Drosdowski in Zusammenarbeit mit Peter Eisenberg, 5, völlig neu berarb. U. erw. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1995.

Heine B., Reh M. Grammaticalization an Reanalysis in African Languages. Hamburg: Helmut Buske. 1984.

Hopper P., Traugott E. Grammaticalization. Sec. ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 276 p.

Köhler C., Herzog A., Kursitza W. Deutsche verbale Wendungen für Ausländer. Eine Auswahl mit Beispielen und Übungen. VEB. Verlag Ezyklopädie. Leipzig, 1989.

Kuryłowisz J. The evolution of grammatical categories // Diogenes, 1965. 51. P. 55-71.

Lehmann Chr. Grammaticalization: Synchronic variation and diachronic change // Lingua e Stile. 1985.

Lindström Th. The History of the Concept of Grammaticalization. PhD Diss. Shefffield: University of Sheffield. 2004.

Nübling D. Auf Umwegen zum Pasiivauxiliar – die Grammatikalisierungspfade von GEBEN, WERDEN, KOMMEN und BLEIBEN im Luxemburgischen, Deutschen und Schwedischen // Moulin C., Nübling D. Perspektiven einer linguistischen Luxemburgistik. Studien zu Diachronie und Synchronie. Heidelberg. 2006. S. 171-201.

Szczepaniak R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. 2, Auflage. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co.KG, 2011. 219 S.

Traugott E. C., Heine B. Introduction // Approaches to Grammaticalization: Volume II. Types of grammatical markers. Ed. E.C. Traugott, B. Heine. John Benjamins Publishing Company. 1991. P. 1−14.

Источники

www. wortschatz.uni-leipzig.de

Список принятых обозначений и сокращений

DG − Duden „Grammatik der deutschen Gegenwartssprache“.
DVWA – Deutsche verbale Wendungen.
dwds – www.dwds.de
wort − www. wortschatz.uni-leipzig.de

S. V. Shustova
Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University
Professor of Advertising, Public Relations and Humanities Department
Perm Institute of Economics and Finance

ON THE ISSUE OF RE-CATEGORISATION IN THE FUNCTIONING OF CAUSATIVES (A CASE STUDY OF GERMAN)

The article deals with operators of causative connection of the German language in terms of grammaticalisation. Different types of modifications are determined: realization of informative, emotional, perceptive, actional modifications. In the situation with operators of causative connection deverbatives function whose lexical and aspectual semantics acquires a special meaning for the interpretation of the entire situation.

Key words: grammar; semantics; causative situation; operators of a causative situation; grammaticalisation; re-categorisation; German.

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 070:2(1-22)

Антипина Зоя Сергеевна
зав. лабораторией политики культурного наследия
кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
afaneor@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В РАЙОННОЙ ПЕЧАТИ (на материалах кунгурской газеты «Искра»)

(*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-14-59007 «Локальный медиадискурс: перспективы оптимизации информационно-коммуникативных процессов»*)

В статье рассматриваются элементы религиозной журналистики в публикациях общественно-политической районной газеты: выбор информационного повода, духовная проблематика и религиозное мировосприятие, лексика религиозного функционального стиля.

Ключевые слова: функции журналистики, районная печать, религиозная журналистика

Одна из основных особенностей районной печати состоит в потенциальном проблемно-тематическом и жанровом разнообразии этого типа издания. Местная общественно-политическая газета в зависимости от локальных социально-политических, экономических и культурных условий, редакционной политики и творческих предпочтений журналистов может выполнять функции специализированного издания.

Газета «Искра» Кунгурского района Пермского края регулярно публикует развернутые материалы о событиях из жизни местной православной церкви. Содержательные особенности этих публикаций дают нам основания говорить о проникновении в светскую газету элементов религиозной журналистики.

Сегодня существуют различные определения понятия «религиозная журналистика». Но исследователи, в общем, единодушно говорят о корпоративном характере конфессиональных СМИ, а также тематической и мировоззренческой специфике журналистики,

© Антипина З.С., 2016

освещающей религиозную жизнь [Дымова; Позднякова; Шевченко]. Исследуемые нами публикации немногочисленны, но принадлежат одному автору – заместителю главного редактора «Искры» журналисту Людмиле Пятиловой. Религиозный характер публикаций прослеживается в выборе информационного повода, духовной проблематике и идейном наполнении материала, а также на речевом уровне.

Информационным поводом для публикаций на религиозные темы в общественно-политическом издании становятся, как правило, события, имеющие широкое общественное значение или связанные с календарными праздниками (например, Рождеством или Пасхой). Публикации «Искры» на религиозные темы часто вызваны сдвоенным поводом – конфессиональным и светским. При этом мирской повод может быть назван только во второй половине текста, тогда как в заголовок, лид и основную часть публикации выносится событие религиозной жизни. Пример такого рода материала – корреспонденция «Митрополит Мефодий вручил Кунгурскому схимонаху орден Дмитрия Донского». После сообщения о самом событии журналист цитирует священнослужителя: «Как рассказал “Искре” благочинный храмов второго Кунгурского округа священник Максим Кулаков, митрополит Мефодий при вручении ордена поздравил схимонаха Кукшу с праздником Воскресения Христова и с Днем Победы, подарил ему букет цветов» [Пятилова: 08.05.2015]. Информационным поводом для публикации становятся и сугубо конфессиональные события. Например, сообщения о перемещениях по службе [Пятилова: 29.01.2015], наградах [Пятилова: 20.06.2016] или изменения в совершении обрядов [Пятилова: 24.02.2016].

Духовная проблематика и религиозное мировосприятие автора рассматриваемых материалов также позволяют отнести их к религиозной журналистике. Православным догматам посвящено, например, интервью с иереем М. Кулаковым [Пятилова: 16.04.2014]. Публикация о реставрационных работах в одном из местных храмов завершается призывом к участию в восстановлении церкви: «Не надо стесняться добрых порывов. Для хорошего дела всегда найдется время. С помощью обычных людей восстанавливаются храмы, в которых возносятся молитвы. Не требуется ничего особенного, чтобы помочь восстановлению былого благолепия. Просто сделайте то, что в ваших силах. Вас ждут» [Пятилова: 22.12.2014]. В портретном интервью с хормейстером Людмилой Устюжаниновой почти случайная фраза «Стихи его мы распевали, как молитву» вынесена в название главки публикации – «Пела и молилась за папу» [Пятилова: 18.04.2016]. Кроме

того, многие публикации на религиозную тему содержат стилистически окрашенные слова: «Эти женщины сквозь пыль и голые кирпичные стены видят *грядущую* Божественную красоту. И всеми силами способствуют, чтобы храм, закрытый *безбожниками* в 1935 году, засиял в первозданном виде» [Пятилова: 22.12.2014].

Устойчивость темы и особенности ее воплощения в кунгурской газете можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, это давность православных традиций в старинном русском купеческом городе и инициативность местной церковной администрации. Активность традиционной религиозной общины создает событийное поле и группу целевой аудитории, заинтересованной в существовании в городе религиозной журналистики. Во-вторых, существенным фактором появления религиозных материалов в общественно-политической газете являются творческие предпочтения и духовно-нравственные ценности самого журналиста.

Библиографический список

Дымова И.А. Место русской православной журналистики в СМИ: научный обзор диалогов и дискуссий // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Материалы Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием). Оренбург: Оренб. гос. ун-н, 2015. С. 1950-1961.

Позднякова Е. Г. Церковная журналистика: история и современность. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. 76 с.

Пятилова Л. В кунгурских храмах поменялись настоятели // Искра. 29.01.2015. URL: http://iskra-kungur.ru/all/2015/01/29/10755/ (дата обращения: 20.04.1016).

Пятилова Л. В Успенском храме города Кунгура продолжаются работы по подготовке помещения к реставрации // Искра. 22.12.2014. URL: http://iskra-kungur.ru/all/2014/12/22/10457/ (дата обращения: 20.04.2016).

Пятилова Л. В чем счастье и крест священника [интервью с благочинным храмов второго Кунгурского округа иереем Максимом Кулаковым] // Искра. 16.04.2014. URL: http://iskra-kungur.ru/all/2014/04/16/8242/ (дата обращения: 20.04.2016).

Пятилова Л. Вводятся изменения в проведении таинства Крещения во Всехсвятском храме города Кунгура // Искра. 24.02.2016. URL: http://iskra-kungur.ru/all/2016/02/24/14040/ (дата обращения: 20.04.2016).

Пятилова Л. Митрополит Мефодий вручил Кунгурскому схимонаху орден Дмитрия Донского // Искра. 08.05.2015. URL: http://iskra-kungur.ru/all/2015/05/08/11620/ (дата обращения: 20.04.2016).

Пятилова Л. Митрополит Пермский и Кунгурский Мефодий вручил орден настоятельнице кунгурского монастыря // Искра. 20.06.2016. URL: http://iskra-kungur.ru/all/2016/06/20/15021/ (дата обращения: 20.06.2016).

Пятилова Л. Хормейстер Людмила Устюжанинова в Кунгуре пела в оперетте

// Искра. 18.04.2016. URL: http://iskra-kungur.ru/all/2016/04/18/14511 (дата обращения: 20.04.2016).

Ширинкин О. В Кунгуре совершен постриг в великую схиму 101-летнего монаха Никона // Искра. 26.02.2014. http://iskra-kungur.ru/all/2014/02/26/7830/.

Шевченко М. Религиозная журналистика: типы, принципы и проблемы институционализации // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения: Сборник статей /Под общ. ред. С.Н. Градировского. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской ака-демии гос. службы, 2003. URL: http://www.sova-center.ru/religion/publications/state-confessional/2004/02/d1767 (дата обращения 20.04.2016).

Z. S. Antipina
Head of Cultural Heritage Policy Laboratory
of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

RELIGIOUS JOURNALISM IN THE REGIONAL NEWSPAPER (based on the materials of the NEWSPAPER «Iskra»)

The article explores some key characteristics of the religious journalism implemented in the regional socio-political newspaper «Iskra». Among them are principles of newsworthy's selecting, spiritual issues and religious worldview, religious vocabulary

Key words: function of journalism; regional press; religious journalism.

УДК 81’42:659:61

Данилевская Наталия Васильевна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
dabil6@mail.ru

НОВЫЕ ОБРАЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕЛЕРЕКЛАМЕ

(*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-00575а*)

Статья посвящена анализу текстов современной телевизионной рекламы. Утверждается, что в последнее время среди рекламных телетекстов появляются такие, которые сочетают в себе функции коммерческой и социальной рекламы. Рассматривается гетерогенность данных текстов и выявляются их основные темы. Делается вывод о появлении воспитательной направленности телерекламы и определяются механизмы этой направленности.

Ключевые слова: реклама; социальная реклама; функции рекламы; воспитательная направленность рекламы; механизмы воспитательной функции рекламы.

Как вид специфической деятельности реклама чаще всего ассоциируется с коммерцией, продажей товаров и услуг. Между тем с древнейших времен существовала реклама политическая, а на рубеже XX–XXI вв. укрепилось понятие социальной рекламы.

Социальная реклама *– это особый вид распространяемой в учреждениях и средствах СМИ некоммерческой информации, направленной на достижение государством или органами исполнительной власти определенных общественно значимых целей.*

О.В.Аронсон справедливо полагает, что социальная реклама – это реклама не конкретного товара, а некоторого отношения к миру. Оно может проявиться (или не проявиться) только в долгосрочной перспективе. Причем результат заранее неизвестен [Аронсон: эл. ресурс].

Уже давно в медиапространстве многих западных стран социальной рекламе отводится важная роль – формирование нравственного здоровья общества. Однако в современной России этот вид рекламной коммуникации долгое время не был активным, почти не использовался. И только в последние годы в русском рекламном

© Данилевская Н.В., 2016

дискурсе начал интенсивно формироваться так называемый «социальный сектор» рекламы.

Основная задача социальной рекламы – привлечь внимание людей к той или иной общественно значимой проблеме, например, к вопросам социального неравенства, низкого уровня жизни, здоровья нации, отношений между поколениями и т.д. Востребованность такого рода рекламных текстов значительно выросла в последнее время в связи с некоторыми негативными процессами, развивающимися в российском обществе. Так, например, захлестнувшая мир глобализация все сильнее подавляет самобытность того или иного «малого» народа, его национальные традиции и культурные стереотипы, растворяя их в общем пространстве глобального (вненационального) мира. При этом естественное стремление человека сохранить *свое* место в обществе и *свою* культуру вызывает реакцию противодействия, которая, к сожалению, сопровождается агрессией не только по отношению к представителям других национальностей, но зачастую и к представителям своей национальности. И это понятно: исчезновение традиционных культурных ценностей неизбежно приводит к разрушению вековых связей между их носителями. Ср. изобилующие в последние годы в средствах массовой информации сообщения о росте неприятия, нетерпимости, агрессии, а часто даже ненависти россиян по отношению друг к другу. Образ войны, не связанный с реальными военными действиями, все чаще появляется в текстах, посвященных повседневной жизни России, о чем свидетельствуют, например, такие рубрики теле-, радио- и печатной журналистики, как «Дорожные войны», «Дачные войны», «Коммунальные войны», «Семейные войны», «Школьные войны» и т.п.

Между тем известно, что медиакоммуникация – мощнейший инструмент формирования общественного сознания. Отсюда понятно, насколько опасны с социальной точки зрения «полюбившиеся» журналистам темы о межличностной агрессии. В этой ситуации как попытку развернуть внимание общества к иным (противоположным) темам, как возможность снизить уровень агрессивной тематики в масс-медиа можно рассматривать появившиеся в последнее время в рамках телевизионной рекламы тексты социальной направленности, которых еще полтора-два года назад практически не было.

Так, например, всем известна телевизионная реклама Газпрома, информирующая о строящемся газопроводе «Сила Сибири»; этот рекламный текст довольно часто присутствует в рекламных блоках таких каналов, как «Россия 1», «Россия 24», «Первый канал». Интересен вербальный текст рекламы, ср.:

Сила тайги, сила реки, сила гор, сила духа, сила воли, сила красоты, сила семьи, сила традиций, сила движения, сила света, сила Сибири – национальное достояние.

В этом тексте последовательно перечисляются традиционные русские ценности: просторы природы (тайга, реки, горы), особенности русского характера (сила, дух, воля), общезначимые жизненные стереотипы (красота, семья, традиция, движение, свет). Однако объединяются все перечисляемые ценности одним понятием – *сила*, пожалуй, главным, исходным среди других представлений о русском характере. Ср. общеизвестные представления о русских: это люди с твердым характером и непобедимой волей, все, чего добился этот народ за свою многовековую историю, исходит от силы его духа. Иными словами, в данной рекламе эксплицируется стереотипное представление о специфике русского характера.

Национальный характер, по мнению Т.А. Квашиной, это «компонент психического склада нации, определяемый как отношение к различным сторонам действительности, закрепившееся и проявляющееся в устойчивых стереотипах мышления, эмоционального реагирования и поведения в целом» [Квашина 2011: 23. Разрядка наша. – *Н.Д.*]. Она же приводит высказывание В.Г.Белинского о том, что «тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде или кухне, а в <…> манере понимать вещи» [Там же. Разрядка наша. – *Н.Д.*]. Вот эта устойчивая, типичная манера понимать «русское начало» как сильный дух, способный на любые победы, и эксплуатируется в рекламе Газпрома, которому, собственно, рекламировать себя нет никакой необходимости (россияне и без рекламы пользуются газом так же естественно, как, например, водой или электричеством). Появление данной рекламы имеет, как кажется, иную цель – воспитательную, а значит, культурно значимую. Эта реклама как бы напоминает потребителю о таких ценностях, как сила, дух, воля, семья, красота, движение, свет, т.е. о том, что всегда было концептуально важным для русской картины мира, что традиционно относилось к истинным нравственным ценностям ее носителей.

Если, как утверждают специалисты, реклама детерминирует социальное поведение человека, во многом формируя его мировоззрение [Симонова 2010: 5−7; Измайлова 2011: 34−40; Ученова 2012 и др.], то роль в этом процессе социальной рекламы очень велика. Весьма важно, что в последнее время на основе высоких нравственных ценностей все чаще начинают создаваться тексты не только собственно социальной рекламы, но и коммерческой. В этом случае коммерческая

составляющая текста как бы уходит на второй план, становится сопутствующей информацией, приобретая при этом, за счет ценностных смыслов «социального» плана, акцентированный, усиленный характер звучания в общем контексте рекламного сообщения.

Так, например, авторы телерекламы детской игрушки-лакомства «Киндер Сюрприз» избрали неожиданную форму «Имя мамы знаменитого человека – Киндер Сюрприз». См. текст рекламы:

Знаете, как звали маму Пушкина? – Ее звали Надежда. – А маму Галины Улановой? – Мария. – А маму Леонардо Да Авинчи? – Катерина. – А маму Моцарта? – Анна Мария. – А маму Эйнштейна? – Паулина. – А мою маму зовут Наташа. Я вырасту и тоже прославлю имя моей мамы. Киндер – выбор мам замечательных детей.

Как видно, на 45 слов этого рекламного текста всего 4 (*Киндер – выбор мам детей*) формируют коммерческий план содержания (всего около 9 % от 100 % целого текста), остальные 41 слово (91.1 % от всего текста) формируют социально направленный план содержания. Этот социально направленный план текста выражает гуманистическую идею «матери, вырастившие талантливых людей, ставших достоянием мировой культуры». Но, пожалуй, главное в том, что завершает формирование «социального» плана данного текста мысль проспективной направленности – «я тоже прославлю свою маму». Тем самым акцентируются (выносятся в сильную, завершающую, позицию текста) значимые для русской картины мира концепты «семья», «мать», «личность и общество».

Подобных примеров можно привести много. Особенно часто они стали появляться в телерекламе в последнее время. Таков, например, текст рекламы МТС:

Для тебя, кто покажет ему Байкал. Кто изменит Красному с Черным морем. Кто приедет, как обещал; кто Третье променяет на Золотое. Для тебя, кто любовь расстоянием не мерит; кто на коне встречает старость; и для тебя, кто прокричит: «Бабушка, я научилась плавать!». Мы отменили роуминг в России. МТС – ты знаешь, что можешь.

Содержание социально направленного плана здесь цементируют следующие ключевые смыслы: «забота» / «опека» / «наставничество» (*кто покажет ему Байкал*), «верность слову» (*Кто приедет, как обещал*), «верность Родине» / «любовь к Родине» (*Кто изменит Красному с Черным морем*), «истинная любовь» (*Для тебя, кто любовь расстоянием не мерит*), «активная жизнь» (*кто на коне встречает старость*), «семья» (*«Бабушка, я научилась плавать!»*). Все эти смыслы отражают традиционные ценности русской картины мира, благодаря

которым текст приобретает тональность доброты, душевного тепла, красоты, надежды на будущее.

Еще пример. Телереклама «Боксер»:

Тренер по боксу принимает вызов по мобильному телефону от беременной жены:

− *Опять дерется? Давай поговорю.* − [Жена подставляет трубку к своему животу] *Привет, хулиган! Ты уже большой парень, почему так себя ведешь? Давай так: успокойся, а я вернусь пораньше. Договорились?* – [В диалог вступает жена] *Кажется, успокоился.* – [Голос за кадром] *Не жалейте слов, чтобы быть услышанными!*

Эта реклама так же, как и предшествующие, основана на концепте «семья»: муж-отец помогает жене-матери воспитывать еще не родившегося ребенка, заботится о семье, думает о поведении сына, а значит, о его будущем. Интересно здесь последнее предложение текста, тоже несущее социально-воспитательную – не коммерческую (!) – направленность и звучащее как аксиома, как «изречение мудрых».

Подобных примеров сегодня в телеэфире появляется все больше и больше. Основываясь на проведенном анализе, можно утверждать, что с помощью внедрения в коммерческую рекламу фрагментов с социально значимым содержанием рекламодатели стремятся не только информировать адресата о своем продукте, но и придавать ему «человеческое» звучание, так сказать, вписывать в матрицу общечеловеческих ценностей, пропагандировать приоритеты семьи, ответственности перед близкими, теплоты и взаимопонимания в отношениях. А поскольку среди телевизионных рекламных текстов таких – социально-коммерческих – становится все больше, можно говорить об определенной тенденции: современная телереклама «берет курс» на усиление воспитательной функции и постепенно «дрейфует» в область социальной рекламы.

Таким образом, российская реклама и, в частности, ее телевизионный сегмент, сегодня характеризуется ориентацией на высокие человеческие ценности, в том числе на духовно-нравственную зону сознания массового потребителя. Результатом этого процесса становится утверждаемый в рекламных текстах новый образ жителя России – сильного духом, ответственного, доброго, заботливого человека. Этот образ противостоит агрессивному блоку телеэфира и, на наш взгляд, свидетельствует о начале возрождения одной из самых главных функций государства – воспитательной.

Хотелось бы верить, что сегодня мы являемся свидетелями возрождения в России продуманной государственной политики воспитания гражданского общества, отсутствовавшей на протяжении

двадцати с лишним лет. Между тем без продуманной и последовательно проводимой государством стратегии воспитания гражданина невозможно создать гармоничное общество, нельзя правильно выстроить взаимоотношения между отдельной личностью и властью, между разными людьми и разными национальностями в одной многоконфессиональной стране. Не случайно такие великие русские просветители, как Д.И. Фонвизин, А.Я. Поленов, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, считали, что только *государственное* воспитание способно «множить истинных сынов Отечества», носителей подлинной нравственности, «стремящихся к трудолюбию, прилежанию, скромности, любви к наукам и ремёслам, расширению своих знаний, самосовершенствованию и великим делам во славу Отечества».

Библиографический список

Аронсон О. В. О социальной рекламе // URL:http://www.socreklama.ru (дата обращения: 30.03.2016).

Измайлова М. А. Психология рекламной деятельности. М.: Дашков и К°, 2011. 444 с.

Квашина Т. А. Телевидение и общество: Этнокультурные факторы телевизионного дискурса. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 24 с.

Моряков В. И. Екатерина II и русские просветители о воспитании «истинного сына Отечества» // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729–1796) к 275-летию Академии наук». Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г. URL: http://ekaterina2.com>konf/konf_031.php (дата обращения: 25.02.2014).

Симонова А. К. Реклама в процессе детерминации социального поведения личности: автореф. … канд. социол. наук. Екатеринбург, 2010. 19 с.

Ученова В. В. Реклама и массовая культура. Служанка или госпожа? М.: ЮНИТИ, 2012. 232 с.

N.V. Danylevskaya
Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

NEW IMAGES IN CONTEMPORARY TELEVISION COMMERCIALS

The article is devoted to the analysis of texts of modern television advertising. It is argued that in recent years, among advertising teletexto there are those who combine the functions of commercial and social advertising. Examines the heterogeneity of these texts and identifies their major themes. It concludes that the emergence of educational television advertising and define the mechanisms of this orientation.

Key words: advertising; social advertising; functions of advertising; the educational focus of the advertising; the mechanisms of the educational function of advertising.

УДК 070:61

Истомина Ксения Дмитриевна
студент филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
ksyusha-istomina@mail.ru

ТЕМА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ДОСУГОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

В статье представлены результаты исследования, связанного с проблемой здорового образа жизни и особенностями ее освещения в современной медиасреде. Цель настоящего исследования определяется необходимостью выявить современные способы актуализации медиатемы здорового образа жизни. Для этого мы сравнили работу СМИ с темой здоровья и здорового образа жизни в советский и постсоветский периоды.

Ключевые слова: здоровый образ жизни; досуговая журналистика.

В последнее время тема здоровья стала занимать значительное место в медиасреде. И в то же время актуализация этой темы способствовала проявлению серьезных недостатков в работе журналистов. По мнению Елены Вартановой, «роль масс-медиа в формировании здорового образа жизни в России на социальном уровне крайне велика, но сами медиа и журналисты имеют достаточно размытые представления как о здоровье нации в целом и об индивидуальном здоровье как общественной ценности, так и о том, как эту ценность продвигать» [Вартанова 2012:7].

Целью нашего исследования стало выявление способов актуализации темы здорового образа жизни (ЗОЖ).

Тема ЗОЖ не нова, и сам факт ее популярности нельзя назвать неожиданным. В советское время и в постсоветской России она привлекала и привлекает внимание большой аудитории. Однако даже при беглом взгляде несложно заметить существенную разницу в работе СМИ с этой темой. Попытаемся выявить основные отличия в предъявлении тем, связанных со здоровьем, в СМИ советского и постсоветского периода.

В советское время планомерная и устойчивая пропаганда ЗОЖ через СМИ была направлена на сохранение работоспособности каждого человека. Основным ее содержанием были борьба с вредными привычками и программные рекомендации по предупреждению

© Истомина К.Д., 2016

заболеваний, особое место занимало закаливание. В современной российской медиасреде эта тема – именно здоровья, здорового образа жизни, а не улучшения физической формы – появилась совсем недавно, но уже стала мейнстримом.

В советское время были популярны методы массовой пропаганды: агитационные плакаты, проведение физкультминуток на предприятиях и учебных заведениях, воздействие через сферу искусства, ярко эта тема была представлена в документальном кино («Береги здоровье», 1929; «Наши олимпийцы», 1957; «Спорт, спорт, спорт», 1970; «Вес взят», 1976). В современной России получили распространение досуговые форматы: ток-шоу на ТВ («Жить здорово», «О самом главном» и др.), сайты о ЗОЖ («Takzdorovo.ru», «Wefit», «Just-fit»), специализированные журналы («Про здоровье», «Энциклопедия здоровья», «Здоровье», «Народный лекарь» и т.д.), что свидетельствует о формировании целевой аудитории темы и ее внутренних различиях. Публикации, сайты, программы о здоровье занимают первые места в рейтингах по просмотру и посещаемости. Согласно статистике, в поисковой системе «Яндекс» ежемесячно слово «здоровье» запрашивают 2 947 667 раз, а словосочетание «как лечить» – 2 339 843.

Советское общество предписывало журналистике задачу воспитания у населения представлений о ЗОЖ посредством позитивных образов реальных героев. В России постсоветской такой подход практически исчез из СМИ. Вместо него возникла «агрессивная» журналистика. Как пишет Марина Князева, СМИ из «органа воспитания и примирения» стали «оружием разоблачения», «журналистское сообщество России разучилось работать с позитивом, избегает светлого, жизнеутверждающего взгляда на мир» [Князева 2012: 47]. Это, естественно, отразилось и на особенностях освещения темы здоровья и здорового образа жизни.

Для агрессивного освещения темы ЗОЖ характерны следующие черты:

– акцентирование отрицательных сторон событий. Например, заголовки в публикациях о крещенских купаниях: «Без инцидентов не обошлось», «Купались под коньячок».

– сосредоточенность на болезнях и вредной пище. На телевидение появляется достаточно много документальных фильмов, программ-расследований о вредных продуктах, после употребления которых здоровье человека может ухудшиться («Среда обитания» – Первый канал, «История всероссийского обмана» – НТВ, рубрики в передачах о здоровье – «О самом главном», «Жить здорово»).

Поиск негатива, показ изнаночной стороны стали основными признаками агрессивной журналистики. Цель таких публикаций – насторожить, испугать, шокировать аудиторию. При этом из предупреждения об опасности чего-либо не следует рекомендаций по решению проблемы.

Но и там, где присутствует элемент «черной культуры», по определению Марины Князевой, применяется развлекательность в подаче материала – характерный признак досуговой журналистики.

Сейчас российские масс-медиа все больше становятся *средством развлечения* аудитории. Статистика подтверждает: издания бульварно-таблоидного типа и телегиды являются абсолютными лидерами на рынке ежедневной и еженедельной периодики. По данным Роспечати, в 2007 г. в рейтинге самых популярных газет на третьем месте, после «Аргументов и фактов» (14 % аудитории) и «Комсомольской правды» (13 %), находится «Антенна-Телесемь» (8 %). Для сравнения: общественно-политическая качественная газета «Известия» занимает лишь девятое место (2 % аудитории). Остальные качественные газеты едва дотягивают до 1,14 %.

Таким образом, с точки зрения аудиторного запроса, больше перспектив для работы с темой ЗОЖ имеет досуговая журналистика, которая осуществляет *информационное воздействие* через развлекательные тексты, способствующие *релаксации* в свободное время. Досуговые издания по функциональному параметру делятся на три группы:

1) издания направленные на формирование *потребительской* культуры, их целевая аудитория ориентирована на тематическое проведение свободного времени. Тема здоровья входит в состав потребительского сегмента;

2) *просветительские* издания, которые обращают внимание на проблемы ухудшения состояния здоровья россиян, уделяя внимание тем факторам, которые связаны с внешней средой, внутренними ценностными установками личности. Материалы этих изданий предоставляют читателю информацию о заболеваниях, призывают к более ответственному отношению к своему здоровью;

3) *развлекательно-релаксационные,* содержание которых построено на информации, удовлетворяющей развлекательные потребности населения.

Очень активно в настоящее время обращаются к теме ЗОЖ аудиовизуальные СМИ. *Потребительская* тележурналистика более всего представлена служебно-сервисной журналистикой, которая ведет пропаганду позитивного житейско-бытового опыта. Направление

служебно-сервисной журналистики представляет ряд программ: «О самом главном» (Россия-1), «Жить здорово», «Смак» (Первый канал), «Едим дома» (НТВ). Кулинарные шоу наравне с передачами о здоровье пропагандируют ЗОЖ, они способствуют повышению кулинарной грамотности, правильной технологии приготовления блюда.

По популярности тема здоровья занимает первое место в служебно-сервисной журналистике. Наблюдается «стратегия усиления развлекательности и зрелищности в просветительских программах для массовой аудитории на основных федеральных телеканалах России» [Вартанова 2012: 9]. Например, в программах на «Первом канале», «России-1» «Жить здорово» и «О самом главном» можно отметить такие способы популяризации научных сведений, как *наглядность, эксперимент, игровые методы*. Позитивное отношение и игровая подача информации настраивают зрителей на оптимистичное восприятие жизни, вызывают иллюзии легкого преодоления проблем.

Подведем итог: с 1990-х гг. СМИ при обращении к теме здоровья от методов массовой пропаганды советского времени идут по пути сегментирования аудитории, объединенной общим интересом. В соответствии с ожиданиями своего целевого сегмента аудитории СМИ используют тот или иной формат: отказываются от строгой формы подачи (телевизионный журнал, беседа, экспертное интервью), характерной для программ «Беседа врачей», «Здоровье», переходят к популярным «полезным советам», семейным рецептам. Теперь наравне с представителями медицины в программах участвуют приглашенные «звездные» эксперты. Передачи проводятся в жанре ток-шоу, появляются зрители, которые взаимодействуют с ведущим, могут во время программы проконсультироваться с врачами (например, с 2002 г. это стало возможным в программе «Здоровье»). Сейчас освещение темы здоровья и ЗОЖ в медиасреде происходит двумя путями, которые связаны с функциональной направленностью журналистики о здоровье: агрессивная («пугающая») журналистика и досуговая журналистика. При этом в обоих случаях присутствуют черты инфотейнмента и признаки коммерциализации.

Модификация методов пропаганды ЗОЖ обусловлена изменением отношения населения и государства к здоровью индивида и общества. В СССР «общественное здоровье в партийных документах провозглашалось одним из приоритетов социальной политики» [Журавлева 2006: 10], гражданин был ответственен перед государством и обществом за свое здоровье. В современной России забота о здоровье – преимущественно личное дело, залог социального, экономического благополучия. Роль государства в решении этих задач почти незаметна,

в том числе потому, что не отлажена система пропаганды здорового образа жизни.

В таких условиях журналистика может и должна быть каналом качественного информирования населения о вопросах здоровья и здорового образа жизни. При этом необходимо учитывать особенности современной аудитории и ее ожидания относительно формы предъявления информации.

Библиографический список

Вартанова Е. Л. Здоровье как медиаценность: к вопросу о роли журналистики в сохранении общественного здоровья // Журналистика для здоровья нации: Медиакоммуникации и человеческое развитие / под ред. Т.И. Фроловой. Москва: Издательство Московского университета, 2012. С. 7.

Журавлева И. В. Отношение к здоровью индивида и общества. Москва: Наука, 2006. С.10

Журналистика сферы досуга: уч. пособие / под общей редакцией Л.Р. Дускаевой, Н.С. Цветовой. СПб.: Высш. школа журн. и мас. коммуникаций, 2012. 304 с.

Князева М. Л. Здоровье как ценность: тенденции и парадоксы // Журналистика для здоровья нации: Медиакоммуникации и человеческое развитие / под ред. Т.И. Фроловой. Москва: Издательство Московского университета, 2012. С. 47.

K. D. Istomina
Student of Philological Faculty
Perm State University

SUBJECT OF A HEALTHY LIFESTYLE IN LEISURE JOURNALISM

The article presents the results of the research with regard to the improvement of a healthy lifestyle and features of her coverage in a modern mediasreda. The aim of this study is to reveal modern ways of actualization of a subject of a healthy lifestyle in mass media. For this aim we compared work of mass media with a subject of health and a healthy lifestyle in the Soviet and Post-Soviet periods.

Key words: healthy lifestyle; leisure journalism.

УДК 070

Куличкина Галина Васильевна
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университете
kulgv@list/ru

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОФСОЮЗНОЙ ПРЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОЙ ГАЗЕТЫ «ПРОФСОЮЗНЫЙ КУРЬЕР» (1990–2016 годы)

(*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-14-59007 «Локальный медиадискурс: перспективы оптимизации информационно-коммуникативных процессов»*)

На современном этапе из-за ряда внешних и внутренних факторов обострилась проблематика коммуникативной модели и типологических особенностей региональной прессы. Коснулось это и ряда профсоюзных изданий, которые ищут новые пути взаимодействия со своей целевой аудиторией. Анализ опыта одной из успешных на информационном рынке России пермской газеты «Профсоюзный курьер» за 1990 -2015 годы позволяет увидеть, как формировались, уточнялись типологические особенности газеты, происходило информационное взаимодействие потребностей аудитории и редакционного коллектива.

Ключевые слова: типологические особенности профсоюзной прессы; пермская газета «Профсоюзный курьер»; информационное взаимодействие.

Профсоюзная пресса России, утвердившись в 1990-е гг. как направление в журналистике, за четверть века постсоветского реформирования претерпела ряд концептуальных изменений и сегодня находится на новом этапе развития. Являясь выражением профессиональных интересов широкой трудовой общественности, профсоюзная пресса способствует более глубокому осознанию человеком труда происходящих политико-экономических процессов, помогает выработке отношения к проблемам и ценностям рыночной экономики, определению целей и методов совместной и индивидуальной деятельности в защите прав работников.

Вместе с тем на современном этапе проблематика коммуникативной модели региональной прессы обострилась в связи с рядом внешних и внутренних политико-экономических и социальных факторов, о чем теоретики и практики журналистики говорили на ежегодной международной научно-практической конференции в МГУ

© Куличкина Г.В., 2016

[Информационный потенциал общества и ресурсы медиасистемы 2016: 24]. Коснулось это и региональных профсоюзных изданий, хотя предметом специального исследования данный аспект не становился. Напомним, что профсоюзная газета реализует в своей деятельности важную социальную функцию СМИ – она осуществляет диалог между работодателями и наемными работниками, способствует решению насущных социальных проблем, связанных с трудовыми и социальными правами наемных работников. В этих условиях актуальной становится задача уточнения типологических особенностей профсоюзной прессы, что позволяет сохранить «особость» этого вида СМИ в новых условиях, качественную определенность в типологической системе современных изданий.

Модель профсоюзного издания мы определяем по основным типологическим признакам, зафиксированным в трудах М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской, О.А. Вороновой, М.И. Шостак, О.В. Хрущева и других. Они выделяют в качестве существенных признаков такие, как: технологические, экономические, аудиторные, редакционные, характер и тип информации, целевое назначение СМИ, организационные. Что касается определения типологической доминанты, то среди исследователей существует три подхода. Одни считают главным типообразующим признаком характер аудитории. Другие – целевое назначение издания. Не отрицая важность того и другого подходов, М.В. Шкондин обращает внимание на то, что в печати, как и в других СМИ, мы имеем дело с информационным взаимодействием. Потребности аудитории взаимодействуют с потребностями в информировании тех, «кто отражает условия существования общества и обогащает общественное сознание, духовный потенциал общества разными духовными ценностями – знаниями, мнениями, проектами социального развития, опытом, образцам поведения и др.». Поэтому типологическую доминанту следует искать на пересечении коммуникативных стратегий коллектива редакции с потребностями аудитории, в соотношении «цель – средство – результат» [Типология периодической печати 2007: 39].

В этом плане интересен опыт пермской краевой газеты «Профсоюзный курьер» за 1990–2015 гг. как типичный образец региональной профсоюзной прессы постсоветского периода в России.

Пермский «Профсоюзный курьер» появился в информационном пространстве региона в 1989 г., и это был среди российских профсоюзных изданий самый первый медийный отклик на демократизацию и перестройку. К 2010 г. в информационном пространстве России стабильно существовало около десятка

профсоюзных еженедельников, включая общероссийскую «Солидарность» (газета Федерации независимых профсоюзов России) и региональные издания, в том числе «Профсоюзный курьер» (Пермский край, газета Пермского Крайсовпрофа), «Профсоюзы Красноярья» (Красноярский край), «Народная трибуна» (газета Федерации профсоюзов Самарской области), «Единство» (газета Белгородского областного объединения организаций профсоюзов), «Голос» (газета Объединения организаций профсоюзов в Республике Карелия) и др. Учитывая, что большинство населения России в первой половине 1990-х годов являлись членами профсоюзов, постсоветская профсоюзная пресса при своем становлении имела огромный коммуникативный потенциал, и лучшие из газет успешно на него опирались в течение двух десятков лет.

Пермский «Профсоюзный курьер» – еженедельник формата А3. Содержательная концепция «Профсоюзного курьера», т. е., его целевое назначение нераздельно связано с деятельностью замечательного журналиста-организатора Владимира Терентьевича Шитова, первого редактора «Профсоюзного курьера» с 1989 по 2012 г. (времени преждевременного ухода из жизни в результате тяжелой болезни). Владимир Терентьевич собрал вокруг себя профессионалов, среди них Аида Прокофьева, ответственный секретарь, «правая рука» Шитова (после его трагического ухода была главным редактором газеты), корреспонденты Виктор Путилов, Марина Киршина, заместитель редактора и обозреватель по социальным проблемам, Юрий Манжосин, обозреватель по вопросам экономики, Вячеслав Дрожащих (псевдоним Яковлев), обозреватель по вопросам культуры, Виктор Жилинский, один из первых выпускников кафедры журналистики ПГНИУ. Учредителем газеты со дня ее основания является Пермский краевой совет профсоюзов – Крайсовпроф, ранее Областной совет профсоюзов. Позиция профсоюзов отражена на страницах «Профсоюзного курьера», и она заключается в защите социальных, трудовых и юридических прав членов профсоюза. Из этого журналистский коллектив исходил всегда и исходит до сего дня.

Если исходная концепция «Профсоюзного курьера» осталась неизменной на протяжении четверти века, то историю становления и развития газеты с точки зрения ее типологических особенностей условно можно разделить на три этапа, в которых, как в зеркале, отразилась динамика информационного взаимодействия потребностей аудитории и журналистского коллектива.

Первый этап: 1998–2012 гг., газета выходит на 16 страницах тиражом 23 тысячи экземпляров. Публиковались материалы по проблематике, которая волновала абсолютное большинство населения

страны – реформирование российской политической системы, процессы приватизации, актуальные вопросы социальной защиты населения. В 1990-е гг. газета отвечала одной из главных потребностей трудового человека – найти работу и достойную оплату труда. В «Профсоюзном курьере» в этот период появилась страница «Голос безработного», которую журналисты делали вместе с Пермским краевым Центром по трудоустройству населения. Газета освещала вопросы охраны труда, здоровья трудящихся, деятельность правовой инспекции. Не случайно популярность снискали, кроме «Голоса безработного», страницы под рубриками «Право» и «Закон». Так как большинство читателей были садоводами, журналисты начали печатать материалы по тематике «сад-огород». Было немало материалов на моральные темы, где обсуждались на основе конкретных фактов и явлений новые актуальные ценности в жизни человека – деньги, материальное благополучие, карьера, успех.

Основной типологические особенности профсоюзной прессы в регионе на период 1990–2012 г. рождались на доминантной тематико-содержательной основе, в которой были одинаково заинтересованы и журналисты, и читатели. Это поддержка информационных потребностей читателя в знаниях по трудоустройству, защите трудовых прав и охране здоровья с помощью профсоюзной организации: удовлетворении досуговых интересов в сфере садоводчества, культуры и спорта. Редакционное взаимодействие с читателями выражалось в предложении публикаций на моральные темы, побуждающие осознать актуальные ценности финансового благополучия, карьеры, добра, культуры и искусства. Важнейшие для читателей темы журналисты реализовывали в форматах тематических полос. Под журналистские размышления о ценностях (как правило, в художественно-публицистических жанрах) отдавались также целые полосы. Самое главное в номере выделялось и структурно – для него выделялась заметная газетная площадь.

Второй этап: 2012 г. – август 2015 г. После ухода из жизни В.Т. Шитова, редакторами были А.М. Прокофьева, А. Б. Стаценко. Газета стала выходить на 8 полосах, тираж снизился до 7500 экземпляров. К этому времени в газете существовал достаточно стабильный формат издания, обеспечивающий информационно-коммуникативное взаимодействие с читателем. Доказательством тому служит контент-анализ выборочных номеров газеты за 2001 , 2005, 2007, 2012 гг. по следующим опорным тематическим точкам: социальная сфера, юридическое консультирование, организационная работа профсоюзов, культура, реклама. Итоги контент-анализа показали, что в эти годы структура номеров по тематике в процентном отношении была практически близка к постоянной. Лидировали по объему занимаемой

площади в номере материалы по темам социальной сферы, организационной работы профсоюзов, юридическому консультированию. Доля рекламы в общем объеме каждого номера газеты составляла около 15 %. Исходя из того, что профсоюзная пресса является производной от социальной и корпоративной журналистики, в типологии издании можно было увидеть соединение типологических особенностей двух тематико-содержательных направлений: с одной стороны, газета выступала в роли защитника интересов людей труда (проявлялась типологическая черта правозащитной прессы), с другой стороны, пермское издание выполняло роль пропагандиста общественной краевой организации – совета профсоюзов Прикамья, т. е., носила черты корпоративной прессы.

К 2012 г. на информационном рынке региональных СМИ произошли изменения, появилось много новых СМИ, в том числе интернет – СМИ, и у «Профсоюзного курьера» значительно сократилась читательская аудитория: с 1,5 миллионов человек в 1990-х гг. до 500 тысяч человек [Куличкина: 2012]. Это был внешний фактор системного значения. Сказался выход многих трудящихся из первичных профсоюзных организаций, экономический кризис в России 2008 года, начало глобализации в информационной сфере как вызов региональным печатным СМИ. Газета вместе с потерей аудитории частично потеряла и свой доход. Возникли экономические трудности, появилась потребность в более активном привлечении рекламы, оптимизации собственных финансовых средств и средств учредителя. Газета также оказалась перед необходимостью искать новые пути взаимодействия с аудиторией.

Третий период: сентябрь 2015 г. – по настоящее время, общий объем – 8 страниц, тираж 6000 экземпляров, редактор Н. И. Горева. В это период газета по типологическим особенностям стала тяготеть к корпоративному изданию социальной направленности. Появились рубрики «Официально», «Социальный проект», «Постоянная комисся», освещающие разные направления деятельности Пермского крайсовпрофа. Контент-анализ выборки номеров с сентября 2015 г. по май 2016 г. показал, что первые три полосы номера, как правило, отдаются под освещение деятельности первичных профсоюзных организаций и руководства Пермского крайсовпрофа. Иногда выделяется дополнительно площадь для этих целей, что доводит присутствие корпоративные интересов в номере до 36% газетной площади (такова структура №44 (1365) за 25 ноября 2015 г.). Увеличилась доля рекламы: услуги предлагают санатории, дома отдыха, детские лагеря отдыха, туристические фирмы. Чаще стали появляться имиджевые (коммерческие) материалы о ведущих предприятиях края

(например, 4 страница, посвященная АО «Газпром Газораспределение Пермь» в том же № 44 за 25 ноября 2015 г.). Еще одна современная инновация – появление страницы газеты в социальной сети «В контакте», количество подписчиков – 266 человек, большинство из них – молодые люди, что очень важно для перспективы успешного позиционирования на региональном информационном рынке. В разработке находится сайт газеты. Для сохранения лучших традиций «Профсоюзного курьера» 1990-х гг., укрепления имиджа, возможно, и создания бренда газеты редакция выступила инициатором проведения пермского краевого конкурса среди журналистов региона имени Владимира Шитова, и в 2016 г. в День российской печати в присутствии лучших журналистов края, vip-персон были награждены победители, работающие в современной социальной журналистике. Все это свидетельствует, коллектив «Профсоюзного курьера», не теряя из внимания социальную сферу как основной интерес читателя, вместе с тем занялся менеджментом, маркетингом своей журналистской деятельности, налаживанием действенного взаимодействия с читателем на основе современных информационных технологий.

Таким образом, сделаем выводы. Профсоюзная пресса в ее лучших образцах всегда была выразителем интересов широкой трудовой общественности, и необходимо исследовать эффективные пути ее выживания в непростой экономической ситуации. В этом смысле показателен опыт пермского «Профсоюзного курьера», который прошел путь становления и развития с 1989 г. по настоящее время и сохранил главные типологические черты профсоюзной прессы. Они органично сформировались на основе типологической доминанты: освещение деятельности профсоюзных организаций с позиции защиты социальных, трудовых и юридических прав членов профсоюза. Эта позиция видна в формировании рубрик, выборе адресов, героев для публикаций, журналистском анализе фактов и мнений. В период с 1990-х по 2012 г. газете удавалось успешно воплощать на своих страницах тематику социальной журналистики, потому что была хорошая подписка и трудные в социальном плане годы реформ. Вместе с тем сужение читательской аудитории и экономические трудности объективного характера в начале XXI в. потребовали от коллектива редакции больше внимания уделять информационной поддержке деятельности руководящего органа профсоюзов Прикамья, менеджменту, маркетингу, использованию социальных сетей для продвижения газеты на информационном рынке, думать об имидже газеты в глазах молодых читателей. Для поддержки социальный традиций был учрежден социально значимый краевой конкурс имени первого редактора газеты

Владимира Шитова. Инновации в обновлении типологических особенностей профсоюзной прессы дают возможность прогнозировать выход из кризисной ситуации – при условии сохранения социального ядра профсоюзной газеты как типологической доминанты; дальнейшего развития интегрированных коммуникаций газеты и разных слоев общественности Пермского края; дальнейшего развития менежмента и маркетинга, внедрения новейших информационных технологий, оптимизации процесса выпуска и распространения газеты.

Библиографический список

Куличкина Г. В. Интервью с В.Т. Шитовым от 20.11.2007. Архив автора.

Тулупов В. В. О судьбе традиционной прессы // Журналистика в 2015 году. Информационный потенциал общества и ресурсы медиасистемы. Сб. материалов международной научно-практич. конф. М.: МедиаМир; фак-т журналистики МГУ. 2016. С. 24-25.

Шкондин В. М. Периодическая печать: системные основы типологии // Типология периодической печати: Учеб. Пособие для студенов вузов. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 10-46.

G.V. Kulichkina
Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

TYPOLOGICAL PECULIARITIES OF REGIONAL TRADE UNION PRESS (FOR EXAMPLE THE PERM NEWSPAPER "TRADE UNION COURIER" (1990–2016)

At the present stage due to a number of external and internal factors exacerbated the problems of the communicative model and typological characteristics of the regional press. I touched it and a number of trade-union publications, are looking for new ways to interact with their target audiences. Analysis of the experience of one of the most successful in the information market of Russia Perm newspaper «The trade-union courier» for 1990–2015 years, allows us to see how to configure, refined typological features of the newspaper, there was information interaction needs of the audience and the editorial staff.

Key words: typological features of the trade union press; Perm newspaper «Courier Trade Union»; communication.

УДК 070

Масальцева Татьяна Николаевна
старший преподаватель
кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
alba@mail.ru

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПИСАТЕЛИ В РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (по материалам газеты «Звезда»)

В статье рассматривается сотрудничество с пермской газетой писателей, эвакуированных во время Великой Отечественной войны из Ленинграда. Газетные литературные и журналистские тексты ленинградцев способствовали оживлению литературной жизни региона в военные годы.

Ключевые слова: региональная газета 1940-х гг., газетная литература, газетная литературная критика.

В начале великой Отечественной войны в региональных российских газетах по-прежнему публикуются литературные тексты и, по сравнению с 1930-ми годами «укрепляются отделы критики и библиографии» [Овсепян 2001: 56], что было связано с «возрастанием агитационно-пропагандистской функции печати» [Бормотова 2010: 183], как центральной, так и региональной. Усиливался и партийный контроль изданий, райкомы обязывали редакторов публиковать не только важнейшие материалы ТАСС, но и демонстрировать героизм советских граждан как на фронтах войны, так и в тылу: на колхозных полях, на производстве, в военной подготовке и др.; данное требование определяло темы публикуемых литературных произведений.

Основная газета Молотовской области (с 1940 по 1957 гг. город Пермь назывался Молотовым) в военное время меняла и объем и периодичность выхода в военные годы, но в ней практически в каждом втором номере встречались литературные произведения, также среди постоянных рубрик были такие рубрики «Новые книги» и «Библиография», представляющие вниманию читателей различные литературно-критические тексты. В пермской военной газете можно обнаружить стихотворения, прозу, публицистику достаточно известных российских писателей, например, песню Василия Лебедева-Кумача «Подымайся, народ!» (На мотив «Если завтра война») или зарисовку

© Масальцева Т.Н., 2016

Юрия Германа «Двое», описывающую ситуацию на Балтийском фронте с финскими перебежчиками, бывшего специальным корреспондентом ТАСС. Из «Известий» перепечатываются зарисовки Николая Тихонова «Вурдалаки» (1943), из «Правды» – публикации Алексея Толстого; публикация «Лицо гитлеровской армии» представляет собой отклик Толстого на обвинения его материалов Геббельсом во лжи. Статья «Москве угрожает враг» – реакция Алексея Толстого на угрозу взятия столицы, вдохновляющая российских граждан дать отпор врагу. Стихотворение пермяка Бориса Ширшова «Красная Москва» в следующем номере газеты является своеобразным ответом призыву А. Толстого, в нем описывается подвиг бойцов, обороняющих столицу: «*Будем дни и ночи биться, / Нас не сломит бой!/Будет навсегда столица/Красною Москвой!*». Из «Красной звезды» перепечатывались также воззвания Ильи Эренбурга, например, «Отобьем!». Позже, в 1943 г. статьи А. Толстого – отклики на международные события – также продолжают публиковаться в «Звезде», часто без указания на перепечатку (статья «Коричневый дурман»). Публикуются и патриотические стихи Демьяна Бедного, например, «Залог победы» (героическая быль) в 1941 г.

В военное время со «Звездой» сотрудничают эвакуированные из Москвы и Санкт-Петербурга литературные деятели, например Осип Брик, работающий в жанре стихотворного фельетона (тексты «Бандитские жены», «Выстрел Колетта», «Странная история», «Эрзац», «Арийский брак» в рубрике «Маленький фельетон»). Объектами сатиры в военное время были речи и действия представителей гитлеровской клики, европейских политических деятелей, поддерживающих фашизм («*Нынче во Франции положение жалкое / Живут французы под немецкой палкою*» [Брик 1941: 2]) действия германских солдат. Так, в стихотворении «Бандитские жены» высмеивались грабежи, совершаемые солдатами немецкой армии, на которые их направляли собственные жены: «*Мне пальто достань, жакетку, / Помни – из каракуля, / Из такого, чтоб соседка / С жалости заплакала/ Ну а сверх того, известно/ Хапай, что получше / В вашем танке много места / Не ленись, голубчик!*» [Брик 1941: 4].

Жанр рецензии в газете этого времени тоже представлен: журналисты в рубрике «Библиография» реагируют на книги, представляющие интерес для читателя в военное время. На пермские книги откликались и эвакуированные писатели и журналисты, например Осип Брик, высоко оценивший книжку «Юные патриоты» (Молотовгиз, 1941) – сборник стихов трех пермских поэтов Е. Трутневой, З. Новиковой и Н. Асанова о патриотизме советских ребят. Критик

обратил внимание не только на темы стихотворений, что свойственно пермским журналистам, но и на особенности творческой манеры авторов, отметив «высокую лирику» Е. Трутневой, «серьезные, взрослые строки» Н. Асанова [Брик 1941: 3].

Встречались в небольшом количестве и стихотворения А. Френкеля (д'Актиля). Одно из его стихотворений «Мы празднуем!» опубликовано 7 ноября 1941 г. «*Октябрьский праздник родился когда-то / В огне и громе, бурях и боях / И вновь его под колокол набата / Мы празднуем с оружием в руках*».

Прозаические сатирические фельетоны в рубрике «Маленький фельетон», например, о взаимоотношениях Гитлера и Муссолини публикует в «Звезде» и биограф В. Маяковского Василий Катанян [Катанян 1941: 2] (тексты «Новый порядок и старые понятия», «Цепные гады», «Бесстрашие со страху», «Тяжелый случай», «О бандитской самодеятельности», «Драма в лакейской»). Муссолини в качестве объекта сатиры привлекал его неоднократно, уже в номере от 10 августа 1941 г. можно обнаружить фельетон В. Катаняна «Маяковский о Муссолини», с весьма нелицеприятными высказываниями поэта о мелочности и вероломстве итальянского политика, которую он дал в 1923 г. – Муссолини «был удостоен включения в «маленькую галерею» политических бандитов и убийц».

В «Звезде»1941 года можно обнаружить и прозу В. Каверина, например, рассказ «Орлиный залет» (номер 299 от 18 декабря), основанный на реальных событиях, «произошедших на одном из участков Ленинградского фронта». В 1943 г. читателям «Звезды» сообщается о начале публикации в журнале «Октябрь» романа В. Каверина «Два капитана», действие которого во второй части происходит «в городе Молотове».

Информационные заметки военного времени содержали и факты уничтожения русских литературных памятников, например, музея Н.В. Гоголя в Сорочинцах. Публикация о разгроме фашистами музея Льва Толстого в Ясной Поляне «Вандалы» принадлежит перу Семена Ефимовича Розенфельда, который тоже находился в эвакуации в Перми. Текст содержит и оценку творчества Толстого, «взбудоражившего умы всего человечества» [Розенфельд 1941: 2]. Семен Розенфельд писал и в жанре эссе-воззвания (публикация «Сталинград» 1943, «Стойкость» 1942). Позже, 28 ноября 1943 г., в газете «Звезда» Семеном Розенфельдом будет опубликован фрагмент «В операционной» будущего романа «Доктор Сергеев». Кроме того, Семен Розенфельд писал и о пермской балетной школе и преподавании там ленинградских артистов (публикация «Академия танцев» 1942). Работал он и в жанре

портретного очерка, героями которого чаще были люди искусства («Скрипка Ойстраха» 1942).

Встречались в газете 1942 г. и очерки Михаила Слонимского, например, «Дети» о работе детей на заводах, в госпиталях с фрагментами детских писем родителям на фронт. В газете можно обнаружить и довольно резкие критические высказывания в адрес литературных произведений эвакуированных писателей, в том числе и в адрес Михаила Слонимского. Повесть «Председатель горсовета», изданная Молотовским областным книгоиздательством, была оценена как «недоброкачественное, политически ошибочное, антихудожественное произведение», «небрежно написанная, композиционно слабая вещь, в которой опошлено историческое прошлое города Молотова» (аргументы данной оценки отсутствуют) [Над чем работают писатели 1943: 2]. Данная рецензия без указания автора была опубликована в связи со следующим событием. В 1942 г. был издан литературно-художественный сборник «Прикамье» № 5, содержащий литературные произведения многих эвакуированных писателей: рассказ «Красная шапка» Ю. Тынянова, рассказ «Профессор» С. Розенфельда, ранее опубликованный на страницах «Звезды», прозу М. Слонимского, стихотворения С. Спасского, Е. Полонской и М. Комиссаровой. На выход сборника отозвался рецензией В. Будрин, отметив, что «альманах не оправдал ожиданий читателя» из-за публикации явно недоделанных вещей, которыми названы «Председатель горсовета» и «Командир» М. Слонимского – «нет подлинного проникновения ни в душу уральского человека, ни в уральскую природу и жизнь: чувствуется поверхностность туриста, писателя контрастов, приводящая в частности к легкомысленному издевательскому выпаду против старой Перми, основанному на нескольких анекдотах. Рассказы крайне слабы композиционно <…> командир производства изображен весьма схематично»». Не одобрена и поэзия ленинградцев, например, Сергея Дмитриевича Спасского – «Хорошо задуманное стихотворение «Октябрь» Спасского, открывающее художественную часть сборника, шаблонизируется песенным ритмом «Каховки», образ Ленина, который «читает, поднявшись на кафедру, декреты о мире и земле», слишком академичен» [Будрин 1943: 2]. Рецензентами даже не упоминается рассказ Ю. Тынянова, опубликованный в сборнике. Всего во время войны в пермских изданиях опубликованы три его рассказа – («Гражданин Очер», «Генерал Дорохов», «Красная шапка»).

С 1941 г. публикуется в «Звезде» со своими стихами и эвакуированная в Пермь бывшая участница «Серапионовых братьев»

поэтесса и переводчица Елизавета Григорьевна Полонская, отметившаяся и в сборнике «Прикамье». Любимые ее темы – подвиги людей тыла. Так, в стихотворении «Золотые поля» описывается тяжелый труд жниц, убирающих хлеб под пулями фашистов. Стихотворение «Красной армии» – гимн мужеству советских войск [Полонская 1942: 2].

Поэтесса и переводчица Мария Ивановна Комиссарова тоже размещала стихотворения в «Звезде». Так в 1943 г. было опубликовано стихотворение «уральский город» – «*Упорный, на холмистом берегу, / Под звездами и месяцем высоким / Удар готовит город по врагу / Снаряды шлет на фронт друзьям далеким*».

Информационные заметки «Звезды» 1940-х гг. дают представление об активном участии эвакуированных писателей в жизни Молотова и страны. Так в заметке 1942 г. «Писатели, композиторы, артисты – Сталинграду» сообщается о предстоящем вечере-концерте в библиотеке имени Горького, в котором примут участие В. Каверин, Е. Полонская, С. Розенфельд, М. Слонимский, С. Спасский и Ю. Тынянов, отрывки романа «Пушкин» которого читал артист А.И. Залесский. В заметке 1943 г. «Совещание писателей в обкоме ВКП(б)» отмечается участие ленинградцев Слонимского, Розенфельда в литературной жизни края, «присутствие огромной культурной силы».

Литературная жизнь страны и края в пермской газете времен Великой Отечественной войны освещалась достаточно интенсивно, и эвакуированные из Ленинграда принимали активное участие в непосредственном формировании регионального литературного процесса.

Библиографический список

Бормотова А.Р. Основные особенности развития печати в годы великой отечественной войны 1941-1945 гг. по материалам курской области // Научные ведомости. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 1 (72). Вып.13. –С. 183-190.

Брик О. Бандитские жены // Звезда. 1941. 31 авг. (№ 205). С.4. (Мал. фел-н).

Брик О. Выстрел Колетта // Звезда. 1941. 7 сент. (№ 212). С.2. (Мал. фел-н).

Брик.О. Юные патриоты // Звезда. 1941. 21 окт. (№ 249). С.3. (Книжная полка).

Будрин В. «Прикамье» N 6 // Звезда. 1943. 28 апр. (N 92). С.2. (Критика и библиография).

Катанян В. Дружба со взломом // Звезда. 1941. 11 сент. (№ 215). С.2. (Мал. фел-н).

Над чем работают писатели // Звезда. 1943. 19 апр. (№ 84). С.2.

Овсепян Р.П. В лабиринтах истории отечественной журналистики. Век XX М.: Рип-холдинг. 2001. 316 с.

Полонская Елизавета. Золотые поля // Звезда. 1942. 3 окт.(№ 235). С.2.

Розенфельд Сем. Вандалы // Звезда. 1941. 23 дек. (№ 303). С.2.

T. N. Masaltseva
Senior Lecturer of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

LENINGRAD'S WRITERS IN THE RUSSIAN REGIONAL NEWSPAPER DURING THE PERIOD OF GREAT PATRIOTIC WAR (according to articles in the newspaper "Zvezda")

The article considers the text's of Leningrad's writers in the Perm newspaper in 1941-1945. Newspaper's literary and journalistic texts of Leningrad's writers helped to revive the literary life of the region during the war years.

Key words: regional newspaper of the 1940-s; newspaper literature; newspaper literary criticism.

УДК 81'42

Полыгалов Михаил Анатольевич
выпускник филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
voidisruptor@gmail.com

Харебова Евгения Николаевна
ст. преподаватель кафедры журналистики и
массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
eugene.meh@gmail.com

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОСТНЫХ ФЕЙКОВ

В статье проанализированы когнитивно-прагматические особенности новостных фальсификаций (фейков), посредством которых у читателей формируется представление о достоверности их содержания.

Ключевые слова: новостной фейк; фоновые знания; стереотип; хеджинг.

Современные средства массовой информации нередко используют новостные фейки (фальсификации, «фальшивки») в качестве средства повышения прибыльности информационных порталов или дискредитации оппонента в ходе информационной войны.

Фейки распространяются в сети молниеносно и, как правило, вызывают активный отклик у читателей. Наряду с уверенностью в ложности и сомнением в истинности сообщения нередко встречается доверительное отношение к содержанию подобных новостей, которое создается с опорой на особенности восприятия текстов СМИ.

Разоблачение фальсификаций представляет собой трудную задачу, зачастую требующую усилий нескольких информационных агентств, в то же время привлекающих своими действиями еще большее внимание к тексту исходного фальсифицированного сообщения.

Предметом настоящего исследования выступили когнитивно-прагматические особенности фейков, посредством которых у читателей формируется представление о достоверности их содержания. Материалом для анализа послужили тексты заведомо несоответствующих действительности новостных сообщений в

© Полыгалов М.А., Харебова Е.Н., 2016

американских и российских СМИ, а также комментарии пользователей к этим сообщениям.

Как показал анализ, структурные особенности «фальшивок» состоят в ассимиляции с качественным контентом. Распознать фальсифицированное новостное сообщение возможно только при проверке его содержания, что далеко не всегда представляет собой легкую работу.

Главной задачей создателей фейков является популяризация сообщения. Для ее решения одни авторы создают иллюзию достоверности информации посредством ссылок на авторитетные источники, графических изображений и упоминаний уже известных пользователям широко обсуждаемых фактов. В других случаях журналисты, напротив, доводят новость до абсурда, что проявляется прежде всего в шокирующих, запоминающихся заголовках:

«Википедия» в России будет закрыта полностью;

Crabzilla is BACK: Giant claw lashes out at two boys fishing off pier.

Несмотря на то что читатели, как правило, высмеивают абсурдные фейки, не доверяя их содержанию, они тем не менее делятся ими со своими друзьями ради шутки и тем самым поднимают популярность сайта-источника. Такие тексты ориентированы прежде всего на эмоции читателя, в голове которого должно возникнуть сомнение вида «Никогда бы не подумал, что…» [Silverman 2014]. Подобные эмоции вызывает, например, сообщение о высадке на солнце космонавта Северной Кореи, который полетел ночью, чтобы избежать губительных воздействий солнца. Это сообщение очень быстро набрало огромное количество просмотров и репостов в социальных сетях, хотя и не вызывало доверия у читателей.

Заголовки фальсификаций в англоязычных СМИ зачастую имеют форму вопроса, поскольку в таком случае человек неосознанно восстанавливает его пресуппозицию, т. е. утверждение, лежащее в основе этого вопроса [Chilton 2004: 63]. Согласно исследованию Д. Вегнера, на вопросы в новостных заголовках типа *Может ли 50-ти футовый краб быть настоящим?* читатель в первые секунды отвечает положительно, и только после более внимательного знакомства с текстом новости он может поставить под сомнение или опровергнуть его содержание [Wegner 1981]. Кроме того, такие заголовки имеют одинаковый эффект на сайтах как авторитетных, так и малоизвестных изданий.

Повтор информации также влияет на степень ее правдоподобности. Всего за несколько минут любой материал, опубликованный в социальной сети, могут увидеть тысячи людей по всему миру.

Например, история о том, что гигантский пятифутовый краб атакует детей в маленьком городе в Кентербери в Британии, появилась благодаря пользователю социальной сети Twitter К. Винтеру, который в шутку отредактировал фотографию города, сделанную со спутника, добавив в озеро огромного краба с помощью программы Adobe Photoshop. Спустя 12 часов в Сети было уже несколько статей, утверждающих, что данное сообщение – правда, и эта новость достигла уровня «вирусной» в англоязычных СМИ. Спустя 10 дней в тех же изданиях появилась новая статья – «Крабзилла атакует вновь». В ней была представлена ещё одна фотография огромного краба, которая вызвала еще больший резонанс в англоязычных СМИ и социальных сетях. Только через несколько дней большинство новостных агентств подтвердили, что эти сообщения были фальсифицированными.

В не меньшей мере уверенность человека в справедливости своей точки зрения укрепляет поддержка единомышленников, поэтому наличие репостов сообщения и одобрительных комментариев к нему также мотивирует читателя поверить в правдивость новости. Так, в англоязычных СМИ фейковые новости могут дополняться ещё и фейковыми комментариями от лица участников событий или читателей, повышающих доверие к исходному сообщению.

Как известно, человек с легкостью верит в то, что кажется ему знакомым [Канеман 2014], поэтому авторы фальшивых новостей опираются на фоновые знания читателей. Применительно к чтению новостей фоновые знания можно разделить на две группы: стереотипные представления и знания общеизвестных фактов или обстоятельств недавних событий.

При создании новостных фейков используются наиболее распространенные среди представителей целевой аудитории стереотипы, в числе которых: «В Макдональдсе очень вредная пища», «США – плохая страна». Если человек внутренне согласен с идеей, заложенной в фейке, то, как правило, у него не возникает сомнений в достоверности его содержания. Например, одобрение пользователей в русскоязычных социальных сетях получило следующее сообщение:

Рамзан Кадыров станцует лезгинку на закрытии Олимпиады.

Как видим, в основе фейка лежит стереотип, связанный с национальной принадлежностью Р. Кадырова.

Приведем примеры фальсифицированных новостных сообщений, соотносимых с знаниями читателей о последних событиях. После того, как в Рунете появилось видео, на котором В.В. Путин вместе с Д.А. Медведевым играют в бадминтон (этот факт также осветили

многие СМИ), на сайте infa100.ru появилась фейковая новость с заголовком:

Дмитрий Медведев стал бадминтонным судьей.

В англоязычных информационных агентствах после выхода в прокат фильма «Война миров Z» было распространено сообщение про воскрешение людей, которые умерли от лихорадки Эбола. Несмотря на то, что содержание двух этих сообщений явно не соответствует действительности, многие пользователи не подвергали его сомнению. Анализируя реакцию пользователей на данные сообщения, мы обнаружили, что упоминание недавних новостных поводов снижает критичность восприятия фейковых сообщений читателями, особенно если оно содержит графическое подкрепление.

Не в последнюю очередь жизнеспособность фейков обеспечивает некатегоричность речи, которая в научных текстах наряду с точностью обеспечивает объективность изложения [Стилистический… 2006: 246]. Журналисты подменяют содержание этого понятия и, основываясь на том, что возможны разные интерпретации событий, а каждый человек имеет право на свою точку зрения, выдают фальшивые новости как факты, вероятность правдивости которых не следует отрицать.

Многие англоязычные авторы используют особые слова и атрибутику, которая даёт сигнал читателю, что новость, которую он читает, является неподтверждённой. Они применяют следующие слова: *сообщается*, *утверждается*, или не уточняют, из каких именно источников поступила информация [Silverman 2014: 121]. Данный приём имеет название хеджинг (hedging language) и подразумевает использование лингвистических средств, которые выражают колебание или неопределённость, например:

Wednesday Apple ***Rumors****: Apple* ***May Be*** *Ready to buy Path;*

Islamist websites ***claim*** *Israeli-Canadian woman kidnapped by IS:* ***report****.*

Применение в одном предложении нескольких средств, выражающих неопределенность, значительно затрудняет его восприятие, поэтому хеджинг также весьма успешно снижает критичность мышления читателей.

Таковы основные приемы, используемые при создании и распространении новостных фальсификаций. Дальнейшие исследования данного феномена могут состоять в психолингвистических экспериментах, определяющих степень эффективности используемых при их создании приемов.

Библиографический список

Канеман Д. Думай медленно… решай быстро. М.: АСТ, 2014. 653 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. Кожиной М. Н. 2-е изд., испр. и доп. М.: 2006. 696 с.

Chilton P. Analysing Political Discourse. Theory and Practice. London-New York: Routledge, 2004. 226 pp.

Silverman C. Lies, Damn Lies, and Viral Content. Columbia journalism school, 2014. 168 pp.

Wegner D. Incrimination Through Innuendo: Can Media Questions Become Public Answers? // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 40 (1981). P. 822–832.

M.A. Polygalov
Graduate of Philological Faculty
Perm State University

E.N. Kharebova
Senior Lecturer of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

COGNITIVE AND PRAGMATIC FEATURES OF FAKE NEWS

The article describes cognitive and pragmatic features of fake news, which make the readers to believe in the reliability of their content.

Key words: fake news; background knowledge; stereotype; hedging language.

УДК 654.19(4/9): 004.738.5
070(470.53):044.738.5

Пустовалов Алексей Васильевич
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
theyareeverywhere@gmail.com

МЕСТНЫЕ ГАЗЕТЫ НА ПЕРМСКОМ РЫНКЕ ИНТЕРНЕТ-СМИ

(*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-14-59007 «Локальный медиадискурс: перспективы оптимизации информационно-коммуникативных процессов»)*

Статья посвящена анализу современного состояния рынка пермских интернет-изданий. Этот рынок расценивается как арена соперничества местных изданий и пермских филиалов общероссийских изданий. Анализируются способы привлечения и удержания внимания местной аудитории, завоевания её лояльности: запоминающийся интернет-адрес издания, достаточное место на первом экране для местных новостей, наличие групп в крупнейших соцсетях.

Ключевые слова: пермские интернет-СМИ; местные и федеральные газеты; новостные порталы; местная аудитория; социальные сети.

Проблемы онлайновых СМИ в Перми, перспективного, динамично развивающегося сектора журналистики, не теряют своей остроты и сегодня. К их анализу мы обращаемся уже не первый год (см.: [Пустовалов, Березина 2011], [Пустовалов 2013], [Пустовалов 2014а], [Пустовалов 2014б]); каждый раз возникают новые актуальные аспекты в их изучении.

К настоящему моменту достаточно актуальной продолжает оставаться проблема противостояния собственно пермских изданий и пермских версий федеральных изданий. Эта проблема, рассмотренная через призму не так давно вошедшего в нашу научную практику понятия «комьюнити медиа», приобретает особое звучание.

Комьюнити-медиа, по утверждению одного из крупнейших специалистов в этом вопросе Кевина Хауи, создаются «самой коммуной для себя», чтобы говорить «о самой себе». Они могут быть разнообразными по форме: радио, видео, газеты, компьютерные сети. Главное их назначение – отвечать нуждам коммуны [Howley 2010: 15].

По его мнению, комьюнити-медиа призваны: создавать медиасистемы, релевантные повседневной жизни местного населения;

© Пустовалов А.В., 2016

укреплять местную идентичность и автономию, представляя альтернативу распространяющимся транснациональным медиапотокам; создавать контент, альтернативный контенту глобальных и коммерческих медиа [Howley 2005: 2].

Уже к 2014 г. пермском интернет-рынке противостояние локальные/федеральные издания наметилось довольно чётко. Выделилась оппозиция пермских версий федеральных изданий (газеты *КП. Пермь, АиФ. Пермь, МК. Пермь, Ъ. Прикамье, РГ. Пермь*, портал *Эхо Москвы в Перми*) и собственно пермских изданий (газет *Новый компаньон, Звезда, НеСекретно, Деловое Прикамье, Business Class*, порталов *59.ru, Properm.ru, PRM.ru* и др.). Существенную разницу между одними и другими изданиями мы увидели по таким критериям: место на сайте пермских новостей, наличие чётко заявленного пермского интернет-адреса, наличие местной группы в крупнейших социальных сетях [Пустовалов 2014а: 193–194]. По этим критериям мы проведём обозрение и нынешней ситуации.

К 2016 г. это противостояние не было снято, оно лишь несколько изменило форму. Прежде всего, поменялся состав и статус игроков (изменения выделены подчёркиванием).

Газеты:
Федеральные
КП в Перми
МК в Перми
РГ в Перми
Ъ Прикамье
АиФ Пермь
Местные
В курсе. Пермь
Новый компаньон
Business Class
НеСекретно
Звезда
Порталы
Федеральные
РБК-Пермь
Эхо Москвы в Перми
Местные
~~*PRM.ru*~~
59.ru
Properm.ru
~~*Dayperm.ru*~~

В группе газет усилилась пермская часть: появился новый крупный игрок – газета «В курсе. Пермь», входящая в состав холдинга «АктивМедиа» пермяка Дмитрия Скриванова.

В группе порталов, напротив, пермская часть ослабилась: транснациональная компания «Хёрст Шкулёв Медиа» купила два из трёх крупнейших пермских информационных порталов – *59.ru* и *PRM.ru*. На *59.ru* это существенно не повлияло. Но на *PRM.ru* это привело к закрытию журналистско-новостной части: теперь *PRM.ru* – вновь (такое было в начале 2000 гг. на заре существования ресурса) лишь портал разного рода услуг; он ушёл из числа игроков информационного рынка.

Кроме того, на пермском рынке появился новый портальный игрок – *РБК-Пермь*, часть огромного медиахолдинга *РБК*, сразу же занявший высокое место в рейтингах (не в последнюю очередь благодаря успеху «материнского» ресурса). Отметим также, что в данный период временно перестал работать информационный сайт *Дневная Пермь* (*Dayperm.ru*): не принадлежавший к числу крупных игроков, он, однако, занимал определённое место на пермском рынке онлайновых медиа.

Несколько компенсировало потери в пермской портальной зоне то, что «АктивМедиа» купил часть столичной сети «Эха Москвы» – *Эхо Москвы в Перми,* и теперь его можно относить к местным изданиям.

Кроме внешних изменений на пермском новостном рынке нужно отметить и внутренние, основным вектором которых стало подчёркнутое внимание к местной аудитории. Даже федеральные издания, ранее характеризовавшиеся некоторым высокомерием и пренебрежением к пермскому читателю, немного (но далеко не полностью) стали от этого отходить.

Улучшилась локализация газет: при заходе на сайты *Комсомольской правды, Московского комсомольца, Российской газеты* пермский читатель автоматически переправляется на пермские новости, они стали более чётко выделяться на первом экране. Однако им далеко в этом смысле до газеты «АиФ. Пермь» (см.: [Пустовалов 2013]), сайт которой практически полностью отдан пермским новостям; при прокрутке страницы на их ресурсах по-прежнему видно, что их большую часть составляют федеральные новости. Совсем не локализованным остался сайт «Коммерсантъ».

Лучше всего искренность внимания к пермскому читателю у изданий мы увидим при обращении к такому критерию, как наличие местной группы в крупнейшей российской социальной сети *Вконтакте*. Характерно, что ни *МК в Перми*, ни *РГ в Перми*, ни *Ъ Прикамье* так и не обзавелись местной площадкой – ни *Вконтакте*, ни в какой-то из

других крупнейших соцсетей. Ничтожно маленькое число подписчиков (60) имеет паблик *РБК-Пермь*: очевидно, издание не сильно стремится к обретению лояльной аудитории на этой площадке. Отметим, что ВСЕ собственно пермские издания обязательно имеют хорошие и постоянно активные группы прежде всего *Вконтакте*, а также в других социальных сетях.

Подчеркнём, что новый бодрый игрок пермского интернет-рынка – газета *Вкурсе* показывает успехи на всех доступных местных площадках. Так на момент написания статьи у неё более 16 тыс. друзей в пермской группе *Вконтакте*: это – хорошая цифра для пермских медиа в данной соцсети и ещё одно свидетельство того, что интернет-игрок, небезразличный к местной аудитории, должен обязательно озаботиться успехом на этой площадке. Добавим, что *Вкурсе* достигла этой цифры очень быстро, в кратчайший срок обогнав патриархов информационного сектора Пермнета.

Итак, подводя итоги, повторим, что эффективная работа с местной аудиторией включает несколько взаимодополняющих факторов: удобный адрес и локализация, удобный дизайн страницы, постоянное присутствие в соцсетях.

Количество крупных местных игроков в информационном секторе Пермнета сократилось, а количество федеральных – возросло. Вместе с тем федеральные игроки стали стремиться к более плотной работе с местной аудиторией, более полному учёту её интересов на разных уровнях (локализация, дизайн, соцсети).

Мы видим, что не только постоянно высокое место в различных рейтингах, но настоящий успех у пермской аудитории зависит от искреннего к ней интереса издания. Визуально этот интерес проявляется на разных уровнях деятельности интернет-издания; при их комплексном анализе нельзя обмануться в том, кто по-настоящему заинтересован в отражении информационных интересов пермской аудитории или, возвращаясь в определению К. Хауи, какие издания создаются городской общиной «для себя», чтобы говорить «о самой себе». Именно такие медиа более способны «укреплять местную идентичность и автономию», давать «альтернативу» национальным и транснациональным медиапотокам, создавать медиасистемы, «релевантные повседневной жизни местного населения».

Библиографический список

Пустовалов А. В., Березина И. А. Региональные интернет-СМИ шт. Мичиган и Пермского края (РФ): сопоставительный анализ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь: изд-во Перм. ун-та,

2011. №1. С. 113–121. URL: http://rfp.psu.ru/archive/1.2011/berezina_pustovalov.pdf (дата обращения: 02.06.2016).

Пустовалов А. В. Информационные порталы и газеты: структуризация пермского новостного интернет-рынка // Вестник Пермского университета. Серия "Российская и зарубежная филология". Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2014. №1. URL: http://rfp.psu.ru/archive/1.2014/pustovalov.pdf (дата обращения: 02.06.2016).

Пустовалов А. В. Новая концепция сайта пермского филиала «АиФ» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2013. №2. С. 153–159.

Пустовалов А. В. Новостные порталы: структура и место на пермском интернет-рынке // Журналистский ежегодник: научное издание. 2013, №2. Часть II. Томск: Томский государственный университет. С. 30–33. URL: http://www.psujourn.narod.ru/lib/pu_newsportals.pdf (дата обращения: 02.06.2016).

Пустовалов А. В. Региональные СМИ Пермского края как комьюнити медиа // Материалы 53-й международной научной конференции «СМИ в современном мире. Петербургские чтения». СПб.: СПбГУ, 2014. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1394609152_7545.docx (дата обращения: 02.06.2016).

Шагалова О. В. Интернет-СМИ Пермского края: типология и описание // Acta Diurna, 2007. URL: http://psujourn.narod.ru/vestnik/vyp_3/shag_ permnet.html (дата обращения: 02.04.2013).

Buckley, S. Community media: a Good Practice Handbook. Paris, UNESCO. Published by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2011. 80 P. ISBN 92-990029-0-8 URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002150/215097e.pdf (дата обращения: 02.06.2016).

Howley K. Community media. People, Places and Communication technologies. Cambridge university press, 2005. 309 p. URL: https://books.google.ru/books?id=MslR_FE5SI4C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 02.06.2016).

Howley K. Understanding Community Media. SAGE, 2010. 424 p. https://books.google.ru/books?id=3fBv392VI_UC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 02.06.2016).

A. V. Pustovalov
Associate Professor of Journalism and Mass Communication Department
Perm State University

LOCAL NEWSPAPERS ON A PREMIAN MARKET OF ONLINE MEDIA

The article is devoted to the analysis of an up-to-date state of the of perm online media market. This market is appreciatев as the field of rivalry of the local and the permian branches of federal issues. It analyses the ways of arresting and holding the attention of the local audience and conquest for its loyalty, such as: memorable web address of the publication (URL), enough space on the first screen for local news, the presence of local groups in the largest social networks.

Key words: Perm online media; local and federal newspapers, news portals; multimedia; local audience; social networks.

УДК 070

Черепанова Лариса Львовна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Cherkaf@gmail.com

Шарафутдинова Венера Марселевна
корреспондент газеты «Тан» («Рассвет»)
с. Барда, Пермский край
venera-yagafarova@rambler.ru

БАРДЫМСКИЕ СМИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

(*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-14-59007 «Локальный медиадискурс: перспективы оптимизации информационно-коммуникативных процессов»*)

В статье даны характеристики медийного пространства полиэтничного Бардымского района Пермского края в связи с административно-географическими особенностями территории; представлены особенности работы разных видов СМИ.

Ключевые слова: средства массовой информации; полиэтничный район; аудитория; ассимиляция; язык.

Национальный состав населения Бардымского района Пермского края представлен двумя крупными тюркоязычными этносами – башкирами и татарами (89,6 % всех жителей района). Как любой полиэтный регион, Бардымский район сталкивается с типичной проблемой ассимиляции и противостояния ей, эта специфическая проблема связана с особенностями языка общения – диалектной формой, вобравшей в себя как башкирские, так и татарские элементы.

На территории Бардымского района функционируют газета «Тан» («Рассвет»), основанная в 1931 г.; «Местное телерадиовещание «Тол буйлары» («Притулвье»), первый эфир которого состоялся 23 декабря 1993 г.; с 1932 г. – местное радио «Барда таннары» («Бардымские зори»), работающее в рамках МБУ МТРВ «Притулвье».

Как и все районные СМИ, СМИ Бардымского района сталкиваются с различными трудностями, в том числе и касающимися только этнических СМИ. Большая часть населения Бардымского района двуязычна. С учетом этой особенности целевой аудитории газета «Тан

© Черепанова Л.Л., Шарафутдинова В.М., 2016

(Рассвет») выходит на двух языках. Газета «Рассвет» является точной копией татароязычного «Тан». Это позволяет подписчикам выбирать язык, на котором им удобнее читать, а газете сохранить численность своей аудитории, так как в районе, кроме татар и башкир, проживает большое количество русских и представителей других национальностей, владеющих русским языком.

Естественно, что преобладающая национальная культура оказывает влияние на работу СМИ. Основной массив публикаций – о татароязычном населении, хотя на территории района периодически возникают информационные поводы, касающиеся всего многонационального населения. Более того, из-за отдаленности, плохих дорог, недостатка кадров в редакциях вне зоны внимания местных СМИ оказываются русские деревни, информационные поводы из жизни этих территорий практически не освещаются в газете. Сохраненный в районе канал получения информации от селькоров оказался экономически не выгодным, поэтому тоже себя не оправдывает.

Местное телерадиовещание «Притулвье» вещает на двух языках – 81% передач выходят на татарском и 19 % – на русском. Выпуски информационного характера, репортажи с различных заседаний, а также передачи, подготовленные о русских религиозных праздниках, культуре, монтируются на русском языке, остальной массив передач – на татарском. Передачи не дублируются.

Телевидение уделяет большое внимание освещению социально-экономического развития района, деятельности местного самоуправления, культурно-исторического наследия народов, проживающих на территории Пермского края, этнокультурных традиций, демонстрируется тесная этническая связь с соседними районами края. Выходят передачи о народных умельцах, мастерах промыслов и ремесел.

Целевая аудитория бардымского телевидения имеет широкие возрастные характеристики: от дошкольников до людей преклонного возраста, поэтому рубрикатор достаточно широк: «Авылым туган тобэгем» («Село мое родное»), детская передача «Мыраузянда кунакта» («В гостях у Мыраузяна»), «Юл башында: поселениеләр тормышы» («Ход времени: жизнь поселений»), «Депутатский час», «Человек и закон», «Актуальное интервью», молодежная передача «Ровесник».

Бардымское радио «Барда таннары» («Бардымские зори») вещает только в будни, в пределах одного часа. С самого основания и по сей день радиопередачи ведутся на русском и татарском языках в соотношении приблизительно 15 % к 85 %. Как и на телевидении, на радио передачи не дублируются. Тем не менее в радиорубриках

отражается вся информационная повестка дня: «Здоровье», «Семья. Брак. Дети», «Народные таланты», «И, туган тел!» («Родной язык»), «Җомга» («Пятница»), «Эдэби сэхифэ» («Литературная страничка»), «Безнен кунакханэ» («Наша гостиная»), «Серле сандык» («Сундучок с секретом»), «Туган як тарихыннан» («Из истории родного края»). Вещание телевидения и радио распространяется на весь Бардымский район. Передачи местного телерадиовещания транслируются в Осинском, Уинском, Октябрьском, Частинском, Кунгурском и других районах.

Помимо местных СМИ на территории Бардымского района вещают радиостанции «Юлдаш» (Башкортостан), «Болгар радиосы» и «Татар радиосы» (Татарстан), ведущие передачи на башкирском и татарском языках соответственно. С 2005 г. распространяется религиозно-просветительская газета «Нурлы Барда» («Светлая Барда») на татарском языке, которая является официальным изданием Бардымского мухтасибата духовного управления мусульман Пермского края. Материалы газеты знакомят с основными положениями ислама, с имамами мухтасибата, освещают события из жизни мусульман Барды и окрестностей. С 1990 г. в бардымской типографии печатается краевая татарская газета «Халык чишмэсе» («Народный родник»), но на территории района она не распространяется.

С 2011 г. подписчики татарской версии газеты «Тан» ежемесячно получают татарстанскую газету «Без бергэ» («Мы вместе»), которая с 2014 г. распространяется как вкладыш в двадцати татароязычных изданиях пятнадцати субъектов России.

Проблемно-тематический анализ публикаций газеты «Тан» («Рассвет») и телевизионных программ телевидения «Тол буйлары» («Притулвье») за 2015 г. показал, что СМИ Бардымского района играют заметную социальную роль, выполняя вполне традиционные для социально-культурной практики районных медиаструктур задачи: просвещение, воспитание патриотизма, национального самосознания, досуговые и др.

Однако между газетой и телевидением заметны некоторые различия в тематических приоритетах. Так, сельскохозяйственная тематика представлена чаще в газете «Тан» («Рассвет»), а культурная занимает первое место среди программ телевидения. Темы религии, народных традиций, культуры, праздников отражают жизнь национального большинства района – мусульман. Русские праздники и традиции ни разу не стали информационным поводом в бардымских СМИ, исключение составляет одна публикация о поздравлении жителей района с Пасхой от главы района. Наибольшее количество публикаций в

2015 г. посвящены 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: это репортажи, очерки о ветеранах войны, тружениках тыла, детях войны, их воспоминания.

Местное телерадиовещание «Тол буйлары» («Притулвье») осуществляет оперативно-информативную функцию: шесть телепередач выходят под общей рубрикой «Вакыйгалар» («События») и знакомят аудиторию с новостями района. Одна передача «Жырым булсын булэгем» («В подарок – песня») носит поздравительный характер. Самое большое количество передач посвящено культурной тематике, есть несколько программ историко-патриотического направления. В ряде программ освещаются вопросы местного самоуправления, рассказывается о жизни достойных граждан, оценивается владение татарским языком учащимися бардымской гимназии.

Для выявления актуальных проблем СМИ Бардымского района проведено анкетирование целевой аудитории и экспертные интервью с главным редактором районной газеты «Тан» («Рассвет») и директором местного телерадиовещания «Притулвье».

Цель анкетирования – определить уровень доверия аудитории местным СМИ, выявить предпочтительный источник информации (газета, телевидение, радио) и наличие интереса к местному контенту.

Анкета из 12 вопросов закрытого, открытого типов была размещена на сайте газеты «Тан» («Рассвет»), где ее с октября 2015 г. по май 2016 г. можно было заполнить в электронной форме. В анкетировании приняли участие 94 человека, из них 76 жителей села Барда и Бардымского района и представители других населенных пунктов России (гг. Пермь, Оса, Уфа, Кунгур, Красноярск, Санкт-Петербург, Екатеринбург, с. Бажуки) и зарубежья (г. Свендборг (Дания)). В связи с тем, что анкета заполнялась на сайте газеты, можно предположить, что все респонденты являются активными посетителями сайта.

Общее количество ответов на вопрос принималось за 100 %. После обработки данных с помощью стандартных математических методов получены следующие результаты:

– абсолютное большинство респондентов считают, что местные СМИ адекватно отражают действительность. Всего 19 % заполнивших анкету не доверяют местным СМИ;

– 32,9 %, то есть практически треть опрошенных, хотят, чтобы передачи местного телевидения дублировались на русском языке, поскольку им не всегда понятно, о чем идет речь;

– газете отдали предпочтение более половины всех опрошенных, это составило почти вдвое большую аудиторию, чем у телевидения, и

впятеро – чем у радио. 60,6 % респондентов отметили, что газету всегда выписывали и читали, остальные – либо недавно оформили подписку, либо покупают, либо читают в библиотеке, то есть находят альтернативные способы ее прочитать. Вероятно, благодаря дубляжу газета «Тан» («Рассвет») имеет более высокую позицию на фоне телевидения, не дублирующего свои передачи. Это объясняется тем, что через газету читатели с разными языковыми предпочтениями имеют возможность знакомиться с информационной повесткой района в полном объеме;

– популярность электронных видов СМИ (телевидения, радио) невысокая. Большинство респондентов выразило среднюю степень заинтересованности местным радио, 13 (13,8 %) человек слушают его фоновым звуком, 63 (67 %) только некоторые передачи и лишь 16 (17 %) слушают радио всегда внимательно;

– 5 (5,3 %) респондентов выписывают или покупают газету ради рекламы. Остальные читают либо всю, либо некоторые рубрики. Это свидетельствует о высоком интересе к публикациям, легкой доступности издания (можно выписывать с доставкой, без доставки – с получением номеров в редакции газеты, приобретать в почтовых киосках);

– ниже всего уровень популярности телевидения. Всего 9 респондентов смотрят местное *телевидение* ежедневно, остальные – иногда раз в неделю, не смотрят, а шестеро и вовсе не знали о его существовании. Возможно, это связано с вещанием телевидения без учета режима свободного времени целевой аудитории, а также с проживанием респондентов на территориях, где электронные СМИ Бардымского района не ведут вещание;

– большинство целевой аудитории (86 % опрошенных) заинтересовано в получении новостей, 42,5 % респондентов желают читать (слушать) публикации (передачи) аналитического, 54,2 % – развлекательного, 46,8 % – критического, 54,2 % – поздравительного характера.

Таким образом, с точки зрения аудитории, по данным соцопроса, газета работает вполне успешно. Претензии по поводу отсутствия дубляжа передач, неподходящего времени вещания аудитория высказывает к телевидению и радио, т. е. к СМИ, которые в медиапространстве региона занимают минимальные сегменты.

Для проверки полученного результата было проведено интервьюирование главного редактора районной газеты «Тан» («Рассвет») Э.Ш. Уразова и директора местного телерадиовещания «Тол буйлары» («Притулвье») З.С. Габдулхаковой. В результате полученных ответов из материалов интервью выделен ряд проблем, связанных,

прежде всего, с уровнем владения татарским языком: отсутствие подготовленных в языковом отношении кадров; плохое понимание литературного татарского языка, на котором работают СМИ, носителями местного диалекта, уменьшение детской аудитории, программы для которой выходят на татарском языке, а обучение в школах веется на русском; сложности с поиском респондента, свободно говорящего на литературном языке; трудности профессионального роста из-за невозможности принимать участие в конкурсах, которые традиционно проводятся на русском языке, т. е. без учета специфики национальных СМИ; перспектива прекращения телевизионного вещания в связи с переходом на цифровое телевидение.

Подведем итог. Бардымские СМИ играют незаменимую роль в сохранении национального самосознания местного населения, но информационная изоляция русскоязычного населения косвенно ведет к разрозненности этносов.

Библиографический список

Куличкина Г. В. Сохранение национальной самобытности народов России на страницах современной региональной прессы // Журналистика в 2011 г.: Ценности современного общества и средства массовой информации. М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. С. 312–314.

Овсепян Р. П. Глобализация и самобытность этноса. // Этническая журналистика в условиях глобализации. М. Изд-во Моск. ун -та, 2008. С. 5–8.

Феткуллин К. Р. Проблемы развития этнической региональной журналистики (на примере татарской печати Нижегородской области): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.10. Казань, 2006. 13 с.

L. L. Cherepanova
Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

V. M. Sharafutdinova
Correspondent of the Newspaper «Tan» («Dawn»)
Barda, Perm Krai

BARDA DISTRICT'S MEDIA IN THE POLYETHNIC SPACE OF THE REGION

The article deals with the media characteristics of the multi-ethnic space of Barda district of Perm Krai. The latter is considered in connection with the administrative and geographical features of the territory; the peculiarities of the various types of media are presented.

Key words: mass media; multi-ethnic district; audience; assimilation; language.

УДК 81’42

Яруллин Денис Владимирович
студент филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
d.v.yarullin@gmail.com

СООТНОШЕНИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ РЕКЛАМНОГО ОБРАЗА

В работе исследуется рекламный образ как актуализация отдельных элементов интертекстуального рекламного дискурса. Предлагается когнитивная интерпретация рекламного образа как фрейма-сценария и вложенного в него фрейма-понятия, характеризующего продукт. Выдвигается гипотеза о том, что креолизованный рекламный текст обнаруживает ключевые элементы рекламного образа (значения ключевых слотов составляющих его фреймов) при помощи исчислимого набора маркеров. Проверка гипотезы осуществляется по отношению как к вербальной, так и к невербальной части креолизованного текста путем проведения экспериментов. Набор данных маркеров предлагается как средство идентификации текста при решении задачи автоматического анализа поликодовых текстов.

Ключевые слова: креолизованный текст; интертекстуальность; речевая системность; фрейм; формализация дискурса.

Современная коммуникативная лингвистика все чаще сталкивается с тем, что многие тексты, продуцируемые в процессе непосредственной или же опосредованной коммуникации, являются текстами креолизованными (или поликодовыми), в которых, наряду с вербальной составляющей, большую роль играет составляющая невербальная – чаще всего визуальная, но также и аудиальная [Сорокин, Тарасов 1990]. При этом фокус внимания по-прежнему остается на сугубо вербальной части подобных текстов, хотя это искажает целостную картину при их анализе.

Мы предлагаем рассматривать рекламные тексты как яркий пример подобных креолизованных текстов в контексте модели коммуникативной ситуации. Обратимся к модели К.А. Долинина [Долинин 1987], поскольку в ней коммуникативное событие описывается в контексте осуществляемой деятельности, тогда как реклама неразрывно связана с осуществлением маркетинговой деятельности – коммерческой реализации тех или иных продуктов.

© Яруллин Д.В., 2016

Заметим, что понятие деятельностной ситуации глубоко характеризуется высказанным М.М. Бахтиным еще в 1920-е гг. положением о том, что высказывание определяется не только ближайшей ситуацией общения, но и более далекой социальной средой, т.е. социальными связями и их реализацией в процессе деятельности [Бахтин 1993].

Здесь мы можем отметить, что идеи М.М. Бахтина были восприняты и развиты классиками постмодернизма (Р. Барт [1973] и Ю. Кристева [1974]), разработавшими концепцию интертекстуальности.

Содержание понятия интертекстуальности, используемого нами в дальнейшем при рассмотрении структуры рекламного образа, эксплицировал Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. <...> Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [Barthes 1973: 78].

С нашей точки зрения, рекламные тексты – и шире – рекламный дискурс являются убедительным подтверждением данных идей. Действительно, рекламный текст чаще всего создается с учетом результатов маркетингового исследования, объективация результатов которого в рекламном тексте, как будет показано далее, отчетливо демонстрирует важные интертекстуальные закономерности. Существенно при этом, что маркетинговое исследование осуществляется по определенным параметрам, ориентированным на выявление ожиданий массового адресата.

Хорошей иллюстрацией этих положений может служить реклама автомобилей. В частности, мы можем обратиться к отчету по проведенному аналитическим агентством «АВТОСТАТ» исследованию «Предпочтения российских покупателей на автомобильном рынке». Авторы исследования выделяют среди прочих следующие характеристики продукта: стоимость, комфортабельность салона, ходовые качества, внешний вид / дизайн, комплектация, системы безопасности, размер, расход топлива, объем и мощность двигателя, стоимость обслуживания и ремонта, гарантийный срок, цвет, престижность марки / модели и другие. Указанные параметры являются

факторами общественного сознания, их природа, как отмечалось, интертекстуальна.

Мы видим, что активность субъекта (адресанта) в рекламном сообщении заключается в конструировании рекламного образа на основе эксплицированных ожиданий адресата. Сущность контакта между адресантом и адресатом – скрытое предложение того, что адресат де-факто уже изъявил желание получить. Адресант же узнал об этом желании при знакомстве с результатами проведенного маркетингового исследования.

Проведенный анализ показал, что структура рекламного образа, объективируемого в креолизованном тексте, задается теми признаками интертекста, которые были выделены и описаны в ходе маркетингового исследования.

Исходя из данных предпосылок, рекламный образ можно представить в рамках теории фреймов М. Минского [Minsky 1974]. Параметр маркетингового исследования как интертекстуальный признак в составе фрейма получает статус слота, а конкретные данные, собранные в ходе этого исследования, являются его значениями (например, параметр «ходовые качества» становится слотом фрейма, а его значением – определенная характеристика – «проходимость»).

Непосредственно в рекламном образе можно выделить два ключевых фрейма: «рамочный» фрейм-сценарий, описывающий отраженную в тексте ситуацию, и «включенный» в него фрейм-понятие, представляющий собой модель рекламируемого продукта. При этом и фрейм-сценарий, и фрейм-понятие обладают достаточно широким набором слотов, не все из которых реализуются в каждом конкретном рекламном образе. Значения слотов подбираются создателем рекламы таким образом, что фрейм актуализирует и акцентирует важные для целевой аудитории характеристики товара.

Рассмотрим предполагаемый процесс продуцирования рекламного образа в рамках предложенной модели. Перед создателем рекламы ставится задача прорекламировать внедорожный автомобиль. Ключевой характеристикой товара, определенной в маркетинговых исследованиях и являющейся идентификатором для данной категории продуктов, является его высокая проходимость и способность передвигаться по бездорожью.

Учитывая это, создатель рекламного текста объективирует фрейм-понятие «автомобиль», где ключевым слотом становится слот «ходовые качества», а его значением – «проходимость».

Актуализировав фрейм-понятие указанным образом, автор текста подбирает фреймы-сценарии, на основе которых и будет создан

конечный образ и, следовательно, продуцирован текст. Набор фреймов-сценариев ограничен следующим требованием: сценарий должен сдержать фрейм-понятие «автомобиль» с включенным слотом «ходовые качества» и значением этого слота «проходимость». Следующим шагом в создании рекламного текста является выбор возможных фреймов-сценариев: «поездка на дачу», «поездка в горы», «выезд в автомобильную экспедицию», «поездка на рыбалку», «выезд на охоту» и т.д. Создатель рекламы в дальнейшем выбирает один из данных сценариев и реализует его в рекламном образе.

При этом актуализированные значения слотов упомянутых фреймов имеют свой набор вербальных и невербальных репрезентаций, которые и составляют рекламный текст. Каждая такая репрезентация представляет собой отдельный элемент рекламного текста. При этом одно и то же значение слота может быть выражено (маркировано) несколькими кодовыми элементами в одном и том же тексте с целью увеличения скорости его восприятия аудиторией и усиления воздействия на нее.

В связи с тем что рекламный текст в большинстве случаев является креолизованным текстом, в котором наряду с вербальной частью присутствует и невербальная, маркеры для каждого из значений также можно разделить на вербальные и невербальные.

Вербальные маркеры рекламного образа обычно предельно эксплицитны. Чаще всего они реализуются простыми предложениями или отдельными словосочетаниями в письменной или аудиальной форме. Например, в рекламе внедорожников для значения «проходимость» используются маркеры «свобода быть везде», «4 х 4 для всех», «забудьте о плохих дорогах» и т.д. В свою очередь, в рекламе автомобилей бизнес-класса для значения «престижность» подбираются такие маркеры, как «в центре жизни, в центре внимания», «город покорен» и т.д.

Значения слотов фрейма, актуализированные вербальными маркерами, стабильно распознаются целевой аудиторией, что подтвердилось проведенным нами направленным ассоциативным экспериментом, в котором респондентам предлагалось распределить набор высказываний из рекламных текстов по категориям «ассоциируется с проходимостью», «ассоциируется с престижностью», «ассоциируется с обоими словами», «не ассоциируется ни с одним». Респонденты успешно классифицировали все предложенные стимулы с минимальной долей неоднозначных результатов.

Обращаясь к невербальной части, отметим, что она играет большую роль в рекламном тексте в процессе его восприятия за счет

того, что скорость ее восприятия адресатом выше. Мы предположили, что невербальная часть, по аналогии с вербальной, также содержит собственные маркеры, позволяющие адресату соотнести их с определенными значениями слотов фрейма. Для проверки этой гипотезы мы вновь обратились к эксперименту.

100 респондентов должны были соотнести 10 частотных значений слотов фрейма «легковой автомобиль» (престижность, надежность, стильность, проходимость, эксклюзивность, безопасность, мощность, скорость, комфортабельность, динамичность) с рекламными изображениями седана бизнес-класса и внедорожника. Среди результатов особенно показательно то, что 80 % респондентов соотносят «проходимость» только с внедорожником, а 70 % соотносят «эксклюзивность» только с седаном.

На этих двух значениях слотов мы остановились в процессе проведения следующего эксперимента. Он был нацелен на выявление конкретных маркеров данных значений.

Две группы респондентов получили по 1 изображению каждого вида автомобилей, при этом все 4 изображения были различными. Респонденты должны были выделить те участки на изображениях, которые, как им кажется, соотносятся со словами-стимулами: «проходимость» и «эксклюзивность». Результаты подтвердили ранее высказанную гипотезу: мы смогли обозначить на тестовых изображениях участки, которые подавляющее большинство относило как ассоциирующиеся со словом-стимулом.

Резюмируем сказанное. Рекламный образ и объективирующий его текст содержат определенный набор характеристик рекламируемого продукта, которые могут быть представлены как значения слотов соответствующих фреймов. При этом значения слотов всегда актуализируются в креолизованном рекламном тексте набором элементов-маркеров. Значения как вербальных, так невербальных маркеров в большинстве случаев распознаются целевой аудиторией, что позволяет говорить о четкой соотнесенности конкретного маркера с конкретным значением.

Уникальность комбинаций маркеров в этих наборах позволяет воспользоваться ими для решения задачи автоматической классификации: отнесения того или иного рекламного текста к одному из классов текстов, выделенных на основе объективируемых в них значений. Это позволит в автоматическом режиме проводить первичную оценку текста на соответствие ожиданиям целевой аудитории.

Библиографический список

Бахтин М. М. Под маской. Маска третья. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993в. 188 с.

Болотнова Н. С. Когнитивное направление в лингвистическом исследовании художественного текста // Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике серебряного века. Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2004. С. 7–19.

Долинин К. А. Стилистика французского языка 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1987. 303 с.

Имшинецкая И. А. Маркетинговая деятельность как экстралингвистическая основа рекламного текста / И. А. Имшинецкая //Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации: Материалы Международной научной конференции. (Пермь, 5-7 октября 2005 г.). Пермь, 2005. С. 112–117.

Сорокин Ю. С., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. д.т.н. Р.Г. Котов М.: Наука, 1990. С. 180–186.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Barthes, R. The Pleasure of the Text – Le Plaisir du texte Paris: Seuil, 1973 // URL: https://emberilmu.files.wordpress.com/2011/08/roland-barthes-the-pleasure-of-the-text.pdf (дата обращения: 05.04.2016).

Fillmore, C. J. Frame semantics and the nature of language: In Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech. Volume 280: 20-32 // URL: http://www.icsi.berkeley.edu/pubs/ai/framesemantics76.pdf (дата обращения: 05.04.2016).

Kristeva, J. La révolution du langage poétique – Paris: Seuil, 1974.

Minsky, M. A framework for representing knowledge. MIT AI Laboratory Memo 306, June, 1974 // URL: http://web.media.mit.edu/~minsky/papers/Frames/frames.html (дата обращения: 05.04.2016).

D. V. Yarullin
Master Student of Philological Faculty
Perm State University

A CORRELATION BETWEEN VERBAL AND NON-VERBAL ELEMENTS OF ADVERTISING IMAGE

The article is focused on an advertising image as an actualization of advertising discourse elements, which is intertextual. A cognitive interpretation of it is offered: the image is a frame-scenario with a frame-concept of the commercial product. The hypothesis that the advertisement text shows key slots through the set of verbal and non-verbal markers is proved by separate associative experiments. This set of markers is considered as identification tool for the automatic analysis of advertisements with verbal and non-verbal parts.

Key words: frame; intertextuality; discourse formalization; speech consistency.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ В ЯЗЫКЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

УДК 81’28

Бакланова Ирина Ивановна
зав. кафедрой русского языка
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
ii-baklanova@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧИМЫХ ТЕМ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ О СЕБЕ

Исследование выполнено в рамках коммуникативной диалектологии. В статье анализируются ответные реплики диалога в диалектной речи с точки зрения актуализации в них значимых для информантов тем. Под значимыми темами понимаются те, к которым информант обращается часто, в том числе и непроизвольно. Выясняется, что для информантов важны темы семьи, труда и его условий, здоровья, частной собственности.

Ключевые слова: актуализация; значимая тема; диалект; диалектоноситель; коммуникативная диалектология.

Сегодня активно изучается диалектная речь в самых разнообразных аспектах. Данная статья выполнена в рамках коммуникативно-когнитивного направления диалектологии [Гольдин, Крючкова 2011: 9–10]. С одной стороны, в диалектной речи проявляются особенности коммуникации жителей сельской местности, с другой, – актуальными для изучения стали особенности мышления диалектоносителей, проявляющиеся в речи.

Материалом для исследования послужили записи русской речи жителей Пермского края, записанные во время экспедиций под руководством А.С. Лобановой, И.А. Подюкова, И.И. Русиновой, автора данной статьи (Оханский, Юсьвинский и др. районы Пермского края), а также материалы диалектологической практики студентов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Усилившийся в последнее время интерес к жанрам диалектной речи диктует нам определение специфики выбранного нами материала. По определению Т.А. Демешкиной, чаще всего мы имеем дело с жанром воспоминаний: именно «этот жанр как вербализация прошлого опыта составляет один из важнейших компонентов диалектного речевого

© Бакланова И.И., 2016

общения, является средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом, социальном отношении информации» [Демешкина 2000: 101].

Под актуализацией мы понимаем действие, состоящее в извлечении усвоенного материала из памяти долговременной или кратковременной для последующего использования его при воспоминании или при непосредственном воспроизведении. Другими словами, это извлечение (осознанное и неосознанное) важной для информанта темы.

Мы обратились к теме актуализации неслучайно. Анализируя ответы информантов, мы увидели, что на один и тот же вопрос информанты отвечают по-разному: а) не дают прямого ответа совсем, уходят от темы; б) отвечают по существу, не отклоняясь от темы; в) отвечают на поставленный вопрос, попутно включая в ответ дополнительную информацию, иногда воспринимаемую слушателем как основную.

Покажем это на примере традиционно задаваемого вопроса, выясняющего или уточняющего место работы. Сравним ответы, данные разными информантами на один и тот же вопрос: ***Где вы работали?*** 1) *В правлении робила, потом у девок в магазине робила техничкой. Это уж на пенсию вышла, дак тогда.* 2) *Я работала всю жизнь в животноводстве, дояркой работала, телятницей работала. Дояркой больше всего. С шестнадцатого года я дояркой пошла.* 3) *Проработала зимой в лесу, летом на сплаве: лес отвозили за речку. На работу, помню, за семь километров ходили*. 4) *Семья большая была, детей пять человек, Евгения, Василий, Васса, Петро, Ефросинья да мама с бабушкой, а отец умер в 1931 году. Уехал на производство, там его электром стукнуло. Мама нас всех и воспитала. Я четыре класса кончила, в 15 лет уже дояркой работала, на лесозаготовки, на лесосплавы отправляли. Соберут 8 девок да мужика дадут и отправят за 40 километров от деревни лес пилить.*

Обратим внимание, что, кроме сведений, касающихся прямого ответа на вопрос, в высказываниях информантов представлена важная для самого говорящего информация. В ответах актуализируется разное содержание, но, несомненно, такое, которое волнует информанта: 1) ***уж на пенсию вышла****, дак тогда работала техничкой*; 2) ***С шестнадцатого года*** *я дояркой пошла;* 3) *На работу, помню,* ***за семь километров ходили***. В ответе № 4 информант отмечает, что из-за большой семьи и ранней смерти отца ей нужно было с пятнадцати лет начать трудиться: ***Семья большая была, детей пять человек, Евгения, Василий, Васса, Петро, Ефросинья да мама с бабушкой, а отец умер***

в 1931 году. Уехал на производство, там его электром стукнуло. Мама нас всех и воспитала…

Так, учитывая формальный критерий анализа вопросно-ответных комплексов, мы пришли к коммуникативно-когнитивному аспекту их изучения, к выявлению значимых для диалектоносителя тем.

Как видим, говоря **о труде**, первое, на что обращают внимание информанты, – это возраст, с которого они вынуждены были трудиться. Говоря о месте работы, информанты расширяют ответ за счет дополнительных тем: детский / подростковый, физический, тяжелый / непосильный труд; находящийся далеко (*за семь километров, за сорок километров*). Информация, важная для информанта, очень конкретна, в центре событий стоит сам рассказчик. Диалектное повествование «тяготеет к "фабульности", событийности, а в центре событий обязательно стоят люди … диалектный дискурс антропоцентричен в самом прямом смысле этого слова» [Гольдин 2009: 5].

Очень часто диалектоносители актуализируют **тему семьи** (Например, в ответе №4). Рассмотрим и другие примеры:

1) [Почему не уехали из деревни? Вы младшая были?] *Нет, я средняя.* ***До меня все сестры уехали в Пермь. Одна-то сщас в Соликамске живет, друга-то умерла тоже уж. Молодая, петидесяти лет. Одна живет на Голешнике. Нас осталося щас трое только. Четверо-то умерли.*** *Колхозу надо было, маме.* ***Куда маму-то девать-то****. Скотину держали, огород.*

2) [Замуж выходили? Во сколько лет выходили?] *А я уж всё девоньки, забыла. Память плохая, голова болит.* [Сколько лет-то Вам было?] *Девятнадцать. Вот чё вот.* ***Два сына были, вот это, да две дочери у меня. Да вот восем сейчас правнуков, внуков****.*

Говоря о семье, информанты рассказывают, что для них важен ее традиционный уклад: главное место в семье занимают родители, их значимость велика. Далее братья, сестры; диалектноносителям важно, сколько их было, где живут; реже, кем работают. Самое главное – живы ли сейчас. Для женщины-рассказчицы значимо, была ли замужем, есть ли дети, сколько их, где живут, живы ли они. Особо проявляется забота о детях, живущих далеко: На вопрос [Пистики сейчас тоже едите?] был получен такой ответ: *И сечас вон в холодильнике ишо* [замороженные «пистики»]. ***Дочь приедет, дак она тоже любит. У них там не растут они дак****.*

Как видим, информация подается не как основная, а как фоновая (но это для диалектолога). Сам же информант считает ее важной, актуальной. Информация о месте проживания дочери появляется тоже случайно: [Пирожки печете?] *Нет, я боюся,* [с сыном и снохой] *живу*

как на квартире, ничё не стряпаю. ***Вот дочка едет****, дак станем маленько стряпать…* ***В Кургане живет она у меня.***

Противопоставленные **темы «жизнь / смерть»** актуальны, часто в речах упоминаются одновременно: *сестра жива, а брата уж нету*. В высказываниях часто говорится об умерших родственниках и знакомых: [Почему не уехали из деревни? Вы младшая были?] *Нет, я средняя. До меня все сестры уехали в Пермь.* ***Одна-то сщас в Соликамске живет, друга-то умерла тоже уж****. Молодая, петидесяти лет. Одна живет на Голешнике.* ***Нас осталося щас трое только. Четверо-то умерли.*** *Колхозу надо было, маме. Куда маму-то девать-то. Скотину держали, огород.*

В рассказе о церкви *там* [В Пятигорах] *церква-то была, дак её россыпали, сожгли ли, ли цё ли. А раньше в Пятигоры ездили, кодили пешком. У нас часовня была, да тожо россыпали… а* ***россыпал, дак он нету, дауно уже нету, дети-те нету никто у его, который россыпал****, россыпал да он себе на дом перевёз… да туто жыл, здесь жыл. И вот* ***се перевелися*** информант не только говорит о том, что у человека, разобравшего церковь, все уже умерли, но и, скорее всего, считает, что такое «вымирание» семьи неслучайно.

Интересно звучат ответы на вопрос: как жили раньше?

Варианты ответа:

1) *Я очень беспрокая нынче стала. У меня ничё голова не вари́т.* [Давно беспрокой стали?] *Дык всю жись такая была, в деревне дак, ни образования, ничё. …* [Почему Вы все время говорите «беда», «ой, беда»?] *А дак чё, так прожито, такая жись была всё время нехорошая, дак чё.* ***Налоги были, займы были. Поросёнка выростишь летом, свезёшь – нету. Продашь – налоги платили…***

3) *До войны неважно жили,* ***налоги были****, ладно, если урожай уродится, то на трудодни давали зерно и были с хлебом, если неурожай – ели суррогат* (листья липы, лебеды). *Во время войны - лучше не поминать.* ***Большие налоги****, исть нече, хлеб не давали, хлеб весь увозили, если дадут сколь, то очень мало, ели гнилые картошки. Деньги платили -* ***налог, молоко сдавали, если овец держали, то шерсть, если кур, то яйца, за лето надо сдать 75 яиц, хоть дёржишь, хоть не дёржишь, надо все равно сдать. Все страдали от налогов****.*

4) *Сначала-то было плохо, конечно, на трудодни работали. А трудодень-от его заработашь в день-то, а на трудодень давали 200 грамм муки… Это было до войны, в 1937 году, а потом вот в войну 4 года. Война-то началась дак, в колхозе* ***сколь хлеб-от и был, сдавали государству. Картошку сдавали, 3 центера, вот она выростёт – не выростёт, а 3 центера сдай государству. Яички сдавали, мясо***

сдавали, молоко сдавали. Молока 360 ли чё ли литров на корову. *Во время войны плохо жилось, хлеба не было дак.*

В ответах на этот вопрос информанты – пожилые люди – актуализируют, кроме названных уже тем (труд, семья), **тему собственности**. В советское довоенное и военное время крестьяне облагались налогами: все нажитое непосильным трудом нужно было отдавать государству. Это хорошо помнят информанты и при каждой возможности говорят об этом, сопровождая описание жизни оценками: *жили неважно, плохо, лучше не вспоминать…*

Тема хлеба, еды (самой простой) для пожилых людей актуальна и сегодня: они воспринимают хлеб как основной продукт для поддержания жизни, а наличие еды как источник счастья: *Во время войны плохо жилось, хлеба не было дак. Я чечас хлеб-от дак прижму к себе,* ***со слезами «Хлебушко- матушка ты»****. Бывало, вот дадут летом когда побольше, мукой давали ведь не зерном, мама растворит квашню, посадит хлеб печь, как ждешь,* ***только бы кусочек хлебушка чистого, больше ничё не надо****.*

Тема собственного здоровья (в том числе интеллектуального) звучит фоново в ответах на разные вопросы: [Расскажите, как жили] *Я очень* ***беспрокая*** *нынче* ***стала***; [Замуж во сколько лет выходили?] *А* ***я*** *уж* ***всё*** *девоньки,* ***забыла. Память плохая, голова болит.***

Значимые темы как нельзя лучше актуализировались в ответе на вопрос [Что такое счастье?].

1) *Не знаю. Счастье –* ***здоровьё****, само главное здоровье,* ***поисть есть****,* ***одеть есть че****, слава Богу.* 2) *Счастье – если все есть, все хорошо,* ***дети есть****,* ***муж есть****, все есть,* ***болезней нету****. Вот я щас одна, како счастье мне? Было когда-то, когда все вместе жили.* 3) *Счастье – это* ***здоровье****,* ***дети умные****,* ***хорошие, не балагуры. Счастье в детях, в семье. Семья хорошая, и это счастье****.* 4) ***Всё*** *у меня* ***есть****, хлеб сама пеку, шевелюсь пока. Счастье – то, что* ***здоровье есть****, нет счастья, как дерево скрипишь, а* ***когда не болеешь****, шибко* ***большое счастье****.*

В современной науке используют понятие «ключевые ценности», они есть в каждой культуре. Материал показал, что диалектоносители действительно актуализируют, маркируют значимые для них темы, часть из которых можно назвать «ключевыми ценностями» (здоровье, собственность, семья). Но информантов-крестьян, чьи материалы мы анализируем, волнуют и другие темы. Пожилому человеку важно, чтобы в доме была еда (помнят голод, высокие продовольственные налоги), прежде всего хлеб; были одежда и какой-то необходимый набор предметов (минимальный) для жизни (*все у меня есть*). Крестьянин не

боится тяжелого труда, а боится одиночества. *Счастье – если все есть, все хорошо, дети есть, муж есть, все есть, болезней нету.* ***Вот я щас одна, како счастье мне****? Было когда-то, когда все вместе жили. Было бы еще здоровье.* Прошлая жизнь вспоминается информантами в деталях, мелочах, поэтому мы считаем, что *значимых тем* у крестьянина больше, чем *ключевых ценностей*. Актуализируются значимые темы так же, как и ключевые ценности: «Маркерами ценности объекта могут быть: коммуникативная выделенность некоторых тематически приуроченных фрагментов дискурса, высокая частотность ключевых единиц этих фрагментов, детализация номинаций описываемого объекта, его включенность в личную сферу говорящего, которая выражается в использовании средств субъективной оценки, широкого спектра модальностей (одобрение / неодобрение, сожаление, досада, возможность/невозможность, желательность и т.п.), а также эстетическое оценивание» [Гынгазова, Иванцова 2015: 37].

Библиографический список

Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика, 2009. № 1. С. 3-7.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты: Учебн. пос. для студ. гуманитарных специальностей. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. 120 с.

Гынгазова Л. Г., Иванцова Е. В. Ключевые ценности крестьянской культуры в высказываниях диалектной языковой личности // Язык в пространстве речевых культур: к 80-летию В. Е. Гольдина / Отв. ред. О.Ю. Крючкова, Л.П. Крысин. М.-Саратов: Амирит, 2015. С. 36-45

Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.

I. I. Baklanova
Head of Russian Language Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

SIGNIFICANT TOPICS ACTUALIZATION IN DIALECT-BEARERS STATEMENTS ABOUT THEMSELVES

The research was carried out within the framework of the communicative dialectology. Dialog replies in dialect speech are analyzed in the article in terms of actualization of significant for the informants topics. The topics to which the informant refers quite often and even involuntary are considered to be significant ones. It turns out that topics of family, labor and its environment, health, private property are important for the informants.

Key words: actualization; significant topic; dialect; dialect-bearer; communicative dialectology.

УДК 81’37

Белова Лариса Александровна
доцент кафедры «Иностранные языки и связи с общественностью»
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
lara-belova26@mail.ru

ЗАВОД И *ПРОМЫСЕЛ* В ПЕРМСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XVII-XIX вв.

В статье анализируется языковая и социально-экономическая специфика употребления лексем *завод* и *промысел* в текстах региональной деловой письменности XVII – XIX веков.

Ключевые слова: памятники письменности XVII – XIX веков; лексемы *завод* и *промысел*; промышленность.

Культура промышленного производства – один из элементов системы культуры вообще, материальной культуры в частности. Она определяется уровнем развития материальных и духовных средств промышленного производства, с помощью которых происходит освоение человеком природы и общественное ее использование, а также широтой распространения этих средств производства на данном этапе развития общества [Козлова: эл. ресурс].

Российская промышленность до 1917 г. была представлена *промыслами, ремеслами, мануфактурами, заводами, фабриками.* Задачи отечественной экономики с XVIII в. актуализируют такой тип производства, на котором применяется не только ручной, но и машинный труд, то есть *завод*.

В пермских памятниках письменности XVII–XIX вв. (далее – ППП) наибольшей частотностью отмечены лексемы *завод* и *промысел.* Анализ текстов ППП позволяет сделать несколько предположений.

1. *Завод* и *промысел (промысл)* – маркеры отечественной экономики периода феодализма, то есть до становления машинного производства. Отглагольные сущ. *завод* и *промысел* образованы по продуктивной модели «производящий глагол → результат действия»; в муж. р. ед. числа у таких лексем было нулевое окончание: *бег, вылаз, доезд, досмотр, перевоз, переход* и т.п., а в жен. р. продуктивен был суфф. – к (а): *возка, веска, доездка, перевозка, покупка* и т. п.

Лексема *завод* в исходном значении «хозяйственный, промысловый инвентарь, обзаведение» к XVIII в. уже не актуальна:

© Белова Л.А., 2016

Дворы их и животы и всякий скот и молоченой и на поле насевной всякий хлеб и всякие заводы и переписав их запечатал [СПП I 1697: 184]. В XVIII в. формируется известное и сегодня значение «предприятие по добыче, изготовлению чего-либо»: *Бежал де он Василей с Уктусу з железных* заводов *от работы* [СПП I 1703: 184].

Лексема *промысел* была актуальна в значениях «работа, ремесло, занятие»: *Как де у вас не дешевые денги у вас промысел добр* [СПП II 1691: 154] и «добыча чего-либо»: *Посылаютца в казенные соляные промысла и в Пыскорский медиплавиленной завод* [ПМЗ 1736: 47].

На базе указанных значений у лексемы *завод* развиваются устойчивые сочетания ***бывать в заводе*** – «устраивать, заводить чего-либо» и ***варничные заводы*** – «инструменты, предметы, необходимые для получения соли из соляного раствора». См.: *На том месте изстари бывало в заводе мелнишное строение* [СПП I 1706: 184]; *Соляные варницы и с росолными трубами и с соляными анбары и з дровяными плодбищи и со всеми варнишными заводы* [СПП I 1700: 58]. Официальные деловые документы XVIII в. показывают устойчивость употребления словосочетания ***вечная заводская работа*** «каторжные работы»: *Учинить наказание бить кнутом нещадно, и вырезав ноздри сослать в Красноярск с случаем, и быть тамо в вечной заводской работе, а до отсылки содержать здесь в работе* [КСД 1738: 46–47].

Производные с корнем *завод* распределяются по двум семантическим блокам. Первый блок, реализующий идею заведения (изготовления, приобретения) или основателя (устроителя, владельца) чего-либо, представлен лексемами *заводить – завОдный – заводчик – заводчица*. См.: *Прежде заводил Спирка Михеев себе избу а овин Васка Морозов после стал ставить* [СПП I 1668: 184]; *Ту их старинную мельницу своею мельницею заводною водою потопил»* [СПП I 1647: 184]; «*В челобитье заводчицы вдовы Евдокии написано у Соли Камской инокини живут близь церкви мирскаго приходу* [СПП I 1683: 185].

Лексема *заводчик* может развивать и значение с отрицательной коннотацией «зачинщик»: *Тех воров которые… учали грабить велели переимать и за их воровство пущих воров и заводчиков казнить смертию* [СПП I 1661: 185].

Во втором семантическом блоке представлена только лексема *заводской*, реализующая идею отнесения к *заводу* как предприятию, который предполагает рабочий процесс, инструментарий: *Работал заводскою снастью куренями и боровками уголье и на то де угольное зжение дрова рубил заводскими же топорами* [СПП I 1710: 185]; *И на том Григоровском руднике в работе был с полгода, с того рудника взят и определен на Пыскорской завод в заводскую работу* [КСД 1738: 37].

Лексема *завод* в данном значении востребована в русском языке XVIII в., а в XX в. она дает интересные словообразовательные единицы – *заводчане, заводские* (субстант.), *молокозавод, хлебозавод, заводской гудок, заводской комитет* (завком), *заводская династия, завод-миллионер, ФЗУ* – фабрично-заводское училище; устойчивые словосочетания – *завод по переработке, изготовлению.., завод имени…* и др. Лексема *заводчик* в значении «устроитель, основатель, хозяин» в советскую эпоху переходит в пассивный словарь и сменяется иноязычной лексемой *директор*. Лексемы *заводчик* / *заводчица* приобретают специальный оттенок: например, *заводчица* собак.

Термин *«промысел»* был неустойчивым: он означал разные виды деятельности, не относящиеся к сельскому хозяйству, – ремесло, торговлю, первичную обработку продуктов землепашества или животноводства, поэтому в ряду однокоренных слов семантически востребованным оказывается глагол *промышлять*. В таком значении понятие «*промысел*» включало все, что приносило доход владельцу: *И татиною или разбойничью рухлядью или иным каким воровством промышливали…и они де про то ведают ли* [СПП II 1648: 155]; *И по сю пору их ратные люди мимо нас не прохлаживали ни один человек и государевым ратным делом не радеют и не промышляют* [СПП II 1609: 156]. Промыслами назывались и старинные занятия населения: рыболовство, охота, сбор лесных припасов.

У лексемы *промысел (промысл)* в ППП фиксируется ряд однокоренных слов: *промыслить – промышленный – промышливать – промышленник – промышлять – промыслишко*.

В словообразовательной паре *промышленный – промышленник* первая лексема актуализирует значение «предназначенный для добычи (охоты)»: *грабежом взяли у них пищаль винтовую…да промышленную звериную снасть* [СПП II 1703: 155]. Вторая – «лицо, занимающееся к-л промыслом или владеющее предприятием, где добывается ч-л» – семантически смыкается с лексемой *заводчик* «владелец, хозяин завода» и устойчивым сочетанием ***промышленные люди*** «предприниматели, промышленники». См.: *Едут с Руси с Кунгура в Сибирь…промышленные руские люди и иноземцы* для *руских хмелевой и восковой покупок* [СПП II 1679: 155].

Заметим, с указанными единицами в синонимические отношения встраиваются и субстантивы *торговые / ремесленные* (люди): *А будет … у торговых и уездных ремесленных …учинитца меж себя спор… и велено выбрать окладчиков* [СПП II 1678: 195].

Лексема развивала устойчивые сочетания: ***строиться промыслом, варничный / торговый / рукодельный промысел.*** *Так,* ***варничный***

промысел – «производство соли»: *А как варнишный промысел заведут и соль учнут варить и с той земли и с варнишного промыслу велено… оброк платить* [СПП II 1699: 58] и ***рукодельный промысел*** – «изготовление ч-л ручным способом, ремесло»: «По торговым и рукодельным промыслам» [СПП II 1694: 206] сохраняют акциональное действие. А ***торговый промысел*** развивает значение места действия – «торговые лавки»: *На деревенские участки и на всякие угодья и на торговые промыслы и на заводы и на соляные варницы…и никаких крепостей на площади и в земской избе и нигде отнюдь не писали* [СПП II 1690: 332].

2. *Завод* – маркер складывающихся капиталистических отношений, явление социально-экономической жизни петровской и постпетровской эпохи, реализуется в значении «промышленное машинное производство, обычно крупное»: *В Пермские мои медиплавиленные и железоделательные заводы* [БС 1773: 46]; *Построя завод ползоватся буду один я* [БС 1772: 28]; *О руднике Верхнегремячевском принадлежащем Пыскорскому заводу в котором была разработка со стороны графа Александра Сергеевича Строганова* [ПМЗ 1798: 153]; *«Клеймо железное заводское* [ПМЗ 1803: 96]; *План и профиль всему заводскому действию* [ПМЗ 1803: 122]; *В канцелярию Главного правления Сибирских Казанских заводов ис Пермского горного начальства* [КСД 1738: 35]; *Записано черной меди … семдесят восемь кругов весом сто десять пуд два фунта…и отпустить для перечистки в чистую штыковую на Мотовилихинскои завод* [ПМЗ 1783: 39].

3. *Завод* – XVIII в. градообразующее предприятие**:** *В расстоянии между собою заводы в 200 саженях от городов Перми в 178 Соликамска в 20ти соседних заводов туне лежащих заводчика Турчанинова* [ПМЗ 1783: 40].

На Урале и в Сибири в XVIII в. интенсивно растут и обновляются российские города. Урал становится центром горнодобывающего производства России: именно здесь в XVIII в. складывается весь комплекс уральской металлургии (черной и цветной). В течение столетия в Прикамье было построено 8 казенных и 48 частных медеплавильных и железоделательных заводов, вокруг многих закладываются города [Агафонова 1995: 28–29]. Так, свое начало г. Пермь ведет с 1723 г., когда была заложена Егошихинская заводская слобода.

В отношении языка XVIII в. корректнее говорить о недифференцированном употреблении лексем *завод и мануфактура:* они выступают как синонимы. В русский язык понятие *«мануфактура»* (или «манифактура») вводится Ф. Прокоповичем, в первой четверти

XVIII столетия оно часто встречается законодательных актах петровского времени, периодике, публицистике, позже фиксируется в словарях XVIII в. и бытует в произведениях рабочего фольклора [Козлова: эл. ресурс].

Первоначально слово *мануфактура* употребляется в значениях *«рукоделие», «ручная работа»*, смыкаясь в этих значениях со словосочетанием *рукодельный промысел*. Заметим, что в начале XVIII в. устройство мануфактур включается в понятие *промысел*. Наряду с указанным значением встречается и другое – *особливые заведения, где великое число мастеровых вместе собрано для делания какого-либо товару под смотрением одного содержателя*. Неустойчивость *мануфактуры* как способа организации промышленного хозяйствования была связана с целым комплексом причин, среди которых существенно важную роль играли степень развития товарно-денежных отношений, недостаточная связь с рынком металлургических предприятий, непоследовательность и колебания в политике правительства по отношению к промышленности на протяжении всего XVIII в. В то же время термины *завод* и *фабрика* применялись не только к мануфактурам, но и к предприятиям ремесленного типа [Козлова: эл. ресурс].

В немалой степени распространению сведений о промышленности, введению новой терминологии и уточнению ее смысла способствуют журналы и технические руководства, которые начинают издаваться в России с середины XVIII в. В обществе постепенно накапливаются сведения о промышленном и мануфактурном производстве, формируется различное понимание и отношение к этому явлению культурно-экономической жизни. Промышленное развитие и его проблемы становятся одним из элементов общественного сознания.

Развитие отечественной промышленности XVIII–XIX вв. можно представить как цепочку сменяющихся способов ее организации: *промысел (ремесло)* → *мануфактура / завод* → *фабрика / завод.*

Библиографический список с принятыми сокращениями

Агафонова Н. Н., Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века. Пермь: Книжный мир, 1995. 176 с.

Козлова Н. В. Культура промышленного производства / Н. В. Козлова, Л. В. Кошман, В. Р. Тарловская // URL: http://statehistory.ru/books/pod-red--B-A--Rybakova_Ocherki-russkoy-kultury-XVIII-veka--CHast-pervaya-/12 (дата обращения: 01.07.2016).

А про то барону Строганову ведомо было… Памятники деловой переписки XVIII–XIX вв.: монография / сост. Л. А. Белова, Н. В. Логунова, Л. Л. Мазитова.

Усолье, Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строганова», 2006. 200 с. *БС, год, страница.*

Книга секретных дел Главного заводов правления 1738-1740 гг.: Памятники деловой письменности I половины XVIII века: монография / сост. Л. А. Белова; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2013. 134 с. *КСД, год, страница*.

Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI–начала XVIII в.: в 2-х т. Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. Т.1. 428 с; Т.2. 424 с. *СПП, том, год, страница.*

Пыскорский медеплавильный завод: памятники деловой письменности конца XVIII – начала XIX века: монография / сост. Л. М. Пантелеева. Усолье: Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строганова», 2016. 242 с. *ПМЗ, год, страница.*

L. A. Belova
Associate Professor of Foreign Languages and Public Relations Department
Perm National Research Polytechnic University

PLANT AND FISHING IN THE PERMIAN MONUMENTS OF LITERATURE XVII-XIX CENTURIES

The article analyzes the linguistic and socio-economic specifics of the use of tokens plant and harvest in the texts of the regional business writing XVII–XIX centuries.

Key words: written records XVII–XIX century; tokens factory and fishing industry.

УДК 82-97

Беломестнова Анастасия Сергеевна
инженер кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
n_belomestnova@mail.ru

ДУХОВНЫЕ СТИХИ ЧЕРДЫНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

(*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-59003 а(р) «Похоронно-поминальный фольклор Прикамья в системе русской традиционной культуры»*)

Статья посвящена культуре старообрядцев Чердынского района Пермского края. Одним из механизмов сохранения их идентичности является живая традиция исполнения духовных стихов. В статье анализируется функционирование чердынских духовных стихов, а также дается описание репертуара в сопоставлении с репертуарами других районов Пермского края.

Ключевые слова: Пермский край; традиционная культура; духовные стихи; старообрядцы; микролокальная традиция; репертуар.

В ходе полевых исследований филологического факультета ПГНИУ (2011, Чердынский район Пермского края) под руководством С.Ю. Королёвой была изучена территория камского правобережья: деревни Абог, Большие и Малые Долды, Печинки, Коепты, Яранина, Усть-Уролка и поселок Курган, где в свое время обосновались приверженцы старой веры. В ходе двух экспедиционных выездов был собран корпус текстов, репрезентирующих старообрядческую культуру: духовные стихи, молитвы, описания обрядов, предписания и запреты, комментарии о единоверцах и «иноверцах».

Стоит отметить, что полевые исследования чердынского верхнекамья проводились и ранее. В частности, эту территорию в 1970–2000-х гг. изучал пермский этнограф Г.Н. Чагин. По его сведениям, на рубеже XIX–XX вв. старообрядчество здесь активно поддерживал потомок разбогатевших местных крестьян, баржестроитель М.А. Сандраков: он построил и содержал в Усть-Уролке деревянный молельный дом – *собор* и школу для обучения детей церковнославянской грамоте. Старообрядцы местной общины принадлежали часовенному согласию, впрочем, сами они называли его еще и спасовским.

Интересно, что наш основной информант А. И. Шишигина (Сандракова), с которой мы беседовали в 2011 г., не называет согласие

© Беломестнова А.С., 2016

спасовским или часовенным, но идентифицирует усть-урольских старообрядцев как беспоповцев, противопоставляя свою веру поморской и зыбковской, а также более радикальной – бегунской (страннической), которая распространяется на этой территории с начала XX в.

Кроме противоречий, возникающих в отношениях между старообрядцами разных согласий, на религиозную жизнь общины влиял и тот факт, что приверженцы старой веры всегда тесно соседствовали с мирскими, «никонианцами». Постоянный контакт с ними, на наш взгляд, и является сегодня важным механизмом сохранения идентичности старообрядцев.

Долгое время средоточием старообрядческой духовной жизни в Чердынском районе была д. Усть-Уролка, в которой располагался молельный дом; в настоящее время им является п. Курган – нынешний административный центр сельского поселения, куда переехали многие жители Усть-Уролки. Именно здесь нами была зафиксирована живая традиция исполнения духовных стихов.

В сохранении этой микролокальной традиции нельзя переоценить роль личности. Так, уже упомянутая Анна Ильинична Шишигина (Сандракова), чей отец в свое время был *наставником*, пользуется безоговорочным авторитетом среди местных жителей как знаток и хранитель усть-урольской традиции. Отметим, у местных старообрядцев есть официальный наставник из Соликамска, который, однако, такого уважения и народного признания не получил.

Духовные стихи в среде чердынских старообрядцев бытуют как в устной, так и в письменной форме. Тем не менее читать стихи принято, держа в руках книгу, несмотря на то что исполнитель может значительно отступать от текста. Как отмечает Ю. А. Новиков в статье «К вопросу об эволюции духовных стихов», «пение с книгой в руках еще не означает пения по книге. Она часто служит лишь психологической опорой» [Новиков: 21]. Кроме того, обязательное наличие стихарника для исполнения духовных стихов может объясняться культом книжности в среде старообрядцев. Как подчеркивают информанты, книга является главной ценностью, передаваемой из поколения в поколение. *«У нас был стихарник, он такой большой был, там стихов много»,* – рассказывает Анна Ильинична, выражая сожаления о том, что их домашний стихарник сгорел во время пожара.

Сейчас чаще всего чтение стихов осуществляется по сборнику «Стихи духовные», который создан на рубеже XIX–XX вв.; на момент исследований сборник хранился у одной из пожилых местных жительниц. Также многие жители поселка, в том числе и Анна Ильинична, пользуются сборником «Голуби на часовенке»,

составленным пермскими учеными И.А. Подюковым и С.В. Хоробрых. В сборнике зафиксированы тексты, записанные в д. Усть-Уролка в 80–90-х гг. XX в.

Во время нашей первой встречи Анна Ильинична лишь после долгих уговоров согласилась исполнить стихи на память, без стихарника. На следующий день она оценила этот опыт как негативный: *«Мы вчера тут вякали, тут всё это ж в стихарнике есть…»*. Примечательно, что, доверяя старому стихарнику, Анна Ильинична несколько критично отзывается о тех вариантах духовных стихов, которые представлены в новом сборнике: *«...дак у её совсем всё шиворот-навыворот…порядок, порядок не тот. Тут "Жизнь плачевну-ту провожаю, жизнь плачевну всю свою", – а я пою: "Жизнь ту плачевну провожаю, жизнь свою на свете всю". А вот это тоже, смотрю: "Ох ты, доля, моя доля". Раньше бегали девки, пели, а она в стих записала, в духовный стих»*.

В следующий раз нам удалось зафиксировать исполнение духовных стихов в необычной ситуации. Молодая жительница д. Усть-Уролка Валентина Алексеевна Шаламова пришла пешком за 8 км к Анне Ильиничне, чтобы научиться *читать стихи*. Её интересовали *правильное* произношение, мотив, интонации. *«Мы же гласа не знаем, как правильно…Мы даже "Аллилуйя" не могли вспомнить, я Вам рассказывала. Не могли спеть "Аллилуйя" с Анной Александровной... У нас вот Анна Ильинична одна умеет так молиться»*, – объяснила она. Сама Анна Ильинична также признает необходимость знать устную традицию: *«Мотив надо знать. Вот тут одна хотела у меня научиться, а потом умерла и так и не успела»*.

Сопоставляя курганские записи 2011 г. с теми, что были зафиксированы пермскими исследователями в Усть-Уролке в конце прошлого века, мы отмечаем относительную устойчивость репертуара. Актуальный репертуар чердынских старообрядцев составляют стихи «Поминайте, братья, сестры», «Жизнь ту плачевну провожаю», «Умоляла мать родная», «Стих ко смерти» («С другом я вчера сидел...»), «Кукушечка», «Стих узника-невольника», «Среди самых юных лет», «В низенькой избушке», «Слёзы лившее о Сионе», «Стих о Содоме» («Вечер, сумерки наступают…»). В основном это стихи позднего литературного происхождения, многие из них тематически близки друг другу: стихи о подготовке к смерти, о грехах, о душе – эсхатологические, назидательного характера. Любопытно, что в актуальном чердынском репертуаре представлены образы грешников и полностью отсутствуют стихи о святых (которые бытуют, к примеру, в Юрлинском районе).

Интервью с информантами позволяют сделать вывод о том, что в среде чердынских старообрядцев исполнение духовных стихов не привязано к похоронно-поминальному обряду. Отмечает это и местная жительница Зоя Архиповна Сторожева: *«На поминках мы не поём, в праздники, если делать нечего»*. О том, как духовные стихи могли исполняться в конкретных семьях, рассказывает Анна Ильинична: *«У меня вот Женя ещё был маленький, возьмёт этот стихарник, говорит: “Мама, напой!” Я говорю, что занята. А он: “Нет, мама, ты сидишь”. А я сижу, ну, напою ему. Он: “Мама, напой ещё другой!” Я говорю: “Тебе охота такое слушать?” Он: “Да, я люблю, как ты поёшь”».* Описала она и другие ситуации исполнения: *«...вечерами у нас соберутся старики и ...не знаю, если уж молодые были… бабы соберутся и поют эти стихи; Мой любимый стих “Умоляла мать родная”. Вот его, когда иной раз…сама собой запою!»* (смеётся).

Как отмечают исследователи, стих «Умоляла мать родная», прославляющий целомудрие, входит во многие репертуары, хорошо известен на Верхней и Нижней Печере у старообрядцев коми, а особенно распространен в среде беспоповцев-безбрачников» [Подюков 2008: 19]. Героиня, к которой обращается умирающая мать, готовится стать «Христовой невестой»: *«Это её судьба, Христос передает свой наказ через мать»,* – комментируют этот стих А.И. Шишигина и В.А. Шаламовова.

Этнографы зафиксировали бытование духовных стихов также и в южных районах Пермского края: Кишертском и Кунгурском. Как отмечается в сборнике «Песни и сказы долины камней», народные версии легенд о конце света, рассказы о святых, о таких категориях, как грех и добродетель, активно бытуют в прозаической форме. Среди 8 стихов, записанных в Кишертском р-не в начале XXI в. («Скажи нам, учитель», «Невеста Христа», «В мире я жила – грешила», «Вот скоро настанет мой праздник», «Для всех солнце светит» и т.д.) нет ни одного, вполне совпадающего с репертуаром чердынцев. При этом отдельные совпадения тем и мотивов все же присутствуют: кишертский стих «В мире я жила – грешила» соотносим с чердынским текстом «В низенькой избушке»; находятся чердынские параллели и для южных вариантов стихов «Вот скоро настанет мой праздник» и «Для всех солнце светит». Образ девушки, которая должна стать Христовой невестой (как и героиня стиха «Умоляла мать родная»), но желает уйти от предначертанной ей судьбы, возникает в кишертском духовном стихе «Невеста Христа».

В Кунгурском районе традиция исполнения духовных стихов была редуцирована еще в XX в. Известно, что стихи («Два-те ангела, два архангела…», «Вот спасибо вам, родные») в этом районе исполнялись

на поминках. Среди немногих дошедших до нас текстов совпадает с чердынским репертуаром стих «В небольшой избушке…», представленный несколько иным вариантом.

Перспективным направлением данного исследования мы считаем сопоставление духовных стихов Чердынского района с соответствующими текстами, записанными в Юрлинском и Кочёвском районах Пермского края. В этих районах сохранились и бытуют, как мы предполагаем, стихи старообрядческого происхождения, хотя большинство жителей старообрядцами себя не считают. При этом в этих районах стихи исполняются в привязке к поминальному обряду.

Нынешние чердынские старообрядцы бережно хранят предметы материальной культуры: «божественные» книги, тетради с записанными в них молитвами и духовными стихами, лестовки, подручники и т.д. В устной традиции исполнения духовных стихов отражается актуальная для чердынских старообрядцев система мировоззрения. Большая часть старообрядцев и выходцев из старообрядческих семей, с которыми мы беседовали, духовные стихи уже не исполняют, но отмечают, что они составляют неотъемлемую часть их культуры.

Библиографический список

Новиков Ю. А. К вопросу об эволюции духовных стихов // Русский фольклор: Материалы и исследования. Л., 1971. № 12.

Подюков И. А. Песни и сказы долины камней: обрядность и фольклор Кишертского района: Мат-лы и исследования / Сост. И. А. Подюков и др. Березники: Тип. купца Тарасова, 2008.

Подюков И .А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В. В каждой деревне че-то да разно: из кунгурской семейной традиции (XX в.) / И.А. Подюков. Пермь: Пермское кн. изд-во, 2007.

Подюков И. А., Хоробрых С. В. Голуби на часовенке: Сказы и песни деревни Усть-Уролка. Пермь, 2009.

Подюков И. А., Чагин Г. Н., Шляхова С. С. Фокеевна: документальная повесть. Пермь, 2009.

A. S. Belomestnova
Engineer of Russian Literature Department
Perm State University

SPIRITUALS OF CHERDYNSKY OLD BELIEVERS

The article is about tradition of old-believers in Cherdynsky area of Perm region. Tradition of live singing spirituals is a basic mechanism of saving their identity. The functioning of spirituals is analyzed, the repertoire is described and compared with repertoires of surrounding areas in the article.

Key words: Perm region; Russian traditional culture; spirituals; old-believers; microlocal tradition; repertoire.

УДК 811.161.1’06+81'373.21(470.53)

Боброва Мария Владимировна
доцент кафедры русского языка
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
bomaripgu@yandex.ru

Посохина Юлия Юрьевна
учитель русского языка и литературы
МАОУ СОШ №115 г. Перми
posoh115@yandex.ru

ТОПОНИМИЯ с. ТРОЕЛЬГА КУНГУРСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ: СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ [1]

Статья посвящена изучению топонимии, функционирующей в речи жителей одного уральского села – жителей с. Троельга Кунгурского района Пермского края. Исследование структуры топонимов современного уральского села показывает, что топонимикон формируется в соответствии с общерусскими тенденциями. Это тенденции, которые являются актуальными на протяжении веков и обеспечивают единство и цельность русской системы географических названий.

Ключевые слова: топонимия; Пермский край; с. Троельга Кунгурского района; структурный анализ.

В настоящей статье мы обращаемся к топонимии, функционирующей в речи жителей одного уральского села – жителей с. Троельга Кунгурского района Пермского края (материалы собраны Ю.Ю. Посохиной, выпускницей филологического факультета Пермского государственного педагогического университета, в 2007–2009 гг.). Населенный пункт стоит на р. Троельга, притоке р. Юмыш, впадающей в Бабку – приток Сылвы. Упоминается с середины XVIII в., уже к началу XIX в. это центр Троельжанской волости Кунгурского уезда Пермской губернии. В настоящее время Троельга – центр Троельжанского поселения, в которое входит 28 населенных пунктов.

В нашем распоряжении находятся разнообразные сведения, собранные путем опроса: 1) общедоступные наименования, зафиксированные в различных источниках (ойконимы – названия населенных пунктов, гидронимы – названия гидрообъектов), и наименования, локально ограниченные в своем употреблении, известные местным жителям и не обнародованные ранее (микротопонимы – названия мелких географических объектов, оронимы – названия

© Боброва М.В., Посохина Ю.Ю., 2016

элементов ландшафта), 2) собственные названия объектов национального значения и объектов регионального значения, 3) онимы, функционирующие в живой непосредственной речи и фиксируемые в местном русском фольклоре. Собранные данные позволяют не только дать традиционное описание местного ономастикона, но и сделать обобщения лингвокультурологического и этнолингвистического характера. Однако в настоящей публикации, ограниченные объемами, мы остановимся на описании актуальной топонимии, т. е. географических названий, функционирующих в живой речи жителей с. Троельга.

Всего выявлено 102 наименования 99 объектов, из них 52 микротопонима (здесь – названия полей и лугов), 31 ойконим, 14 гидронимов, 5 оронимов. Опишем обнаруженные факты с точки зрения структуры онимов.

Собственно структурный анализ подразумевает изучение исследуемого материала с точки зрения словообразовательных и синтаксических особенностей. Мы ориентировались на традиционную теорию русского словообразования, изложенную Е.А. Земской [Земская 1973], и теорию русского топонимообразования, разработанную Н.В. Подольской [Подольская 1983].

Вслед за Е.А. Земской в качестве основных способов образования слов выделим следующие:

1) лексико-семантический – образование нового слова в результате изменения значения уже существующей лексемы (омонимизация, в настоящем случае – трансонимизация, т.е. переход онимов одного класса (разряда) в другой, в конкретной ее разновидности – транстопонимизация, ср.: р. *Бым* и завод, а также поселение при нем *Бым*, реки *Евангелька*, *Песчанка*, *Полыгорец*, *Юмыш* и одноименные деревни, река *Троельга* и одноименное село, река *Майоровка* и одноименное поле),

2) лексико-синтаксический – создание новой лексемы из словосочетания в результате объединения двух или более слов (сращение; в исследуемом топонимиконе примеров не зафиксировано),

3) морфолого-синтаксический – возникновение новой лексемы в результате перехода слова или отдельной словоформы в другую часть речи (конверсия, в частности субстантивация и употребление различных частей речи в функции существительного, ср.: *Драковское* [поле], *Капитанское* [поле], *Спиринское* [поле]; *Галичная* [гора], *Гранская* [гора], *Пахомыч* [угор ‘пригорок’]; д. *Заборское*; в квадратные скобки заключены лексемы, которые в определенном контексте могут выступать и как нарицательный терминологический компонент, и как

часть собственного наименования, причем первое больше характерно для официально-делового и научного дискурса, второе – для бытового),

4) морфологический – образование производного слова в результате присоединения словообразовательных (деривационных) аффиксов к производящей основе (аффиксальные и безаффиксальные способы словообразования) (см.: [Земская 1973: 169]). Далее остановимся на данном способе деривации.

Н.В. Подольской предложена классификация, описывающая 7 основных способов восточнославянского топонимообразования. Пермский материал, в том числе топонимикон с. Троельга, позволяет расширить данную классификацию, в частности посредством не отмеченных в ней синтетических способов образования ИС. Целесообразным видится, прежде всего, выделение двух основных групп географических названий – однословных, или монолексемных / монокомпонентных (включающих одно знаменательное слово), и многословных, или полилексемных / поликомпонентных (включающих более одного знаменательного слова).

На основе анализа однословных онимов и ведущих лексем в поликомпонентных географических названиях могут быть выделены следующие способы топонимообразования (укажем: *а)* микротопонимы, *б)* ойконимы, *в)* гидронимы, *г)* оронимы; отсутствие примеров будет указывать на отсутствие соответствующих фиксаций):

1. Аффиксация:

1) суффиксация: а) поле *Огуречник*, поле *Интернатовское*, поле *Корчёвка*, поле *Мосинка*, поле *Мясниковка*, поле *Грязнуха*, б) д. *Банниково*, д. *Кужлево*, д. *Серёткино*, д. *Богородск*, д. *Юшковка*, в) р. *Каменка*, р. *Сосновка*, р. *Грязнушка*, р. *Полыгорец*, г) гора *Галичная*, гора *Гранская*, гора *Пантюшкина*;

2) конфиксация: а) поле ***Меж****логовь*[***j***]*е*;

3) нулевая аффиксация: а) луг *Согра*, поле *Хутор*, поле *Штаны* (< *штаны* ‘лог, разделяющийся надвое’ [Полякова 2007: 404]), б) д. *Баймура*, д. *Кордон*, в) р. *Канава*, р. *Юмыш*, г) угор *Пахомыч*.

2. Плюрализация (флективная плюрализация): а) поле *Рассохи*, поле *Бобылки*, б) д. *Блины*, д. *Ерши*.

3. Субстантивация: а) поле *Лесинское*, луга *Поповские*, б) д. *Заборское*, в) озеро *Чёрное*, г) гора *Золотая*.

4. Лексикализация грамматической формы слова: а) поле *За Данилой,* поле *У Байсовых,* поле *У Тумбы*.

В материалах, относящихся к Троельжанскому поселению, отсутствуют другие модели, фиксируемые в топонимиконе Пермского края (для сравнения приведем примеры из ойконимии иных районов по

данным 1928 г.): префиксация (*Забор* < *бор*, д. *Заполуденная* < р. *Полуденная*), префиксация с плюрализацией (***Под****гребн****и*** < *гребень* ‘продолговатая вершина горы, холма’ [Подольская 1983: 73]), сложение с различными вариациями (*Подгорно-Буевский*, *Пятигор*, *Каменно-Ключевской* < руч. *Каменный Ключ*, *Пятигоры*), аббревиация (*Обращат*, *Лаюкс*), эллипсизация с различными вариациями (*Ванино* < *Ванинский*, *Высокова* < *Высокопольская*, *Богомолы* < *Богомолов*) и некоторые другие. Кроме того, на других территориях региона многочисленны ойконимы, демонстрирующие лексикализацию императивной формы глагола (рассматриваются Н.В. Подольской как окказиональные: *Забегай*, *Припадай*), личных именований (в генитиве) владельца мелкого надела земли, основателя поселения на нем (хут. *Борисовой*, хут. *Дурегина*).

Вместе с тем основные способы образования монолексемных топонимов типичны; так, 45% суффиксальных единиц, безусловно, отвечает общерусской тенденции к возникновению именно суффиксальных топонимов. Не зафиксированы способы онимообразования, которые не являются распространенными и в русском топонимиконе в целом. Ср., в частности: такой способ деривации, как аббревиация, проник в топонимию только после 1917 г.

Среди полилексемных ойконимов обнаружена единственная модель построения – словосочетание с синтаксической связью согласование: а) поле *Долгая Рёлка*, поле *Ледяной Лог*, поле *Мосин Березник*, поле *Солдатская Точка*, б) *Верхний Шавляш*, *Нижний Шавляш*, в) р. *Малый Юмыш*, руч. *Антоновский Ключик*.

Не зафиксированы словосочетания с синтаксической связью управление (ср. в других районах по данным 1928 г.: *Три Курьи*, *Хутора По Тракту*, *Вверх по Вильве*, *Поворот Жизни*), предложно-падежные конструкции (в терминологии Н.В. Подольской – детерминативно-предложное соположение: *За Сухим Логом*, *У Кривого Озера*), предикативные конструкции (*В Единении Сила*, *Проснись Бедняк*). Отсутствуют также примеры комбинаторных сочетаний – сочетания различных моделей полилексемных имен собственных (ср.: *Городищенские Хутора № 1*, *2*, *3*, *4*, *Томаровское Отделение Грановской Школы Коммуны*).

Особенности деривации полилексемных наименований вновь ожидаемы, поскольку и здесь выявлены наиболее частотные модели. Известно (в результате диссертационного исследования М.В. Бобровой (Богачевой) пермских ойконимов по данным 1928 г., см. также [Богачева 2004, 2005а, 2005б, 2008]), что остальные модели получили распространение в XX веке в связи с резким увеличением количества

поселений (каждое из которых требовалось поименовать) в результате реформ, главным образом столыпинских. Предикативные же конструкции, как и комбинаторная модель, представлены в единичных примерах и в известной мере случайны в ойконимии (имеют скорее окказиональный характер). Более того, отсутствие таких фиксаций подтверждает наблюдение, что в целом в ойконимиконе прослеживается определенный динамический процесс – тенденция к трансформации полилексемных ойконимов в монолексемные. И вместе с тем исследуемые материалы показывают, что сохраняются определенные традиции, ср. высказывание В.А. Никонова в классической работе 1965 г.: «Топонимы в форме косвенного падежа существительного, обозначающего географическое нарицательное, с пространственным предлогом сейчас очень редки в славянской топонимии. Микротопонимы ближе к нарицательным словам, и среди них такие образования бесчисленны: Под горой, За оврагом, На прудах, У мельницы» [Никонов 1965: 86].

Итак, исследование структуры топонимов современного уральского села показывает, что топонимикон формируется в соответствии с общерусскими тенденциями. Это тенденции, которые являются актуальными на протяжении веков и обеспечивают единство и цельность русской системы географических названий. Обращение в дальнейшем к семантическому и функциональному (антропоцентрическому, этнолингвистическому) аспектам поможет выявить специфику собранных в живой речи и в фольклоре материалов в региональном ракурсе, а также с точки зрения изучения картины мира современного уральца-сельчанина.

Примечание

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-34-00330а2). Статья исправлена. Впервые опубликовано в издании: Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 6 апреля 2012 г. / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. С. 143–148.

Библиографический список

Богачева М.В. Новая эпоха – новая культура? // Слово и текст в культурном сознании эпохи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Вологда, 2008. С. 353–361.

Богачева М.В. Процессы онимообразования, отраженные в ойконимии Пермской области // Проблемы филологии и преподавания филологических дисциплин: материалы отчет. науч. конф. преподавателей, аспирантов, молодых ученых и студентов (апрель 2005 г.) / Перм. ун-т. Пермь, 2005а. С. 31–35.

Богачева М.В. Структура ойконимов Пермской области (словообразовательный аспект) // Лингвистические и эстетические аспекты анализа

текста и речи: сб. ст. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Соликамск, 2004. Т. 2. С. 217–221.

Богачева М.В. Структурные модели полилексемных ойконимов Пермской области // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005б. С. 294–296.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: просвещение, 1973. 304 с.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 180 с.

Подольская Н.В. Типовые восточнославянские топоосновы (Словообразовательный анализ). М.: Наука, 1983. 160 с.

Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.

M. V. Bobrova
Associate Professor of Russian Language Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

Yu.Yu. Posokhina
Teacher of Russian Language and Literature
School № 115, Perm

TOPONYMY OF THE TROEL'GA VILLAGE, KUNGUR DISTRICT, PERM KRAI: STRUCTURAL ASPECT

The article is about toponymy which is functioning in the speech of the residents of the one Ural village, the residents of the Troel'ga, Kungur district, Perm Krai. The study of the structure of modern toponyms of the Ural village shows that toponymicon is forming in according with the all-Russian trends. These trends are actual for centuries and provide unity and integrity of the Russian system of the place names.

Key words: toponymy; Perm Krai; Troel'ga, Kungur district; structural analysis.

УДК 81’37:398(47)

Гранова Мария Андреевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
marjanaandreeva@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПЕРСОНАЖАХ НИЗШЕЙ МИФОЛОГИИ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

(*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-34-01279а2 «Сохранение и исследование лингвистического наследия поликультурного региона: применение информационных технологий»*)

В статье приводятся результаты проведенного среди студентов-филологов ПГНИУ эксперимента по толкованию значений демонимов *домовой*, *леший*, *водяной*, *русалка*. Выявляются различия между представлениями об этих персонажах в русской традиционной культуре и в сознании студентов-филологов, а также делается попытка установить факторы, обуславливающие эти различия.

Ключевые слова: эксперимент по толкованию значений слов; домовой; леший; водяной; русалка; мифологические представления студентов-филологов.

Одним из важнейших элементов традиционной, а отчасти и современной картины мира являются мифологические представления, которые «отражают существующую в традиции многоуровневую мифологическую систему (включающую в себя единицы разных уровней – мифологические персонажи, функции, мотивы, сюжеты) и передаются в обществе преимущественно устным путем» [Левкиевская 2007: 3].

В рамках настоящего исследования мы рассмотрим представления о персонажах русской народной демонологии, существующие в сознании современных студентов, обучающихся на филологическом факультете.

Цель нашей работы – выявление особенностей функционирования мифологических представлений у членов указанной социальной группы и определение факторов, обусловливающих эти особенности.

Материалом для исследования послужили данные, полученные в ходе эксперимента по толкованию значений слов, называющих персонажей народной демонологии.

© Гранова М.А., 2016

В эксперименте приняли участие 20 информантов. Это русские студентки 2 и 3 курсов филологического факультета ПГНИУ в возрасте от 19 до 21 года.

Процедура эксперимента состояла в том, что информанты получали анкеты, в которых указывали свой пол, возраст, уровень образования и специальность, а затем давали определения четырем демонимам: *домовой*, *леший*, *водяной*, *русалка*. Время заполнения анкеты не ограничивалось.

Таким образом, на каждое слово было дано 20 толкований. Общий объем полученных определений составил 80 единиц.

Далее каждая дефиниция разбивалась на отдельные семы, после чего подсчитывалась абсолютная частота встречаемости каждой семы в толкованиях. На основе полученных данных мы попытались описать значения слов-стимулов, актуальные для современных студентов-филологов. Затем эти значения мы сопоставили со сведениями об указанных персонажах, представленными в словаре «Славянские древности», и попытались выявить различия в трактовке указанных выше демонимов студентами-филологами и носителями традиционной культуры (отметим, что для сравнения мы брали из словарного толкования только такие признаки, которые характерны для русской мифологической традиции).

Представим результаты эксперимента по каждому слову-стимулу.

Так, в 75% толкований *домовой* трактуется как *мифологическое существо, живущее в доме и оберегающее дом и его обитателей*. Эти семы мы будем считать базовыми. К ближней периферии относятся следующие семы: *дух, который может как помогать, так и вредить хозяевам дома, поэтому его необходимо задабривать*. Эти признаки были обозначены в четверти всех полученных определений. Все перечисленные семы характерны и для народной традиции: «домовой – ... домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных ... существует в каждом доме ... Если его рассердить, он наносит вред хозяйству, ... шумит по ночам ... Домовой завивает человеку колтун ... Если домовой любит скотину, она становится ... сытой, здоровой ... Нелюбимую скотину домовой мучит, гоняет по двору ..., у лошади в гриве сбивает колтуны, отбирает у нее корм ... Чтобы домовой хорошо относился к семье, ... ему совершают приношения» [Левкиевская 1999: 120-124].

Однако испытуемые также указывают в определениях, что *домовой – вымышленный фольклорный образ, созданный людьми для объяснения событий, происходящих в доме*. Таким образом, студенты, в

отличие от носителей традиционного сознания, не верят в реальное существование этого персонажа. Сразу же отметим, что таким же образом информанты воспринимают и остальных духов, что, как нам представляется, обусловлено уровнем образования испытуемых, а также местом их жительства (не сельское сообщество, где активно функционируют мифологические представления, а город).

В толкованиях слова *леший*, данных информантами, отражены следующие базовые признаки этого духа-«хозяина»: это *мифологическое существо, которое обитает в лесу, охраняет лес, а также может сбить путника с дороги и заставить его в течение долгого времени блуждать в лесу*. Менее частотны такие семы, как *дух, имеющийся в славянской народной культуре, принимающий облик старика*.

Перечисленные признаки отмечены и в словарном определении: «леший – в мифологии восточных славян хозяин леса, покровитель лесных зверей и птиц ... Леший имеет вид ... старика с ... бородой ... Леший сторожит лес и безраздельно распоряжается всем, что там есть ... Чаще всего он бывает опасен для человека и вредит ему ... Одна из основных функций лешего – сбивать человека с дороги, заводить в глубь леса, заставлять блуждать в течение многих часов» [Левкиевская 2004: 104-106].

Итак, в определениях слова *леший*, данных студентами, отражены основные признаки и функции названного духа, характерные для русской мифологической традиции. Различие состоит лишь в том, что студенты воспринимают лешего как *сказочный персонаж*.

В ядро значения слова *водяной* по данным толкований, полученных в ходе эксперимента, входят следующие семы: *мифологическое существо, проживающее в водоемах (часто в болоте)*. К ближней периферии значения мы отнесем такие семы, как *дух, охраняющий водоемы*. В словаре «Славянские древности» водяной представлен как «мужской мифологический персонаж, злой дух, обитающий в воде, хозяин и покровитель водного пространства» [Левкиевская, Усачева 1995: 396].

Таким образом, у носителей традиционной культуры и студентов-филологов имеется важное различие в представлениях о водяном. В русской мифологии имеются два персонажа – водяной (дух-«хозяин» водоемов) и болотник – «злой дух в болоте, старающийся затащить человека в трясину» [Власова 1995: 61] (хотя в некоторых регионах России болотник считается разновидностью водяного (об этом см. там же)). Студенты же склонны считать болото основным локусом обитания водяного (такое представление об этом духе-«хозяине» находим в семи из двадцати дефиниций, данных испытуемыми, в то время как в реку

водяного «поместили» трое, а в озеро – двое информантов). В этом, как нам представляется, проявляется функционирование мифологических представлений в сознании студентов. Дело в том, что в народной традиции болото воспринимается как «опасное и нечистое место, где водятся черти» [Толстой 1995: 228] и другая нечистая сила. Поэтому испытуемые чаще всего помещают водяного именно в этот водоем, а не в реку или озеро (которые имеют в традиционной культуре значение лишь неосвоенного человеком, но не нечистого пространства).

Информанты также указывают на то, что водяной *дружит с кикиморами*, которые (как нам представляется, под влиянием сказок, которые информанты слышали в детстве) воспринимаются студентами как обитатели болота, хотя в народной традиции кикимора – «женский мифологический персонаж, обитающий в жилище человека, приносящий вред, ущерб и мелкие неприятности хозяйству и людям» [Левкиевская 1999: 494].

Студенты также описывают водяного как *сущность, принадлежащую к потустороннему миру*. Как нам кажется, такая формулировка определения обусловлена влиянием на информантов литературы и телепередач, посвященных мистике.

К ядру значения слова *русалка* мы отнесем такие семы, как *мифологическое существо, девушка-утопленница с рыбьим хвостом, живущая в водоемах и заманивающая людей под воду*. К ближней периферии отнесем сему, указывающую на то, что *русалка соблазняет молодых людей*.

В словаре «Славянские древности» *русалка* определяется как «персонаж восточнославянской мифологии, вредоносный дух, появляющийся в летнее время в виде длинноволосой женщины в злаковом поле, в лесу, у воды, способный защекотать человека насмерть или утопить в воде ... это души утопленниц; души умерших детей, проклятых при жизни своими родителями ... Внешний вид русалки ... непривлекательный, пугающий: черноволосая, лохматая, бледная, с холодными руками, голая баба с отвисшей грудью» [Виноградова 2009: 495-496].

Таким образом, толкования, данные студентами, частично совпадают со словарной дефиницией. Однако испытуемые указывают ряд признаков и функций этого персонажа, не отмеченных в словаре.

Во-первых, студенты приписывают русалке наличие *рыбьего хвоста* и *чарующего голоса*, с помощью которого она заманивает людей под воду. Этот образ пришел из литературы эпохи романтизма и прочно укоренился в массовой культуре, через которую проник в сознание носителей языка. Таким образом, в сознании наших информантов

наблюдается контаминация славянского и западноевропейского образа русалки.

Во-вторых, информанты отмечают, что русалка *служит водяному.* В словаре «Славянские древности» в статье на слово *водяной* отмечается, что русалка может быть женой или дочерью водяного, но чаще они понимаются как самостоятельные персонажи. В сознании же наших информантов русалка оказывается в подчинении у водяного. Как нам кажется, это также можно объяснить влиянием массовой культуры, в произведениях которой морскому царю служат все обитатели глубин, в том числе и русалки.

Местом обитания русалки, как и водяного, в некоторых определениях оказывается болото. В данном случае работают те же механизмы, что и с водяным: русалка – представитель нечеловеческого мира, поэтому она обитает в нечистом месте – в болоте.

Итак, проведенное исследование позволяет нам сделать вывод о том, что представления студентов-филологов о рассмотренных персонажах лишь частично совпадают с их трактовкой в традиционной картине мира. Перечислим основные различия и факторы, их обуславливающие.

1. В отличие от носителей традиционного сознания, студенты-филологи воспринимают персонажей народной демонологии как сказочных героев, а не реально существующих духов-«хозяев». Это обусловлено уровнем образования информантов, а также проживанием их вне деревенского сообщества.

2. На формирование системы мифологических представлений у студентов-филологов значительное влияние оказал жанр сказки. Так, с детства у информантов сохраняется представление о том, что кикимора живет в болоте и связана с водяным.

3. На сознание наших информантов повлияла и массовая культура, в том числе литература и телепрограммы, посвященные мистике. В результате определения славянских мифологических персонажей могут формулироваться студентами в следующей форме: *сущность, принадлежащая к потустороннему миру*.

4. Через массовую культуру в сознание наших информантов пришел западноевропейский образ русалки как девушки с рыбьим хвостом и чарующим голосом, которая топит суда. Хотя студенты-филологи и получили представление о русской русалке, прослушав курс русского фольклора и мифологии, но именно описанный выше образ выступает как базовый в их картине мира.

5. Поскольку все наши информанты русские, они в той или иной степени являются носителями русской традиционной культуры. Это

также является одним из факторов, влияющих на трактовку испытуемыми предложенных лексем. Так, одна треть информантов обозначила в определениях, что местом обитания водяного является не река/озеро/пруд, а болото. Это связанно с тем, что в русской традиционной культуре болото воспринимается как «более нечистое» место, чем река, которая относится лишь к неосвоенному человеком пространству. Поэтому информанты склонны считать локусом водяного как существа «нечеловеческого мира» чаще болото, чем реку или другие водоемы, хотя в словаре «Славянские древности» указано, что, согласно народным представлениям, в болоте обитает болотник, а не водяной.

Библиографический список

Виноградова Л. Н. Русалка // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М., 2009. С. 495-501.

Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб., 1995. 383 с.

Левкиевская Е. Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика. М., 2007. 634 с.

Левкиевская Е. Е. Домовой // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). М., 1999. С. 120-124.

Левкиевская Е. Е. Кикимора // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). М., 1999. С. 494-496.

Левкиевская Е. Е. Леший // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М., 2004. С. 104-109.

Левкиевская Е. Е., Усачева В. В. Водяной // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). М., 1995. С. 396-400.

Толстой Н. И. Болото // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). М., 1995. С. 228-229.

M. A. Granova
Master Student of Philological Faculty
Perm State University

IDEAS ABOUT THE LOWER MYTHOLOGY CHARACTERS IN THE MINDS OF MODERN STUDENTS-PHILOLOGISTS

The article presents the results of the conducted among students-philologists of Perm State University experiment on the interpretations of the meanings of the demonyms *brownie*, *wood-goblin*, *water*, *mermaid*. Differences between representations of these characters in Russian traditional culture and in the minds of students-philologists are identified, as well as it is attempts to identify the factors that determine these differences.

Key words: experiment on the interpretations of the meanings of words; brownie; wood-goblin; water; mermaid; mythological ideas of students-philologists.

УДК 398:811.511

Жидких Майя Григорьевна
учитель русского языка и литературы
МАОУ «Лицей №8»
may-land@mail.ru

К ВОПРОСУ О «ЗАУМНЫХ» СЛОВАХ В МАЛЫХ ЖАНРАХ ФОЛЬКЛОРА (на примере одной коми-пермяцкой загадки)

В статье описано использование в загадках в качестве средства замещения загадываемого предмета необычных двойных слов, типа *шая-мая*, *шлындик-мындик*. Автор решает следующий вопрос: являются ли подобные слова искаженными словами родного (диалектного) языка или же совершенно новыми языковыми образованиями? В результате исследования сделан вывод о том, что заумные слова должны иметь слоги или сочетания букв, характерные для данного языка, и быть ассоциативно связанными с какими-либо известными образами или понятиями.

Ключевые слова: малые жанры фольклора; заумные слова; парные слова; искусственно созданные слова; диалектные слова в составе загадок; обмен словесными формулами в паремиях.

Фольклор любого народа чрезвычайно разнообразен. Здесь и сказки, и былины, и более короткие, афористические, тексты: пословицы, поговорки, считалки, загадки и т.п. Каждый из перечисленных жанров обладает универсальными и специфическими свойствами. Одним из специфических свойств загадки является ее двуплановость: наличие вопроса и ответа. Напомним, что загадка – это «поэтическое, замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и целью привить ему поэтический взгляд на действительность» [Аникин 1957: 56].

Возникнув в среде взрослых как запрет, оберег или напутствие в деле [Там же: 57–58], постепенно она стала развлечением для детей [Бахтин 1988: 137], но в силу традиционности фольклора, сохранила в своих текстах древние образы. Образы загадки *Поле не меряно, Овцы не считаны, Пастух рогат* (небо, звезды, месяц) [Пословицы. Поговорки. Загадки 1986: 351, 30] отражают скотоводческий период в истории человечества. Земледелие, еще один важный культурный этап в развитии человека, дало загадку *Черная корова всё поле перепорола* (плуг) [Там же: 401, № 953]. Не раз было замечено, что «в загадках речь идет о конкретном, видимом мире явлений и вещей, окружающих человека в его трудовой деятельности и быту» [Там же: 342], и образы, замещающие

© Жидких М.Г., 2016

загаданные явления и предметы, также связаны с обычным миром охотника, скотовода и пахаря [Русские народные загадки, пословицы, поговорки 1990: 8], потому медведь стал быком, месяц – пастухом, плуг – свиньей.

Но иногда в качестве средства замещения загадываемого предмета загадка использует необычные двойные слова: *шайда-майда, шуя-муя*. Подобные парные слова, по мнению И.А. Седаковой и С.М. Толстой, содержат «удвоение с элементами зауми» [Седакова, Толстая 1999: 233–237]. Авторы сборника «Русские народные загадки Пермского края» И.А. Подюков и А.В. Черных связывают подобное явление с понятием «словотворчество» и придают ему немаловажное значение в процессе засекречивания в загадках. По мнению авторов сборника, одним из способов словотворчества является «применение так называемых редупликантов – двойных, парных слов, нередко искусственного характера: веник – *шлындик-мындик*, бочка с широкими краями – *шая-мая*, колокольчик под дугой – *кольце-мольце*» [РНЗ: 9].

Подобные языковые факты, на наш взгляд, могут быть основаны на диалектных словах. Не исключено, что первая часть выражения *шлындик-мындик* произошла из слова *шлындать* – ‘бродить без дела’ [СПГ 2: 557]. В «Словаре русских говоров Южного Прикамья» словом *шлындик* с пометой «шутливое» обозначен невзрачный человек маленького роста [СРГЮП 3: 357]. Вторая часть выражения – *мындик* – может иметь игровой характер и быть искусственно созданным новообразованием, созвучным с первой частью, опять же в силу требований жанра. Выражение *шая-мая* тяготеет к слову «шайка» в значении ‘кадушка для засолки чего-либо’ [СРГЮП 3: 335].

В статье «Заумь» словаря «Славянские древности» есть два важных для нашего исследования положения. Первое состоит в том, что заумь «встречается в различных жанрах народной культуры» [Левкиевская 1999: 279–282]. С этим обстоятельством связана еще одна специфическая черта паремий: их частичная или полная диффузия – обмен словесными формулами или взаимная трансформация. Так, словосочетание «*царь, царица, красная девица*» встречается в загадках [РНЗ: 16] и в дразнилках [Русский детский фольклор Карелии 1991: 191, № 822]. Усеченный вариант рассматриваемой загадки: *Кая-мая вот такая, Шындер-мындер вот такой* является дразнилкой в детском фольклоре Карелии [Там же: 130, № 508]. Полная смысловая замена может произойти между загадкой о топоре *Федот вперед затылком прет* [Пословицы. Поговорки. Загадки 1986: 451, № 2020] и пословицей *Христофор таскается меж двор* [Русские пословицы и поговорки 1988: 322]. В ходе нашей работы обнаружено, что «заумь» встречается и в детских считалках:

Первинцы-другинцы,
Трынцы-волынцы,
Пятры-латры,
Тохмарь-бохмарь,
Довить-досыть [Русский детский фольклор Карелии 1991: 147, №574].

В последних двух словах легко читается «девять», «десять», также как и под словами *первинцы, другинцы, трынцы, пятры* понимается соответственно «один, или раз; два; три; пять».

В коми-пермяцком фольклоре считалка
Первунчик-драгунчик,
Тринчик-говинчик,
Пять-шесть,
Шахтар-вахтар,
Един петух [Полевые исследования: Баталова] имеет как минимум шесть лексических заумных совпадений с карельской считалкой.

Приведенные считалки убедительно доказывают, что «заумная речь обычно оформляется как п о в т о р е н и е групп звуков, часто содержащих фиксированные сочетания согласных или гласных звуков, которые проходят через весь текст, иногда значительно варьируясь» [Левкиевская 1999: 279–282].

Предметом нашей статьи стали искусственно созданные слова коми-пермяцких загадок. Объектом выбрана загадка про кадушку, ковш и «хвост» – ручку ковша:

Кая-мая – сія сэтшӧм (мыччалӧны киэз паськӧтӧмӧн),
Шиндер-мындер – сія сэтшӧм (мыччалӧны учӧтжыка, содз ыждаӧ),
А почепочек – учӧтичек (мыччалӧны кӧстыштӧм чаль)
(Кая-мая вот такая (показывают, размахнув руки),
Шиндер-мындер вот такой (показывают поменьше, размером с горсть),
А почепочек маленький (показывают согнутый мизинец)) [ГГ: 93–94. № 392].

В результате нашего исследования мы хотим доказать, что «заумные» слова, используемые в загадках, в силу законов жанра (загадку все же следует отгадать) должны иметь слоги или сочетания букв, характерные для данного языка и быть ассоциативно связанными с какими-либо известными образами или понятиями. Данную гипотезу нашего исследования подтверждает второе важное для нас положение статьи «Заумь» о том, что заумные слова могут быть образованы от реальных слов родного … языка и нести на себе отзвуки их семантики» [Левкиевская

1999: 279–282]. На наш взгляд, «заумные» слова исследуемой коми-пермяцкой загадки являются искаженными национальными словами. В рассматриваемой загадке поэтически описана кадушка для чистой воды, используемая для хозяйственных нужд. Такая емкость, вмещавшая 20 и более ведер, была в каждом крестьянском доме. Среди многих версий, способных более или менее верно раскрыть происхождение и смысл слова *кая-мая* в загадке, мы выбрали вариант, связанный со словом «каята́». Следуя определению, данному этому понятию «Словарем русских говоров Коми-пермяцкого автономного округа» [СРГКП 2006: 151], можно сделать вывод о значении слова: это – хлопоты, трудности, могущие быть бесполезными. Старые люди говорили: «*Мый те естӧн, кая-мая, пессьян*» (Что ты здесь, *кая-мая,* мучишься) в том случае, если кто-то делал трудоемкую работу в одиночку, для выполнения которой требовался помощник, или же самостоятельно справлялся с большим объемом работ. Слово *пессьян* с коми-пермяцкого языка можно перевести и как хлопочешь, колотишься (*прост.*), заботишься, стараешься, трудишься, добиваешься и даже мучишься (страдаешь). Перед нами ряд семантико-стилистических синонимов, представленных глаголами, корневая сема которых содержит значение сопряженного с трудностями действия. Следовательно, в части *кая* может быть зашифрован процесс изготовления предмета, требующий много внимания, терпения, хлопот, т.е. каяты́. Не каждый крестьянин мог стать хорошим бондарем. От момента выбора дерева, заготовки и сушки доски, от придания доске формы дуги, до надевания обруча, вставки дна и окуривания готовой бочки проходит два-три хлопотливых месяца.

Вторая часть «заумного» слова – *мая* – созвучна коми-пермяцкому слову *маитчыны* – маяться, мучиться [КПРС: 241]. Гипотетическая связь слов в каята́-маета́ (где маета – *разг.* мука, мучение) [Там же: 241] в качестве междометия вполне закономерно могла послужить источником для создания слова *кая-мая*.

Выше мы высказывали мнение, что подобные заумные слова могут образовываться путем искажения слов родного языка. В современном коми-пермяцком детском фольклоре встречается текст о козлике: «*Шир-пир ю пяпюжгы зилимьгый гёсрыг*, в котором угадывается: *Жил-был у бабушки серенький козлик.* Следовательно, и имена собственные, встречающиеся в загадках: ***Лаб**азея* (от **лаб**аз) или ***Точ**ора* (от **точ**ить), ***Мур**ман* (от звукоподражания **мур-мур**) или ***Ко**щей* (от **ко**т), ***Кух**арей* (от **ку**рица) или ***Колоколей*** (от звукоподражания **ко-ко-ко**), можно отнести к «заумным» словам. Вообще же «понятие зауми в большой степени условное, поскольку иное слово в тексте можно посчитать заумным, в то время как это только неузнанное слово родного языка» [Детский поэтический фольклор 1997: 22].

Слово «*шиндер*» напоминает отглагольное существительное в значении лица, производящего действие: монтер, дирижер, тренер. Загадка, используя элементы театрализации, показывает, что совершающий действие загаданный предмет небольшого размера. И действительно, словом *шиндер* по ассоциации с исходным коми-пермяцким словом *ши́ла* (шило, непоседа; непоседливый) [КПРС: 560] заменен ковш, который часто использовался в хозяйстве, т.е. был непоседливым, будучи к тому же маленьким.

Сочетания звуков *ндра* и *ндер*, встречающиеся в составе заумных слов, напоминают сочетания звуков немецкого языка, как, к примеру, в словах *цугундер* и *полундра*. Немцем на Руси называли любого европейца, не умеющего говорить по-русски. Умение говорить непонятно, на «ином» наречии, – *по-немецки* – наделяло человека, владеющего таким языком, особыми знаниями и особыми способностями, вплоть до общения с потусторонними силами. Дальнейшие метаморфозы и синонимичность понятия *немецкого* языка и языка одного из народов германской группы привели к тому, что в различных паремиях стали использовать искаженные слова немецкого языка, как, например, *эне, бене, рекс* или сочетания букв для придания высказыванию особого смысла. Прямое указание на такое положение содержится в загадке: Шитовило-мотовило *по-немецки* говорило, по-испански лепетало. По нашему мнению, в создании слова *шиндер* использован прием ассоциации «фонетического облика слова с реальным словом языка», подобно «пендра» от печь, «кендра» от кошка [Левкиевская 1999: 279–282]. Такая фонетическая заумь, на наш взгляд, самая сложная, так как очень трудно уловить связь между означаемым и означающим. Это искусственный языковой барьер, используемый загадкой для придания ей еще большей загадочности и сложности при всей её простоте, которая раскрывается по разгадывании.

Библиографический список с принятыми сокращениями

Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957. 237 с.

Бахтин В. С. От былины до считалки: Рассказы о фольклоре. Л., 1988. 191 с.

ГГ – Гӧрд гӧглян небоӧт тарласьӧ Красный круг по небу катается. СПб., 2010. 144 с.

Детский поэтический фольклор. СПб., 1997. 577 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

Левкиевская Е. Е. Заумь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Том 2. 1999. С. 279-282.

Пословицы. Поговорки. Загадки. М., 1986. 512 с.

Русский детский фольклор Карелии. Петрозаводск, 1991. 280 с.

РНЗ – Русские народные загадки / Сост. И.А. Подюков, В.А. Черных. СПб., 2012. 256 с.

Русские народные загадки, пословицы, поговорки. М., 1990.

СРГКП – Словарь русских говоров коми-пермяцкого автономного округа. Пермь, 2006.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. III / И.А. Подюков (науч. ред.), Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А.В. Черных; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, Пермь, 2012.

Седакова И.А., Толстая С.М. Загадка // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Том. 2. 1999. С. 233–237.

M. G. Zhidkikh
Teacher of Russian Language and Literature
Municipal Autonomous Educational Institution «Lyceum № 8 », Perm

TO THE QUESTION ABOUT «ABSTRUSE» WORDS IN SMALL FOLKLORE GENRES (ONE KOMI-PERMYAK PUZZLE AS EXAMPLE)

The article examined the question of using a mystery as a means of substitution to guess the subject of unusual double words, such as Shai-May, Shlyndikov myndik. Whether these words distorted words of the native (dialect) language or a completely new language education? According to the author, abstruse words should be syllables or letter combinations that are typical of this language and be associated with any known images or concepts.

Key words: small folklore genres; abstruse; steam; artificially created words; dialective words composed of puzzles; verbally sharing formulas in proverbs.

УДК 811.161.1’373.21

Зверева Юлия Владимировна
доцент кафедры гуманитарного образования в начальной школе
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
zvereva_yuliya_2013@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ В МИКРОТОПОНИМИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

В статье рассматриваются микротопонимы, в состав которых входят географические термины, не отмеченные в различных региональных словарях. Анализ представленных материалов свидетельствует о том, что микротопонимия Пермского края является важным источником сведений об истории развития региональной лексики, ее связей с общерусской диалектной лексикой, а также источником для региональных словарей.

Ключевые слова: Пермский край; микротопонимы; географические термины; пермские говоры.

В микротопонимии Пермского края распространены географические термины, они могут называть объекты рельефа (возвышенности и низменности), небольшие водные источники, участки леса, сельскохозяйственные угодья, пути сообщения (дороги, мосты). Большую часть местных географических терминов можно найти в «Словаре географических терминов в русской речи Пермского края» Е.Н. Поляковой (далее СГТ) [СГТ 2007]. В словаре нашли отражение как диалектные, так и литературные слова (всего более полутора тысяч), употребляемые в речи жителей Прикамья. Однако сбор диалектных и ономастических материалов продолжается, появляются новые данные, которые пополняют список географических терминов края. М.В. Боброва (Богачева) в статье «Народная географическая терминология: возможности пополнения» рассматривает способы выявления диалектных апеллятивов в народной речи и топонимии и делает вывод о безграничности лексики говоров [Боброва 2007]. Настоящее исследование основано на материалах картотеки топонимов Пермского края, которая создается на кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, в статье также использованы дипломные работы студентов университета[1], топонимические материалы, которые содержатся в статье С.Ю. Королевой, М.В. Курочкиной, А.С. Беломестновой «Тексты “наивной” литературы в

© Зверева Ю.В., 2016

сельской культуре пермского Прикамья» [Королева, Курочкина, Беломестнова].

Несколько географических терминов, рассмотренных в статье, не встречается ни в региональных, ни в общерусских диалектных словарях. В этом случае для определения значения апеллятива мы использовали метод реконструкции диалектной лексики. Лексико-семантической реконструкцией апеллятивов занимались Г.П. Смолицкая (на материале гидронимов) [Смолицкая 1984], Ю.И. Чайкина (на основе анализа фамилий) [Чайкина 1991], И.А. Кюршунова (на материале некалендарных антропонимов) [Кюршунова 1994]. Пермская топонимия стала источником для реконструкции апеллятивов в работах Е.Н. Поляковой [Полякова 1996] и М.В. Бобровой [Боброва 2000; 2001; 2002; 2009]. В статье «Возможности метода реконструкции в историко-лексикологическом исследовании» М.В. Боброва описывает несколько этапов реконструкции, на последнем этапе осуществляется анализ реконструируемого слова, в который входит морфемный анализ, сопоставление апеллятива с зафиксированными в специальной литературе лексемами, тождественными либо близкими по фонемно-графическому комплексу, выявление гипотетической семантики [Боброва 2009: 48–49].

Некоторые географические термины в наших материалах отличаются от уже зафиксированных в различных словарях словообразовательными аффиксами, обычно они имеют прозрачную внутреннюю форму и хорошо встраиваются в лексическую систему. Приведем несколько примеров микротопонимов, включающих такие апеллятивы. Так, в Карагайском районе Пермского края зафиксированы названия: *На очистях* (лог) < **о'чисть**; *Патранятский разложк* (лог) < **разло'ж**; *Равник* (поле) < **ра'вник**; в Сивинском районе *Пригон* (лес) < **приго'н**, *Круглица* (поле и луг) < **кругли'ца**. В пермских говорах существуют однокоренные к этим лексемам слова, чаще всего наблюдается сходство значений, ср.: **круглица**[2] и *кругляшка* ‘поле, имеющее форму круга’ [СГТ: 177], **очисть** и *причисть* ‘место, расчищенное от деревьев и присоединенное к пахотной земле или сенокосному угодью’ [Там же: 309], *росчисть* ‘место в лесу, где вырублен или выжжен лес под пашню’ [Там же: 342], *чисть* ‘участок, расчищенный под пашню или покос от леса, кустов, камней’ [Там же: 401]; **пригон** и *выгон* ‘большая поляна в лесу, луг – место пастьбы скота’ [Там же: 77]; **разлож** и *разложина*, *разложинка* ‘небольшой овраг, впадающий в другой овраг’ [Там же]; **равник** и *равнина*, *равнинка* ‘плоский участок земной поверхности без возвышенностей и оврагов’ [Там же: 325].

При определении значения других географических терминов нужно выявить значение аффиксов. Например, в Карагайском районе зафиксировано название поля *Запластники*, которое образовано от географического термина **запла'стник**. В пермских говорах существует лексема *пласт*, которая имеет значения ‘большой массив леса’, ‘участок поля на месте бывшего леса’ [Там же: 276–277]. В апеллятиве **запла'стник** выделяется приставка *за-*, имеющая значение ‘нахождение по ту сторону или за пределами того, что названо исходным словом’ и суффикс *-ник* со значением пространства или территории. Таким образом, можно предположить, что географический термин **запластник** имеет семантику ‘поле, находящееся за большим участком леса’.

В составе апеллятива может быть два корня, тогда значение географического термина получает уточнение. В Чердынском районе отмечен микротопоним *Гологрива* (поле), в основе которого лежит апеллятив **гологри'ва**. Географический термин *грива* распространен в пермских говорах и может обозначать: ‘возвышение на поверхности земли, имеющее продолговатую форму’, ‘вытянутая возвышенность между оврагами, ручьями, ложбинами’, ‘узкий, длинный участок леса’, ‘намытый песком узкий длинный островок на водной поверхности’ [Там же: 100–101]. Учитывая семантику слова *голый* ‘лишенный растительности’, мы можем определить значение слова **гологрива** как ‘вытянутая безлесная возвышенность’.

В некоторых случаях географический термин, лежащий в основе микротопонима, значительно отличается по значению от сходного в фонетическом отношении слова. Рассмотрим зафиксированный в Карагайском районе микротопоним *Корчажник* (лес), образованный от географического термина **корча'жник**. В пермских говорах существует апеллятив *корчажина* ‘глубокая яма, наполненная водой’, он возник в результате переноса в географическую терминологию названия сосуда *корчажина* [Там же: 167]. Однако с помощью термина *корчажина* трудно объяснить апеллятив **корчажник**, поскольку микротопоним *Корчажник* называет лес. Обращение к данным диалектных словарей показывает, что в разных русских диалектах существует слово *корчага* ‘корень в земле от сгнившего дерева’, ‘часть сука или дерева с изгибом, отростком, похожая на кочергу’ [СРНГ 15: 30], в говорах Русского Севера это слово может иметь значения ‘вывороченное с корнем дерево’, ‘пень’, ‘коряга’ [СГРС 6: 63]. От лексемы с этими значениями образуется также отмеченный в севернорусских говорах термин **корчажник** ‘бурелом’, ‘ямистые, кочковатые места’ и прилагательное *корчажистый* ‘заваленный буреломом, заросший кустарником’ [Там же: 65]. Таким образом, значение апеллятива **корчажник** можно

определить как ‘участок леса с поваленными деревьями’. В данном случае несовпадение значений терминов *корчажина* и **корчажник** вызвано тем, что они образованы от слов-омонимов.

В наших материалах встречаются также географические термины, которые не зафиксированы в диалектных словарях и словарях географических терминов, однако их значение легко определяется, а этимология достаточно прозрачна. Так, например, в Карагайском районе существуют названия: *У Макаровых ворот* (поле), *Васильевы ворота* (лес), *Войловские ворота* (лес), *Киприны ворота* (поле), *Леканковы ворота* (поле), в состав которых входит слово **воро'та**. Подобные микротопонимы объясняются тем, что часто хозяйственные угодья разных хозяев огораживались, в такой изгороди были ворота: *Участки земли были и ворота стояли* (Карагай). Таким образом, слово **ворота** ‘широкий вход или проезд в ограде, в стене и т.п., запираемый створами’ [БАС 3: 144] становится географическим термином и приобретает значение ‘огороженный сельскохозяйственный участок’. Интересно, что в других районах Пермского края используются термины *загородка* и *огород* с тем же значением.

В Пермском районе зафиксирован микротопоним *Костёр* (*Костёр – участок земли около деревни Баймура*), а в Карагайском районе название леса *Костры* (*Костры, корчевали там*). Скорее всего, в основе этих микротопонимов лежит географический термин **костёр**. В современных пермских говорах лексема имеет несколько значений: ‘сложенная из дров или бревен поленница’, ‘укладка большого количества предметов’, ‘дом с хозяйственными постройками’, ‘деревянная форма с помощью которой при сбивании глиняной печи оставляют место для топки’ [СПГ 1: 424]. Е.Н. Полякова отмечает, что в значении слова *костёр* основной семой является ‘куча, укладка’ [Полякова 2006: 99]. На наш взгляд, географический термин возникает в результате развития значения слова: ‘укладка бревен, дров’ →‘место, на котором находится такая укладка’. Такие укладки возникали на месте, где корчевали лес, таким образом, апеллятив может иметь значение ‘расчищенное для пашни место среди леса’.

Достаточно легко определяется значение географического термина **присло'н**, который положен в основу микротопонима *Прислон* (*А, нет, Якушово туда, рядом с Дубровой, южнее, а здесь, рядом с полем, – Прислон. Прислонился к нашей деревне… Вот такие поля…* В. Мошево Соликамский район). Иллюстрация показывает, что географический термин обозначает участок, близко расположенный к населенному пункту. Однако значение слова *прислониться* ‘встав или сев близко к кому-, чему-нибудь, опереться на кого-, что-нибудь, приблизиться

вплотную’ [Ожегов, Шведова: 598], от которого образован этот апеллятив, включает сему ‘располагаться под углом’. В «Словаре народных географических терминов» Э.М. Мурзаева апеллятив *прислон* имеет значения: ‘горный обрыв’, ‘склон, холмогорье’, ‘крутой, гористый берег, уступ’ [Мурзаев: 1984: 460]. В пермских говорах отмечается также географический термин *услон* ‘склон горы, холма, оврага’ [СГТ: 387]. Можно предположить, что в пермских говорах слово **прислон** имеет значение ‘участок земли, расположенный на склоне, примыкающем к населенному пункту’.

В Карагайском районе зафиксированы микротопонимы *Выброска* (лес), *За Выброской* (поле), *Мишинские выброски* (поле). Скорее всего, названия образованы от географического термина **вы'броска**. Сам термин не зафиксирован в региональных словарях, однако можно предположить, что его значение связано со словом *выброшенный* ‘неиспользуемый по назначению’ (*Шутьма – выброшенные поля*. Кикус Чердынский район). Таким образом, термин **выброска** можно определить как ‘заброшенное поле’. Неиспользуемые пахотные земли, как известно, часто зарастали кустарниками и деревьями, поэтому впоследствии микротопоним стал обозначать не только поле, но и лес.

В Сивинском районе отмечены названия лугов *Круглышка зголов* и *Зголов*, которые образованы от географического термина **зго'лов.** Информанты объясняют значение слова так: *Когда река делает изгиб, то луг в изгибе называется зголов* (Зотинский сельсовет). В пермских говорах зафиксирован апеллятив с тем же корнем *изголовок* ‘конечная часть острова, мыса’ [СГТ: 143], ‘полуостров, образовавшийся в результате изменения русла реки’ [СПГ 1: 347]. Последнее определение близко к тому, как объясняют значение слова **зголов** информанты. Интересно, что в XIX в. в вятских говорах существовал термин *зголов* ‘берега на крутом повороте реки’ [Даль 1: 1683], в пермских памятниках письменности отмечено слово *изголовь* ‘конечная часть острова, городища, луга; мыс в их верхней или нижней части’ [СЛПП 1: 224]. Скорее всего, географический термин **изголов** (**зголов)** является более древним, а уже позднее появилось слово *изголовок*.

В некоторых случаях, несмотря на кажущуюся ясность семантики апеллятива, необходимо привлечь данные различных словарей, выявить физико-географические особенности местности, чтобы определить точное значение слова. В Карагайском районе зафиксировано название поля *Жаровищник.* Название образовано от географического термина **жарови'щник**, в котором суффикс *-ник* имеет значение ‘пространство или территория, покрытые чем-то или содержащие что-то’. На первый взгляд, термин **жаровищник** можно было бы связать с диалектным

названием клюквы – *жаровиха*, однако известно, что клюква произрастает на болотах, поэтому такое объяснение выглядит маловероятным. Скорее всего, термин образован от многозначного прилагательного *жаровый* (*жаровой*), в пермских говорах слово имеет значения: ‘высокоствольный, прямой, с ветвями только на вершине (о деревьях)’ [СПГ 1: 254], ‘поджарый’ [КСРГСПК]. В других русских говорах прилагательное *жаровой* может характеризовать сосновый или растущий на сухом месте лес [СРНГ 9: 84]. В говорах Русского Севера существует также однокоренное слово *жарняк*, которое имеет значения: ‘сухой сосновый лес дрова из которого дают много жару’, ‘сухие вершины деревьев’, ‘дрова хорошего качества, дающие много жару, тепла’ [Там же: 82]. Вероятно, термин **жаровищник** обозначает ‘высокий строевой лес’. С течением времени лес свели под пашню, а микротопоним остался. В Карагайском районе отмечены подобные названия полей, например, *Осинники*, *В Березниках* и другие. Интересно, что в Кишертском районе зафиксировано наименование леса *Жировня*: *Да и в Жировню ездим, пока не выхожено там* (деревня Гарюшки). Можно предположить, что в основе микротопонима лежит географический термин **жировня',** который так же, как слово *жаровищник*, образован от прилагательного *жаровой* (*жировой*) ‘высокоствольный, прямой, с ветвями только на вершине (о лесе, деревьях)’ [СРНГ 9: 186].

В Карагайском и Юрлинском районах встречается микротопоним *Рыжешник*, который относится к лесу и полям. В основе микротопонима лежит апеллятив **ры'жешник** (**рыжечник**). В «Словаре русских народных говоров» отмечено названия леса *Рыжечни*к [СРНГ 35: 304], в вологодских говорах слово обозначает пирог с рыжиками или суп из рыжиков [СВГ 9: 75–76]. Можно предположить, что географический термин **рыжешник** образован от названия гриба *рыжик* и имеет значение ‘лес, в котором произрастает большое количество рыжиков’. В пермских говорах отмечаются слова, образованные по подобной модели *грибник* и *губник* ‘грибной лес; участок леса, поросший грибами’ [СГТ: 100]. Нельзя исключить и другой версии происхождения термина: от прилагательного *рыжий*, которое обозначает цвет почвы. На территории Карагайского района отмечается большое количество мест с почвой красноватого оттенка: «*Коренными породами, слагающими территорию района, являются отложения казанского яруса верхней перми. Эти отложения состоят из красно-бурых и коричнево-бурых глин, переслаивающиеся зелено-серыми слабоизвестковыми песчаниками*» [Карагайский муниципальный район: эл. ресурс].

В Карагайском районе зафиксирован микротопоним *Чернежки'* (поле), в Чердынском районе встречается название поля *Чернезя'*. Можно предположить, в основе микротопонимов лежат апеллятивы **чернежки'** и **чернезя'**, в составе которых легко выделяется корень *черн*, суффиксы и окончания. В литературном языке в отъадъективных существительных (*горесть*, *свежесть*) встречается суффикс -есть, в результате фонетических изменений, характерных для пермских говоров, утрачивается конечный согласный *т* (*горесь*, *мокресь*), а затем происходит озвончение согласного *с* в интервокальной позиции в форме множественного числа (чернесь > чернезя). Слово **чернежки** образовано от **чернезя** с помощью суффикса -к-. Скорее всего, название полей *Чернезя* и *Чернежки* обусловлено черным цветом почвы. В Карагайском районе встречается микротопоним с похожим значением *Чёрная земля*, в вологодских говорах отмечен однокоренной географический термин *чернядь* ‘плодородная почва’ [СВГ 12: 34].

В Чайковском районе отмечен микротопоним *Плиль* (*Ето была Плиль, сюды вотчинники наехали, на ету Плиль. Плиль – выгор был, лес выгорел*). В пермской диалектной речи на месте *е* в литературном языке часто выступает *и* там, где был звук ѣ между мягкими согласными, с учетом этой фонетической особенности географический термин можно определить как **плель** ‘выгоревшее от пожара место в лесу’. В севернорусских говорах отмечаются географические термины *плелка* ‘выгоревший участок леса, гарь’ [СРНГ 27: 108] и *плель* ‘подсушенный на корню с помощью подсечки лес’, ‘выгоревший участок леса’ [Там же]. Само существительное, видимо, образовано от глагола *полѣти* ‘пылать, гореть’ из индоевропейского корня *pel-,*pol-, *ple-, *plo-, родственными словами являются *пламя*, *полено*, *пепел* [Черных 1: 617–618]. Интересно, что в Вологодской области существует топоним *Плелая* ‘название верховьев реки Ковды’, авторы небольшого словаря топонимов Тотьмы предполагают, что около реки некогда был искусственно выжжен лес для устройства временных полей [Тотьма: краеведческий альманах: эл. ресурс].

Еще один географический термин, не зафиксированный в словарях, – **лубоде'рник** (лубудерник). В Карагайском районе отмечено название поля *Влубудерники*, в списке населенных пунктов Пермского округа за 1928 г. есть похожий ойконим *Лубодерник* [Список населенных пунктов 1928]. В «Словаре русских народных говоров» зафиксированы лексемы *лубодёр* ‘береза, с которой снят верхний слой бересты’, *лубодерник, лубодёрник* ‘березняк, с которого снята береста’ [СРНГ 17: 172]. М.В. Боброва предполагает, что значение географического термина **лубодерник** можно определить как ‘место, где

добывают луб, бересту’ [Боброва 2003: 145]. Возможно, изначально микротопоним *Влубудерники* обозначал березовый лес, а затем был перенесен на название поля.

В некоторых случаях географический термин, лежащий в основе микротопонима, имеет иноязычное происхождение. Так, в Чердынском районе зафиксировано название болота *Лабунья* (*Есть у нас ещё болото, оно называется Лабунья. Зыбкое такое очень болото и называется Лабунья. Потому что оно вот так вот идёшь, и оно вот так вот зыблется*. Урол). Географический термин **лабу'нья** ‘зыбучее болото’, ‘берег зарастающего озера’ встречается также в русских говорах Печоры [СРНГ 16: 218], это позволяет предположить его происхождение из пермских языков. Р.В. Гайдамашко пишет о родстве слова **лабунья** с другими географическими терминами финно-угорского происхождения, зафиксированными на территории Урала и Сибири (*лабда*, *лабза*, *лабоз*, *лавда* и др.) [Гайдамашко 2014: 157–164]. В составе слова **лабунья** можно выделить русский формант -ун’j(а) и общепермский корень **лаб*- ‘низкое сырое место в лесу’ [КЭСКЯ: 157].

Таким образом, в микротопонимии Пермского края отмечена диалектная географическая лексика, не представленная в региональных словарях. Ее анализ позволяет не только пополнить данные диалектных словарей, но и получить сведения об истории развития диалектной лексики края, о ее связях с диалектной лексикой других территорий.

Примечания

[1] В статье были использованы дипломные работы Ю.В. Вагановой «Топонимия д. Байболовка Пермского района Пермского края», Е.С. Гладких «Топонимия деревень Тимино и Ильята Кишертского района Пермского края», выполненные под руководством профессора Е.Н. Поляковой.

[2] В работе полужирным шрифтом выделяются рассматриваемые географические термины.

Библиографический список с принятыми сокращениями

БАС – Большой академический словарь русского языка / под ред. А.С. Герда. М.–СПб., 2005. Т. 3. 664 с.

Боброва М. В. Возможности метода реконструкции в историко-лексикологическом исследовании // Вестник Перм. ун-та. (Сер. «Филология»). Пермь, 2009. Вып. 3. С. 42–51.

Боброва М. В. К вопросу о реконструкции апеллятивов по данным топонимии // Словесность и современность: Материалы науч. конф. Пермь, 2000. Ч. 2: Лингвистика. С. 98–105.

Боброва М. В. Классификация лексики живой народной речи Прикамья, реконструированной на материале пермской ойконимии // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина: Сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. Б.Н. Головина. Н. Новгород, 2001. С. 41–44.

Боброва М. В. К вопросу о реконструкции апеллятивов как методе исторической лексикологии // Изменяющийся языковой мир: Докл. междунар. науч. конф. Пермь, 2002. С. 106–112.

Боброва М. В. (Богачева). Народная Народная географическая терминология: возможности пополнения материалов // Проблемы лингвистического краеведения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2007. С. 29–35.

Боброва М. В. Реконструкция русской апеллятивной лексики на материале ойконимии Пермской области. Дис. … канд. филол. н. Пермь, 2003. 273 с.

Гайдамашко Р. В. Ландшафтная лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья. Дис. … канд. филол. н. СПб., 2014. 467 с.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т.1. 912 с.

Карагайский муниципальный район. Схема территориального планирования Том 1 Глава Анализ современного состояния территории Карагайского муниципального района Глава Земельные ресурсы Глава Социально-экономическое положение Карагайского муниципального района // URL: http://refdb.ru/look/2457280-pall.html (дата обращения 1.09.2016).

Королёва С. Ю., Курочкина М. В., Беломестнова А. С. Тексты «наивной» литературы в сельской культуре Пермского Прикамья (на материале Чердынского района) // Славянские языки и культуры в многоязычном мире: Сб. науч.тр. VI Международной научной российско-македонской конференции (9-12 сентября 2014 г.). Пермь, 2016. С. 208–220.

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкознания, ПГНИУ.

КЭСКЯ – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М. 1970. 386 с.

Кюршунова И. А. Славянская антропонимия Карелии XV-XVII веков в связи с реконструкцией лексики донационального периода: Дис. … канд. филол. наук. В 2-х тт. Вологда, 1994.

Мурзаев – Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. 653 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2008. 944 с.

Полякова Е. Н. О реконструкции лексики живой речи жителей Прикамья XVI начала XVIII века // Актуальные проблемы изучения русских народных говоров: Материалы межвуз. науч. конф. Арзамас, 1996. С. 98–99.

Полякова Е. Н. Слово *костер* в соликамских памятниках письменности // Полякова Е. Н. Региональная лексикология и ономастика: материалы для самостоятельной работы. Пермь, 2006. С.97–101.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии. Вологда, 2002. Вып. 9. 126 с.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2014. Т.6. 342 с.

СГТ – Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007. 420 с.

СЛПП – Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века. Пермь, 2010. Т. 1. 428 с.

Смолицкая Г. П. Основные аспекты исследования и методика реконструкции

лексики русского языка раннего периода по данным гидронимии // Вопросы диалектологии и истории языка. Душанбе, 1984. С. 287–300.

СПГ – Словарь пермских говоров / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с.

Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск, 1928. Т. 8: Пермский округ. XXXVI. 482 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., СПб.: Наука, 1984-2015. Вып. 1–48.

Тотьма: Краеведческий альманах. Выпуск 3(4) http://www.booksite.ru/fulltext/tot/maf/ree/4.htm (дата обращения: 1.09.2016).

Чайкина Ю. И. Проблемы реконструкции лексики старорусского языка (на местном ономастическом материале письменных источников XVI–XVII вв.) // История русского слова: Межвуз. сб. науч. тр. Вологда, 1991. С. 40–54.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т.1. М., 1994. 622 с.

I. V. Zvereva
Associate Professor of Primary Humanitarian Education
in Primary School Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

SOME GEOGRAPHICAL TERMS IN MICROTOPONYMY OF PERM LAND

The article is devoted microtoponyms, which include geographical terms, is not mentioned in the various regional dictionaries. An analysis of the submissions indicates that microtoponyms of Perm Krai is an important source of information about the history of dialect vocabulary, its relations with the various dialects of the Russian language and a source of replenishment of regional dictionaries.

Key words: Perm Krai; microtoponyms; geographical terms; perm; dialect.

УДК 393+398

Королёва Светлана Юрьевна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
petel@yandex.ru

Брюханова Мария Анатольевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
bruhanova94@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПОХОРОННО-МИНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ГАЙНСКИХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ: ЛУПЬИНСКАЯ МИКРОЛОКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

(*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-59003 «Похоронно-поминальный фольклор Прикамья в системе русской традиционной культуры»*)

В статье рассматривается современное состояние похоронно-поминальной обрядности, зафиксированное у гайнских коми-пермяков. Материалы, собранные в ходе полевых исследований 2014 года, репрезентируют одну из самых северных микролокальных традиций Пермского края – традицию поселений, расположенных по реке Лупья. Обряд сохраняет многие черты, сформированные под влиянием культуры старообрядцев. Отдельные особенности обусловлены быстрым уменьшением числа носителей традиции в связи с их миграцией на другие территории.

Ключевые слова: Пермский край; коми-пермяки; похоронно-поминальная обрядность; народные поминальные молитвы; микролокальная традиция.

В северной части Пермского края находится Гайнский район – самый крупный в Коми-Пермяцком округе. Эти глухие и отдаленные места породили значительную фольклорную традицию и до недавнего времени отличались высокой сохранностью обрядовых форм культуры.

В статье мы рассмотрим особенности современной похоронно-поминальной обрядности, зафиксированной в поселениях, расположенных по реке Лупья. Эти территории не раз попадали в поле зрения исследователей: лупьинские фольклорно-этнографические материалы, имеющие отношение к различным сферам народной жизни, представлены в работах В.Н. Белицер, Д.И. Гусева, Л.С. Грибовой,

© Королёва С.Ю., Брюханова М.А., 2016

Н.И. Жулановой, Г.И. Мальцева и других специалистов (подробный обзор источников см. в книге [Голева, Подюков и др. 2011: 6–30]). Отдельные элементы похоронно-поминальной обрядности в связи с религиозной жизнью лупьинцев описывает этнограф Т.Г. Голева [Там же: 50–67].

Наша работа базируется на сведениях, собранных в 2014 г. совместно с Е.М. Четиной в ходе экспедиции Лаборатории культурной и визуальной антропологии ПГНИУ; объем статьи позволяет сосредоточиться лишь на отдельных деталях обряда и связанных с ними фольклорных текстах. Помимо актуальных практик, приводятся данные о ритуалах, вышедших из обихода, но сохраняющихся в памяти местных жителей.

Деревни по реке Лупья упоминаются в писцовой книге И. Яхонтова: в 1579 г. здесь отмечена Верх-Лупья и Очга (впоследствии предположительно переименованная в Мыс). К первой трети XIX в. список поселений пополняют деревни Со́йга и Коно́пля, а к концу века – Пу́рга. Объясняя высокую сохранность здешних старинных обычаев, журналист Ю. Арбат так охарактеризовал эти места: «Мыс и Верх-Лупья – это своеобразные острова. Они сжаты болотами и непроходимыми лесами, заключены в тесное кольцо. Ездить некуда. Поля близко» [Арбат 1970: 57]. До середины XX в. тут существовали хутора и выселки, однако к 1981 г. жилыми фактически остались только деревни Мыс, Сойга и Конопля (в составе возникшего в 1962 г. пос. Жемчужный) [Голева, Подюков и др. 2011: 38, 41–42]. Сохраняются они и сегодня, хотя отток жителей привел к заметному запустению территории.

Естественную географическую автономность этих мест усиливал конфессиональный фактор, а именно распространение старообрядчества. Известно о связи лупьинцев с их северными соседями – коми, которые были старообрядцами-беспоповцами; конфессиональные контакты этих общин подкреплялись заключением браков и родственными отношениями [Там же: 54]. И.Я. Кривощеков сообщал о принадлежности жителей Мысов и Сойги к беспоповскому толку и указывал, что они хоронили умерших возле часовни без отпевания (которое производилось временами, по прибытии священника) [Кривощеков 1914: 550]. В.Н. Белицер в середине прошлого века отмечала крайнюю изолированность старообрядцев Мысовского сельсовета от местных «мирских» [Белицер 1958: 317]. Ситуация, по-видимому, изменилась в поздний советский и постсоветский период, когда в религиозном отношении лупьинцы оказались «предоставлены сами себе»: старообрядческая традиция

распространилась на все локальное сообщество и одновременно приобрела более размытый характер. Сегодня она продолжает влиять на похоронно-поминальную обрядность, при этом необходимые ритуальные предметы (свечи, крест, погребальное покрывало и др.) местные жители покупают в православных храмах [Голева, Подюков и др. 2011: 56], а во время моления кто-то крестится двумя, а кто-то тремя перстами.

В представлениях лупьинцев о смерти и загробном мире очевидно влияние христианских догматов о бессмертии души, разделении потустороннего пространства на ад и рай, воздаянии за грехи человека: *«...а душа моя на ответ пойдёт, что я заработала на этом свете, там душа в ответе будет. А тело бренное пусть лежит»* (список информантов см. в конце статьи). К переходу в иной мир пожилые люди стараются подготовиться заранее – выбрать одежду, дать указания родственникам о своем погребении и поминках: *«Бабушка нам говорила: “Мне железный крест не ставьте, памятник, только деревянный. И никакие ограды не делайте. Душа моя должна на воле быть”»; «Мне мама сказала: “На Семик придёшь и всё, больше не ходи. Не надо тревожить”».*

Обмывание – первое ритуальное действие, которое необходимо выполнить с умершим. При этом тело кладут на плахи (доски) и солому, которую затем сжигают на улице. Покойника обряжают в чистую одежду и обувь и опускают в гроб, на дно которого предварительно кладут подстилку – листву от трех березовых веников. Тому, кто обмывал умершего, родственники подают носки и мыло; теперь могут дать и шампунь. Раньше умершего погребали с его лестовкой (четками), но чаще шили специальную лестовку из белого холста; в последнее время это делали только для женщин, т.к. мужчины «курят, пьют и не молятся» [Там же: 66]. В комнате с умершим стоит стакан с водой; у икон до 40 дней висит полотенце (потом его стирают и могут использовать).

Ключевая роль в проведении обрядов принадлежала наставнику старообрядческой общины (*поny*); он приносил на похороны и поминки Псалтирь и молился за усопшего: *«Года-то были плохие, что-то напечёшь, пирожки да что да, да квас сделаешь, да вот его просишь, и он молится. За человека. Вот он и вспоминает»*. Со временем эту функцию начали выполнять и женщины (*попихи, попадьи*). На момент исследования молиться за усопших звали Марию Терентьевну Лесникову из д. Сойга; поминальный молебен она ведет по рукописной тетради.

По воспоминаниям, раньше в день похорон на гроб (вероятно, на крышку) стелили овечью шкуру, а на нее сажали детей: *«Всегда на гроб клали овчину, всегда. <...> Дети там сидели, вот мы с Шуриком сидели <...> вдвоём на этом гробике, как племянник и племянница мы будем деду. Он в Паску умер»*.

На кладбище наставница спускается в могилу и с молитвами окуривает (*кадит*) ее, после чего *даёт за землю* для умершего: *«Одной рукой я держу <ковш-кадильницу>. Одной, сама крещусь, "Свято Божий" опять поёшь. Внизу, потом в средине, а потом выше ещё. А потом денежки дают. Только красненькие <медные>. И суёшь туда, сюда. <...> По кругу. В стенки <могилы>. Это земля чтобы, ну, как бы земля была для него покой, за землю ты как бы даёшь. И там ещё бросаешь сколько-то на дно»*. Также на дне могилы лопатой чертится большой крест, а второй, поменьше, делается *к ногам.* После этого наставница поднимается из могилы и *кадит* гроб с умершим. Ладан, необходимый для окуривания, обычно заменяется смолой кедра или лиственницы, которую должны заранее приготовить родственники; при ее отсутствии используются веточки можжевельника.

Затем родственники и односельчане, пришедшие на кладбище, прощаются с покойным, обходят гроб по кругу: *«Обходит, а там ему дают. Сейчас у нас дают <через гроб> платочки, а некоторым дают, обязательно надо, говорят, дать нитки, чтоб ему <умершему> дорога была»*. Также принято давать мелкие монеты детям: *«Нам почему интересно было ходить – 20 копеек давали. Прощаешься когда – 20 копеек. А 20 копеек для нас – это большие деньги были. И кто умрёт, мы идём на кладбище, все дети, 20 копеек дают. А старшим давали нитки, носовые платки тогда не давали»*. После прощания в гроб с умершим сыплют несколько горстей земли (*«В землю уйдёт человек. Молитва так идёт ведь: "Из земли ты вышел, так ты в землю иди"»*).

Далее гроб заколачивают и обязательно покрывают берестой («*Долго держится гроб с берестой, не гниёт, ничего там*»). Эту деталь погребального обряда, хорошо известную и по археологическим материалам, можно охарактеризовать как архаичную; показательно, что этнограф С.В. Чугаева на других коми-пермяцких территориях фиксирует этот обрядовый элемент как уже вышедший из употребления [Чугаева 2015: 71]. Гроб опускают в землю на полотне, которое затем отдают тем, кто копал могилу; сохраняется воспоминание, что раньше для этой цели могли использоваться вожжи. Деревянный настил – *полати* – в могиле теперь не сооружают. На могильный крест повязывают белое полотенце, которое могут заменять новым в Семик или другой поминальный день. На свежей могиле расстилают покрывало

или скатерть и проводят первую небольшую поминальную трапезу; затем поминальный обед продолжается в доме умершего.

Поминальная еда включает в себя обязательно пельмени, рыбный пирог и другую выпечку, вареные яйца, мясо. Первым делом едят горячие пельмени и разламывают пирог, приговаривая: *Помяни Господи, кушай...* (называют имя умершего). Заканчивают трапезу квасом или пивом. Старообрядцы уже не приносят на поминки свою посуду, однако вплоть до недавнего времени пожилые женщины, пользуясь утварью хозяев, могли помечать выделенные для них кружки и стаканы ниткой или повязкой; из этой посуды они пили во время всех положенных поминальных дней [Голева, Подюков и др. 2011: 60]. Теперь пьют из общей кружки, однако сначала ее стараются передать некурящим женщинам и лишь затем всем остальным [Там же: 59].

Практически вышел из обихода обычай, согласно которому в день похорон родственники умершего старались дать кому-то из богомольных старушек зерно и овечью шерсть, чтобы те поминали покойного: *«Например, у меня шерсть есть, я должна дать бабушке или кому-то <...>. Эту шерсть нужно полностью до сорочины спрясти, чтобы было чисто, чтобы она <умершая> лежала там спокойно»; «Из зерна квас сделает, вот помянет. А из шерсти свяжет что-нибудь, будет поминать. <...> Надо бы там 70 поклонов, молиться за усопшего. А сейчас-то кому, никто не берёт, лишь бы взял, бери, бери, хоть кому дай, а не беру»*.

Поминальные обеды проводят на 9-ый и 40-ой дни, также отмечают год и три года со дня смерти и *память*. В последнее время есть тенденция проводить 9-ый день узким кругом (без приглашения *попадьи*) и не отмечать второй год, что, возможно, объясняется экономическими трудностями, с которыми сталкиваются многие местные семьи.

В *сорочины* делают большой обед. Из беседы с М.Т. Лесниковой, которую приглашают молиться об усопшем, следует, что, помимо молитв, важной частью ритуала является вербальная коммуникация с умершим, к которому периодически обращаются в ходе поминок (обычно на коми-пермяцком языке): *«У нас говорят, ну, я говорю: “Помяни Господи тебя, у тебя сегодня трапеза, о, сколько тебе настряпали, кушай, сегодня у тебя трапеза” <...> А они <родственники и знакомые> кушать остаются, а я долго не сижу. Я помолюсь “Отче наш” да что. “Прости меня, как я тебе сегодня читала, не обижайся на меня, – так и говоришь ему. – Вот тебе трапезу сделали, помянули тебя, только не обижайся, как я тебе молитву читала сегодня”. Всё. <...> “До году пускай ты будешь всегда сыт... До году тебе сделали, до*

году живи, что ты ешь сегодня, тебе дали”. А год обязательно тоже надо поминать».

В некоторых семьях полагают, что душа уходит на 40-ой день, а в других – на 41-ый или 43-ий (*шесть недель*); это представление находит выражение в мифологических рассказах: *«Я своими собственными глазами видела, лежу на диване, уже проснулась. Бабушка ходит. Я говорю: “Чё, бабушка, ходишь?” А она говорит: “А я вещи собираю. Сорок дней исполнилось, надо же идти. Сегодня сорок первый, надо идти на своё место”»*. В такой день родственники ведут душу на кладбище: *«Покойник всё дома живёт. Сорочины пройдёт, вспомнишь, ещё три дня пройдёт – и уходит, в шесть недель. <...> А когда лето, водили на кладбище. Умер, например, потом сорочины, три дня считаешь <...> (А что там делали?) Свечку берёшь. Вспоминали, кушали. На могилке. (А называли это “душу провожать”?) Нет, не называли. Просто надо вспоминать и всё. Что уходит из дому»*. На могиле после поминок иногда оставляют крупу: *«Пускай птички кушают вместе с ним. Прилетают и пускай ему поют, читают»*.

Во многих семьях принято поминать умерших родственников без определенного повода, это делается утром за горячей едой: *«Вот утром она <бабушка> встанет, помолится, идёт садится кушать <...>. Вот она скажет: “Помяни, Господи, всех усопших, знающих-незнающих, родников и сродников”. Перечислит: того-то, того-то, того-то. По имени-отчеству всех перечислит. Вот, кому-то “помяни, Господи, суп”, – или чего ли там кто ест. Всё. Свечки ставят»*. От пожилой жительницы д. Конопля записана поминальная молитва, которую она читает во время всех поминок дома и на кладбище: *«“Помяни, Господи, душу усопшего раба твоего, покойное место, пресветлый рай. Вместе кушайте все родители”. <...> Можно называть бабушка, брат, сестра, по имени... А вот говорят: “потерявшие – не потерявшие, заблудившие – не заблудившие”. Говорят и так. (А кого ещё перечисляют?) А не знаю, я только сама так поминаю. “Забывшие – не забывшие, потерявшие – не потерявшие, все родители”»*. При этом умерших своей смертью поминают во вторник, четверг, субботу и воскресенье, а погибших внезапно (*«которые ружьем стреляются и воде-то тонут», «повешенных да каких»*) – в понедельник, среду и пятницу.

Самым важным календарным поминальным днем считается Семик, в этот день стараются посетить могилы всех родных. Жители еще помнят, что раньше в этот день с утра открывали настежь большие кладбищенские ворота (позднее при строительстве дороги они были уничтожены вместе с частью кладбища). На кладбище принято зажигать свечи, кадить, устраивать поминальную трапезу; еду стараются

принести на могилы всех родственников: *«У меня, например, много похоронено, около одной могилы сидим, а на другие могилки наставляю гостинцы. У меня там три брата похоронены, сестра, мать, отец-то на фронте...»*. Тех, кого поминают, обязательно приглашают «поесть»: *«Трапезу сегодня тебе сделали, кушай сегодня, мама»*. Также вербальный ритуальный этикет предполагает, что, приходя, с умершими нужно поздороваться, а в конце попрощаться: *«Иногда у меня нет серы-то, смолы... Туда иду: "Здравствуй, мама, папа, бабушка, дедушки, тётушки"»*; *«Здравствуйте все, знающие – не знающие, родники и сродники»; «Прощайте, мы скоро к вам тоже придём»*.

Если родственники умершего его не поминают, покойник может «забрать» их скотину. В этом случае *попу* или богомольным пожилым женщинам несут еду с просьбой помянуть родных: *«Пойду к старушкам, Христа ради мы называем. Дашь что-нибудь, муку или чё <...>. Она помолится, смотришь – завтра находится <скотина>. <...> Они не то что родственников поминают, скажет: мать, отец, так просто. У меня отец, бабушка, мои родные – не имена, а просто говорят: мать, отец, бабушка, прабабушка, вот это, брат, умерших моих. Она так молится за них»*. Также в качестве наказания умерший может наслать болезнь – *мыжу*; определить причину может обряд *коечан* (локальное наименование черешлана), а исправить ситуацию помогает окказиональная поминальная трапеза и молитва: *«Потом нужно обязательно хлеб испечь горячий и помянуть. <...> "Родители, если вы дали мыжу, значит отпускай её. Тебе сейчас делали трапезу, кушайте. Отпустите болезнь, пускай не болит рука, нога, где-то шея". Так говоришь и всё»*.

В давно расселенных деревнях Верх-Лупья и Пурга были свои небольшие кладбища. Среди жителей пос. Жемчужный распространено представление, будто в этих деревнях людей «хоронили в огородах»: *«Никто не живёт там <в Пурге>. (Она, получается, в 18-ти километрах от Жемчужного?) Да. (И хоронили в огородах?) Да. И в Верх-Лупье, там нету кладбища. (Тоже в огородах хоронили?) Ну, некоторых ложили сюда, а некоторых там»*. Семья Мизёвых из д. Конопля каждый год ездит в д. Пурга в Троицкую субботу, чтоб помянуть похороненного там родственника. По рассказам Т.М. Мизёвой и ее мужа, практика подобных захоронений существовала до появления кладбищ: «Н.И.: *«В Верх-Лупье, по-моему, кладбище было»*. Т.М.: *«Там потом уже было. А раньше-то в огородах хоронили»*. Н.И.: *«А так в огородах хоронили»*. Т.М.: *«А в Пурге-то есть кладбище»*. Н.И.: *«Потом уже сделали, а первые-то старушки также куда попало хоронили. (А там ставили памятники?)»* Н.И.: *«Крест поставят»*. Их родственница

сообщила, что обычай распространялся только на детей и стариков: *«В Верх-Лупье-то в огородах хоронили. В огороды они раньше хоронили-то. Так, видимо, принято было. Умрёт, например, ребёнок ли чё ли. Или старый. Там хоронили, в огород»*. Полученных данных недостаточно, чтоб судить, что перед нами: элемент архаики или прагматический подход нового времени. Но можно предполагать, что на каком-то этапе в этой традиции могло существовать особое отношение к захоронению детей (и, возможно, стариков); подобные случаи, очень немногочисленные, фиксировались нами и в других местах Коми-Пермяцкого округа.

Говоря о похоронно-поминальной обрядности лупьинцев в целом, ее характер можно определить как более редуцированный по сравнению с традициями остальных районов округа. Так, во время похорон отсутствует ритуал *первой встречи*, распространенный в Северном Прикамье почти повсеместно. Даже на уровне воспоминаний не удалось зафиксировать сведений об исполнении причитаний и духовных стихов (бытующих, к примеру, в зоне кочёвско-юрлинского пограничья). Крайне лаконичен по сравнению с другими локальными вариантами и обряд «проводов души» (устойчивая народная терминология для его обозначения, по-видимому, здесь отсутствует). В то же время значительное место в традиции лупьинцев продолжает сохранять ритуальный этикет, определяющий вербальное взаимодействие с умершим; многие представления о душе и загробном мире реализуются в сюжетах несказочной прозы.

Список информантов

Златина Мария Михайловна, 1937 г.р., д. Мысы.

Златина Надежда Прокопьевна, 1952 г.р., пос. Жемчужный; имеет высшее филологическое образование, работала директором школы, теперь на пенсии, местный краевед.

Лесникова Мария Терентьевна, 1952 г.р., род. в д. Данилова, проживает в д. Сойга.

Мизёв Николай Иванович, 1938 г.р., д. Конопля.

Мизёва Анастасия Ивановна, 1934 г.р., д. Сойга.

Мизёва Таисия Михайловна, 1940 г.р., д. Конопля.

Библиографический список

Арбат Ю. Сорок памятных зарубок. М.: Советская Россия, 1970. 126 с.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX вв. (Труды Инта этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. XLV). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 362 с.

Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарева Л. Г., Черных А. В. Лупьинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник. (Труды Ин-та языка,

истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VIII). Пермь: Типография купца Тарасова, 2011. 142 с.

Кривощёков И. Я. Словарь географо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь: Типография «Труд», 1914. 845 с.

Чугаева С. В. Человек и Смерть: (на материале погребальных и поминальных обрядов коми-пермяков: монография). Москва: Триумф, 2015. 256 с.

S. U. Korolyova
Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

M. A. Brukhanova
Master Student of Philological Faculty
Perm State University

FUNERAL PRACTICES OF GAYNSKY KOMI-PERMYAKS: MICRO-LOCAL TRADITION

This article focuses on the current state of funeral rites, which are fixed on the territory of Gaynsky Komi-Permyaks. This study is based on field research in 2014 and represents one of the most northern microlocal traditions of Perm Region. It is a tradition of settlements located along the river Lupja. The funeral rite retains a lot of traditional elements, which were formed under the determining influence of Old Believers. Some features are related with modern social conditions.

Key words: Perm Region; Komi-Permyaks; funeral rites; non-canonical prayers for the dead; mythological narratives.

УДК 811.511.13

Лобанова Алевтина Степановна
доцент кафедры методики
преподавания русского языка и литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
lobanova@pspu.ru

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОБРАЗЕ ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

(*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-14-59602 «Лексика и фразеология коми-пермяцкого языка в этнолингвистическом аспекте*»)

Статья посвящена анализу образа девушки и женщины коми-пермячки, выражаемыми средствами языка. Особое внимание направлено на языковые средства, с помощью которых реализуются роль и статус женщины в семье. В статье затронуты моменты, связанные с некоторыми физиологическими состояниями женщины.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; традиционная культура коми-пермяков.

На протяжении многих веков положение женщины и её роль в обществе связывались с замужеством, материнством, семейным очагом. Смеем предположить, что ряд ценностей, связанных с прекрасной половиной, находит отражение в любой культуре, но и, надо полагать, целый спектр характерен только для конкретного народа. Без сомнения, эти ценности эволюционируют вместе с обществом, но их глубинные смыслы остаются сугубо этничными.

О роли и месте женщины в традиционной культуре коми-пермяков можно найти отрывочные сведения в разных источниках, начиная с середины XIX в. и завершая современными научными изысканиями. Как правило, они содержат материалы этнографического характера.

Считаем, что образ женщины в традиционной культуре коми-пермяков в любом аспекте – лингвокультурологическом, социолингвистическом и т.д., – до сих пор нуждается в глубоком объективном исследовании.

Забегая вперед, скажем, что народная фразеология, пословицы и поговорки, народная загадка и частушка, т.е. тексты, традиционно отражающие менталитет народа, его видение и восприятие

© Лобанова А.С., 2016

окружающего мира, не демонстрируют в полной мере такие женские качества как утонченная женственность, изящество, хрупкость. Зато в них реализуются такие качества как кокетство, хорошее физическое здоровье, духовная составляющая женщины.

Итак, молодая девушка, как будущая жена и мать, с юности осознавала свою роль и готовилась к ней. Её предстояло жить в чужой семье. Она понимала, что придется приложить много усилий, чтобы ее приняли родители мужа, чтобы он сам был ею доволен, чтобы ее уважали дети, чтобы она стала действительным членом семьи. Не случайно в коми-пермяцком языке функционирует несколько лексических вариантов, демонстрирующих, с одной стороны, её статус в новой семье, и, с другой стороны, роль в семье нового человека. В первую очередь, она *инь* (*инька*) или *гӧтыр* «жена» для своего мужа, *ичмонь* – для родителей мужа в первый год замужества, *монь* – для них же в последующие годы, она *кенак* для братьев и сестер мужа; жены нескольких братьев называются еще одним словом – *кевьяэз*. Со всеми этими членами семьи молодой жене следует выстраивать добрые отношения. Зачастую они так и не удавались, поэтому появление ряда загадок, в которых действующим лицом выступает невестка, вполне логично.

Учӧтик ичмонька джоджж кузя йӧктас, йӧктас, порог дынас угӧлӧ сувтас «Маленькая сноха по полу попляшет, попляшет, возле порога в угол встанет» (*Рос* «веник»). Каждое слово здесь наделено особым смыслом. «Героиня» загадки – невестка. Именно её чаще всего недолюбливали в семье, работой которой были, как правило, недовольны, у которой в новой семье практически не было прав, а только одни обязанности – все это отражено в этом коротком тексте. Невестка маленькая, она не работает, а пляшет, и её место у порога. Подобное отношение к снохе отражено еще в одной народной загадке: *Ичмонькаӧс мӧдӧтӧны, мӧдӧтӧны, а сія сё быръӧм* «Невестку наряжают, наряжают, а она всё в рваной одежде» (печь в бане (по-черному)). Уж если не пришлась невестка ко двору, то ничем и никак это отношение не изменить.

Надо полагать, что та иерархия, которая довлела над молодой женой в семье: муж, свекровь, свекор, жены старших братьев мужа – иногда была настолько невыносима и длительна по времени, что даже женское счастье и радость материнства угасали. Только этим объясняем появление такого варианта частушки:

Шондіок тэ – ныв олан,	Девичьи годы – солнышко,
Кыдз горадзуль цветитан.	Как купальница цветешь.
Трой бы проклят инь олан,	Замужество, будь трижды проклято,
Кыдз помойӧ из вӧян.	Камнем тонешь в помоях.

Вернемся к нашей девушке, которой в будущем предстояло быть женой и матерью. Традиционно внешние атрибуты молодой женщины, девушки были объектом особого внимания. Вот как описывается момент сватовства в исторической повести В. Исаева «Шаньшор»: *Невеста дынӧ мунісӧ и Опонасейлӧн свахаэз. Нія бергӧтлісӧ нывкасӧ, малалісӧ сылісь каджссӧ, шамралісӧ сылісь чикисьсӧ – пешлісӧ кыдз небан товар: абу я кытшӧмкӧ изъян.* «К невесте поехали и свахи Афанасия. Они крутили-вертели девушку так и сяк, щупали ее талию, теребили косу – оценивали словно товар: нет ли какого изъяна» [Исаев1993: 73-74].

Получается, что атрибутом женской красоты и здоровья были красивая, длинная коса и соответствующая талия. Последнее также укладывается в разумные объяснения: ведь ей предстояло быть матерью. Заметим, что при выборе невесты ее здоровью, физическому состоянию уделялось пристальное внимание. Выражение *умӧль родісь* (досл. «плохого рода-племени») ассоциировалось с различными наследственными качествами, свойственными роду. Антонимичное выражение *мунны бур родӧ* (досл. «идти в хороший род») воспринималось не только в значении, связанном с богатством, но и со здоровым семейством, родом. Традиционно принято было знать о здоровье членов семьи, с которой планировали породниться.

О женской красоте более подробно можно узнать из частушечного фольклора. Как и следовало ожидать, данная семантика в них связана с девичьей косой, реже – голубыми глазами, а к ним прилагаются новая косынка, новая юбка, новая обувь. А еще сравнения с ягодой земляникой и малиной. Т.е. ни румяные щеки, ни пышная грудь, ни красивые ноги – никакие другие части тела в частушках не представлены в качестве эталона женской красоты. Девичья коса и новая добротная одежда – вот что визуально становилось объектом внимания у девушки.

Для частушек характерна одна особенность. Одни и те же слова могут отвечать как за женский набор привлекательных качеств, так и за мужской (*малина тусь* «ягода малина», *ягӧдок* «ягода земляника», *сьӧлӧмшӧр* в зн. «любимый, любимая»).

Шӧралі ме, вурны мӧда	Скроила я, собираюсь сшить
Сизим клина шабурок.	Семиклинный шабурок.

Менам медбасӧк милӧйӧ –	Мой самый красивый милый
Ровно малина тусёк.	Словно ягода малина.

Лексический состав частушки не позволяет сомневаться в том, что она адресована молодому парню, красота которого ассоциируется с ягодой малиной.

В следующей частушке, адресованной девушке, ягода малина ассоциируется, по всей видимости, с вкусовыми качествами – ее сладким вкусом:

Веж листокыс чожа усяс	Жёлтый листик скоро упадет,
А зелёнӧй олас дыр.	А зеленый долго проживет (в зн. «продержится»)
Тэнӧ, нылӧй-малинтусьӧй,	Тебя, девушка-ягодка малинка,
Ме любитны понда дыр.	Я любить буду долго.

В каком возрасте было принято выходить замуж? В письменных источниках XIX в. об этом практически ничего не говорится. Упоминается лишь, что молодые люди женились очень рано – в 13-15 лет, а в жены брали женщин старше своего возраста. Язык красиво реализует другую составляющую этого момента – как называли девушку, если ей долго не удавалось выйти замуж. О такой говорили, что она *ендӧм нывка* «засидевшаяся девица», *ендӧм кӧбыла* «заброшенная кобыла», *ендӧм кутю* «засидевшаяся курица», *ендӧм ягӧд* «испорченная ягода», *ендӧм черинянь* «испорченный рыбный пирог» [Утева 2014: 186]. Во всех примерах имеется причастие *ендӧм*. Его довольно сложно перевести на русский язык, тем более что в приведенных выражениях оно употреблено в переносном значении. Глагол *ендыны* и образованное от него причастие *ендӧм* имеют очень глубокую семантическую составляющую. Её можно прокомментировать, наверное, следующим образом: когда какой-нибудь очень нужный, очень важный для хозяйства предмет в силу разных причин был забыт, заброшен и, как следствие, утратил свои качества и перестал быть таким необходимым, когда легче найти или сделать новый предмет, тогда коми-пермяки и употребляют этот глагол или причастие. В своем прямом значении *ендӧм* употребляется в тех случаях, когда речь идет о дровах, оставленных в лесу, сене, сгнившем на лугу, о неубранном хлебе в поле и т. д. И вот слово с такой семантикой начинает употребляться по отношению к девушке, долго не выходящей замуж. Общий смысл приведенных выражений сводится к тому, что она уже испорчена и что легче найти ей замену. Эта мораль сводится к тому, что в жизни все надо делать в отведенные сроки, изменение которых может пагубно повлиять на судьбу. О девушке, запаздывающей с замужеством, также могли сказать, что ее хвост до сих

пор легкий (*Бӧжыт тай ӧнӧдз кокнит*). Еще один символ замужней женщины – тяжелый хвост. Муж, дети, ежедневные заботы о них и составляли тяжесть, которую женщина должна была нести. А если нет семьи, то и хвост легкий.

В традиционной культуре осуждению подвергается и нарушение очередности образования семей между братьями и сестрами одной семьи. В связи с этим самое суровое предсказание – *туй пӧднавны* «дорогу закрывать» семейному счастью для старшего брата или сестры. Однако чаще всего устойчивые выражения содержат глагол *пуксьӧтны* «посадить». *Джоджулӧ пуксьӧтны* «в подпол посадить», *кань ӧшын вылӧ пуксьӧтны* «на кошачье окно посадить» (в каждом доме есть небольшое отверстие в подполье для кошки, оно и носит название *кань ӧшын* «окно кошки» или «кошачье окно» – А. Л.), *залавка вылӧ пуксьӧтны* «на залавку посадить», *локаньӧ пуксьӧтны* «в лохань посадить». В этих паремиях важны две составляющие: само действие – *пуксьӧтны* «посадить» и место, куда следует посадить обойденного семейными узами старшего брата или сестру. Общий элемент этих иносказательных выражений *пуксьӧтны* «посадить» ассоциируется с длительным временным характером сложившейся ситуации: ведь жениться или выйти замуж придется не раньше чем через год, поэтому лучше посидеть, не предпринимать никаких иных активных действий. И посидеть в таком месте, где тебя мало кто увидит.

Хочется остановиться на таком физиологическом состоянии женщины, как *менструальные дни.* Коми-пермяцкий язык не знает самостоятельного слова с семантикой «менструация». Само это состояние всегда было и остается глубоко табуированным. Об этом не принято говорить. Ни в одном из существующих словарей данная семантика не нашла своего отражения. Сегодня, когда табуирование потеряло былую силу, в коми-пермяцком языке широко употребительными стали варианты русского происхождения *менструация* или *месячнӧйез* «месячные». Но поскольку особое физиологическое ежемесячное состояние женщины было всегда, язык не мог не реагировать на него. В нашем распоряжении имеется несколько выражений эвфемистического характера, отражающих данное состояние женщины. Наиболее употребительной и известной является выражение *йӧрнӧс вылын* досл. «на рубашке». Причем это выражение, так же как и иные, отражающие данное состояние, нам удалось услышать только из уст женщин. Мужчины предпочитают на эту тему вообще не говорить. Со слов женщины-информанта, работавшей еще в 60-е годы XX в. на зимних лесозаготовках, когда из-за отсутствия нормальных гигиенических принадлежностей женщины прямо на снегу оставляли

следы своего состояния, мужчины, посмеиваясь, говорили: «*Руч котӧртӧм*» («Лиса пробежала»), т. е. в этой ситуации цветовая ассоциация становилась ведущей.

Для обозначения этого состояния в нашей картотеке имеется несколько выражений. *Менам эшӧ котӧртӧ, йӧрнӧсвам* (лит. *йӧрнӧс вылам*) *менам эм эшӧ* досл. «У меня еще течет, у меня еще есть на рубашке» (В-Иньва, Кудымкарский район). *Йӧрнӧс вылам лоис одз* досл. «У меня на рубашке стало рано» (в зн. «Менструация началась рано (о возрасте)») (Кочево). В то же время в речи коми-пермячек встречается идентичный русскому диалектному варианту *рубашнӧй* [СПГ, 2002: 392]. Например: *Оз ло рубашинат, вот и сьӧктін* в зн. «Не будет месячных, вот и забеременела» (с. Сергеевское, Гайнский район). Допускаем, что коми-пермяцкий вариант *йӧрнӧс вылын* «на рубашке» и русский *рубашные* могли возникнуть параллельно, а не являться заимствованием из какого-либо языка. Действительно, в качестве гигиенического средства (даже не в самом далеком прошлом) служила нательная женская рубашка.

Следующими выражениями, отражающими анализируемую нами семантику, являются *сойӧ празднуйтӧ* досл. «моя сестра празднует», *праздниккез мунӧны* «праздники идут», *гӧрд луннэз* «красные дни», *гӧссез локтісӧ* «гости прибыли». Семантика прибытия наличествует в выражении *бабӧ локтіс* «бабушка прибыла (пришла, приехала)» или *бабӧ Краснодарись локтіс* досл. «бабушка из Краснодара приехала». Различного рода метафоризация, связанная с цветовыми характеристиками процесса, с самим процессом, ожиданием этого процесса, успешно реализуется в языке. Своеобразное табуирование и разного рода иносказательные выражения, надо полагать, служат в определенной степени защитой женщины.

Совершенно не претендуя на полноту изложения материала, смеем предположить, что в коми-пермяцкой паремии при выявлении гендерных особенностей, пожалуй, преобладает негативная оценка. Но она связана не столько с женственностью как таковой, а теми нормами, которые приняты народом и которые практически не реализуются языком. В языке отражается то, что маркировано как признак отклонения от идеального, хорошего, чего не должно быть у женщины.

Библиографический список с принятыми сокращениями

Исаев В. И. А эшӧ вӧлі случай... Кудымкар, 1993. 95 с.

Утева Л. В. Семейные/свободные отношения коми-пермяков в свете идиоматических выражений // Коми-пермяцкий этнографический сборник. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. X. С-П., 2014. С. 186–190.

СПГ – Словарь пермских говоров. Т. 2 / составители: Борисова А.Н., Гордеева О.В., Мисюра Е.К. и др. Пермь, 2001. 574 с.

A. S. Lobanova
Associate Professor of Methods of Teaching
Russian Language and Literature Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

SOME INFORMATION ABOUT THE IMAGE OF WOMEN IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE KOMI-PERM. LINGUOCULTURAL ASPECT

The article is devoted to analysis of the image of Komi-Perm girls and women realized by means of language and national paroimia. The main focus is on linguistic means by which is realized the role and status of women in the family. The article touches upon aspects related to certain physiological conditions of women.

Key words: Komi-Perm language; traditional culture of the Komi-Perm.

УДК 81'282.8

Подюков Иван Алексеевич
профессор кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет.
podjukov@yandex.ru

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ОБРЯДОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (на материале свадебной традиции)

(*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-14-59602 «Лексика и фразеология коми-пермяцкого языка в этнолингвистическом аспекте»*)

В статье рассматриваются основные семантические группы обрядовых терминов русской свадьбы, усвоенные при заимствовании коми-пермяцкой традиционной культурой севернорусской свадебной обрядности. Анализ номинации свадебных чинов и эпизодов свадьбы, обозначений устойчивых символических акций свадебного ритуала направлен на объяснение мотивировок заимствований, на описание способов адаптации заимствованного термина в коми-пермяцком языке. Особое внимание обращается на описание внутренней формы и символизма заимствованного термина, на определение его этнической специфики. Усвоение культурного термина и связанных с ним этноконнотаций при вхождении обрядовых номинаций в инокультурную среду интерпретируется как лингвистическое проявление процесов аккультурации.

Ключевые слова: тадиционная культура; обрядовая терминология; культурно-языковые контакты; заимствования; обрядовый символизм; культурные коннотации слова.

По замечанию В.Н. Белицер, свадебный обряд коми-пермяков (как и коми-зырян), отличаясь в деталях, близок к русским свадебным обрядам Архангельской, Вологодской и Пермской губерний, что объясняется длительными культурными связями народов коми и русских, сходными условиями хозяйственного и общественного развития [Белицер 1958: 312]. Прямое отражение этой близости – наличие в коми-пермяцком языке большого количества свадебных терминов славянского происхождения. Названия свадебных чинов, эпизодов свадьбы, символических действий, игр и развлечений, свадебной кухни и одежды коми-пермяками активно усваивались из соседней русской среды, адаптируясь, естественно, к возможностям коми-пермяцкого языка.

© Подюков И.А., 2016

Отмечены общие названия свадьбы славянского происхождения – *свадьба* (*свадьба чулӧтны* ‘справить свадьбу’), *пир* (пир лӧсьӧтны ‘устроить свадьбу’), названия видов свадеб – распространенный на севере Коми-Пермяцкого округа брак умыканием, или свадьба *кратча* (искаженное диалектное наречие *крадча*, ср. карагайское свадьба *крадша* / *крадом* ‘без венчания и родительского благословения’). Такие свадьбы (называемые еще *убегом*, *бе́гом*) совершались при несогласии с родительской волей или во избежание расходов (нередко как постановочные), часто – в старообрядческой среде. Статус мужа и жены молодые тем не менее получали, пройдя особый обряд *миренья* (*мировой*) (*Потом поехали на мире́ние, помирились. Надо чтобы с собой взять хлеб с солью. Сюда, на икону, вешают полотенце, что они помирились* – Жемчужный, Гайнский р-н). Процесс заключения мировой обозначен глаголом *мириччыны*: *Ме гусьон школасянят кайи – пышьи, да эся мамо мириччыныт волліс. Ачыт матiкатло подаритан мыйкэ. Соса йорнос да мыксо мичоника вуран. Вонь подаритан* (Я тайно из школы пришла, убежала, потом мама мириться приходила. Сама свекрови подаришь что-то. Рубаху с рукавами и красиво *мыг* (низ рубашки) вышьешь. Пояс подаришь).

К заимствованным относятся названия свадебных чинов – *свака* ‘сваха’, *сватун* ‘участник сватовства’ (в обряде верх-язьвинских пермяков; ср. в русской традиции (*Ставят самовар для сватунов. Ходят бывать по семь раз по девушку свататься*» – Губдор, Красновишерский р-н), *киловоз* ‘участник свадьбы, которому поручены охрана и перевозка невестиного приданого’ (*Киловоз – он чемодан везет, принадлежность, есть брат, он и везет. Едет на третьей лошаде* – В. Язьва, Красновишерский район). В русских говорах Прикамья это слово, выйдя из терминологического употребления, стало использоваться и как ироническая оценка отстающего в работе. Изначально *килой* называется болезненная опухоль в теле. По версии Т.Н. Бунчук [Бунчук 2015: 42-45], так называли замыкающего работы человека в дни, отмеченные как переломные – в конце уборки жита, на сенокосе, в Петров день, на свадьбе. Кила, увеличивающая объем тела или растения, могла соотноситься с идеей роста нового, будущего (откуда диалектное *килатый* ‘богатый’); одновременно сравнение приданого с килой как порчей (кила часто насылалась колдунами) могло быть средством вербальной апотропеи (ср. также описание килы как «позорящего» символа в коллективных работах [Леонтьева 2015: 24]).

Русские наименования сохранены за обозначениями участников свадебных забав. Один из обязательных персонажей среди ряженых на

втором дне свадьбы – *зайчик*. Аналогичный названию играющего роль жениха в хороводных играх *заенька*, *заюшка беленький* (в прикамских свадебных песнях – также *косой*) част в величальных песнях жениху, что объясняется его любовно-брачной мужской символикой (как животное, известное своей плодовитостью, заяц олицетворяет плодоносящую силу и в аграрных обрядах). Название ряженого на свадьбе *кудеяр*, выступающего в облике злого колдуна, соотносится с именем известного по песням и легендам разбойничьего атамана Кудеяра (с этим именем связано название множества мелких географических пунктов в России типа *Кудеярова крепость*, *Кудеярова гора*, село *Кудеяровка*; оно использовалось в прошлом и как личное имя, особенно на юге России). Разбойник на свадьбе – не просто одна из веселых забав, а способ введения в обряд темы похищения невесты, значимой для исполнения ряда табуистических предписаний.

Заимствованные названия этапов свадьбы касаются мероприятий подготовительного этапа: *девишник* ‘вечер перед свадьбой с подругами невесты’, *рукобиттё* ‘сговор’ (*На рукобиттё с матерью, с отцом идешь руку прижать у невесты* – В. Язьва, Красновишерский р-н). В основе термина лежит жест удара по рукам в знак окончательной условленности. Заимствованный термин своей внутренней формой тесно увязывается с этим символическим действием, выполняемым и в коми-пермяцкой среде особым образом (*Как согласие, руки давали родители молодых через стол. Разбивали им руки снизу или возьмут, себе на руку намотают полотенце, чтобы бить* – В. Язьва, Красновишерский р-н).

Термином-полукалькой *ныука-баня* называлась *невестина баня* перед днем свадьбы (*Перед свадьбой невесте обязательно надо было мыться вместе с девками. Это называлось ныука-баня – ну, как, девкина баня* – Завижай, Юсьвинский р-н); в ряде мест фиксируются термины *мыленка, парушка,* также обозначающие обрядовое мытье невесты накануне свадьбы. Второй день свадьбы у коми-пермяков, как и у русских соседей, назывался *большой стол*, а третий – *пирожный* (как указание на угощение так называемыми *разъезжими* пирогами). Послесвадебные встречи породнившихся в доме родителей невесты называются *хлебины*, или *хлебенянь*.

Русское название носят центральные символы свадьбы – *кра́сота* обозначение алой ленты как символа девичества (ср. *девья красота* у коми-зырян [Плесовский 1968: 54]), *нянь чолпан* (свадебный хлебный каравай). Как и в русской традиции, у коми-пермяков сохраняется особое отношение к свадебному хлебу (*Кушали поди потом. Сушить, да когда пойдёшь в лес ли что ли, это укусите. Чтобы не заблудиться* – Пурга, Гайнский р-н). Стоит отметить, что в русской традиции существует

несколько терминов свадебного хлеба: *каравай*, *калач, шишки*; также изготовляемый для конкретных эпизодов, напр., для посещения молодыми бани (арх.) *банник* (*байник, баенник*), больше и производимых с ним обрядовых манипуляций (см.: [Гревцова 2012: 110-123]).

Русское название распространяется на прическу молодой *коклюшка* ‘две особым образом уложенные на затылке косы замужней’. Символ вступившей в брак, *коклюшки* получили свое название по использованию в прошлом при заплетании косичек деревянных катушек с ручкой для плетения кружева (пряди волос по спирали наматывали на коклюшки). Свадебные *дары* также называются русским словом *дар*. Заимствовано и название специального подарка молодой своей свекрови – если жениху и свёкру она обязательно дарила вышитую рубаху, то свекровке холст *на рукава* (то же в русской традиции) (*Отмеряют, сколько на рукава холста надо – вот холст и дарят свекровке, золовкам запоны, деверьям опояски. Коробьи были, туда укладывали* – Пож, Юрлинский р-н).

Для обозначения устойчивых обрядовых действий используются глагольные термины. В русской традиции оборот *ехать с вестью* (*вистью*) обозначает поездку по родне одного из распорядителей свадьбы с приглашениями на свадьбу (*Большой дружка на лошади ездил, приглашал родственников в гости к жениху на столованье* – Юрла). Назначенный посыльный в русской традиции имел особое название, что подчеркивало его статус: *зватай* (*зватóй*), *позыватка* (*зазыватка*) (*Деверь зватой ходил, всех родственников до трех раз приглашал чай кушать* – Камгорт, Чердынский р-н). Это выражение у язьвинских пермяков получает несколько иной смысл (*Накануне свадьбы со стороны жениха с вистью едут – за постелью. Выкупают, конечно, берут четыре стакана вино, за каждый угол по стакану налить* – Бычина, Красновишерский р-н). Как показывает контекст, приезд с сообщением оказался совмещен здесь с перевозкой невестиного приданого.

Содержащийся в термине глагол нередко указывает на символический характер обрядового действия, включенного в обрядовый акциональный код. Название обычая *греть постель* (Конопля, Гайнский район) ‘уступать постель молодым перед брачной ночью за определенный выкуп’ отражает специфический обычай выкупа, отмеченный в ряде мест России (у сибирских казаков, в Воронежской области, в нижегородских деревнях [Христова; Юго-нижегородский тип свадебного ритуала…]). «Грение» как обрядовая символическая акция с семантикой очистительности и плодородия отмечается во многих обрядах: сваха грела руки у печи перед тем как

начать разговор, делавший гроб разводил из оставшихся стружек костер и грел руки, чтобы зимой не мерзли [Смоленский музыкально-этнографический сборник… 2003: 21]. В модификации обряд отмечен и у коми-зырян: перед свадьбой после рукобитья жениха заставляли выкупать постель на молодежной вечорке, где парни и девушки укладывались спать парами [Плесовский: эл. ресурс]. Представленная в ритуале идея магического увеличения сил плодородия реализуется в старом обычае «греть весну» на Благовещение (см.: [Смоленский музыкально-этнографический сборник 2003: 21]), в обряде *греть покойников* (*греть родителей, поминки греть*) – разжигать в святки костер из соломы с зернами и ладаном с заботой о благополучии урожая в новом году (см.: [Зеленин 1909]).

Отдельные освоенные термины могут быть в принимающем языке основательно переработаны в соответствии с реалиями своей культурной среды. В нетерминологическом, хотя и связанном с темой брака значении используется коми-пермяцкое выражение *лöч/ чöс туй сотчö* (букв. «охотничья тропа с силками / с ловушками горит»). Фраза используется как возглас о том, что отбивают, забирают невесту. На наш взгляд, высказывание тесным образом связано с устойчивым символическим обозначением с помощью образа горения конца свадьбы в русской традиции. У южнорусских переселенцев в Тюменской обл. *гасили свадьбу*: поджигали положенную в корыто солому и возили с песнями по деревне; у русских на Дону в знак ее окончания поджигали, а потом заливали овин [СРНГ 22: 298]. Связанное с символикой завершения сжигание чего-л. известно славянским народам и проводилось в знак окончания свадебного веселья – сжигание холостяцкой постели, соломы, поджигание и тушение овина; в Орловской области оставшиеся в доме невесты *тушили овин* – после увоза невесты пили за счастье молодых [СОГ 9: 68, 69]. Со временем произошло расширение значения высказываний с образом горения, выражение *овин сгорел* стало означать окончание времени девичества вообще (см. подр.: [Гура 2012: 543, 669]). В северной коми-пермяцкой среде, в культуре охотников была осуществлена замена *овин – путик*, охотничья тропа с ловушками как более понятная. Одновременно с этим происходит и семантический сдвиг – выражение, частично сохраняя ритуальный смысл указания на окончание ритуала, становится больше междометным возгласом опасности. Любопытно, что в русской традиции Севера выражение (псковское) *деревня горит*! также используется как ритуальный возглас (используется как пожелание сбивающему масло (см. подр.: [Подюков 1991: 74])).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что активное усвоение коми-пермяками русской свадебной терминологии сопровождалось их адаптацией к особенностям этнической культуры и возможностям родного языка. Нередко термины переходили в другую культурно-языковую среду, в иной контекст бытования вместе с освоенными обрядовыми формами, которые воспроизводились в обряде не в той полноте, что в осваиваемой культуре, претерпевали саморазвитие в новых условиях.

Библиографический список

Белицер В. Н. Очерки этнографии коми. XIX – начало XX в. Изд-во АН СССР. М., 1958. 391 с.

Бунчук Т. Н. Кила, колодка и спорынья: этнолингвистическая герменевтика «текста» народной культуры. // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 42-45.

Гревцова Т. Е. Названия обрядового хлеба как мотивирующая основа терминов восточнославянской свадьбы (ареальный аспект). // Научный диалог. Вып. № 4, 2012. С.110-123.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.

Зеленин Д. К. Народный обычай «греть покойников. Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. XVIII. Харьков, 1909. С.1-16.

Леонтьева Т. В. Социально-нормативные смыслы в лексике семантико-мотивационного поля «Труд». X Linguae Journal, Volume 8 Issue 3, June 2015. Pp. 19-30.

Плесовский В. Ф. Свадьба народа коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1968. Гл. III. // URL: http://foto11.com/komi/ethnography/wedding/mistery4.php (дата обращения: 26.06.2016).

Подюков И. А. Народная фразеология в зеркале народной культуры. Пермь: изд-во ПГПУ, 1991. 126 стр.

Словарь орловских говоров (СОГ). Вып. 9. Орел: ОГПУ, 1998. 123 с.

Словарь русских народных говоров (СРНГ). Вып. 22. Л., изд-во Наука, 1987. 368 с.

Смоленский музыкально-этнографический сборник. Том 1. Календарные обряды и песни. М.: Индрик, 2003. 332 с.

Христова Г. П. Традиции свадебного обряда в селах Лискинского района Воронежской области. // Народная культура и проблемы ее изучения. Вып 4. // URL: http://www.vantit.ru/narodnaja-kultura-4/560-traditsii-svadebnogo-obrjada.html (дата обращения: 26.06.2016).

Юго-нижегородский тип свадебного ритуала. // URL: http://nevesta.nn.ru/nizhegorodskie-svadebnye-tradicii.php (дата обращения: 27.06.2016).

I. A. Podjukov
Professor of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

RUSSIAN BORROWINGS IN KOMI-PERMYAK RITUAL TERMINOLOGY (based on wedding tradition)

The article reviews the main semantic groups of ritual terms of the Russian wedding acquired by Komi-permyak traditional culture in the process of its borrowing from north Russian wedding rituals. Analysis of nominations of wedding ceremonies and wedding rites, names of settled symbolic actions of the wedding ritual is aimed to explain the motivations of these borrowings, to describe ways of adaptation of the borrowed term. Special attention is paid to the description of the internal form and the symbolism of the borrowing. Adopting of the cultural term in the process of the embedding of the ceremonial naming unit into another cultural environment is interpreted as linguistic manifestation of acculturation processes.

Key words: traditional culture; ritual terminology; cultural-language contacts; borrowings; ritual symbolism; cultural connotationas of the word.

УДК 81’28

Свалова Екатерина Николаевна
аспирант кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
svalova87@mail.ru

ДЕМОНИМ КАК КОМПОНЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАРОДНОЙ ПАРЕМИИ

(*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-14-59602 «Лексика и фразеология коми-пермяцкого языка в этнолингвистическом аспекте»*)

В статье на пермском языковом материале (русском и коми-пермяцком) исследуется образно-характеристическое переосмысление народных названий демонологических персонажей, представленное во фразеологизмах и устойчивых высказываниях. Анализируется специфика внутренней формы паремий с компонентами-демонимами. Рассматривается роль демонимов, выступающих центром народных паремий, как в выражении целостной семантики текста паремии, так и прагматических установок. Прослеживается участие паремий с названиями персонажей низшей народной мифологии в оформлении таких речевых жанров, как приветствие, пожелание, побуждение, запрет.

Ключевые слова: диалектная демонологическая лексика и фразеология; образность; оценочность и прагматические возможности народных демонимов; жанровая характеристика паремических высказываний.

Мифологические персонажи в прошлом были активно включены в бытовую и обрядовую сферы жизни носителей традиционной культуры. Благодаря своей особой коннотированности данные лексемы активно используются для создания оценочных характеристик [Русинова 2014; Шведова 2004]. Н.В. Шведова отмечает, что в современном русском языке фразеологизмы «с чертом» выражают преимущественно отрицательные эмоции [Шведова 2004], поскольку чёрт выступает как антипод Бога и олицетворение зла (см. также: [Пеянович 2013]). Среди смысловых характеристик демонима *черт* в русской языковой картине мира исследователи отмечают его связь с концептом «Грех», с темой похоти и пьянства [Евраева 2011]. В пермских говорах зачастую синонимичные выражения строятся на использовании лексем «черт» и «грех»: *какого черта* (*греха*), *грех* (*чёрт*) *их* (*его*) *знает*, *на кой грех* (*чёрт*).

© Свалова Е.Н., 2016

Ю.С. Степанов охарактеризовал концепт «черт» как одну из констант русской культуры, которая направлена на выражение антиценностей [Степанов 2004: 880-891]. По мнению Т.Ю. Передриенко, именно концепт «Чёрт», а не «Дьявол» является оппозицией концепту «Бог», поскольку в русском языке лексическая единица *чёрт* употребляется как родовое название для обозначения злого духа старинной дохристианской веры, а также в смысле христианского образа дьявола [Передриенко 2006]. При этом переосмысленный компонент-демоним, выступающий как носитель оценочной информации, придает высказыванию особую прагматическую силу. Отметим, что в некоторых культурах оценочность демонима и соответственно его применение в прагматических целях может не совпадать с обозначенными поздними экспрессивными переосмыслениями мифологических понятий. Так, исследователи коми-пермяцкой культуры (в частности, Т.Г. Голева [Голева 2011: 223]) отмечают сохранение архаичных элементов мировоззрения и традиционных верований, их важное место в мировоззрении коми-пермяцкого народа. В связи с этим в коми-пермяцком языке фиксируются лишь отдельные общеоценочные, междометные выражения с компонентом-демонимом типа *куль / лешак тӧдӧ* «черт / лешак знает», оценка ленивого с *куль* черт *дыш куль* («ленивый черт»), некрасивого *нёштӧм куль* («некрасивый черт»), грязнули *мисьтӧм куль* («немытый черт). Напротив, до наших дней сохраняются табуистические запреты на упоминание банника (*баняись*) в бане («иначе угоришь, не вернёшься из бани»), «хозяина» подполья (*джоджулісь*) в голбце («иначе картофель будет портиться»), водяного (*ваись*) у воды, лешего (*вӧрись*) в лесу (запрет коми-пермяки обходят, используя большое количество эвфемических номинаций, в том числе заимствованных из русского языка обозначений духа леса).

Образно-характеристическое применение демонимов есть отражение в языке одного из традиционных культурных кодов – религиозно-мифологического. В пермской диалектной речи лексема *черт* активно функционирует в устойчивых выражениях, выполняющих различные коммуникативно-прагматические функции, нередко представляя собой семантический центр высказывания. Так, в шутливом побуждении-предостережении зашедшему в дом садиться *Садись на стул, чтобы чёрт не сдул* выражена этикетная норма усадить гостя (правило наглядно выражено в выражении *в ногах правды нет*; отказываются садиться те, кто пришел с особой целью, например, свататься: стояние символизирует активность, независимость, а сидение связано со статичностью, с ограниченностью в действиях). Императивность побуждения в паремии усиливается упоминанием

угрозы: в ней отражено известное в народных представлениях наделение ветра свойствами демонического существа [СД 1: 357] (ср. *как ветром сдуло* ‘о бесследном исчезновении’). Категорическое требование в приведенных примерах выражает, по сути, подчинение гостя воле хозяина, что реализуется и в ряде других побудительных народных паремиях, напр., в требовании выпить *Села пташечка на гвоздь, как хозяин так и гость*, в замечании о правоте хозяина *Гость хозяину не указчик*.

Распространена в паремиях номинация «бес» (бúси), напр., в замечании оставившему незакрытой посуду *Бес нагадит (насерет)*: *Посудку держать пастью, открытой нельзя, бес насерёт* – с. Осинцево Киш.). Паремия является примером религиозно-педагогического требования не оставлять немытой посуды на ночь – в незакрытой посуде черти (бесы) умываются, моют ноги, по ночам бесы едят из грязной посуды. Усиление требования достигается обращением к символической семантике демонима бес – символа ошибок и проступков, греховности, и «физиологическим» разворачиванием аспекта нечистоты демонических персонажей. В прикамской традиции отмечено также использование этого сюжета для объяснения запрета купаться после Ильина дня *Бес в воду нассял* (*Раньше не купалися после Ильина дня* – бес в воду нассял – Берёзовка).

В паремии *Собирайтесь, биси, сатана-то здися* (слова, с которыми заходит гость, чтоб внести оживление в компанию) представлены сразу два демонима – бес и сатана. Это устойчивое выражение в коммуникации выполняет контактоустанавливающую функцию: новый участник общения представлен как главное лицо, сатана, приглашающий бесов на шабаш. Именования «дьявол», «сатана», которые нередко выступают синонимами «чёрта», в своих значениях имеют более сильно проявленный компонент «противник Бога» [СД 5: 319]. Использованное в паремии соединение демонимов не редкость: ср. комментарий перед выпиванием *Поди, дьявол, к чёрту, не выпить ли четвёрту*? Сюжет паремии – дьявол соблазняет, его удаляют (но удаление фиктивно, т.к. он посылается к потусторонним силам, «к своим»). Образы нечистой силы, которая осмысляется как неподвластная человеку, недоступная его разуму, логическому объяснению, шутливо-иронически представляют людей, предавшихся греховному занятию.

В пермской диалектной паремике упоминаются мифологические персонажи, относящиеся к локусам «своего» и «чужого» пространства (лес, баня, дом) и связанные с различными хозяйственными занятиями (*прядун, зайчик*). Пожелание рыбаку *Лешачок в сачок!*– посул нечистого

духа т.е. ничего. В русском языке *чёрт* связан и с идеей множества – *до чёрта*, и с идеей полного отсутствия – *ни черта*. Понятие множественности *до чёрта* связывают с мифологическим представлением о возможности или невозможности отдавать черту нечто малоценное, имеющееся в большом количестве (*до черта* – исходя из семантики предлога, ‘в таком избытке, что можно отдать и нечистому’); выражение *ни черта* возводят к исходному *Нет ни чёрта, ни дьявола*, построенном на языковой антитезе лексем славянского и греческого происхождение (см.: [Дяловская: эл. ресурс]).

Среди других персонажей в пермских диалектных паремиях упоминается, например, «хозяйка» бани *Соломея* (*Матушка-банюшка, Соломея-парушка, пусти-ка меня попариться, помыться, попарить себя* – слова, которые говорятся перед тем как войти в баню), мифический помощник пряхи *Прядун* (*Прядун в бородку!*) в пожелании сидящей за прялкой. В пожелании *Прядун в бородку*! использовано существительное с суффиксом -ун с семантикой мужского лица; хотя чаще покровительствуют пряхам существа женского рода (*мара, мокошка*), именно с мужским родом ассоциируется успех и активность (мужское начало подчеркнуто в паремии также словом *бородка*). В ряде устойчивых выражений используется номинация *соседушка* (*соседушко*) в паре с термином кровного родства (ср. *соседушко-братанушко*) для обозначения персонажей – мифологических хозяев дома: *Соседушка, батюшка, храни нашу коровушку* – слова, которые говорили при покупке коровы, заводя её во двор; *Суседушко-батюшко, ты прими нашу коровушку. Береги, не обижай, доить помогай* – слова, которые произносили при покупке скотины. Отношение к мифологическим хозяевам дома как к покровителям связано с тем, что, являясь духами плодородия, они даруют благо, защищают домочадцев (а также скотину и имущество) и способны наказать их в случае нарушения запретов и предписаний. Задабривание духов, вербальное или материальное, подчеркивание их главенствующей роли, прогнозирует спокойствие и благополучие в доме.

Используются демонимы и в качестве эвфемистической замены названий «опасного». В паремии-проклятии *Чтоб тебя багро́вым убило* происходит замена демонима апеллятивом, обозначающим синий цвет (*Иван-то гулял. Одна счетоводкой была, он с ней связался. Ребёнок уже был, и жена неплохая. Жена ушла от него, и мать его здорово прокляла: «Чтоб тебя багро́вым убило!» И всё, убило его, сам заработал, громом убило. Синяки всё были на нём* – Тюинск Окт.) (ср.: *синенькое* эвфемически ‘о грозе’). В выражении используется эвфемия к обозначению осуществляющей небесную кару персонифицированной

молнии, которая убивает грешников. Эвфемизмом является и распространенная повсеместно (не только в русских говорах, но и в славянском контексте вообще) номинация *чемор* (*чёмор*). Н.И. Толстой отмечает, что «слово чемер в значении ‘нечистый, злой дух’ используется почти исключительно в устойчивых сочетаниях-клише бранного свойства, в которых денотат слова оказывается как бы в обезличенном виде» [Толстой 1995: 280]; (ср.: в пермских говорах: *Будь к чёмору*!, *Иди к чеморе* (*чемору*), *Какого чемора*?, *Чёмор его знает* (чемор в данных примерах является синонимом к словам чёрт, леший)). Не называются прямо и опасные для человека недуги и болезни: например, *ворогу́ша* – лихорадка в недобром пожелании *Чтоб тебя ворогу́ша затрясла*!; эвфемический смысл слова *ворогу́ша* связан с использованием обобщенного *враг* вместо «дьявол, черт».

Демонимы функционируют в разного рода выражениях, обслуживающих диалектное общение. При этом они, в отличие от рассмотренных выше бранных выражений, не заключают в себе пожелания контакта с нечистой силой, зоной его обитания. Так, в приветствии *Здравствуй, чёрт глазастый*! (глаза черта похожи на каленый уголь) внешняя характеристика – *чёрт глазастый* – оценка того, от кого ничего не скроешь, связывается с мистическим существом, со способностью видеть насквозь и проникать в человеческую душу. В паремиях *Чёрт с квасом выхлебал* (Сев. Коммунар Сив.) и волг. *Черти с квасом съели* кого [БСРП] об ушедшем, скрывшемся, исчезнувшем выражается традиционное представление о причастности нечистой силы к неожиданной пропаже вещи или человека. Но в отличие от идеи о том, что нечисть похищает, уносит жертву (*черти носят; лешак носит* и т.д. ‘о пребывании неизвестно где’) в представленных примерах подчеркивается невозможность возвращения. Связь черта и популярного напитка основана, вероятно, на представлении о том, что напитки «привлекательны» для нечистой силы – в квасе, как и других напитках, купаются черти, которым уже нельзя купаться в освященной Спасителем воде [СД 2: 489].

Демонологические номинации, семантика которых осложнена массой культурных коннотаций, отмечены в различных по жанровой отнесенности паремиях – побуждениях, запретах, приветствиях и пр. По этим данным прослеживается многобразие религиозно-мифологического кода народной культуры и специфика его реализации в народной речи. В структуре устойчивых паремий демонимы используются для обеспечения их прагматического эффекта.

Библиографический список

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Изд-во «Маматов», 2011. 267 с.

Гура А. В. Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 159–188.

Дяловская Н. Черти. // URL: http://www.litcetera.net/forum/112-2502-1 (дата обращения: 16.04.16).

Евраева С. В. Семантические отношения между религиозными концептами в русской наивной картине мира (на материале русских пословиц). – Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24, №1. Ч.1. 2011 г. С. 244–248.

Передриенко Т. Ю. Концепты «Бог» и «Дьявол» в русской и английской лингвокультурах: на материале паремий и афоризмов: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20. Челябинск, 2006. // URL: http://lib.ua-ru.net/diss/cont/312517.html (дата обращения: 16.04.16).

Пеянович А. Бог и черт в славянской фразеологии (на материале русского и сербского языков) // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами. Белгород, 2013. С.514.

Русинова И. И. Языковой образ нечистой силы, связанной с колдуном (на материале лексики говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Традиционная культура Пермского края в зеркале лексики и фразеологии: монография / под общ. ред. И.И. Русиновой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. 300 с. С. 247-281.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

Шведова Н. В. Фразеологизмы с компонентами «бог» и «черт» в современном русском языке. Автореф. канд. филол. наук, 2004. Тюмень, 2004. // URL: http://cheloveknauka.com/frazeologizmy-s-komponentami-bog-i-chert-v-sovremennom-russkom-yazyke#ixzz464GeeU00 (дата обращения: 17.04.16).

Словари

БСРП: Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп. В. М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. 2007.

СД: Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1999. Т. 2. 702 с.

Словарь пермских говоров: В 2т. – Пермь: Книжный мир, 2000-2002.

Словарь русских говоров Коми-пермяцкого автономного округа. Пермь: ПОНИЦАА , 2006.

Словарь русских говоров Южного Прикамья: В 3 т. Пермь, 2010-2012.

СРНГ: Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Вып. 1-40. Л.-СПб, 1965–2006.

Условные сокращения районов Пермского края

Киш. – Кишертский, Юрл. – Юрлинский, Окт. – Октябрьский, Сив. – Сивинский.

E. N. Svalova
Assistant of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

DEMONYM AS AN ELEMENT OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF FOLK PAROEMIA

The article presents figurative-characteristic rethinking of the folk names of demonologic personages found in the phraseological units and sayings (on the Perm (Russian and Komi-permyak) language material). Specific character of the internal form of paroemias with members-demonyms is analysed. The role of demonyms acting as the nucleus of folk paroemias in expressing the whole semantics of the paroemia's text and its pragmatic characteristics is discussed. Participation of paroemias with the names of primitive folk mythology in such speech genres as greeting, wish, motivation and prohibition is investigated.

Key words: dialectic demonologic lexis and phraseology; figurativeness; evaluativity and pragmalinguistic characteristics of folk demonyms; genre characteristics of folk paroemic utterances.

УДК 81.373

Теуш Ольга Анатольевна
доцент кафедры русского языка и общего языкознания
Уральский федеральный университет
olga.teush@yandex.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ВОЗВЫШЕННЫХ МЕСТ В ДИАЛЕКТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

В статье рассматриваются метафорические модели номинации возвышенных мест, выявляются основные сферы сравнения, анализируются образные отождествления.

Ключевые слова*:* лексика; семантика; метафора; образ; сравнение.

Возвышенности на Европейском Севере России не являются высокими. На этой в целом равнинной и заболоченной территории встречаются возвышенные места, которые местное население считает горами. Образное народное мышление осваивает окружающее пространство через представления о своем домашнем мире. Сельский житель (номинатор) при освоении такого яркого пространственного объекта, как гора (холм) «переключается на сферу своего чувственного опыта и, опираясь на способности наглядно-образного мышления, находит достоверный способ выражения знания об объекте в форме конкретного образа предмета, уже освоенного вербальным мышлением» [Рут 2008: 41].

Основной реализуемый образ – анатомический. Образ головы двояк: происходит, с одной стороны, сравнение по форме (*голова́стик* ‘холм’ (Арх.: Уст.) [КСГРС]), с другой стороны, представлен признак направления (*головни́к* ‘гряда, расположенная перпендикулярно всем остальным’ (Яр.: Некр.) [ЯОС 3: 90], *го́ловы* ‘выходящий к реке высокий склон холма’ (Влг.: У.-Куб.) [КСГРС]).

Элементы человеческого лица также являются основой образа: *взло́бок* ‘небольшая возвышенность, холм, пригорок’ (Арх.: В.-Т., Карг., К.-Б.; Влг.: Ваш., К.-Г.; Киров.: Халт.; Костр.: Макар., Чухл.) [КСГРС], (Новг.: Солец., Шим.) [НОС 1: 125], (Костр.: Чухл.) [ЯОС 3: 17], *взло́быш* ‘то же’ (Влг.: В.-Важ.), *взло́бышек* ‘то же’ (Арх.: Вель.), *взло́бье* ‘то же’ (Арх.: Карг.) [КСГРС], *зло́бок* ‘пригорок, возвышенность’ (Влг.: Влгд., Кадн., Тот.) [Дилакторский: 171], (Олон.) [Куликовский: 29], (Влг.: Бел., Выт., Кир., Ник.; Костр.: Галич.) [КСГРС], (Костр.: Сол.) [ЯОС 4: 123], *зло́бочек* ‘то же’ (Олон.) [Куликовский: 29], *злобырёк* ‘то же’ (Влг.: Кад.) [КСГРС], *зло́быш* ‘то же’ (Арх.: Вель.) [КСГРС], *изло́бок* ‘пригорок’ (Влг.: Вель., Кадн.) [Дилакторский: 178], ‘крутой подъем в

© Теуш О.А., 2016

гору’ (Костр.: Галич.) [КСГРС], *лоба́н*, *лоба́нчик* ‘гора, холм, возвышенность’ (Арх.: Уст.) [КСГРС], *лоба́ч* ‘то же’ (Новг.) [Даль 2: 261], *лоба́ш* ‘пригорок, небольшая горка’ (Арх.: Кон.), *лоба́шек*, *лоба́шка* ‘то же’ (Арх.: Уст.), *ло́бное ме́сто* ‘то же’ (Арх.: Уст.), *лобо́к* ‘то же’ (Влг.: К.-Г.) [КСГРС], *крутоло́бина* ‘крутой холм’ (Киров.: Кот., Халт.) [КСГРС]; *бровня́* ‘длинная возвышенность’ (Арх.) [Даль 1: 18], *глазови́на* ‘небольшое круглое возвышенное место в лесу’ (Арх.: Леш., Мез.) [АОС 9: 92].

Тело человека, в свою очередь, тоже является основой образа: *ребро́вина* ‘невысокая продолговатая возвышенность’ (Арх.: Он.) [КСГРС], *реброви́на* ‘высокое место в лесу, в поле’ (Арх.: Он.) [СРГК 5: 503], *реброви́нка* ‘то же’ (Мурм.: Тер.) [СРГК 5: 503]; *пуп* ‘гора, возвышенность’ (Арх.: Котл., Уст.; Влг.: Влгд.; Костр.: Кологр.), *пу́пец* ‘возвышенность, горка’ (Арх.: Холм.), *пу́пок* ‘то же’ (Новг.: Бат.) [СРГК 5: 349], *пу́пыш* ‘холм, пригорок’ (Арх.: Кон., Уст., Холм., Шенк.), *пу́пышка* ‘то же’ (Арх.: Холм.) [КСГРС], *опу́пок* ‘возвышение, горб, гора’ (Влг.: Ярен.) [Дилакторский: 327]. Из анатомических терминов наиболее частотны производные от *горб*: *горб* ‘небольшая возвышенность, холм’ (Арх.: Вин., Мез., Холм.; Влг.: Влгд.; Костр.: Мант.; Яр.: Пош.) [КСГРС], (Арх.) [Д.-Опыт: 35], (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Карг., К.-Б., Мез., Пин., Плес., Уст., Холм.) [АОС 9: 324], (Арх.: Он.; Ленингр.: Бокс., Волх., Кириш., Тихв.; Новг.: Любыт., Чуд.) [СРГК 1: 366], *горба́к* ‘то же’ (Арх.: Вин.) [АОС 9: 326], *горба́н* ‘то же’ (Яр.: Пош.) [КСГРС], (Яр.: Брейт., Мышк.) [ЯОС 3: 96], *горба́тина* ‘то же’ (Арх.: К.-Б.) [АОС 9: 326], *горба́ч* ‘то же’ (Новг.: Чуд.) [СРГК 1: 366], *горби́на* ‘то же’ (Влг.: Бабуш.) [КСГРС], (Арх.: Вель.) [АОС 9: 328], (Новг.: Чуд.) [СРГК 1, 367], *горбни́к* ‘то же’ (Арх.: Карг.) [АОС 9: 329], *горбова́тик* ‘то же’ (Арх.: Карг.) [АОС 9: 329], *горбови́на* ‘то же’ (Арх.: Уст.; Костр.: Парф.) [КСГРС], *горбо́к* ‘то же’ (Арх.: Холм.) [АОС 9: 330], (Влг.: К.-Г.; Костр.: Мант.) [КСГРС], (Костр.: Антр.) [ЯОС 3: 96], *горбо́чек* ‘то же’ (Арх.: Холм.) [АОС 9: 330], *горбушо́к* ‘то же’ (Арх.: Карг., Мез., Плес.) [АОС 9: 333], *горбулёк* ‘то же’ (Арх.: Холм.; Влг.: Бел.) [КСГРС], *горбу́ль* ‘то же’ (Арх.: Прим.) [АОС 9: 330], (Влг.: Бел., Кад., Кир.) [КСГРС], *горбу́ля* ‘то же’ (Арх.: Вин.) [АОС 9: 330], *горбу́н* ‘то же’ (Арх.: Карг.) [АОС 9: 331], *горбунёк* ‘то же’ (Арх.: Шенк.) [АОС 9: 331], *горбуно́к* ‘то же’ (Арх.: Он.) [СРГК 1: 367], *горбу́ха* ‘то же’ (Лен.: Тихв.) [СРГК 1: 367], *горбу́ш* ‘то же’ (Арх.: Карг., Плес.) [АОС 9: 331], (Арх.: Вель., Карг.) [КСГРС], (Олон.) [Куликовский, 16], *горбу́ша* ‘то же’ (Арх.: Вин., Карг.) [АОС 9: 332], *горбу́шка* ‘то же’ (Влг.: В.-Важ.) [КСГРС], (Арх.: Вин., Он., Прим.) [АОС 9: 332], *горбушо́к* ‘то же’ (Арх.: Кон.; Влг.: В.-Важ.) [КСГРС], *горбылёк* ‘то же’ (Влг.: Влгд., Тарн.) [СВГ 1: 122], *горбы́ль* ‘то же’ (Арх.: Карг., Нянд., Он., Плес., Прим.) [АОС 9:

334], (Арх.: К.-Б., Уст.; Влг.: Бел., У.-Куб.) [КСГРС], (Арх.: Он.; Ленингр.: Лод.) [СРГК 1: 367], (Яр.: Рост.) [ЯОС 3: 97], *горбы́ня* ‘то же’ (Арх.: Карг.) [СРГК 1: 367], *горбы́ш* ‘то же’ (Арх.: Вин., Карг., Нянд., Плес., Холм., Шенк.) [АОС 9: 334], (Влг.: Кир.) [СВГ 1: 122], (Арх.: Карг.) [СРГК 1: 367], (Костр.: Кологр., Мант., Нейск.) [КСГРС], (Яр.: Гавр.) [ЯОС 3: 97], *горбышо́к* ‘то же’ (Арх.: Вель., Вин., Карг., Леш., Мез., Плес., Прим., Холм.; Влг.: Кир.; Костр.: Галич., Кологр., Мант., Нейск.) [КСГРС], (Арх.: Карг.; Мурм.: Севмор.) [СРГК 1: 367], (Яр.: Курб., Рост.) [ЯОС 3: 97].

Бугры и горы ассоциируются с крупными животными: *бык* ‘выдавшийся с берега в море каменистый утес’ (Арх.: Кем., Кол., Он.) [Подвысоцкий: 13], (Помор.) [КСПЯ: 43]; *вепрь* ‘возвышенность с плохой растительность’ (Арх.: Вил.), *ве́прик*, *ве́причок* ‘то же’ (Арх.: Вель.) [КСГРС], ср. также *конь-камень* ‘большой прибрежный камень, выделяющийся своими размерами среди других камней’, ‘самый большой в округе камень’ (Помор.) [КСПЯ: 70], *гри́ва* ‘участок леса, как правило, елового, на возвышенном месте’ (Арх.: Лен., Уст.; Влг.: Баб., Бел., Вож., К.-Г., Ник., Сок., Тот., У.-Куб., Устюж., Чаг.; Яр.: Люб., Пош.) [КСГРС], (Арх.: Вин., В.-Т., К.-Б., Котл., Лен., Нянд., Пин., Плес., Уст., Холм.) [АОС 10: 66], (К.-Перм.) [СКП: 80], ‘возвышенное место в лесу, в поле, среди болота, поросшее лесом’ (Влг.: Череп.) [Герасимов: 32], (Влг.: К.-Г., Ник.) [СВГ 1: 130], *гри́вка* ‘участок леса, как правило, елового, на возвышенном месте’ (Влг.: Устюж.) [КСГРС].

Иные метафоры редки: *база́р* ‘плоский и ровный уступ на возвышенном приморском берегу, где во множестве с криком толпятся морские птицы’ (Арх.) [Опыт: 23; Даль 1: 37], *батаре́йник* ‘ряд продолговатых холмов, похожих на валы, батаре’ (Яр.) [Даль 1: 54; ЯОС 1: 41], *бёрдо* ‘небольшой холм, возвышение’ (Новг.: Борович., Ст., Холм.) [НОС 1: 50], *городи́ще* ‘возвышенное место’ (Киров.: Халт.) [КСГРС], *городо́к* ‘возвышенность на ровном месте’ (Карел.: Медв.) [СРГК 1: 374], ‘ровная площадка наверху горы, горки’ (Арх.: В.-Т., К.-Б., Пин.) [АОС 9: 361], *гулы́нка* ‘небольшой песчаный холм’ (Влг.: М.-Реч.) [КСГРС], *каблучо́к* ‘небольшая горка’ (Влг.: Шексн.) [КСГРС], *карава́й* ‘то же’ (Костр.: Кологр.), *карава́шек* ‘то же’ (Арх.: В.-Т.; Костр.: Кологр., Пыщуг.) [КСГРС], *ша́пка* ‘круглая горка’ (Влг.: К.-Г.) [КСГРС].

Выбивается из общего ряда лексема *карпа́ты* ‘холмы, неровная гористая местность’ (Арх.: Уст.: Влг.: Бел.) [КСГРС].

В целом, широкий образный набор, представленный в наименованиях гор, холмов, обусловлен как яркой формой объекта, так и трудностью преодоления его при передвижении по местности.

Библиографический список с принятыми сокращениями

Словари и источники (с используемыми сокращениями)

АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980 –2001. Вып. 1–11.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

Дилакторский – Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902.

Д.-Опыт – Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.

КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

КСПЯ – Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.

Куликовский – Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Мельниченко – Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

НОС – Новгородский областной словарь. Т. 1-10. Новгород, 1992-1995.

Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Спб., 1885.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Т. 1–. Вологда, 1983–.

СКП – Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 в. СПб., 1994-2005.

ЯОС – Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981-1991. Вып. 1-10.

Исследования

Рут М. Э. Образная номинация в русской ономастике. М., 2008.

Сокращения в названиях административных районов и областей

Антр. – Антроповский район Костромской области, Арх. – Архангельская область (губерния), г. Архангельск, Баб. – Бабаевский район Вологодской области, Бабуш. – Бабушкинский район Вологодской области, Бат. – Батецкий район Новгородской области, Бел. – Белозерский район Вологодской области, Бокс. – Бокситогорский район Ленинградской области, Борович. – Боровичский район Новгородской области, Брейт. – Брейтовский район Ярославской области, Ваш. – Вашкинский район Вологодской области, В.-Важ. – Верховажский район Вологодской области, Вель. – Вельский район Архангельской области, Вельский уезд Вологодской губернии, Вил. – Вилегодский район Архангельской области, Вин. – Виноградовский район Архангельской области, Влг. – Вологодская область (губерния), Влгд. – Вологодский район Вологодской области, Вож. – Вожегодский район Вологодской области, Волх. – Волховский район Ленинградской области, В.-Т. – Верхнетоемский район Архангельской области, Выт. – Вытегорский район Вологодской области, Гавр. – Гаврилово-Ямский район Ярославской области, Галич. – Галичский район Костромской области, Кад. – Кадуйский район Вологодской области, Кадн. – Кадниковский район Вологодской области, Карг. – Каргопольский район Архангельской области, Карел. – республика Карелия, К.-Б. – Красноборский район Архангельской области, К.-Г. – Кичгородецкий район Вологодской области, Кем. – Кемский уезд Архангельской губернии, Кир. – Кирилловский район Вологодской области, Кириш. – Киришевский район Ленинградской области, Киров. – Кировская область, Кол. – Кольский уезд

Архангельской губернии, Кологр. – Кологривский район Костромской области, Кон. – Коношский район Архангельской области, Костр. – Костромская область, Кот. – Котельничский район Костромской области, Котл. – Котласский район Архангельской области, К.-Перм. – Коми-Пермяцкий автономный округ, Курб. – Курбатовский район Ярославской области, Лен. – Ленский район Архангельской области, Ленингр. – Ленинградская область, Леш. – Лешуконский район Архангельской области, Лод. – Лодейнопольский район Ленинградской области, Люб. – Любимский район Ярославской области, Любыт. – Любытинский район Новгородской области, Макар. – Макарьевский район Костромской области, Мант. – Мантуровский район Костромской области, Медв. – Медвежьегорский район Карелии, Меж. – Межевской район Костромской области, Мез. – Мезенский район Архангельской области, М.-Реч. – Междуреченский район Вологодской области, Мурм. – Мурманская область, Мышк. – Мышкинский район Ярославской области, Нейск. – Нейский район Костромской области, Некр. – Некрасовский район Ярославской области, Ник. – Никольский район Вологодской области, Новг. – Новгородская область, Нянд. – Няндомский район Архангельской области, Олон. – Олонецкая губерния, Он. – Онежский район Архангельской области, Парф. – Парфеньевский район Костромской области, Пин. – Пинежский район Архангельской области, Плес. – Плесецкий район Архангельской области, Помор. – Поморье, Пош. – Пошехонский район Ярославской области, Прим. – Приморский район Архангельской области, Пыщуг. – Пыщугский район Костромской области, Рост. – Ростовский район Ярославской области, Севмор. – Североморский район Мурманской области, Сок. – Сокольский район Вологодской области, Сол. – Солигаличский район Костромской области, Солец. – Солецкий район Новгородской области, Ст. – Старорусский район Новгородской области, Тарн. – Тарногский район Вологодской области, Тер. – Терский район Мурманской области, Тихв. – Тихвинский район Ленинградской области, Тот. – Тотемский район Вологодской области, Тут. – Тутаевский район Ярославской области, У.-Куб. – Усть-Кубенский район Вологодской области, Уст. – Устьянский район Архангельской области, Устюж. – Устюженский район Вологодской области, Халт. – Халтуринский район Кировской области, Холм. – Холмогорский район Архангельской области, Холмский район Новгородской области, Чаг. – Чагодощенский район Вологодской области, Череп. – Череповецкий район Вологодской области, Чуд. – Чудовский район Новгородской области, Чухл. – Чухломской район Костромской области, Шар. – Шарьинский район Костромской области, Шексн. – Шекснинский район Вологодской области, Шенк. – Шенкурский район Архангельской области, Шим. – Шимский район Новгородской области, Яр. – Ярославская область, Ярен. – Яренский уезд Вологодской губернии.

Teush O. A.
Associate Professor of Russian Language and General Linguistics Department
Ural Federal University

METAPHORICAL NAMES HIGH PLACES IN THE DIALECTS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

The article discusses metaphorical model category high places, identifies the main areas of comparison are analyzed imaginative identification.

Key words*:* lexicon; semantics; metaphor; image; comparison.

УДК 811.511.132’37

Томилина Марина Анатольевна
ассистент кафедры методики преподавания
русского языка и итературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
marinatom90@mail.ru

ОРНИТОМОРФНЫЙ КОД: ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

(*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-14-59602 «Лексика и фразеология коми-пермяцкого языка в этнолингвистическом аспекте»*)

В статье рассмотрены коми-пермяцкие фразеологизмы, включающие названия птиц.

Ключевые слова: орнитоморфный код; мифология; птицы; фразеология.

Изучение традиционного мировоззрения имеет большое значение для современной жизни народов, поскольку условием их этнического выживания и консолидации являются как сохранение и развитие языка, так и знания о своем культурном наследии, способствующие повышению этнического самосознания. В мировоззрении практически всех народов роль животных и птиц многогранна: это нашло отражение в тотемизме, религиозных культах, магии, суевериях и др.

Орнитоморфная символика занимала существенное место в традиционном мировоззрении коми-пермяков. Птицы, как существа, умеющие летать, в народной культуре понимались как посредники между миром живых и мертвых. Так, по мнению А.И. Терюкова душа умершего давала знать о себе, принимая образ птицы или животного [Терюков 1979: 62]. У коми-пермяков, как и у многих народов, бытует примета: птица стучится в окно к плохой вести, чаще всего, к смерти родного человека. Многие птицы также считаются тотемными предками финно-угров.

Среди многочисленных космогонических версий у финно-угорских народов доминировал миф о ныряющей птице [Петрухин 2005: 200]. Также, по одному из мифов, утка разбивается о воду, ее тело разрастается и становится землей.

Разнообразие орнитонимов встречается и в коми-пермяцкой фразеологии.

© Томилина М.А., 2016

В статье рассмотрены выражения с компонентами – названиями лесных и диких птиц, дан этнолингвистический комментарий.

Фразеологизмы могут содержать и наименования домашних птиц: курицы и петуха. Т.Г. Голева в своей статье отметила, что эти птицы в хозяйстве коми-пермяков были с давних времен, с ними связано много примет и поверий [Голева 2014: 61-62].

В анализируемых устойчивых выражениях наиболее часто упоминается ворона (21 ФЕ). Все фразеологизмы, связанные с вороной, имеют отрицательную коннотацию. Это и плохое пожелание *«Аслат юр вылӧ карзы»* ‘на свою голову каркай’; и описание внешности человека: *«ракапиян чужӧма»* ‘с лицом вороненка’ – чумазый ребенок, *«рака поз кодь юр»* ‘голова как воронье гнездо’ – о неряшливой прическе, *«пасьтӧм рака»* ‘ворона без одежды’ – оборванец, *«рака ки»* ‘воронья рука’ – цыпки на руках, *«рака сапоггез сетӧм»* ‘ворона сапоги дала’ – цыпки на ногах; состояние: *«ракаэз лыддьыны»* ‘ворон считать’ – лениться, озираться вокруг, *«рака моз рабйыны»* ‘словно ворона’ – плохо писать, *«осьта ӧма рака»* ‘ворона с открытым ртом’ – раскрыв рот, *«рака син»* ‘ворний глаз’ – слепой; характер: *«полісь рака»* ‘пугливая ворона’ – боязливый, *«рака ӧм»* ‘вороний рот’ – болтливый, *«ӧшӧм рака кодь»* ‘как затерявшаяся ворона’ – растерянный, *«гӧжӧм рака»* ‘замерзшая ворона’ – о замерзшем, медлительном человеке, *«бордтӧм рака»* ‘бескрылая ворона’ – о непутевом, слабовольном человеке, *«рака родісь»* ‘из вороньего рода’ – злой, *«узьмӧм рака»* ‘недоразвитая ворона’ – глупый.

Как мы видим, в приведенных примерах описываются те качества, от которых надо избавляться, которые не являются принятыми в обществе. В мифологии ворона также считается отрицательной птицей. Она – помощница Омоля, злого бога, выполняет его указания и старается препятствовать Ену [Петрухин 2005: 199]. Ворона – это вредоносная птица, жители деревень рассказывают, что раньше воронам и сорокам не давали появляться в селе, отстреливая их из рогаток и других орудий.

Сорока, подобно вороне, тоже считается птицей, приносящей вред. В коми-пермяцком языке есть собирательное существительное, обозначающее птиц, которые не являются полезными для людей *«катша-рака»* ‘сорока-ворона’, например, *«катша-ракаыс тыр лэбзисӧ»* ‘букв. сорок-ворон много улетело’. Близость сороки и вороны объясняется в словаре «Славянские древности»: «Им присуща общая зловещая символика в приметах, сходные поверья, общие запреты и ритуально-магические функции» [СД 2009: 127]. Есть и заговор, с помощью которого пытались отвадить вредных птиц от дома.

В народной культуре сорока считается вестником, и те фразеологизмы, которые используются у коми-пермяков, являются заимствованными. *«Катша бӧж вылас вайис»* ‘сорока на хвосте принесла’ – получить новость, *«кыдз катша майӧг вылын»* ‘как сорока на колу’ – сплетник, «*сы дырна, мымда катша майӧг вылын пукалӧ»* ‘столько времени, сколько сорока на колу сидит’ – в мгновение ока.

К этим птицам же можно отнести и галку, устойчивые выражения с которым тоже встречаются. *«Чавкан ӧм»* ‘рот галки’ говорят о крикливом, болтливом, а фразеологизмом *«чавкан син»* ‘глаз галки’ в значении *гадина* ругаются. Скорее всего, в таких выражениях во внимание брались внешность галки и не слишком приятный голос.

Интерес представляют фразеологизмы с компонентом «сюзь». В КПРС это слово переведено как филин, сова, сыч [КПРС 1985: 467]’. В славянской мифологии сова – символ одиночества, это же изображается в выражении *«сюзь моз пукавны»* ‘сидеть как сова’ – сидеть пригорюнившись, с заплаканными глазами, в одиночестве. Как известно, сова и филин – ночные птицы, когда они ведут активный образ жизни, люди спят. Потому, возможно, бодрствующая ночная птица означает сон: *«сюзь кокалӧ»* ‘сова клюёт’ – клонит ко сну, *«сюзь пельпон вылас пуксьӧма»* ‘сова на плечо села’ – заснул. Эта птица встречается и в колыбельных: *«Кага, узь, кага, узь, локтас сюзь, локтас сюзь»* ‘ребенок, засыпай, придет сова’ [Боба ты, боба, куда ты ходил 2015: 40]. Известно, что сова считается одной из птиц – тотемных предков коми-пермяков. У русского, как и у многих других народов, сова является символом мудрости, знания. Эти свойства не отражаются в отношении совы у коми-пермяков. Она является птицей ночной, немного зловещей. Можно предположить, что первобытный страх подсказывал человеку, что во тьме может затаиться только коварный и беспощадный враг или злой дух. К этому следует прибавить совершенно бесшумный полет, ее большие горящие глаза и жуткие крики, похожие на стоны умирающего, скорбно звучащие под траурным покровом ночного мрака. Интересен в связи с этим фразеологизм *«рам кай кутӧ»* ‘ласковая птица обнимает’ – спать хочется. В этом случае птица проявляет себя в образе первопредка, какого-то божества. Она представляется большой, раз может обнять человека. Человек находится в дреме – на границе между этим миром и иным, а птица – представитель иного мира.

Внешние данные совы переносятся на человека: *«ляк сюзь»* ‘низкорослая сова’ – бессильный, *«тупка моз пасьтасьны»* ‘одеться как сова’ – тепло одеться. Один из финно-угорских мифов повествует, что при распределении судеб птиц и животных сова все время жаловалась на холод [Петрухин 2005: 263]. Для ночного видения необходимо острое

зрение, что тоже нашло отражение во фразеологизме *«тупка син»* ‘совиный глаз’ – остроглазый.

Распространены фразеологизмы с компонентом «журавль». На первое место выходит сходство признаков, обозначающие внешность: *«тури кок»* ‘журавлиные ноги’ – тонконогий, *«тури голя»* ‘журавлиная шея’ – человек с длинной шеей. На состояние человека указывают ФЕ *«гӧжӧм тури»* ‘замерзший журавль’ – о замерзшем человеке, о медлительном, *«йӧрмӧм тури»* ‘застрявший журавль’ – пропащий человек, *«туриэз лыддьыны»* ‘журавлей считать’ – лениться. Последнему фразеологизму есть эквивалент в русском языке *«ворон считать»*.

Неизвестность обозначается в выражении *«кӧр туриыс гӧрӧвтас»* ‘когда журавль заржет’. Это своего рода шутка (*когда рак на горе свистнет* – у русских), однако главная роль отводится журавлю. В одном из финно-угорских мифов журавль является царем птиц [Петрухин 2005: 378].

На физиологические данные указывают фразеологизмы с наименованиями птиц, на которых коми-пермяки охотились. Это куропатка и тетерев: *«бадьӧг юр»* ‘голова куропатки’ – о некрасиво сложенной голове, *«бадьӧга кока»* ‘с ногами куропатки’ – ходить переваливаясь, *«глукӧй тар»* ‘глухой тетерев’ – о глухом, *«кӧс тар»* ‘худой тетерев’ – про тощего человека.

Все выделенные фразеологизмы (всего 62 ФЕ) можно разделить по видам птиц на такие: фразеологизмы с наименованиями домашних птиц, фразеологизмы с наименованиями вредоносных птиц, фразеологизмы с наименованиями лесных, полезных для человека, птиц. Больше всего фразеологизмов с компонентом *«рака»*, на втором месте – *«курица»*, на третьем – *«журавль»* и *«филин»*. Почти все фразеологизмы, за редким исключением, характеризуют человека. Это еще раз доказывает, что человек не отделял себя от природы. Все качества, свойственные птицам, легко переносятся на человека. Что примечательно, в основном фразеологические единицы дают человеку отрицательную, негативную оценку.

Библиографический список с принятыми сокращениями

Боба тэ, боба, кытчӧ тэ ветлін? / Боба ты, боба, куда ты ходил? Детский фольклор коми-пермяков: сборник фольклорных текстов и комментарии / сост. Голева Т.Г., Лобанова А.С., Мальцева Н.А., Подюков И.А., Черных А.В. СПб.: Маматов, 2015. 400 с.

Голева Т. Г. Петух и курица в традиционной культуре коми-пермяков // Вестник ПГГПУ. № 3. 2014. С.60-74.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Баталова Р.М., Кривощекова-Гантман А.С. М.: Русский язык, 1985. 594 с.

Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель АСТ Транзиткнига, 2005. 463 с.

Попова О. А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь: труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа, выпуск VII. Пермь, ПГПУ. 2010. 344 с.

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009. Т.4. 728 с.

Терюков А. Н. Представления коми-зырян о душе // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979. 178 с.

M. A. Tomilina
Assistant of Methods of Teaching Russian Language and Literature Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

ORNITHOMORPHIC CODE: HIS REFLECTION IN KOMI-PERM PHRASEOLOGY

Birds have always attracted people's attention. Their abilities particularly reflected in the Komi-Perm idioms in which comparisons are as external details with human avian appearance and personality traits. This article discusses the most frequently recurring names of birds.

Key words: ornithomorphic code; mythology; birds; phraseology.

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА

УДК 070

Антипина Зоя Сергеевна
старший преподаватель кафедры журналистики
и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
afaneor@yandex.ru

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ ДУХОВНЫХ ЛИЦ В ПЕРМСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ XIX ВЕКА

(*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-59004 «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX вв.»*)

В статье рассматриваются жанровые особенности путевой литературы в конфессиональном периодическом издании. Показано, как в паломнический и миссионерский травелог проникают элементы репортажа и очерка.

Ключевые слова: путевые записки; конфессиональная пресса; региональная журналистика.

В начале 1860-х гг. система российской региональной печати пополнилась газетой «Епархиальные ведомости», которая, подобно «Губернским ведомостям», готовилась самостоятельно каждой епархией и имела официальную и неофициальную части. Авторские материалы, в т.ч. краеведческого характера, публиковала неофициальная часть «Епархиальных ведомостей». Несмотря на религиозную направленность издания, значительная часть авторских публикаций выполняла преимущественно журналистские функции и может быть отнесена к духовной литературе только тематически либо из-за сферы деятельности автора. Путевая беллетристика «Пермских епархиальных ведомостей» отразила общее свойство провинциального газетного травелога – отчетливый журнализм и репортажный характер повествования.

Помимо хорошо известной русской словесности паломнической поездки, поводом для написания «духовного» травелога могли стать также миссия и ревизионная поездка. Рассмотрим самые яркие путевые беллетристические произведения, опубликованные в «Пермских епархиальных ведомостях» во второй половине XIX в. авторами-

© Антипина З.С., 2016

священнослужителями.

Первой такой публикацией стало «Путешествие по епархии преосвященнейшего Антония, епископа Пермского и Верхотурского» [Путешествие…]. Цель поездки деловая – обозрение церквей епархии. Автор на каждом этапе поездки перечисляет занятия епископа Антония: осмотр церквей, проверка документов, беседы с прихожанами, посещение учебных заведений. Рассказ о поездке ведется от третьего лица. Образ автора обезличен и характеризуется только служебным почтением к высшему духовному лицу: «Еще в прошлом году жители Соликамска надеялись увидеть архипастыря в своем городе, но по разным причинам владыка не мог посетить его ранее настоящего времени и вот только девятого числа июля он осчастливил сей город своим прибытием в него» [Путешествие…: 12.08.1870].

Религиозный дискурс реализуется в использовании специальной лексики, обозначающей религиозные предметы и понятия (приход, причт, литургия, молебен и др.), а также стилистически окрашенных языковых средств (владыка, пастырь, наставление, увещевать).

Нормативная констатирующая речь, точное описание маршрута, обилие сведений о посещении церквей, встречах со священнослужителями и проведенных службах, повествование от третьего лица свидетельствуют, что перед нами официальный отчет о ревизионной поездке, адаптированный для газетной публикации.

Другой вид отчета о поездке представляет «Путешествие священника к вогулам и остякам» Афанасия Позднякова [Поздняков 04.10.1876]. Перед нами личное и очень непосредственное повествование. Автор сразу посвящает читателя в личные обстоятельства, при которых состоялась поездка: «Не имея средств, я потерял всякую надежду в нынешнюю зиму посетить вогул, кочующих по реке Лозьве в границах Верхотурского уезда; но Господь устроил, как я не предполагал: поездка моя неожиданно состоялась. Верхотурский купеческий брат Стефан Сергеевич Шаньгин, прежний мой благодетель, слыша о моем желании посетить инородцев и зная мои затруднения по сему предмету, предложил мне опять свои услуги…» [Там же]. Миссионерская поездка к местным народам предсказуемо включает себя этнографические описания – детали быта, традиции, речь аборигенов: «На лай собак тотчас вышел хозяин и, увидевши меня, с радушием сказал: “а! батька, батька, пиче рума (здравствуй, друг)”» [Там же]. Однако этнографические элементы случайны, чаще для описания быта инородцев автор использует знакомые ему слова: «Жена Бахтиарова тотчас поставила самовар. Когда чай был готов, к нему поставили на тарелке кренделей и пряников» [Там же]. Автор сосредоточен на

выполнении своей миссии – он объясняет вогулам догматы христианской веры, учит молитвам, уговаривает обучить детей грамоте. Все повествование необычайно динамично и представляет собой череду постоянных встреч с инородцами: «Между тем подъехали к юртам. Остяки были почти все на улице. Когда я вышел из нарты, подошел ко мне на благословение старшина, а за ним и прочие. Благословивши их, отправился в юрту Игнатия Бахтиарова, за мною вышли остяки большие и малые. Я прежде всего предложил им отслужить общий молебен; предложение мое принято ими с удовольствием, по крайней мере наружным. По окончании здесь молебна просили и в другие юрты, чтобы и там я отслужил молебен и окропил юрты святою водою» [Там же]. Рассказ Позднякова о путешествии к инородцам примечателен тем, что автор при изображении местных народов свободен от негативного колонизаторского дискурса, уже сложившегося к этому времени в уральской публицистике. Возможно, причины такой толерантности кроются в том, что автору привычны поездки к местным инородцам; это не экзотика, а лишь рядовая служебная деятельность.

Хорошее знание предмета описания, наглядность изображения, множество деталей повседневной жизни вогулов и остяков, динамичная фабула путевого повествования – все это приближает отчет о миссионерской поездке к жанру познавательного репортажа.

Путевые заметки о паломнической поездке в Киев соединяют в себе черты очерка и репортажа [Остроумов: 01.09.1886]. Автор, по-видимому, хорошо представляет своего читателя и ставит перед собой, прежде всего, просветительскую задачу. При описании основных достопримечательностей своего маршрута – Троице-Сергиевой лавры и Киево-Печерской лавры – пермский священник рассказывает об устройстве монастырей, существующих при них традициях, обширные исторические отступления придают повествованию черты исторического очерка. Описания различных достопримечательностей и святынь очень подробны. Так, рассказывая о Феодосиевых пещерах в Киеве, автор на нескольких страницах перечисляет покоящихся в них угодников [Там же]. Образ автора также придает повествованию очерковый характер. Рассказ о путешествии ведется от первого лица. Несмотря на паломничество к святым местам как основную цель поездки, автор знакомит читателя не только с религиозными достопримечательностями. Например, киевский Крещатик: «посидев на ступеньках монумента и полюбовавшись отсюда прекрасным видом на Днепр и на лежащий под ногами Крещатик с непрерывно движущеюся по нему массой народу, я решил подняться на верхнюю площадь горы, к беседке, и притом прямо от памятника, несмотря на высоту и крутость

подъема; но, признаюсь, раскаялся в своей решимости, подвергаясь ежеминутно опасности скатиться вниз, потому что сухая земля осыпалась под ногами или ноги скользили по гладким камням…» [Остроумов: 16.09.1886]. При посещении Политехнического музея в Москве автор оставляет актуальное описание его экспозиций, выделяя экспонаты из Пермской губернии адресуясь таким образом к читателю местно газеты: «Здание это еще не совсем кончено и отделано и предметы древности размещены только в 4-х залах, и то еще не вполне. Здесь вся история России с ее языческих времен будет представлена в хронологическом порядке и в разных предметах, собираемых со всей необъятной России, и мы видели тут некоторые предметы, доставленные из Сибири и из пределов Пермской губернии [Там же].

Репортажность создается как фабулой повествования, так деловитостью и наглядностью описаний: «Вифанской монастырь находится в 3 верстах от Сергиевой лавры. Он основан в 1783 г. митрополитом Платоном для успокоения своей старости... Внутренность храма к востоку представляет гору, покрытую зеленью, цветами и мохом; на ней виднеются изображения животных и как бы посреди горы протекающий источник, что весьма живо напоминает содержание 103 псалма» [Остроумов: 16.07.1886]. Описания главных святынь и паломнических маршрутов внутри монастырских стен очень точны: «Святая икона висит над царскими вратами в сребропозлащенном сиянии, и потому прежде всего представляется взору каждого поклонника, входящего в храм. Копии этой иконы, мерою в 9 и 6,5 вершков распространены всюду и можно видеть ее в каждой церкви» [Там же]. Помимо этого, путешественник подробно рассказывает об особенностях организации паломничества, включая оформление документов и заботу о ночлеге: «За южной стеной лаврской ограды, по дороге к пещерам, на обширном и ровном дворе находится лаврская странноприимница; ее составляют 6 больших каменных корпусов, в которых помещаются поклонники всех классов, не желающие или не имеющие возможности нанять квартиру в городе. В первом корпусе, у самых ворот, лаврская контора. Каждый поклонник прежде всего предъявляет здесь свой документ, который и остается в конторе до выезда. Помещения во всех корпусах прекрасные, чистые и просторные; пата за них предоставляется усердию поклонника, если он занимает № на продолжительное время» [Остроумов: 16.08.1886].

Таким образом, путевые отчеты священнослужителей в конфессиональном издании «Пермские епархиальные ведомости» уже на первом этапе выхода газеты решают журналистские задачи по просвещению аудитории и предоставлении ей актуальной общественно

значимой информации.

Библиографический список

Остроумов Г. Из поездки в Киев // Пермские епархиальные ведомости. 16.07.1886; 01.08.1886; 16.08.1886; 01.09.1886; 16.09.1886; 01.10.1886; 16.10.1886.

Поздняков А. Путешествие священника к вогулам и остякам // Пермские епархиальные ведомости. 04.10.1876.

Путешествие по епархии преосвященнейшего Антония, епископа Пермского и Верхотурского // Пермские епархиальные ведомости. 29.07.1870; 12.08.1870; 02.09.1870.

Z. S. Antipina
Senior Lecturer of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

TRAVELOGUES WRITTEN BY CLERICS IN THE PERM PRESS OF XIX CENTURY

The articles deals with specificity of the travelogue as genre represented on the pages of confession media. It is explained how elements of such genres as sketch, excursion and reportage penetrate in pilgrim and missionary travelogue.

Key words: travelogues; confessional press; regional journalism.

УДК 821.161.1(09)

Габдуллина Светлана Рафаэлевна
доцент кафедры иностранных языков
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
sveta.gabdullina@gmail.com

ПОЛИФОНИЯ КУЛЬТУР В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье обсуждается проблема влияния культурного контекста на стихотворное творчество, а также вопрос интертекстуальности стихотворного текста. На материале ранних стихотворений Марины Цветаевой (до ее эмиграции в Германию в 1922 г.) рассматривается понятие «поэта-космополита» как особой культурной и культурологической личности.

Ключевые слова: диалог культур; космополитизм; культурный контекст; интертекстуальность.

Среди процессов, активизировавшихся в конце XX в., культурологи, социологи называют интеграцию всех сфер человеческого существования, глобализацию стиля жизни, ориентированность человеческого сознания на диалог. Может быть, поэтому в культурологии, лингвистике, литературоведении актуальны исследования в области компаративистики [Мир славянских, германских и романских культур 2000], [Мурзин 1996: 7–13]. Повышенный интерес вызывают проблемы диалога культур и более того, национальных менталитетов, интерпретации национальным сознанием иной культуры, соотношения понятий «свое – чужое».

Очевидно, с этой точки зрения русская культура (и литература как ее часть) – один из наиболее интересных объектов исследования, поскольку она характеризуется открытостью, ориентированностью на активное взаимодействие с миром и европейским, и восточным.

Одной из причин, провоцирующих обращение к миру культуры, может выступать, например, ситуация рубежа веков, совпадающая обычно с культурным переломом. Это ситуация, когда происходит переосмысление многих ценностей, делаются попытки подвести итоги, определить место своей национальной культуры и своей культурной эпохи в ряду других культур, других эпох.

Марина Цветаева была человеком уникальной глубины и оригинальности мировосприятия, олицетворяя собой в XX в.

© Габдуллина С.Р., 2016

ренессансный тип художника, обладающего универсализмом и всеохватностью творческого диапазона, способностью плодотворно переосмысливать и включать в свой художественный мир наследие самых различных культур. «По сравнению с ней я – телка», – сказала Анна Ахматова, имея в виду невероятную образованность М. Цветаевой. [Каган 1992: 207]. Обилие образов, наполненных национально-культурной информацией, принадлежащих различным «культурным семьям», элитарным культурам (термин Н. И. Толстого) [Толстой 1995: 20] других народов и стран – неотъемлемая составляющая цветаевского идиолекта: Шекспир и Библия, Марк Твен и Эдмон Ростан, Пушкин и Достоевский, испанские замки и Лорелея, Геракл и Ахилл – далеко не полный список «источников», порождающих интертекстуальность поэзии М. Цветаевой.

Мир европейской культуры «высвечивается» у ранней Цветаевой и через упоминания отдельных реалий, что вместе составляет некий текст. Под текстом мы подразумеваем объединенную смысловой связью последовательность любых знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. Люксембургский сад, пастушки, аббаты и органы, испанские девы, «пышность замков, разгульность охоты», шарманщик – то, о чем Цветаева говорила не отстраненно и описательно, а как о неотъемлемой части своего бытия. Немецкий, французский, английский, славянский миры, таким образом, органично входят в художественный мир поэта, что позволяет создать своего рода «метаобраз мира». Поэтому культурологический подход к творчеству Марины Цветаевой является, на наш взгляд, наиболее продуктивным.

«Душа, родившаяся где-то» – так названо исследование Лины Кертман, посвященное детальному сопоставлению Марины Цветаевой и образа Кристин, женщины из норвежского средневековья, героини книги Сигрид Унсет [Кертман 2000]. «Душа, родившаяся где-то» – так можно определить и феномен Марины Цветаевой как творческой личности, человека, открытого к диалогу с фактами культур разных стран, знакомившегося с ними не только сидя в стенах дома, но и в дороге, в пути (ср.: путь, дорога как способы познания мира в русской литературе и, как следствие, обилие образов странников и мотив странничества как философско-гносеологический).

Для Цветаевой вполне могло бы подойти определение «космополита» (от греческого kosmopolítes – гражданин мира). С самого раннего детства она повидала мир: училась в католических пансионах Западной Европы, непродолжительное время – в Сорбонне, ездила в Италию и Швейцарию вслед за больной матерью, внимательно

присматривалась к национальным культурным укладам самых разных стран и имела затем возможность сопоставлять их национальную самобытность.

Духовное освоение мира европейской культуры было начато еще задолго до отъезда из России. Ранняя поэзия Марины Цветаевой – самое яркое тому подтверждение. Причем необходимо отметить, что уже с самых первых стихов поэт как бы подчеркивает универсальность культурных реалий, под его пером перерастающих границы национального и становящихся доступными носителям разных национальных культур. И читатель должен не только суметь втянуться в игру с историческими, культурными и мифологическими контекстами, но и a priori обладать таким же широким спектром знаний в области культурных знаков, реалий, кодов народных и книжных культур других стран, каким обладала Цветаева.

Тем более чувствуется это отсутствие границ между мирами, если мы знаем о своеобразнейшем цветаевском даре «ныряния с головой», страсти подробно и самобытно углубляться в свои любимые миры – людей, явлений искусства, культуры, быть с ними «на ты». *Это сердце – мое! Эти строки – мои! / Ты живешь, ты во мне, Марселина! / Уж испуганный стих не молчит в забытьи, / И слезами растаяла льдина. / Мы вдвоем отдались, мы страдали вдвоем, / Мы, любя, полюбили на муку! / Та же скорбь нас пронзила и тем же копьем,/ И на лбу утомленно-горячем своем / Я прохладную чувствую руку. / <…>* (стихотворение 1904 г.) [Цветаева 1995: 98].

Поэзия французской поэтессы Марселины Деборд-Вальмоор (1786–1859) воспринята Цветаевой как зеркало (ср. название: «В зеркале книги М.Д.-В.»). Четырежды за одну строфу повторенное личное местоимение «мы» в своем инвариантном значении «Я + Ты» (= мы с тобой), экспрессивные по семантике образы – пронзенного копьем существа и холодной руки на горячем лбу (ср.: антитеза «холод – жар» повторена также в образе растаявшего от горячих слез льда) – ощущение пространства другого поэта частью своего, – все это подтверждения того, что для Цветаевой как для поэта нет таких границ между культурными пространствами, которые нужно пересекать.

Это проявляется и в том, с какой легкостью и непринужденностью вплетаются в ее стихи иноязычные элементы: *Держала мама наши руки, / К нам заглянув на дно души. / О, этот час, канун разлуки, / О предзакатный час в Ouchy* (Ушú – предместье Лозанны, где сестры Цветаевы учились в пансионе в 1903–1904 гг.); *Мы уезжаем. Боже, как всегда / Отъезд сердцам желанен и несносен <…>; Последний миг…– “Nun,kann es losgehn,Herr?” / Погибло все. Нет, больше жить не надо!»*

(«Отъезд»); *«Тишь и зной, везде синеют сливы, / Усыпительно жужжанье мух, / Мы в траве уселись, молчаливы, / Мама Lichtenstein читает вслух*. («Как мы читали “Lichtenstein”»); *«Herr Володя, глядите в тетрадь!» / – «Ты опять не читаешь, обманщик? / Погоди, не посмеет играть / Himmer mehr этот гадкий шарманщик!» <…> Fräulein Else сегодня грустна<…> / Fräulein плачет: волнует игра! / – «Не грусти, lieber Junge, – пора / Нам гулять по Тверскому бульвару*» («Шарманка весной»); *Die stille Strasse: юная листва / Светло шумит, склоняясь над забором / <…> Мы на пути не раз еще вздохнем / О ней, затерянной в Москве бескрайной. И чье названье нам осталось тайной* («Die stille Strasse», нем. “тихая улица”) [Цветаева 1995].

«Драгоценное существование слова, как источника сверкания, будило в нас такой отзвук, который уже в 6–7 лет был мукой и счастьем владычества.<…> Немецкие слова die Öde die Wüste, unhiemlich, Sonderbar, Wundervoll, die Höhe, die Tiefe, der Glockenklang,Weihnachten (глушь, пустыня, таинственно-жутко, чудесно, высота, глубина, звук колокола, Рождество), и сколько их еще было с французскими splendeur, éclat, ténèbres, naufrage, majestueux, jadis, le rêve (великолепие, блеск, мгла, кораблекрушение, торжественный, когда-то, сновидение), и все, чем переполнена первая же книга, дарили двойной смысл тому, что старшие звали «изучением языка». На этом языке (сколько их впереди еще было! Родители знали французский, немецкий, английский, итальянский) мы отплывали от учивших нас, как на корабле, и каждое из этих слов было – талисман.<…> А русские слова? Не ими ли пылало сердце в сказке о Василисе Премудрой, о бесстрашных витязях, о каких-то тридесятых царствах?..» [Цветаева 1983: 57–58].

Стоит оценить тонкость отношения уже взрослой Цветаевой к неродному, немецкому, языку, умение проникнуть в его музыку и к его потаенным смыслам, копившимся веками. Так, о желании перечитывать книгу Сигрид Унсет «Кристин, дочь Лавранса» она напишет: «Хочу непременно по-немецки, на франц<узском> эта вещь просто не мыслится» [Цветаева 1995: 34].

Способами неосознанного спонтанного «вливания» в другие культурные пространства и последующего «слияния» с ними выступают также книги и музыка. «Детство наше полно музыкой. У себя на антресолях мы засыпали под мамину игру <…>, блестящую и полную музыкальной страсти. Всю классику мы, выросши, узнавали, как «мамино» – «это мама играла…» [Цветаева 1983: 6]. Знаковыми в поэзии ранней Цветаевой становятся имена Бетховена, Моцарта, Гайдна, Шумана, Шопена, Грига, встречающиеся в стихах. Бетховен – имя, которое следует назвать первым. Его на невидимом цветаевском

пьедестале можно вознести на самую высокую ступень. Музыка Бетховена звучала в ушах Цветаевой с колыбели, его образ витал в Трехпрудном, юная Марина играла его сонаты. С любимым композитором она соотносила и тех, кем восхищалась. «Незнакомкой с челом Бетховена» в 1914–1915-е гг. называла она поэтессу и переводчицу Софию Яковлевну Парнок. Любуясь внешним воплощением силы характера подруги, Цветаева, уподобляясь художнику, делает такие штрихи к ее портрету: *Извилина неярких губ / Капризна и слаба, / Но ослепителен уступ / Бетховенского лба*.

Рассмотрению с разных сторон взаимоотношений М. Цветаевой со стихией звука, ее восприятия соприродного поэзии искусства – музыки, осмыслению музыкальной символики поэтического языка посвящена книга Елены Айзенштейн «Построен на созвучьях мир…» [Айзенштейн 2000].

Увлекательно таинствен мир читательских пристрастий Марины Цветаевой, он полон странных загадок, парадоксов, противоречий. Мамины рассказы о короле Лире, о старых замках на утесах, где пела Лорелея, весь Теодор Гофман и герои Андерсена и Гауфа, греческие мифы и «Божественная комедия» Данте в иллюстрациях Гюстава Доре – вот те «неизменившие друзья» «в потертом красном переплете» (ср. осязаемость эпитета), к которым бежала Цветаева.

Однако интересно отметить, что из всей полифонии культур в творчестве М. Цветаевой «немецкая» составляющая представляется более полнокровной, ставшей для поэта вторым «своим» по языку миром. «Во мне много душ. Но главная моя душа – германская. Во мне много рек, но главная моя река – Рейн…» [Цветаева 1995: 549]. Берлин, Германия – первое пристанище М.Цветаевой после ее отъезда из России в мае 1922 г.

По цветаевской же терминологии, она – «из племени пешеходов». Плавная осанка и легкая походка – что-то неотъемлемое от ее красоты, неизменно ценимое всеми любующимися ею. *Остер, как мои лета, / Мой шаг молодой и четкий. / И вся моя правота / Вот в этой моей походке*. Не случайно при взгляде на идущую Марину (как в Москве начала 20-х гг., так и позже в Чехии) образ странницы возникал в сознании многих людей. «Куда бы ни шла эта женщина, она кажется странницей, путешественницей,<…> не то монастырская послушница, не то только что мобилизованная сестра милосердия», – вспоминал П. Антокольский [Каган 1992: 56].

Исключительно высокий образовательный и культурный уровень М.И. Цветаевой как языковой личности, таким образом, – та уникальная

ее черта, которая подготовила «поле» для «чужого», осознаваемого как потенциально «свое».

Библиографический список

Айзенштейн Е. Построен на созвучьях мир… Звуковая стихия М. Цветаевой. СПб.: Журнал «Нева», ИТД «Летний сад», 2000. 288 с.

Каган Ю.М. Марина Цветаева в Москве. Путь к гибели. М.: Отечество, 1992. 240 с., ил.

Кертман Л.Л. Душа, родившаяся где-то. Марина Цветаева и Кристин, дочь Лавранса. М.: Возвращение, 2000. 176 с.

Мир славянских, германских и романских культур: их взаимосвязи и взаимодействие в языке и литературе: Межвуз.сб.науч.тр. / Перм.ун-т. – Пермь, 2000. 280 с.

Мурзин Л.Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах// Русская разговорная речь как явление городской культуры/ Под ред. Т.В.Матвеевой. – Екатеринбург, 1996. С. 7 – 13.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. М.: Изд-во Индрик, 1995. 512 с.

Цветаева А. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1983. 768 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т.1. Стихотворения. М.: Эллис Лак, 1995. 640 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т.6. Письма. М.: Эллис Лак, 1995. 800 с.

S.R. Gabdullina
Associate Professor of Foreign Languages Department
Russian Presidential Academy

POLYPHONY OF CULTURES IN THE EARLY POETRY OF MARINA TSVETAEVA

The paper studies the topic of the influence of the cultural context on the poetry as well as the issue of a cross textual nature of a poetic text. It also considers the influence of life events on the linguistic picture of the world created by a poet made up of such elements as foreign language inclusions, cross cultural concepts and allusions, etc.

Key words: dialogue of cultures; cosmopolite; cultural context; cross-textual studies.

УДК 821. 161. 1–31

Гордеева Елена Михайловна
аспирант кафедры новейшей русской литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
elenagordeeva2012@gmail.com

РОЛЬ АВТОРЕФЛЕКСИИ В РОМАНЕ-ИДИЛЛИИ А.П. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ»

Статья посвящена изучению рефлексивных аспектов романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (2001). Роман-идиллия рассматривается как современная робинзонада. Подчеркивается, что, подключая свое произведение к «Жизни и удивительным приключениям Робинзона Крузо», автор актуализировал собственные взгляды на литературу как вид искусства. Отсылки к роману Дефо убеждают в том, что «Ложится мгла на старые ступени» – это филологический роман, в котором речь идет не только о жизни, но и о литературе.

Ключевые слова: А.П. Чудаков, Д. Дефо, «Ложится мгла на старые ступени», «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», роман-идиллия, авторефлексия, робинзонада.

В богатом литературном наследии Александра Павловича Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (2001) – единственное художественное произведение. Устойчивым является взгляд на чудаковский роман-идиллию как на современную робинзонаду. Критики называли его «интеллигентской робинзонадой» [Харитонов 2011], «советской робинзонадой» [Вайль 2008]. Отмечая переклички романа-идиллии Чудакова с романом Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», исследователи [Вайль 2008; Булкина 2012; Степанов 2009] по преимуществу обращали внимание на тему жизнеобеспечения (производство вещей, «натуральное хозяйство XX в.»).

На наш взгляд, отсылки к Дефо в произведении Чудакова имеют разную природу. Одно дело, когда современный автор выстраивает свое произведение по аналогии с романом Дефо (его персонажи ведут себя, как герои просветительской пасторали, оказываются в жизненных ситуациях, напоминающих обстоятельства, в которых действовал Робинзон в романе Дефо и т. п.). И совсем другое дело, когда в произведение прямо вводится имя Дефо, название его произведения, когда автор обсуждает связь создаваемого им произведения с

© Гордеева Е.М., 2016

произведением литературного предшественника. В первом случае отсылки имеют характер аллюзий, «подсветок», являются своего рода литературным «мифом», универсальным «шифром», «ключом» к пониманию современности. Во втором случае речь идет об авторефлексии как о важнейшем элементе текста. Наша цель – убедиться в том, что важнейшим аспектом изображенной Чудаковым робинзонады является метаописание.

Подключая свое произведение к «Жизни и удивительным приключениям Робинзона Крузо», автор актуализировал собственные взгляды на то, что есть литература, из чего она рождается, наконец, как «сделан» сам роман («Ложится мгла на старые ступени»), эти взгляды выражающий.

В романе-идиллии речь идет о «Жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» как о книге, входившей в круг детского чтения Антона, героя автобиографического. Автором подчеркивается, что эта книга не только произвела на мальчика неизгладимое впечатление, но и, что важно, побудила его к самостоятельному творчеству. «Сначала Антон дорассказал про недочитанного Робинзона, потом на основе этого сюжета стал излагать придуманные им самим приключения мальчишек, оказавшихся на необитаемых островах ... Называлось: Сказка. Сказка была с продолженьями, которые Антон рассказывал Вальке уже осенью <…>. Залезали на печь, под мягкий волчий тулуп, начиналось продолжение Сказки. Герой вырастал, с острова съезжал, женился, у него рождался сын. Он также довольно рано попадал на необитаемый остров, где проводил, конечно, не двадцать восемь лет, как Робинзон, но тоже значительную часть жизни, пока не вырастал и становился неинтересен» [Чудаков 2014: 57−58].

Увлечение Робинзоном – явление характерное для подросткового возраста, и Антон-подросток в этом отношении отнюдь не исключение. Однако если чаще всего книга о Робинзоне заставляла юного читателя мечтать о дальних странствиях и о невероятных приключениях, то в случае с Антоном только мечтами дело не ограничилось. Роман Дефо пробудил творческую фантазию героя. Не сделав из Антона писателя, он дал выход его тяге к сочинительству. Благодаря прочитанному художественному произведению, герой обнаружил в себе дар рассказчика, обрел свою целевую аудиторию в лице друга Вальки. Примечательно, что истории собственного сочинения он называет «сказками», подчеркивая тем самым их «вымышленность», их художественную природу. Его «сказки с продолженьями» – художественное творчество, пусть и устное.

Данная отсылка к «Жизни и удивительным приключениям Робинзона Крузо» актуализирует в романе Чудакова тему эстетических отношений искусства к действительности. Подробности, связанные с чтением романа Дефо и сочинением на его основе новых историй, так или иначе, касаются одного из краеугольных эстетических вопросов. Искусство отражает жизнь или само себя? Источником литературы является действительность или сама литература?

Юный герой Чудакова, не имея ни малейшего представления о существовании подобных вопросов и сам того не подозревая, дает на них вполне определенные ответы. Опыт Антона убеждает в том, что литература рождается из литературы, а не из жизни. Сначала был роман Дефо, и только «потом на основе этого сюжета» появились «придуманные» самим Антоном приключения. Литература по отношению к жизни является первичной: она служит не только источником творческого вдохновения, порождающим новые смыслы, но и оказывается причиной вполне реальных событий и поступков людей. «Из-за ″Робинзона Крузо″» погиб теленок, гибель теленка повлекла за собой наказание Вальки, которому «читать <…> было запрещено». В детском сознании любимая книга становится больше себя самой, больше, чем литература; она «вмешивается» в жизнь на правах ее полноправного участника.

Напомним еще раз: Антон – герой автобиографический. За ним стоит автор. Закономерно предположить: говоря об Антоне, автор рассказывал о самом себе, в том числе и о том, как написал свой роман, сделав Антона одним из его героев. Как Антон сочинял свои «сказки с продолженьями», так и сам писатель, взявшись за рассказ о собственной жизни, выбрал в качестве «образца» для подражания любимое с детства художественное произведение.

Рефлексивный характер рассматриваемой отсылки к роману Дефо подтверждается, например, совпадением авторских предпочтений с предпочтениями Антона-сочинителя. Так, творческое внимание Антон фокусировал отнюдь не на всей жизни героя (полагая, что здесь у всех одно и то же: женитьба, рождение детей и т. п.). Его занимал процесс становления героя, который оказывался «неинтересен» ему, как только вырастал. В данном случае Антон, выражая собственные приоритеты, излагал принципы отбора жизненного материала, которыми руководствовался автор романа-идиллии. Автору тоже важно было проследить, как рос его герой, автор также утрачивал интерес к нему, как только тот становился взрослым.

Разумеется, нельзя не учитывать и принципиальных отличий между автором и героем даже и в автобиографическом произведении

(которое всегда является фокусировкой жизненного материала в соответствии с авторской концепцией). Некорректно уподоблять автора-филолога его юному герою, который ни к филологии, ни к писательству никакого отношения не имел.

И тем не менее мысль о том, что в работе над романом писатель шел тем же «путем», что и его герой, сочинявший «продолженья» своей любимой книжки, на наш взгляд, носит программный характер. Программность данной мысли становится особенно очевидной, если учесть, что с опорой на «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» Чудаков написал автобиографический роман, сюжет которого обычно «вышивается» по «готовому узору», наносимому не литературой, а судьбой. Первенство искусства над действительностью утверждается, таким образом, и в той художественной форме, которая от жизни зависит более всего.

На литературные темы размышляют разные герои, в их числе и философ-революционер Григорий Васютин. Его также занимал вопрос о соотношении искусства и жизни. Доказывая, что «прекрасное есть революция», он приходил к выводу: «Подлинная поэзия – не результат вымысла», «законы революционного развития реальной действительности» «есть также и законы красоты». В васютинских пассажах нетрудно заметить аллюзии на эстетическую теорию Н. Г. Чернышевского (сравнение искусства и действительности с целью доказать превосходство жизни над искусством, недооценка вымысла и т. п.). Показывая Григория «инвалидом по психической части», автор дает повод воспринимать эстетические представления героя как следствие данного увечья.

Васютин считал «важнейшим доказательством» собственной концепции «поразительное сходство даже внешнего облика борцов за свободу с великими образцами классического искусства». По его мнению, «″Мадонна Бартоломео Питти″ Микеланджело – буквальный физический прообраз Зои Космодемьянской» [Чудаков 2014: 345]. Нетрудно заметить противоречие в теоретических построениях героя: доказывая, что жизнь выше искусства, Васютин приводил в качестве аргумента пример, свидетельствующий об обратном: если вслед за героем рассматривать творение Микеланджело как «буквальный физический прообраз Зои Космодемьянской», то следует признать, что жизнь подчиняется искусству (а не наоборот).

Искусство рождается от искусства (а не от жизни)? Этот вопрос занимал и самого автора. Рассмотрим его ответы.

Остановимся на эпизоде, в котором Антон сравнивает бабку, увидевшую человеческие следы на снегу, с Робинзоном. У Антона

имелись все основания увидеть в испугавшемся Робинзоне самого себя, соотнести страх Робинзона с собственной паникой по поводу того, что героем ему никогда не быть, потому что пыток он не вынесет. Хождение босиком по снегу было его «подготовкой» на случай, «если его будут гонять, как Зою Космодемьянскую».

На протяжении романа тема подвига возникает неоднократно. При этом все (или почти все) героические истории упоминаются, казалось, лишь для того, чтобы сказать, что́ в них являлось правдой, а что́ – вымыслом, и прийти к выводу о том, что чаще всего вымысел поглощал правду. Следует подчеркнуть, что под сомнение ставится не сам подвиг, а его бытование в общественном сознании.

К числу низвергнутых кумиров Антона принадлежала и партизанка Зоя Космодемьянская. Уже став студентом, он недоумевал: «Почему продолжают поднимать на щит Зою Космодемьянскую, которая пыталась поджечь какую-то конюшню? А о партизанах Игнатовых, <…> подорвавших десятки поездов, не пишет никто? Конечно, Зоя погибла мученической смертью, но ведь и Игнатовы погибли» [Там же: 219].

На данный вопрос не находил ответа и дед, он никак не мог взять в толк, почему правду необходимо скрывать. Его собеседник Егорычев проницательно замечает по этому поводу: «Народу, с точки зрения власти, нужна не истина – нужен миф. А какой миф построишь на живых…» [Там же: 216].

В системе советских ценностей особое место занимал культ героя, причем, что важно, героя мертвого, более удобного для мифологических манипуляций. В советской системе, построенной на мифе, миф вытеснял жизнь, превращал «быль» в «сказку». Согласно рассуждениям автора и близких ему героев, советская пропаганда, подменяя правду жизни выдумкой, «обескровливала» героев, рожденных жизнью, они выглядели менее правдоподобно и убедительно, чем вымышленные. Подчеркнем еще раз, речь идет о «мертворожденных» героях как результате тотальной государственной мифологизации.

На ассоциативном уровне вымышленный герой (в данном случае – Робинзон) соотносится с героями, рожденными жизнью (например, с Зоей Космодемьянской). Важно подчеркнуть, что плод художественного воображения оказывается более живым и полнокровным, чем образы современных героев в отражениях советской печати. Подверженный страхам, Робинзон остается близким и понятным мальчику, в то время как образ Зои Космодемьянской существует в его сознании как недостижимый образец, впоследствии утрачивающий свое значение. Кажущаяся случайной, отсылка к роману Дефо, на самом деле, таковой не является. Она вписывается в контекст авторских раздумий о правде

жизни и правде искусства, о хорошей литературе и плохих «копиях действительности».

Итак, роман-идиллия «Ложится мгла на старые ступени» – это, в том числе, и филологическое произведение, рассказывающее как о жизни, так и о том, как эта самая жизнь становится литературой. Робинзонада в изображении Чудакова приобрела весьма значимый рефлексивный план, сформированный раздумьями автора и героев об эстетических отношениях искусства к действительности. Написанная с весьма заметной «оглядкой» на известные литературные прецеденты (среди которых особое место принадлежит роману Дефо), робинзонада в изображении Чудакова, не отменяя очевидных представлений о жизни как источнике литературы, все-таки «тайну» ее рождения» связывает не с жизнью, а с самой литературой.

Библиографический список

Булкина И. История внука века // Знамя. 2012. № 8. С. 198−201.

Вайль П. Робинзон Чудаков // Российская газета: Федеральный выпуск. 2008. № 4578. // URL: http://www.rg.ru/2008/02/01/vayl.html (дата обращения: 22.03.2016).

Степанов А. Идиллия vs. прогресс: заметки о прозе А. Чудакова // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII−XIII−XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 400−411.

Харитонов Д. «Букер» после бури // Новая газета. 2011. № 136. // URL: http://www.novayagazeta.ru/arts/49833.html (дата обращения: 22.03.2016).

Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. М.: Время, 2014. 640 с.

E.M. Gordeeva
Postgraduate Student of Modern Russian Literature Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

THE ROLE OF SELF-REFLECTION IN A.P. CHUDAKOV'S NOVEL-IDYLL 'HAZE LIES ON OLD STEPS'

Reflexive aspects of A.P. Chudakov's novel-idyll 'Haze lies on old steps' (2001) are studied in the article. Novel-idyll is regarded as a modern robinsonade. It is noted that connecting his work with 'The Life and Adventures of Robinson Crusoe' the author makes actual his own views on literature as an art form. References to Defoe's novel 'Haze lies on old steps' convince that it is a philological novel that concerns not only life, but literature.

Key words: A.P. Chudakov; D. Defoe; 'Haze lies on old steps'; 'The Life and Adventures of Robinson Crusoe'; novel-idyll; self-reflection; robinsonade.

УДК 821.161.1”1990”

Клюйкова Екатерина Александровна
аспирант кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
nesef91@gmail.com

ОБРАЗ ХУДОЖНИКА В ПРОЗЕ АНАТОЛИЯ КИМА

В статье рассматривается образ художника (шире – героя-творца) в прозе отечественного писателя Анатолия Кима. Через образы творческих людей (живописцев, музыкантов, писателей) автор на протяжении всего творческого пути предпринимает попытки сформировать свою концепцию искусства, обогащённую идеями восточной философии. С расширением области изображения в художественном мире писателя нарастает эклектичность, к ориентальной составляющей его творчества добавляется христианская образность, а также увеличивается концентрация элементов фантастического в повествовании.

Ключевые слова: советская литература, русская литература 1990-х гг., Анатолий Ким, искусство, образ художника.

Писателя Анатолия Ким исследователи нередко причисляют и по временным критериям, и по смысловому содержанию часто к натурфилософской прозе 1970-1980-х гг. (Ч.Т. Айтматову, В.П. Астафьеву, Ю.П. Казакову, В.Г. Распутину). Так, Е.Н. Бондаренко при анализе связей прозы автора с творчеством писателей-натурфилософов приходит к выводу, что «художник созидает гармонию, которая является для натурфилософии залогом порядка. Творческая личность запечатлевает и преобразует космос, в котором человек, подчиняясь логосу, находит своё предназначение и место» [Бондаренко 2010: 17]. На наш взгляд, такой подход к творчеству А. Кима является неполным, поскольку необходимо учитывать и этнокультурные особенности его произведений. К тому же, подобное восприятие роли художника соотносимо с ориентальной составляющей творчества А. Кима, поскольку в дальневосточной культуре, связанный искусством (художник, поэт, музыкант) творит ради того, чтобы установить или сохранить гармонию космоса. Анатолий Ким в последние годы сам выступает в качестве художника. Наиболее часто он пишет в жанре пейзажа, изображая природу центральной России и корейских провинций.

Под образом художника мы будем подразумевать более широкий образ героя-творца – и в живописи, и в музыке, и в литературе. Как художник по образованию, А. Ким в своих ранних произведениях делает художника героем своих произведений, однако он не ограничивается

© Клюйкова Е.А., 2016

только изобразительным искусством, в более поздних романах появляются герои-музыканты и писатели. Практически во всех своих произведениях Ким ставит своего героя в ситуацию, которая либо угрожает его творческому дару, либо лишает его этого дара.

В 1980-е гг. автор большее внимание уделяет живописи – именно художники становятся героями повести «Лотос» (1980), романа-сказки «Белка» (1985). В 1990-е гг. всё большее место в романах А. Кима занимает музыка (романы «Онлирия» (1995), «Сбор грибов под музыку Баха» (1997)). Наконец, к концу 1990-х гг. Ким прямо подходит к осмыслению писательской деятельности: появляются повесть «Близнец», роман «Остров Ионы», в 2014 г. вышел его последний роман «Радости Рая», главным героем которого также является писатель.

В повести «Лотос» главный герой-художник вкладывает в руку умирающей матери цветок Лотоса, вырезанный из апельсина. Автор утверждает, что сущность искусства «*сводится к тому <…> чтобы апельсин превратить в Лотос*» [Ким 1988: 289], то есть к процессу преобразования и поиска взаимосвязи между всеми объектами в мире (*старый художник грезил, <…> что он напишет картину, в которой выразит <…>волнующую тайную связь между этими беспредельными снегами зимы, сумрачным морем, <…> лицом той девушки из бара, гладким тыквенным сосудом, внутри которого заключено, возможно, пространство таких же миров, как и наш, белый и синий. Да, существовало родство этих разных явлений, объединенных могучей волею к жизни…*) [Там же: 291]. Искусство, как и жизнь для Кима, бесконечная цепь преобразований, когда что угодно может превратиться в любую другую вещь или существо и, тем самым, обрести бессмертие: *Превращение неподвижного и твердого в подвижное и мягкое. Холодного в теплое. Узника, не ведающего своей цели, в свободное существо, обретающее выбор. Перевоплощение того, кто должен был стать только высохшей былинкой, сеном, послушным судьбе прахом, пригодным лишь для удобрения почвы, в странное чудище-многоножку, … которому предопределено в будущем взлететь* [Там же: 263-264].

В повести «Лотос» Ким формулирует своё понимание искусства, но уже в следующем романе «Белка» помимо дальнейших размышлений о природе искусства Ким размышляет о природе творческого дара и причинах его упадка.

В романе говорится о существовании всемирного союза оборотней, которые захватывают и подчиняют себе человечество, лишают его способности к творчеству, поскольку сами оборотни далеки от истинного искусства и враждебны ему. В романе есть элементы фантастического, некоторые относят его к магическому реализму, но в

то же время Ким создаёт своего рода типологию людей, ассоциируя каждый тип с тем или иным животным. Главный героем романа, голосом автора, является белка – «маленький человек» и среди оборотней, и среди людей: *Чего же бояться правды о себе или закрывать на нее глаза? Вот я, например, белка, существо трусливое, но это позорное с точки зрения человека качество помогает мне выжить, вовремя уходить от опасности и не попадать в неприятное положение* [Там же: 643]. Несмотря на свою принадлежность к обществу бессмертных, белка с горечью наблюдает за тем, как его друзья, более талантливые, под влиянием оборотней-хищников теряют творческую силу. Но и сам белка решает убить в себе художника, чтобы стать просто человеком, а не оборотнем. Когда герой убивает другую белку, он понимает, что оборотни обманули его, и он убил в себе и человечность тоже, а значит, и надежду на бессмертие: *Я узнал на своем лице гнусное шевеление кривой улыбки Каина перед вопрошающим Господом: «Где Авель, брат твой?» — лживой улыбки Адамова первенца, рожденного праматерью людей. И с этой миною на лице я должен был, оказывается, возродиться человеком?* [Там же: 709]. Автор отказывает в подлинном бессмертии всем, кто осуществляет насилие, – и «маленькому человеку», и всемирному сообществу оборотней: *Убийство ни в чем не повинной белки вовсе не сделало его человеком, как и насильственное умерщвление миллионов не принесло другим завистливым оборотням тайно желанного для них превращения — они не стали бессмертными, отняв у других жизнь* [Там же: 716].

В 1993 г. Ким пишет роман «Онлирия», сюжет которого строится вокруг противостояния ангелов и демонов в преддверии перехода нашего мира в лучший мир под названием Онлирия. Главным искусством в «Онлирии» провозглашается уже музыка. Она является спасением мира, и автор ставит её выше слова, изменяя слова Евангелия от Иоанна: *В начале была Музыка, и эта Музыка была в Боге, и Музыка эта была – Бог* [Ким: эл. ресурс]. Один из героев романа – слепой певец Орфеус, воплощение мифологического Орфея – становится целью демонов, поскольку обладает чистой душой и божественным голосом. Однако его вера в то, что в конечном счёте мир перейдёт в новое состояние, в Онлирию, где воскреснут все, не отразилось на его даре даже после самоубийства. Он попал в Онлирию и стал её голосом. Этот роман в большей степени является религиозным, чем другие произведения Кима, он нагружен христианской образностью, и здесь уже врагами и завистниками искусства и бессмертия становятся именно невидимые демоны, а не живущие в мире люди-оборотни. Конфликт

переносится уже в сферу мироустройства – откуда в мире, созданном Богом, демоны?

Ещё одним романом, посвящённом музыке, является роман «Сбор грибов под музыку Баха». Его героем также является слепой музыкант – японец Тандзи, гений, влюблённый в музыку Баха. Его история становится похожей на историю Христа. Его мать зовут Мароя (сходное с Марией имя), и он был рождён от Слова: *Во сне Ангел объяснил, что ко мне слетит какое-то чистое и непорочное Слово и я зачну сына, оплодотворённая этим сверкающим Словом* [Ким 2002: 478]. Однако, в отличие от Христа, Идзава, персонаж, параллельный евангельскому Иосифу, не принимает сына. Тандзи оказывается отданным в жертву музыке: его опекун и учитель музыки Эйбрахамс предаёт его из зависти, позволяет играть столько, что Тандзи «переигрывает» руки и не может больше быть музыкантом. Но и после смерти и цепи перерождений Тандзи во второй раз оказывается преданным. Нам кажется, что А. Ким, в контексте следования буддистской идее перерождения, представляет вариант бесконечного «колеса сансары», повторения прожитых историй (Христа, Авеля и Каина и др.): *Ничего нового в мире не было, Всё оказывалось Ничем* [Там же: 508]. Идея о бесконечном повторении жизни была высказана Кимом ещё в романе «Белка», именно в образе колеса: *Воцарение эры бессмертных произойдет нескоро, и путь к этому покажется тебе порою столь же долгим и безнадежным, как твой бег внутри беличьего колеса* [Ким 1988: 716].

Наконец, в конце 1990-х гг. в романе «Остров Ионы» Ким делает героем писателя, своё альтер эго. Ким пишет этот роман примерно в возрасте 60 лет, который на Дальнем Востоке считается переходным. А. Ким подводит итоги своей жизни и, особенно, литературной деятельности. В финале романа голос его писательского наставника, Хранителя Слова, выносит ему приговор, смог ли автор оправдать возложенную на него ответственность за Слово. Голос обвиняет А. Кима в том, что тот недооценил *сам дар жизни*, а потому и искал всю жизнь бессмертия. Поэтому Хранитель Слова возвращает к жизни А. Кима, обратно в мансарду московского дома: *Я не принимаю тебя и наказываю тем, что возвращаю тебя в ту же писательскую жизнь в той же стране – ты не прошел испытания Моего суда! Иди обратно на досуществование, помучайся еще, довершай свой урок* [Ким 2001, 12: 72]. Тем не менее, автор возводит себя в ранг Творца: в начале романа автор воспроизводит вариант древнего космогонического мифа – брак с Землёй, приведший к рождению глиняного гиганта в финале романа: *Это и был ребенок «жителя мансарды» от его мимолетного брака с*

Мать – сырой землей, дитя, родившееся из ее тела на Камчатке, как некогда родился античный бог из головы своего отца [Там же, 12: 43].

В своём последнем романе «Радости Рая», написанном после более чем 10-летнего перерыва, Ким снова делает героем романа писателя А. Кима и снова описывает цепь перевоплощений творца, проходящего на страницах теперь уже через всю историю человечества – от первобытного строя до наших дней.

Анатолий Ким предлагает оригинальный вариант темы творца, обогащённый идеями восточной философии. Художник продолжается не только в своих произведениях, но перерождается и остаётся существовать в природе и других людях, которые подверглись его влиянию и переняли его творческую силу. Мир представляется писателю лучшим из произведений искусства.

Библиографический список

Бондаренко Е. Н. Натурфилософская проза второй половины XX века: концепция личности: автореф. дис. … канд. филол. наук. Орловский гос. ун-т. Орел, 2010. 23 с.

Ким А. А. Избранное. М.: Советский писатель, 1988. 720 с.

Ким А. А. Избранное. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. 704 с.

Ким А. А. Онлирия // Новый мир, 1995. № 2. // URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/2/kim.html (дата обращения: 28.08.2016).

Ким А. А. Остров Ионы // Новый мир, 2001. № 11–12.

E.A. Klyuykova
Postgraduate Student of Russian Literature Department
Perm State University

IMAGE OF ARTIST IN PROSE BY ANATOLY KIM

The article is devoted to the image of artist (or creative character) in the prose by Anatoly Kim. During his literature works from 1970s to these days the writer tries to form his conception of art by showing the images of painters, musicians and writers. The wide sphere of objects to describe in his books leads A. Kim to increase of eclecticism which consists of oriental elements (essential for A. Kim), Christian images and fantastic forms of narration.

Key words: Soviet literature; Russian literature of 1990-s; Anatoly Kim; art; image of artist.

УДК 821.161.1-1:82 091

Князева Евгения Александровна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
evg-knyazeva@mail.ru

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ В ВОСПРИЯТИИ ПОЭТОВ ДООСа

В статье предпринимается попытка объяснить причины обращения поэтов, входящих в Добровольное общество охраны стрекоз (ДООС), к творчеству Велимира Хлебникова, выявить идеи, образы и мотивы его лирики, которые остаются актуальными для современного поэтического авангарда. В качестве материала исследования используется первый номер «Журнала поэтов» за 2011 год, полностью посвящённый «Председателю Земного Шара», а также тексты, написанные в разные годы идеологом ДООСа Константином Кедровым и метаметафористом Иваном Ждановым.

Ключевые слова: ДООС; анаграмма; палиндром; метаметафора; окказионализм; футуризм; выворачивание; время; пространство.

Первый номер «Журнала поэтов» за 2011 г. полностью был посвящён Велимиру Хлебникову. Обращение именно к этому поэту-футуристу, конечно, не случайно: оно продиктовано давним интересом к нему Константина Кедрова, редактора упомянутого журнала и идеолога Добровольного общества охраны стрекоз (ДООСа). «Вирусом» футуризма очень быстро «заразились» близкие ему по духу поэты. Кедров даже назвал это «болезнью футуризма» и написал следующее стихотворение:

Поел хлебников –
в груди давид
в животе бурлюк
в кишках крученых [Кедров 2011: 5].

Имена известных кубофутуристов использованы как окказиональные и связаны с темой, актуальной для современной литературы, – темой потребления и усвоения. Елена Кацюба (libellula (семейство настоящих стрекоз) в ДООСе) в стихотворении «Гроза Велимира» создаёт другой образ поэта, обыгрывая фразеологизмы «хляби небесные» и «на седьмом небе»:

Разверз Хлеб-
ников
хляби словес-

© Князева Е.А., 2016

ные
выше семи неб-
yes! [Кацюба 2011: 9].

Хлебников как хлябь (это сравнение возникает в результате активного использования переразложения слова) – бездна, глубина русской поэзии, из которой, как из ничто, рождается Слово, в свою очередь, рождающее поэтов.

Чтобы понять причины обращения ДОООСовцев к футуризму, в частности к теории и художественной практике Велимира Хлебникова, обратимся к истории литературного общества и его творческим принципам.

В 1983 г. Кедров написал стихотворение «ДООС», завершавшееся такими строчками: *Не остановленная кровь / обратно не принимается! / Окна настежь и все напрасно: / две дани времени, две отгадки – / ДООС – Добровольное Общество Охраны Стрекоз* [Кедров 2002: 322]. Здесь утверждается мужественный взгляд на мир, в котором время течёт необратимо, но не только в будущее, но и в прошлое (одна из ключевых идей Хлебникова). На циферблате, с точки зрения Кедрова, должны быть две пары стрелок, движущихся в разных направлениях.

В конце 1980-х гг. появилась группа под аббревиатурой ДООС, в которую входили Константин Кедров, Елена Кацюба, Людмила Ходынская. В конце 1990-х гг. в звании стихозавров в общество вступили поэты со «стажем» и именем – Генрих Сапгир и Андрей Вознесенский. В творческих поисках ДООСовцев, как отмечает Кедров, важна попытка освоить надразговорный, всемирный язык, не нуждающийся в переводе, и это опять прямая отсылка к Хлебникову. Не случайно вновь актуальными становятся те художественные средства, которые использовались первыми авангардистами: анаграмма как основной способ тексто- и смыслопорождения (Константин Кедров и многие другие), палиндром, или по-хлебниковски «перевёртыш» (Елена Кацюба), «композиторское» стихосложение (Алла Кессельман), муфталингва (Вилли Мельников), неозаумь (Сергей Бирюков), джазовая импровизация (Сергей Летов). Первое полифоническое выступление ДОООСа с группой «Три О» состоялось в 1984 г. в клубе им. Курчатова.

В 1995 г. по инициативе друзей ДОООСа А. Глезера, Г. Сапгира, И. Холина, А. Ткаченко, А. Вознесенского было принято решение издавать «Газету ПОэзия». Первые презентации прошли в Пресс-центре ТАСС и Пен-клубе. В 2000 г. ДООС провел по просьбе ЮНЕСКО Первый всемирный день поэзии в Театре Юрия Любимова на Таганке. Выступали ДОООСы (Кацюба, Кедров, Вознесенский) и друзья общества

Михаил Бузник и Алина Витухновская. После этого газету ПО преобразовали в альманах «Журнал ПОэтов». Первый номер подготовили к Всемирному конгрессу Пен-клубов в Москве (2000). Также выпустили серию компьютерных сборников, на основе которых был издан двухтомник «Собрание сочинений ДООС».

Деятельность ДОООСа обширна, что свидетельствует об активном участии группы в литературной жизни столицы и за пределами России. Организованные им акции за первые десять лет существования впечатляют: выступления в Доме медработника – «Хлебников и мы»; в Олимпийской деревне – действо «Разомкнутый квадрат»; на вечере андеграунда «Минута немолчания» во Дворце молодежи; вечер ДОООСа в большом зале Центрального Дома Литераторов; на Булгаковских праздниках на Патриарших прудах, у «литературной скамейки»; участие в телевизионном «Шок-шоу» в программе Авторского Телевидения; чтения на выставках в Манеже; принятие в ДООС новых членов в Интернет-кафе «Скрин» (с прямой трансляцией) и издание сборника «Новые ДОООСские»; создание международного русско-французского поэтического общества «ДЕПО» (День Поэзии) и выступление в Сорбонне; празднование поэтического Нового 2003 года в Музее декоративно-прикладного искусства; Всемирные дни поэзии в театре Юрия Любимова на Таганке, в галереях «Дом» и «А-3» (последний с прямой трансляцией в Интернет).

Символом ДОООСа, в соответствии с названием группы, стала стрекоза, а своеобразным девизом – известный басенный упрек Муравья Стрекозе: «Ты все пела? Это дело…», лишённый иронии в пользу серьезного. Песня не противопоставляется делу, а является им. В анализируемом нами номере «Журнала поэтов» опубликована песня-гимн ДОООСу, автор которой – палиндрозавр Александр Бубнов – обыграл крыловский вопрос «Ты всё пела?» в духе Хлебникова: («*Ты всё пела…», но это – ДЕЛО! / Ты всё воспел, и космос расцвёл!*») [Бубнов 2011: 10]. Любопытно, что с помощью анафоры и параллелизма подчёркивается схожесть стрекозы и Хлебникова, при этом стрекоза (конкретное, близкое) персонифицируется, космос (абстрактное, далёкое), наделяемый свойствами живой природы, в результате действий поэта тоже преображается.

Стрекоза в поэзии ДОООСовцев – анаграмма креста и зеркала (в свою очередь, анаграммы КонСТанТина КедРова), а также символ выворачивания, т.к. её крылья – лента Мебиуса, знак бесконечности. Анаграммирование используется для актуализации способности слышать в слове (сразу при произнесении, подчёркивает Кедров) другие слова, а в них – скрытые значения. «Для нас 80% содержания несет в

себе звук, – пишет он. – Так слово vrede (мир) заключает в себе rede (речь, разум)» [Кедров 1997].

Более сложный, но частный случай анаграммы – палиндром. Хлебниковский «Разин» выворачивается Бубновым в «низарь» [Бубнов 2011: 10]. Велимир, действительно, как будто нанизывал палиндромы на строчки в палиндромической поэме «Разин». «Перевертень» для него – «отраженные лучи будущего, брошенные подсознательным «Я» на разумное небо» [Хлебников 1986: 36]. Как отмечает в статье «Поэтическое мироздание» Сергей Бирюков, Хлебников «вслушивался в музыку речи, улавливая мельчайшие звуковые оттенки перетекания из одного слова в другое. Он овладевает внутренней формой слова настолько, что кажется, будто эта форма содержится в поэте изначально» [Бирюков 2011: 13]. Поэтому не случайно, давая определение поэту, Кедров использует такую разновидность палиндрома, как ректус. Кроме того, следует отметить, что его миниатюра является аллюзией на «Кинжал» М.Ю. Лермонтова:

Поэт
ТЫ – МЕЧ
М Е Ч Т Ы [Кедров 2011: 5].

В другом тексте Хлебников представлен охотником, который ведёт и в мир слов, и сам этот мир:

Вел эмир Велимир
Во вселенную слов

Велимир словолов
Вел вселенную слов [Там же: 5].

И это не образ, созданный Кедровым, а образ, полученный в результате переразложения имени Велимир. Текстопорождение для поэтов ДООСа связано с умением автора «выворачивать» слова. Более того, выворачивание понимается Кедровым и как механизм возникновения макро- и микрокосма. При большом взрыве, по его мнению, произошло выворачивание вселенной из атома.

Принцип «выворачивающегося» пространства и времени в построении художественной модели мира был свойственен и Хлебникову. Рассмотрим одно из известных его стихотворений:

Времыши-камыши
    На озера береге,
Где каменья временем,
Где время каменьем.
    На берега озере
Времыши, камыши,

На озера береге
Священно шумящие. [Хлебников 1989: 28].

Восьмистишие имеет «зеркальную» композицию: вначале это целостный образ «времышей-камышей» (целостность достигается путём образования сложного существительного), а затем он распадается, что подчёркнуто синтаксически оформленной однородностью. Выпадает и последняя строка, в которой реализуется идея «святости», ценности времени. Пространство также построено по «зеркальному» принципу: «на озера береге» – «на берега озере», причем Хлебников избегает создания эпитетов (например, «озерный»). Озеро и берег оказываются со-причастны, равноправны. Предметы пространства динамизируются («каменья временем»), а время останавливается («время каменьем»), опространствливается. Интересно то, что окказионализм «врем*ыш*» строится по аналогии с «кам*ыш*», т.е. обнаруживается общий звуковой комплекс. Так же по аналогии происходит превращение времени в каменья и наоборот. Во-первых, «каменья» – собирательное существительное (в грамматическом плане), и время – «собирательная» категория (в концептуальном плане), во-вторых, слово «*кам*енья» восходит к общеславянскому *kamy в значении «острый», «остроконечный», что грамматически и семантически соотносится со словом «*кам*ыш». Таким образом, имеется несколько общих «признаков», исходя из которых возможно поэтическое превращение времени в каменья. Образ камня в творчестве Хлебникова связан не только с временем, но и словом. Поэт писал: «Слово живет двойной жизнью. То оно просто растет как растение, плодит друзу звучных камней, соседних ему, и тогда начало звука живет самовитой жизнью, а доля разума, названная словом, стоит в тени, или же слово идет на службу разуму, звук перестает быть «всевеликим» и самодержавным: звук становится «именем» и покорно исполняет приказы разума; тогда этот второй – вечной игрой цветет друзой себе подобных камней». Так как Хлебников пишет здесь о группе сросшихся друг с другом кристаллов, напоминающих цветок (друзе), можно считать, что природа поэтического искусства мыслится им как кристаллическая.

Образ времени-камня встречается в одном из стихотворений метаметафориста Ивана Жданова. Он пишет: *Камень плывет в земле.., – / скол золотых времен* [Жданов 1998: 23]. Камень, зримое воплощение вечности, является свидетелем и активным участником текущей жизни: *он вырывает путь / и отсылает вверх, чтобы горел как столб*. Память о прошлом, сконцентрированная в камне, меняет ориентиры человека. Совершаемый им путь оборачивается вертикальным восхождением. В первой строфе задаются пространственные координаты жизненного

пути. Во втором четверостишии открывается возможность выворачивания внешнего пространства во внутреннее: «то, что снаружи крест, то изнутри окно». Окно выступает как символ открытого пути между мирами. В третьей строфе показывается выворачивание времени: *и незнакомый свет взгляд опыляет твой, / и по корням цветов гонит и гонит вспять / цвет золотых времен будущих пред тобой*. Последняя строфа построена уже на космологическом соответствии мира земли и луны: *Ближе, чем кровь, луна каждому из землян, / и по числу людей множится лунный род. / Видишь: над головой улиц или полян / лунных пейзажей клин поднят, как в перелет*. Таким образом, в каждой части текста представлен тот или иной тип выворачивания (горизонталь-вертикаль, внутреннее-внешнее, прошлое-будущее, низ-верх), реализующий идею всеобщей взаимосвязи и зеркальности мира.

Прозреваемое единство времен и пространств еще с точки зрения Хлебникова должно будет произвести переворот в человеке, привести к соединению его пяти чувств в одно ощущение. Он писал: «Так, есть величины, с изменением которых синий цвет василька (я беру чистое ощущение), непрерывно изменяясь, проходя через неведомые нам, людям, области разрыва, превратится в кукование кукушки или в плач ребенка, станет им» [Хлебников 1989: 318-319]. Эта идея синтеза всех чувств человека, распространяемая на окружающую действительность как идея всепричастности и взаимостановления оказывается концептообразующей и в метаметафоризме[1], и в творчестве поэтов ДООСа. Прорыв в «четвертое измерение» осуществляется с помощью и тропа, и звука. Так, Максим Бородин в цикле «Шум в ушах», посвящённом Хлебникову, объединяет удетероны, написанные звуком. Например:

вода

п п п п п п скртж вш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш скртж п п п п п

нирвана

ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш

музыка

па-па-таб-табада-па-па па-па-таб-табада-па- [Бородин 2011: 31]

Капли воды (п п) сливаются в потоки и образуют мелодию (па-па), а шелест воды оказывается «похож» на нирвану. Протяжённый во времени звук, которому придаётся и пространственная изобразительность, оказывается средством мирового языка.

Итак, поэты ДООСа, а до них метаметафористы (к сожалению, в рамках статьи нам удалось привести только один пример), часто обращаются к наследию В. Хлебникова, развивая его идеи и используя его приёмы (анаграмму, палиндром и т.д.). Сегодня продолжает быть

актуальным хлебниковское видение многомерности мира, единства пространства и времени, универсальности Вселенной, требующей адекватного подхода к ее описанию и, в связи с этим, обновления языка. Хлебников в одной из своих записей отмечал, что если язык Пушкина можно уподобить «доломерию» Евклида, то в языке XX столетия необходимо искать «доломерие» Лобачевского. Этими поисками продолжают заниматься современные поэты.

Примечание

[1] Метаметафоризм был предшественником ДООСа. Расцвет его пришёлся на 1980-е годы. Обычно к нему относят трёх поэтов – Ивана Жданова, Александра Ерёменко и Алексея Парщикова. Идеологом был тоже Константин Кедров.

Библиографический список

Газета Поэзия. 1997. № 3. // http://metapoet.narod.ru/poetry/poet03.htm

Жданов И. Фоторобот запретного мира. С.-Петербург: Пушкинский фонд, 1998.

Журнал ПОэтов. 2011. № 1 (26). М.: ООО «Графика».

Кедров К. А. Поэтический космос. М.: Советский писатель, 1986.

Кедров К. А. ИЛИ. Полное собрание сочинений. Поэзия. М.: Мысль, 2002.

Хлебников В. Творения. М.: Советский писатель, 1986.

Хлебников В. Избранное. М.: Детская литература, 1989.

E. A. Knyazeva
Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

VELIMIR KHLEBNIKOV AND THE POETRY OF DOOS: ASPECTS OF PERCEPTION

The article deals with the poetry of the Voluntary society for protection of dragonflies (DOOS). It examines the reasons for poets` attention to Velimir Khlebnikov art and reveals ideas, images and motifs of his poetry, remaining relevant to contemporary poetic avant-garde. The matter of the research is the 1st issue of the Poets Journal 2011, completely dedicated to the "Earth Global President" by Khlebnikov. Also the article considers texts written by Konstanitin Kedrov, the ideologist of DOOS, and metametaphorist Ivan Zhdanov in different periods of their art.

Key words: DOOS; anagram; palindrome; metametaphor; occasional word; futurism; eversion; time; space.

УДК 821 161 1(09) «1917/1991»

Михайлов Сергей Сергеевич
научный сотрудник
Центр истории и культуры старообрядчества
член Союза писателей России
mesherdkray@mail.ru

НОВЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ «САМОГО НОСАТОГО, САМОГО КОРИЧНЕВОГО АССИРИЙЦА» У И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА

В работе автор пытается продолжать свое расследование о Тавере Зумаеве – ассирийце, чистильщике обуви, который вскользь упомянут в произведении И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев». В данном случае делается попытка определить, из какого именно населенного пункта исторической ассирийской области Барвар Зумаев попал беженцем в Москву.

Ключевые слова: ассирийцы; миллет; селение; Барвар; барварная; информант; диаспора; старожил.

В данной работе мне хотелось бы вернуться к теме «самого носатого, самого коричневого ассирийца», коего вскользь упоминают в своем известном произведении «12 стульев» И. Ильф и Е. Петров [Ильф, Петров 1974: 166-167]. Личности этого персонажа, которого звали Тавер Зумаев и о котором мне стало известно от московских ассирийцев-старожилов, уже была посвящена небольшая работа [Михайлов 2015: 46-51], но автору хотелось бы попытаться выяснить о нем максимум информации. Мои информанты, сообщившие автору имя человека, «точка» по чистке обуви которого находилась с 1920-х гг. на углу улицы Тверской и Камергерского переулка в Москве, принадлежали к ассирийской группе (миллет) куная, представители которой проживали как раз в центральной части города, в том числе и вблизи этого места. Зумаев же, по нашим предположениям, мог принадлежать к небольшой группе семей ассирийцев-барварная, которая проживала вместе с несколькими семьями куная в Большом Палашевском переулке, вблизи Тверских улицы и бульвара.

На наш взгляд, важным моментом является выяснение максимально полной информации об этом человеке, включая и место его рождения, которое на данный момент у нас расширено до исторической области, откуда он происходит. Это может пригодиться и исследователям творчества И. Ильфа и Е. Петрова и будет ярким

© Михайлов С.С., 2016

штрихом в картине истории ассирийской диаспоры в России и ее роли в отечественной культуре XX столетия. В Москве и некоторых других городах ассирийцы, чистильщики обуви и представители других специальностей, поддерживали дружеские отношения со многими известными деятелями культуры. Здесь можно назвать имя Ираклия Андронникова, который был знаком с ассирийцем Ильей Юнановым (ассириец-дизная, уроженец села Чири-Чара) и любил, заходя в сапожную палатку, беседовать о классической музыке. Эпизод их знакомства впоследствии попал на страницы журнала «Родина» [Арутюнов 1997: 99]. Также можно привести имя Гиваргиса Беньяминова (ассириец-куная), которого знал весь Большой театр (благо его «точка» располагалась у служебных подъездов) и который после выхода в свет в 1940 г. фильма «Музыкальная история» каждый раз спасал С.Я. Лемешева от толп поклонниц [Михайлов, Фарис 2015: 36]. Подобные рассказы могут составить целую книгу.

Нам хочется знать, из какого именно населенного пункта ассирийского района – зависимого райята Барвар – происходил герой нашего повествования. Как мы уже упоминали в предыдущей статье, большинство московских барварная, происходивших из села Севин (севиная), с кем я встречался в 1990-2000-х гг., о Тавере Зумаеве ничего не знали. Не знают о нем и севиная, обосновавшиеся в 1920-1930-х гг. в Нижнем Новгороде, Владимире и Иваново. На московском Пятницком кладбище, где есть участки с более-менее компактными захоронениями уроженцев Севин и их потомков, могилы Зумаева и членов его семьи мы также не обнаружили. Следовательно, Зумаев был выходцем из другого селения Барвара, но какого?

По данным русского вице-консула в Ване Р. Термена, по состоянию на 1906 г., в Барвар входило 12 ассирийских селений: Хардаланис – 10 домов, Кодранис – 30 домов, Акванис – 10 домов, Шемунис – 8 домов, Орид – 3 дома, Хаджадж – 4 дома, Тхин – 3 дома, Севин – 13 домов, Исп – 8 домов, Селан – 2 дома, Горанис – 15 домов, Рязан – 12 домов. Он также сообщает и данные о семи селениях местности Барваре-Руд: Халил – 20 домов, Тркунис – 14 домов, Саринис и Гянкер – по 7 домов в каждом, Дармель и Саран – по 6 домов в каждом, а также резиденция патриархов Мар-Шимунов – село Кочанис с 95 домами [Термен 1910: 227-228]. Интересно, но Кочанис обычно территориально относили к местности Барвар. Его жителей – кучисная – и их потомков информанты-ассирийцы не относили к барварная, а всегда считали отдельной группой-миллет.

Надо также отметить, что названия населенных пунктов в книге Термена и в рассказах ассирийцев-старожилов часто звучат по-разному.

Например, Акванис Термена старожилы называли Акванес, а Кодранис в книге этнического ассирийца Михаила Юханновича Садо вместо «о» пишется через «у» [Садо: 2012: 40]. Здесь следует учитывать и диалектные моменты, и то, что русские авторы часто писали на слух, не всегда переспрашивая своих собеседников.

В России, по сведениям современного ассирийского историка, преподавателя Санкт-Петербургской Духовной Академии игумена Стефана (Садо), в России выходцы из Барвара поселились в следующих местах: Северный Кавказ, Новороссийск, Майкоп, Ростов-на-Дону, Москва, Ленинград, Владимир, Иваново, Нижний Новгород [Садо 2006: 13]. Мы к этому списку хотели бы добавить Курск, Вязьму, Ейск, Ставрополь, где по рассказам ассирийцев-старожилов также известны семьи барварная.

К сожалению, нам далеко не всегда известно, выходцы из каких селений проживали в том или ином городе. Со слов ассирийцев-старожилов, севиная мы более или менее представляем географию расселения их группы: Москва (район улиц Сретенка и Домниковка), Владимир, Иваново, Нижний Новгород, Курск. В книге М.Ю. Садо, посвященной репрессированным ленинградским ассирийцам, мы видим восемь ассирийцев-барварная, семь из которых были уроженцами села Кудранис, восьмой же фигурирует просто как выходец из местности Барвар, но, скорее всего, также был из Кудрариса [Садо 2012: 40, 90, 92, 129, 131. 151, 196, 204].

Вероятно, уроженцы Кудрариса могли присутствовать и в Москве. По нашим полевым материалам известно, что ассирийские семьи обосновывались в северной столице, а потом перебирались в Москву. Это, к примеру, было с частью беженцев из села Кон. Тавер Зумаев вполне мог быть уроженцем этого селения в Барваре.

Из дипломной работы А.С. Нуруллиной (РГГУ), посвященной заклинательным рукописям (научный руководитель А. Лявданский), мы знаем о переписчике, которого звали Хачо бар Яусип Бит-Бриндаро, проживавшем в 1920-х гг. в Москве, по адресу: улица Покровка, дом 14, кв. 8. Он был уроженцем селения Би-Хаджидж, также находившегося в Барваре [Нуруллина: 29]. Этот населенный пункт, насчитывавший 4 дома, мы встречали у Термена в форме Хаджадж. Возможно, что все уцелевшие во время резни и исхода его жители попали в Москву и жили примерно по тому же адресу – ассирийские беженцы, оказавшись в чужой стране, старались селиться рядом со своими соплеменниками. Скорее всего, эта колония вскоре покинула Москву, поскольку в 1990-х гг. опрашиваемые мной ассирийцы-старожилы, включая барварная из с. Севин, жившие прежде в соседнем районе города, менее чем в двух

километрах от Покровки, о ней ничего не знали. Возможно, если бы Зумаев с семьей жил в той части московского центра, то и «стоянку» ему бы выделили в том районе, а не на Тверской.

Недавно я обнаружил в своих полевых записях 1994 г. рассказ московского старожила-ассирийца Якова Юханновича Вартанова, севиная по происхождению, где было упоминание о выходцах из другого селения Барвара, из Акванеса (аквасная), также поселившихся в Москве. Вартанов конкретно не говорил, что аквасная поселились в Большом Палашевском переулке, да и я тогда еще не знал про Тавера Зумева и не задал ему конкретный вопрос про него и его группу. Я.Ю. Вартанов, прекрасно осведомленный о московской ассирийской истории, упомянув про выходцев из Акванеса, ничего не вспомнил о Кудранисе. Осмелимся здесь предположить, что уроженцев последнего и их потомков в Москве он не знал. В то же самое время аквасная какое-то отношение к Москве имели, поскольку упомянуты были при разговоре о миллет и деревнях, беженцы из которых оказались столице. Пока эта группа является наиболее вероятным «претендентом» на принадлежность к ней эпизодического героя Ильфа и Петрова.

Хотелось бы коснуться еще одной группы, которая происходила с территории Барвара – уроженцев села Кочанис. Согласно нашим полевым сведениям, кучисная были представлены отдельными семьями, поселившимися в Москве, Владимире, Воронеже и Мариуполе. Семья кучисная в Москве, по словам старожилов, проживала на улице Петровка. Возможно, изначально вместе с ней проживали и другие семьи, которые затем выехали из страны. Однако, если бы Зумаев относился к этой группе, то к выходцам из других селений Барвара его никто бы не относил.

На территории России и бывших советских республик, как правило, встречаются выходцы из одних и тех же ассирийских миллет и населенных пунктов. Это объясняется тем, что во время исхода жители различных населенных пунктов, ведомые своими маликами и старшинами, попадали в ту или иную волну беженцев. Кто-то шел в сторону России, кто-то на территорию, которую контролировали англичане. Изредка в поток ассирийцев другого маликства или села попадали уроженцы иных земель, отбившиеся от своих. Так, в городах России и Закавказья оказались ассирийцы аширетных племен-миллет Тьяри, Тхума, Баз, района Левин и резиденции патриархов Мар-Шимунов – села Кочанис. Большинство же представителей этих групп, уцелевших после геноцида, ушли к англичанам, и их потомки живут в странах Запада.

К сожалению, сейчас в Москве и других городах невозможно найти представителей ассирийского миллет барварная, которые могли бы рассказать о том, беженцы из каких селений попали в Россию. Представители севиная могут поведать только часть истории своих односельчан. В официальных документах в большинстве случаев место рождения беженцев из горных районов Турецкого Курдистана записано по иранскому паспорту – город Урмия. Последнее место ассирийцы-горцы сообщали при получении документа этой страны как наиболее известное им место проживания иранских ассирийцев. Точные сведения о той или иной семье или конкретном человеке могут быть получены только в ходе полевой работы со старожилами диаспоры. Там могут быть и интересующие нас сведения о Зумаевых.

Помимо принадлежности к указанной сельской группе, нам интересна и принадлежность семьи Зумаева к родовой группе – «отжах». Здесь сразу возникает проблема: многие ассирийские региональные диаспоры забыли свое родовое деление уже к концу XX в. Мне удалось записать в Москве сведения такого рода только у представителей племени джильвая (маликство Джилу) из села Алсан (аласная), у тех же куная, а также некоторых групп гяварная (райят Гявар).

Однако точную информацию о происхождении Тавера Зумаева, а также подробности его жизни, могли бы рассказать представители его семьи или ассирийцы, жившие с ним рядом. Но в ходе полевых исследований московской ассирийской диаспоры, автору не удалось выйти на членов семей, составлявших ту небольшую колонию в Большом Палашевском переулке.

Библиографический список

Арутюнов В. Когда Андронников молчит. // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. М., 1997. №11. С.99-102.

Ильф И., Петров Е. 12 стульев. М., 1974.

Михайлов С. С. «…самый коричневый, самый носатый ассириец…» у Ильфа и Петрова: кто был прототипом. // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи. Материалы III Всероссийской научной конференции 21 апреля 2015 года. Пермь, 2015. С.46-51.

Михайлов С., Фарис В. Ассирийцы на новой Родине. М., Археодоксія, 2015.

Нуруллина А. С. Сирийские заклинания как продолжение арамейской заклинательной традиции поздней античности: исследование по материалам рукописей ЦНБ ИНЦ РАН. Б.г. (на правах рукописи).

Садо М. Ю. Мартиролог ленинградских ассирийцев. СПб., 2012.

Садо Стефан. Материалы к биографическому словарю ассирийцев в России (XIX – середина XX века). Издание 2-е. СПб., 2006.

Термен Р. И. Отчет о поездке в санджак Хеккиари Ванского вилайета в 1906 году. Тифлис, 1910.

S. S. Mikhailov
Researcher Assistent
The Center of the History and Culture of the Old Believers
Member of the Union of Writers of Russia

NEW TRAITS OF THE PORTRAIT OF "THE MOST BIG-NOSED, MOST BROWN ASSYRIAN" IN THE TEXTS OF I. ILF AND E. PETROV

The author tries to continue his investigation about Taver Zumaeve – the Assyrian, the shoe shiner mentioned in passing in the novel by I. Ilf and E. Petrov "12 chairs". In this case, it is an attempt to determine from what settlement of Barvar, the historical Assyrian region, Zumaev was as a refugee in Moscow.

Key words: Assyrians; Millet; settlement; Barwar; barwarian; informant; diaspora; the old residents.

УДК 821.161.1-14

Моисеева Анна Александровна
старший преподаватель кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
akunevich@mail.ru

АМФИОН И ОРФЕЙ: СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ МИФОВ О ПОЭТЕ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИРИКИ

В данной статье сопоставляются истории бытования в русской лирике двух мифологических образов – Амфиона и Орфея. Первоначально оба они воспринимались как синонимы понятия «поэт». Мы рассматриваем своеобразное соревнование между ними и предлагаем гипотезу, объясняющую причины «забвения» Амфиона современной культурой.

Ключевые слова: мифологические образы античности; миф о поэте; история русской лирики.

Певец и музыкант Орфей, вне всяких сомнений, до сих пор является одним из самых востребованных культурой образов античной мифологии. Нельзя сказать то же самое об Амфионе, другом легендарном музыканте античности. Однако в истории русской поэзии был период, когда эти мифологические герои воспринимались как равнозначные и даже составляли своеобразный символический тандем.

Очевидно, впервые в России два этих имени были помещены в один ряд в 1667 г. Симеоном Полоцким в его знаменитом фигурном стихотворении «Орел Российский», которое впоследствии было включено в задуманный как подарок государю Алексею Михайловичу поэтический сборник «Рифмологион» (1668). На значимость ряда имен мифологических поэтов для понимания замысла «Орла Российского» обращал внимание ещё советский литературовед А.И. Белецкий в начале 40-х гг. XX в.: «…привлечение всего этого материала в целях эстетического воздействия на читателя было, действительно, новшеством. «“Орел российский” как будто опережал позднейшую похвальную оду классического стиля. Стихотворец взывает к Аполлону и девяти музам, предлагая им воспеть славу царя и величие России. Музы славословят, но во всей полноте исполнить задание им не под силу. <…> Приходится воззвать к поэтам баснословных времен.

Где Орфей, игрец с струнами своими?
Да поет ныне с мусами моими.
Не лес да скачет я злачна дубрава,

© Моисеева А.А., 2016

Но да гласится сына царска слава.

……..

Плыви в Россию по морской пучине

Арион славный хотя на дельфине,

И Амфиона привлеци с собою,

Да струны бьет своею рукою» [Белецкий 1941:8].

Следует отметить, что в стихотворении С. Полоцкого между Орфеем и Амфионом располагается ещё один древнегреческий певец, Арион, но в последующей поэтической традиции, в частности XVIII в, гораздо чаще, чем это «трио», можно наблюдать «дуэт». Так, например, в поэзии В.К. Тредиаковского имена Орфея и Амфиона стоят рядом, на первый взгляд, создавая у читателя бесспорное впечатление равноценности, если не взаимозаменяемости этих мифологических персонажей, причём данная ситуация обнаруживается в его творчестве неоднократно. Мы находим её и в знаменитой «Эпистоле от Российской Поэзии к Аполлину» (1735), где придворный дрезденский поэт Иоганн Генрих Кениг называется Орфеем, а муза-«сестра» самого В.К. Тредиаковского сопоставляется с музой Амфиона: *Что же сладкий тот Орфей, Пиндар тот избранный, / В благородном роде сем Ке́нигом что званный? / В нем сестра моя всегда пела героично, / Амфио́нской петь бы так было с ним прилично* [Тредиаковский 2007: 88]; и в обеих редакциях «Оды торжественной о сдаче города Гданска», как в первоначальной 1734-го г., так и в окончательной 1752-го: *Но буде б ревности сердечной, / Что имеет к Анне жар вечный, / Моея глас лиры сравнился, / То бы сам и Орфей фракийский, / Амфион купно б и фивийский / Сладости ее удивился»; «Но когда б с самым сердечным / К Анне духом, сим и вечным, / Песнь сравнилась днесь моя, / То б сам и Орфей Фракийский, / Амфион бы и Фивийский / Восхищен был от нея* [Тредиаковский 2007: 111].

Вместе упоминаются Орфей и Амфион в «Оде вздорной III (Среди зимы, в часы мороза…)» (1759) А.П. Сумарокова: *Великий Аполлон мятется, / Что лира в руки отдается / Орфею, Амфиону нынь…* [Сумароков 1957: 290]. Современная исследовательница Н.В. Яговкина, анализируя данное произведение, делает интересное для нас наблюдение: «Вспомним, что музыка Орфея заставляла растения склонять ветви, камни – сдвигаться; Амфион игрой на лире не просто приводил камни в движение, а заставлял их ложиться в установленное место. Можно предположить, что Орфей – метафорический образ Ломоносова, а Амфионом представляется сам поэт. То есть он не просто может творить, а творить «правильно», доносить свои мысли до читателей, говорить «простым» языком» [Яговкина 2012: 111-112]. Если

данное предположение является верным, то, во-первых, перед нами уже второе после «Эпистолы…» В.К. Тредиаковского парное сопоставление Орфея и Амфиона с современными для его автора поэтами, одним из которых, что любопытно, оказывается он сам; во-вторых, несмотря на внешне декларируемую равновеликость Орфея и Амфиона, при внимательном рассмотрении последний оказывается чуть ли не более значимой фигурой в контексте классицистической эпохи с ее возвеличиванием гармонически упорядоченной деятельности, созидательного труда человека. На это указывает, в первую очередь, зафиксированное стремление поэтов-классицистов отождествить самих себя именно с Амфионом.

Соседство имен Орфея и Амфиона наблюдается и в гораздо позднее написанном, но не менее известном поэтическом тексте XVIII в. – поэме И.Ф. Богдановича «Душенька» (1786). Речь идет об описании чудесного оркестра, музыкой которого главная героиня наслаждалась в обители своего супруга Амура: *Коль можно почитать за правду все слова, / У греков есть молва, / Что будто бы к сему торжественному хору / Нарочно сысканы Орфей и Амфион, / И будто, в Душеньку влюбяся по разбору, / Играл и правил там оркестром Аполлон* [Богданович 1972: 316]. В этом случае мы не можем говорить о тяготении автора к кому-либо одному из двух мифических певцов, в частности, о выше отмеченной у его предшественников «тайной симпатии» к Амфиону, что, возможно, объясняется бесспорным отходом И.Ф. Богдановича от традиций классицизма. Для него это, по сути, совершенно равнозначные имена, иносказательно обозначающие великих музыкантов.

Закономерно возникает вопрос о возможных причинах появления в русской поэзии XVIII в. загадочной для современного читателя (хорошо знакомого лишь с одним из двух этих героев) пары: Орфей – Амфион. По-видимому, ответ на него кроется непосредственно в древнегреческой мифологии. При сопоставлении мифологических сюжетов с участием обоих легендарных певцов без труда можно обнаружить некоторые общие «биографические моменты». Оба они – полубоги-кифареды, способные посредством музыки управлять природными стихиями, любимцы светозарного покровителя искусств Аполлона. Приверженность культу Аполлона приводит их обоих к конфликту с поклонниками вакхических таинств: Амфион вместе с братом Зетом жестоко казнит вакханку Дирку, обидчицу своей матери; Орфея самого убивают оскорбленные им вакханки, в неистовстве разрывая на куски его тело. Однако в обеих мифологических историях в процессе пристального изучения обнаруживается также и богоборческий по своей

сути мотив разрыва с покровителем-Аполлоном, связанный с трагической гибелью обоих героев. Именно Аполлон становится причиной самоубийства несчастного Амфиона, чьих детей он убивает, чтобы отомстить печально знаменитой жене фиванского певца, Ниобе, за дерзкую похвальбу перед его божественной матерью Латоной. Косвенную вину Аполлона можно обнаружить и в несчастьях Орфея: согласно одной из версий мифа о гибели Эвридики, озвученной Вергилием в четвертой книге его дидактической поэмы «Георгики», она умерла в расцвете лет, так как нечаянно наступила на ядовитую змею, убегая от преследовавшего ее Аристея, сына Аполлона, прозванного «Аполлоном Пастушьим».

Очевидно, в период становления в России светской литературы, ориентированной на западноевропейскую модель словесного творчества и, как следствие, богатой заимствованиями из античной классики, поэтами в первую очередь было зафиксировано сходство мифов об Орфее и Амфионе. Оба мифологических героя были восприняты как схожие символические воплощения самой идеи творческой личности, исключительно одаренного человека – музыканта, певца, поэта, Художника с большой буквы. При этом нельзя сказать, что Орфей в данный период является «ведущим» в этой паре, однозначно более известным и востребованным героем, скорее даже, как мы выяснили, есть некоторые основания для обратного утверждения.

Достаточно широкую известность и самоценность имени Амфиона еще в конце XVIII – начале XIX в. подтверждают его упоминания независимые, изолированные от имени Орфея: «Твои великолепны песни подобны песням Амфиона…» (А.П. Сумароков «Ода вздорная I (Превыше звезд, луны и солнца…)», 1759) [Сумароков 1957: 286], Песнь *Амфионова сердца смягчала дики, / И звери слушали приятной сей музыки. / Ты пением своим невежд увеселишь / И грубость их сердец, как Амфион, смягчишь, / Когда так станешь петь для утешенья россов, / Как Сумароков пел и так, как Ломоносов…* (М.М. Херасков «Письмо», 1760) [Херасков 1961: 102]; *...Не то, что в книгах, нам История внушает! / Вообразим, как Петр Россию воскрешает! / По баснословию, что делал Амфион, / В глазах Европы всей не то ли делал он? / Не умягчил ли он Россиян нравы дики? / Не вдруг ли создал град и крепости велики?* (М.М. Херасков «Плоды наук (Дидактическая поэма)», 1761) [Херасков 2016]; *Нам славит древность Амфиона: / От струн его могущих звона / Воздвигся город сам собой… / Правдоподобно, хоть, и чудно / Что древнему поэту трудно? / А нынче?.. Нынче век иной» (В.А. Жуковский «К князю Вяземскому (Нам славит древность Амфиона…*), 1814) [Жуковский 1980: 205]; *Коснись струнам, и Аполлон, / Оставя*

берег Альбиона, / Тебя, о юный Амфион, / Украсит лаврами Бейрона» (В.Ф. Раевский «К друзьям в Кишинев) [Раевский 1980: 46].

Помимо стихов, ярким примером, доказывающим востребованность образа Амфиона русской культурой начала XIX в., является название известного периодического издания. «Амфион» – именно так назывался российский ежемесячный журнал, издававшийся в Москве в 1815 г., издателем и редактором которого был поэт и литературный критик А.Ф. Мерзляков. В этом журнале были впервые опубликованы такие впечатлившие публику стихотворные произведения, как «Разлука» самого редактора А.Ф. Мерзлякова, «Алина и Альсим» В.А. Жуковского, «Элегия» Д.В. Давыдова. Также в «Амфионе» «помещали свои произведения К. Батюшков, П. Вяземский, А. Кокошкин, В. Один, А. Писарев, Г. Сахаров, Н. Сушков и др.» [Амфион 2016]. Представляется маловероятным, чтобы авторы и читатели журнала могли не знать подлинного значения его названия, тем более что на рубеже XVIII–XIX вв. существовала своеобразная журнальная мода на названия-мифонимы. В период с 1790 по 1815 гг. выходили журналы с такими заглавиями, как «Санкт-Петербургский Меркурий», «Аониды», «Муза», «Иппокрена», «Свиток муз», «Московский Меркурий», «Минерва», «Талия», «Ореады», «Северный Меркурий», «Каллиопа». Как мы видим, абсолютное большинство мифологических по своему происхождению наименований соотносятся с темой поэзии, и само имя «Амфион» весьма логично вписывается в этот ряд. Отметим, что журнала с названием «Орфей» в данный период зафиксировано не было, и этот факт опять-таки свидетельствует о том, что в указанный исторический период Орфей еще не затмил своей славой Амфиона в глазах культурной аудитории.

Однако начиная с 30-х гг. XIX в. ситуация постепенно меняется. Имя Орфея как метафорическое обозначение поэта появляется в стихах многократно: в произведениях Ф.Н. Глинки («Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», 1830), П.А. Вяземского («На радость полувековую…», 1838 г.), А.Н. Апухтина («Орфей и паяц», год написания неизвестен), А.Н. Майкова («Мотив Коппе», 1889), В.С. Соловьева («Три подвига», 1882; «Поллион», 1887) и др. Имя же «Амфион» подобную семантику утрачивает. Упоминание об этом герое обнаруживается в стихотворении А.Н. Апухтина «Ниобея» (1867), основная часть которого представляет развернутое высказывание от лица героини, однако в нем Амфион интересен автору не как поэт, а как муж Ниобеи и отец ее погибших детей: *Их семеро было вчера у меня, / Могучих сынов Амфиона, / Сегодня… О лучше б не видеть мне дня… / Насыться, насыться, Латона!* [Апухтин 2016].

Если мы обратимся к истории XX в., то убедимся, что образ Орфея приобретает ещё большую популярность в литературе, играя немаловажную роль для понимания лирики И.Ф. Анненского, В.Я. Брюсова, В.И. Иванова, Б.Л. Пастернака, М.И. Цветаевой, И.А. Бродского и многих других выдающихся поэтов. Однако имя Амфиона в классической поэзии XX в. практически не употребляется вообще.

Дать однозначное объяснение феномену «забвения» Амфиона вряд ли возможно, можно лишь строить гипотезы и предположения. Наиболее вероятным объяснением представляется постепенный процесс психологизации мифологических героев читателями, поиск ими каких-то интересных личностных черт, делающих персонажей античности более близкими и понятными рефлексирующему сознанию эпохи реализма. Если мы зададимся вопросом, чем интересны Амфион и Орфей не только в «профессиональном» плане (как великие музыканты), но в плане личном, то увидим, что психологический облик Орфея облагораживает и возвышает его великая любовь к Эвридике, ради которой он нисходит в Аид, подземное царство мертвых. Тогда как Амфион в отношениях с Ниобой предстает как пассивная сторона, недальновидный и слабый мужчина, который не сумел спасти жену и детей, предвидеть и отвратить гибельный гнев богов. Возможно, эта «слабость» и становится причиной постепенного забвения его имени и окончательного торжества Орфея. Хотя, повторимся, это лишь одна из возможных гипотез.

Библиографический список

Амфион [М., 1815] // Русская периодическая печать (1702 – 1894). Периодика. // Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. // URL: http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-1481.htm (дата обращения: 07.04.2016).

Апухтин А. Н. Стихотворения // URL: http://az.lib.ru/a/apuhtin_a_n/text_0010.shtml (дата обращения: 05.04.2016).

Белецкий А. И. Введение: I, На рубеже новой литературной эпохи // История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Издательство АН СССР. Т. III. Литература XVIII в. Ч.1. С.1 – 24.

Богданович И. Ф. Душенька. Древняя повесть в вольных стихах. // Русская поэзия XVIII века. М.: Художественная литература, 1972. С. 291 – 369. (Библиотека всемирной литературы. Сер. 1. Т. 57.)

Раевский В. Ф. Стихи // Высокое стремленье: Лирика декабристов. М.: Детская литература, 1980. с.30 –57.

Жуковский В. А. Сочинения в 3-х т. М.: Художественная литература, 1980. Т.1. Стихотворения. 438 с.

Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. 608 с. (Библиотека поэта. Большая серия.).

Тредиаковский В. К. Лирика, «Тилемахида» и другие сочинения. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. 624 с.

Херасков М. М. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель. 1961. 410 с. (Библиотека поэта. Большая серия.).

Херасков М. М. Плоды наук (Дидактическая поэма) // Творенія М. Хераскова, вновь исправленныя и дополненныя. Часть III, М.: 1797 // URL: http://az.lib.ru/h/heraskow_m_m/text_0030oldorfo.shtml (дата обращения: 01.04.2016).

Яговкина Н. В. Сатирическая пародия как средство литературной полемики (на примере «Вздорной Оды III» А.П. Сумарокова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. №146, 2012. С. 108 – 113. // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/satiricheskaya-parodiya-kak-sredstvo-literaturnoy-polemiki-na-primere-vzdornoy-ody-iii-a-p-sumarokova (дата обращения: 05.04.2016).

A. A. Moiseeva
Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

AMPHION AND ORPHEUS: CONFLICT OF TWO MYTHS ABOUT POET IN THE HISTORY OF RUSSIAN LYRICS

In this article we compare the history of two mythological images in Russian lyrics, Amphion and Orpheus. Initially both of them were synonyms for “Poet” as the concept. We observe a specific competition between them and suggest a hypothesis which explains why Amphion is forgotten in the context of contemporary.

Key words: mythological images of antiquity; myth about poet; history of Russian lyrics.

УДК 821.161.1 (1-83)

Сухоева Дарья Александровна
соискатель кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
darya.sukhoeva@gmail.com

ОБРАЗ РОССИИ В «СОРРЕНТИНСКИХ ФОТОГРАФИЯХ» В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

Статья представляет собой анализ образа России в «Соррентинских фотографиях» В.Ф. Ходасевича, который складывается из образов воспоминаний. В представленной работе рассматриваются сквозное время и сквозное пространство в стихотворении. Особое место при анализе отводится библейским образам и сюжетам, образам обыкновенных людей, авторскому осмыслению исторических событий.

Ключевые слова: тема памяти; образ России; революции; сквозное время; сквозное пространство; портрет эпохи.

Образ России в творчестве В.Ф. Ходасевича периода эмиграции практически не встречается, поэтому стихотворение «Соррентинские фотографии» занимает в нем особое место. Это одно из немногих произведений поэта, где появляется тема памяти. «Снимки ”фотографаротозея”, воспоминания о Москве, празднование Пасхи итальянцами и <...> картины Петербурга. Эти четыре эпизода обрамлены лирическим сюжетом – сюжетом воспоминаний» [Куликова 2008: 11]. По мнению Д. Бетеа, «”Соррентинские фотографии” показывают воспоминания о жизни поэта в Москве и Петербурге в воспоминаниях о его жизни в эмиграции» [Bethea 1980: 59]. На наш взгляд, ряд воспоминаний, представленный в «Соррентинских фотографиях», работает на одну общую идею произведения – осмысление русской революции 1917 г.

В связи с темой памяти необходимо отметить образы тени, дыма, воды и тумана, повторяющиеся на протяжении всего стихотворения: *«Смешались воды, люди, дым»* [270]; *«Над мутною Москвой-рекой»* [271]; *«жалкой тенью набежал»* [271]; *«В тумане Прочида лежит, / Везувий к северу дымит»* [274]; *«Встает Неаполь из паров»* [274]; *«Весь в очертаниях сквозных, / Как был тогда, в студеной дымке»* [274]; *«Вороньи стаи, дым морозов, / Давно рассеявшийся дым»* [274]; *«Тень соррентинских фотографий»* [275]. Воспоминание нечетко и размыто. Визуальная составляющая стихотворения выражена в следующих эпитетах: *полупрозрачный, помутнелый, сквозной, мутный, тусклый, стеклянный, рассеившийся.* Цветовая характеристика предметов,

© Сухоева Д.А., 2016

явлений природы и людей представлена полутонами, краски размыты, что выражается в ряде следующих эпитетов: *закопченный, рыжеватый, заржавленный, темно-ржавый, зеленоватый, темный.* Звуковой фон стихотворения представлен хаотичным наслоением звуков природных и механических, человеческих и животных: женский вой, стрекот мотоциклетки, отзвук рокота и гула, шум, глухое пение, гремящий хор. Воспоминание неярко и нечетко, словно изображение на черно-белом негативе, окружено какофоничными звуками. Цветовые и звуковые образы стихотворения работают на одну концепцию: воспоминание в сознании лирического героя имеет размытые очертания и окружено неприятными звуками.

В «Соррентинских фотографиях» появляется еще один образ воспоминания – ветви оливкового дерева. В библии ветвь оливы – это символ мира. В связи с этим Д. Бетеа утверждает, что «символ жизни и мира – оливковое дерево – кажется совсем не уместным в смертельном ландшафте “Европейской ночи”» [Bethea 1980: 61]. Однако в произведении Ходасевича узловатые ветви оливы символизируют «узловатую» память лирического героя. Кроме того, можно полагать, что ветвь оливы символизирует античность и гармонию золотого века, но ряды звуковых и цветовых образов доказывают аудиально-визуальную дисгармонию воспоминаний и окружающего мира.

Мифологический образ оливы как дерева мира в поэзии Ходасевича трансформируется в образ-символ памяти. Память можно считать символом единения мира, а ветви оливы символом мира, поскольку в «Соррентинских фотографиях» память соединяет вместе три реальных хронотопа: современная Италия, дореволюционная Москва, революционный Петербург. Многие исследователи говорят о присутствии московского и петербургского текстов в «Соррентинских фотографиях» [Богомолов 2004, Куликова 2008, Кормилов 2011]. Однако, как представляется, «Соррентинские фотографии» – пример произведения, в котором воплощается образ всего мира. Реальное историческое пространство совмещается с мифологическим и библейским (образ царства Аида, образ девы Марии и образ Денницы). Кроме того, Ходасевич описывает хронотоп пушкинских произведений: «Московский домик напоминает пушкинские петербургские домики – „домишко ветхий“ «Медного всадника», “смиренную лачужку” «Домика в Коломне», «низкий, но опрятный деревянный домик» из «Уединенного домика на Васильевском», а кроме того «ветхую лачужку» из «московской» повести ”Гробовщик”» [Куликова 2008: 13]. Аллюзии из пушкинских произведений в «Соррентинских фотографиях» важно упомянуть в связи с тем, что образы московских и петербургских

домиков из произведений Пушкина также играют важную роль в создании образа России.

Образы итальянской природы подчинены воспоминаниям о ходе русской истории в предреволюционные и революционные годы. Находясь в Италии, лирический герой вдруг вспоминает о российских городах, поэт сравнивает воспоминания с помутневшим фотографическим снимком, тем самым придавая воспоминаниям эффект реалистичности, достигаемый фототехникой:

Порой фотограф-ротозей
Забудет снимкам счет и пленкам <...>
Так сделал нынешней зимою
Один приятель мой. Пред ним
Смешались воды, люди, дым
На негативе помутнелом [270].

Исторические события России начала XX в. в этом стихотворении представлены посредством приема «видение сквозь» [Куликова 2008; Волкова 2001]. В первой части стихотворения поэт обращается к образам дореволюционной Москвы:

Я вижу скалы и агавы,
А в них, сквозь них и между них
Домишко низкий и плюгавый <...>
Он всё маячит предо мной,
Как бы сползая с косогора
Над мутною Москвой-рекой [271].

В третьей части сквозь летнюю, тёплую Италию (Капри, Сорренто, Венеция, Неаполь) проглядывает холодный ноябрьский Петербург 1917 г.:

Я вижу светлые просторы,
Плывут сады, поляны, горы,
А в них, сквозь них и между них <...>
Как был тогда, в студеной дымке,
В ноябрьской утренней заре,
На восьмигранном острие,
Золотокрылый ангел розов [274].

Фотографическая поэтика, заявленная в названии стихотворения, при изображении Москвы и Петербурга сменяется кинематографической. Воспоминания, рожденные в наслоении негативов, словно оживают в сознании повествователя. Случайные кадры складываются так, что исторический факт обретает символический смысл: Россия – это жертва революции, беленький козленок – агнец божий, а революция – вулкан, непредсказуемая стихия. Библейское жертвоприношение агнца оказывается символом Русской

революции 1917 г. Этот библейский сюжет продолжает традиции символистов, переосмысливших революционную жертвенность в библейско-мистическом ключе: *А козлик ножки в небо вскинув, / Везувий рожками бодал* [270].

Различные хронотопы в этом произведении Ходасевича объединяет еще один библейский сюжет – сюжет Великой субботы, предшествующий празднованию Пасхи. Описание дореволюционной Москвы в первой части стихотворения и революционного Петербурга – в третьей связаны через события страстной пятницы и великой субботы в центральной части стихотворения: *В страстную пятницу всегда / На глаз приметно мир пустеет* [272].

Дева Мария, образ которой появляется во второй части стихотворения, окружена черным цветом: *Как чёрный парус, меж домами / Большое знамя пронесли* [272]; *Толпа колышется чернея* [273]. Что отсылает к сюжету Великой субботы, которая символизирует сошествие во ад Иисуса Христа. Ад в стихотворении представлен в образе царства мертвых: *Айдесский древний ветер веет* [272]. Образ девы Марии в «Соррентинских фотографиях» сопоставим с образом Христа в поэме А.А. Блока. Дева Мария у Ходасевича и Иисус Христос у Блока являются, на наш взгляд, образами «проводников» революции. Образ Марии динамичен, и возникает ощущение, что статуя живая: *плывет высокая, прямая, ладонь к ладони прижимая* [273], однако этот образ снижен, в стихотворении изображена мертвая дева Мария *с недвижной благостью в лице* [273], *и держит ручкой восковой* [273]. В конце второй части «Соррентинских фотографий» появляется образ последней утренней звезды *(Переливается Денница...* [273]). Употребление термина Денница с прописной буквы, как у имен собственных, отсылает к традиции именования Люцифера.

После исчезновения девы Марии из поля зрения читателя, остается голубой отсвет, и в небе возникает яркий переливающийся свет утренней звезды. Исходя из этого, можно обозначить два пространства: пространство девы Марии – улицы Сорренто и собор – земной мир; пространство Денницы – небо, горний мир. В связи с этим интересно сравнение с образом Иисуса Христа у Блока: *В белом венчике из роз / Впереди Исус Христос* [Блок 1972: 267]. Проводник революции, Иисус Христос в поэме «Двенадцать» представлен в белом цвете, дева Мария в стихотворении Ходасевича – в черном. Кроме того, в «Соррентинских фотографиях» появляется неоднозначный образ Денницы. В этом парадоксе и заключается ирония, о которой говорит Д. Бетеа: «Это стихотворение показывает поэта в его лучших, если не в самых типичных красках, и показывает его иронию, большей частью “выдержанную” и наименее горькую» [Bethea 1980: 69]. Ироничной в

данном случае представляется трактовка Денницы. Деву Марию на улицах Сорренто заменяет сияющий, находящийся в небе Люцифер, поэтому иронию Ходасевича, на наш взгляд, следует понимать как трагическую. Трагические интонации имеют место в связи с осмыслением поэтом революции, изначально принятой поэтом, но осужденной в период эмиграции.

Ходасевич изображает в произведении совмещающиеся времена и пространства, избегает подробного изображения человека. Люди в «Соррентинских фотографиях» показаны частично, нечетко, размыто, бесцветно или в черном цвете: *Смешались воды, люди, дым / На негативе помутнелом* [270]; *Четыре прачки, полубоком* [271]; *Толпа колышется, чернея* [273]. Такое нарочитое стирание лиц может трактоваться как историческая мизерность простого человека. Тем не менее в «Соррентинских фотографиях» есть два более или менее описанных персонажа: полотер Савельев и хозяин остерии: *И полотера лоб курчавый* [271]; *взлохмаченный хозяин* [272]). Образ мертвого полотера символизирует царскую Россию. Итальянский хозяин остерии – обыватель, мимо которого, не обратив внимания, прошла революция в образе мертвой девы Марии: *К порогу вышел своему / Седой хозяин остерии. / Он улыбается Марии. / Мария! Улыбнись ему! / Но мимо: уж она в соборе* [273].

В стихотворение проникает один образ, появление которого обусловлено обстоятельствами жизни поэта. Ходасевич создает статичное, как на фотографии, зашифрованное в наслоившихся друг на друга негативах, не сразу уловимое лицо: *Запечатлеет он залив / За пароходною кормою / И закопченную трубу / С космою дымною на лбу* [270]. Единственная деталь из указанного отрывка (дымная косма на лбу) может служить деталью портрета. Можно предположить, что здесь «зашифровано» лицо М. Горького. Горький был коллегой Ходасевича по газете «Беседа», которую на протяжении трех лет они издавали вместе. Согласно воспоминаниям Н.Н. Берберовой, «Горький глубоко был привязан к нему [Ходасевичу – прим. Д.С.], любил его как поэта и нуждался в нем как в друге» [Берберова 1996: 230]. В 1925 г., когда создавались «Соррентинские фотографии», появление портрета Горького в поэзии Ходасевича было закономерно. Однако образ Горького, как и образы людей и толпы в «Соррентинских фотографиях», явлен в этом произведении нечетко, в черно-белой гамме («на негативе помутнелом»). Минус-прием – намеренное избегание деталей в портрете – говорит о незначимости для исторического процесса даже исторической личности.

Библейские образы девы Марии и агнца, напротив, прорисованы довольно подробно и в движении: *С недвижной благостью в лице, <...>*

/ Плывет, высокая, прямая, / Ладонь к ладони прижимая, / И держит ручкой восковой / Для слез платочек кружевной [273], *И козлик, ноги в небо вскинув, / Везувий рожками бодал* [270]. Агнец божий здесь – символ жертвы революции; дева Мария – образ проводника революции, духовное начало, «управляющее» стихией революции.

В стихотворении «Соррентинские фотографии» стираются пространственно-временные границы, лица; соединяются бытие и небытие, прошлое и настоящее, реальное и мифологическое. Время и пространство понимаются поэтом как безграничные. Образ России, который практически не появляется в других эмигрантских произведениях Ходасевича, в «Соррентинских фотографиях» представлен нечетко и размыто. Образ России явлен в разных пространственно-временных образах (Москва, Петербург) и имеет исторические, географические и культурные детали.

Библиографический список

Берберова Н. Н. Курсив мой. М.: Согласие, 1996. 768 с.

Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. Театр: В 2 т. Т.2.: 1908 1921. Л.: Художественная литература, 1972. 464 с.

Богомолов Н. А. Москва в поэзии Владислава Ходасевича / От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М.: НЛО, 2004. С.119-127.

Волкова Е. В. Мотив в поэтическом мире автора (На материале поэзии В.Ф. Ходасевича): дис ... канд. филол. наук: 10.01.10 Москва, 2001. 193 с.

Кормилов С. И. Москва в поэзии Владислава Ходасевича // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология, 2011. № 3. С. 84–93.

Куликова Е. Ю. О сквозном пространстве в лирике В. Ходасевича // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2008. № 4. С. 11–15.

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т 1: Стихотворения и литературная критика 1906 1922. М.: Согласие, 1996. 591 с.

Bethea David M. Sorrento Photographs: Khodasevich's Memory Speaks // Slavic Review. 1980 Vol. 39, №1. Pp. 56–69.

D. A. Sukhoeva
Postgraduate Student of Russian Literature Department
Perm State University

THE IMAGE OF RUSSIA IN “SORRENTO PHOTOGRAPHS” OF V.F.KHODASEVICH

The article is an analysis of the themes of memory and images of memories in “Sorrento photographs” of V.F. Khodasevich. In the present paper deals with a through time and through space in the poem. A special place is given to the analysis of biblical images and stories, the image of an ordinary people, the author's understanding of historical events.

Key words: thema of Memory; the image of Russia; the revolution; through time; through space; portrait of the era.

УДК 821.161.1+821.58

Цюй Хойцзюнь
студент филологического факультета
Шаньдунский педагогический университет
ququ@live.cn

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И КИТАЙ

В статье анализируется отношение Л. Н. Толстого к китайской культуре и история восприятия его идей и творчества в Китае. Русского писателя Л. Н. Толстого всегда интересовала история Китая, жизнь китайского народа, гуманистические идеи китайских мыслителей (Конфуция, Лао-цзы, Мо-цзы). Он считал, что между русской и китайской нациями существует глубокая внутренняя духовная связь и они должны идти вместе рука об руку. В свою очередь, китайской интеллигенции были близки его человеколюбие и идея нравственного совершенствования, направленного на достижение счастья и гармонии.

Ключевые слова: русская литература; классика; культура Китая; перевод; интерпретация; философия; нравственное совершенствование.

Лев Николаевич Толстой – один из наиболее известных русских писателей и мыслителей. Его произведения широко известны в Китае, где его почитают как одного из величайших писателей мира.

Более ста лет прошло со дня кончины великого русского писателя, однако количество поклонников его идей и творчества в Китае остается значительным. Это связано с тем, что он глубоко изучил душевную жизнь человека, а также с тем, что в его литературных произведениях воплотились высшие национальные и моральные ценности, которые имеют огромное значение для всех народов мира.

Л. Толстой интересовался философией Востока, в первую очередь учениями Конфуция, Мо-цзы и даосизмом. Отвечая в 1891 г. на вопрос петербургского издателя М.М. Ледерле о том, какие писатели и мыслители оказали на него наибольшее влияние в зрелом возрасте, Толстой в числе философов Запада и Востока назвал Конфуция и Мо-цзы и Лао-цзы [Гордеев 2004].

Л. Толстой прочел много работ древних китайских мыслителей и написал несколько статей, в которых анализировались конфуцианство и даосизм. В XIX в. изучение культуры Китая затруднялось тем, что переводов трудов китайских мыслителей на европейские языки было очень мало, а переводов на русский язык почти не было. Толстого это не останавливало. В 1894 г. он, работая вместе с востоковедом

© Цюй Хойцзюнь, 2016

Е.И. Поповым, перевел с немецкого на русский язык трактат Лао-цзы «Дао дэ цзин» («道德经»).

Изучение китайских мыслителей приносили Л. Толстому огромное удовлетворение. В письме к В. Черткову – своему другу и единомышленнику – Толстой отмечал: «Я сижу дома <…> и читаю Конфуция второй день. Трудно представить себе, что это за необычайная нравственная высота. Вы получите чувство морального удовлетворения, заметив, что это учение иногда достигает высот христианства <…>. Мое хорошее моральное состояние я приписываю чтению Конфуция и, главное, Лао-цзы» [Толстой: эл. ресурс].

Интерес к учению китайских философов сохранялся у писателя на протяжении всей жизни. Л. Толстой был глубоко убеждён в том, что все русские люди обязательно должны познакомиться с идеями великих мудрецов Китая. В 1884 г. он начал изучать работы древних китайских мыслителей, и в первую очередь – Конфуция (в качестве источника русский писатель использовал европейские переводы его произведений). В том же году Л. Толстой написал небольшую работу «Изложение китайского учения», в которой ясно и кратко пересказал суть учения Конфуция по книге «Да сюэ» («大学» – «Великое учение»).

Великий русский писатель предполагал, что каждый человек должен заниматься самосовершенствованием и это требование в первую очередь относил к самому себе. Л. Толстой полагал, что все люди должны взращивать в себе такое качество, как *человеколюбие*. В этом его взгляды сближались с идеями Конфуция, который также говорил о необходимости следовать принципам человеколюбия или гуманности (仁 – «жэнь»). После углублённого знакомства с мыслями Конфуция о человеколюбии, русский писатель убедился в справедливости его воззрений. Ему были близки мысли китайского философа о стремление человека жертвовать собой и о необходимости распространять образование среди всех слоев населения. Развивая близкие ему идеи Конфуция, Л. Толстой углубил собственное представление о гуманизме, исходя из необходимости следовать принципам «всеобщей любви» и «сочувствия народу» – прежде всего крестьянству. Л. Толстой считал, что жизнь любого человека не должна расходиться с этими принципами и сам подал в этом личный пример, став жить жизнью простых людей.

Следуя своим принципам, Л. Толстой решил создать для русских людей подробное изложение учения Конфуция и в 1884 г. начал работать над трактатом, которому дал название «Китайская мудрость. Книги Конфуцы». Взяв свою работу «Изложение китайского учения», писатель присоединил к ней собственное изложение книги Конфуция

«Да сюэ» («大学» – «Великое учение»), которую лично перевёл с английского. В этом труде основные положения учения Конфуция были изложены русским писателем в виде пунктов, которые оказались близки к теориям самого Толстого.

Занимаясь изучением учения Конфуция, писатель уделял внимание другому выдающемуся китайскому мыслителю древности – Мо-цзы, который развил принципы конфуцианской этики. Мо-цзы полагал, что для достижения истинного счастья необходимо совершенствование личности, которое достигается при помощи следования принципу гуманности. Мо-цзы считал, что в основе человеческой природы лежат четыре «начала»: «гуманность» (兼爱 – «цзянь ай»), «экономия» (节用 – «цэй юн»), «мудрость» (尚贤 – «шан сянь») и «покорность» (非攻 – «фэй гун»), благодаря которым в человеке произрастают добро и любовь. Русский писатель мало интересовался общими взглядами Мо-цзы и не углублялся в его теории. Главное, что его интересовало, – это идея нравственного самосовершенствования, которую писатель понимал, как это обычно бывает, в соответствии с собственными этическими представлениями.

Ещё один почитаемый Л. Толстым китайский мудрец – Лао-цзы. Толстой принимал его этическое учение, оставляя в стороне материалистическое истолкование объективного мира. Для Толстого мысль Лао-цзы – замечательный образец диалектического мышления древнего философа. В феврале 1884 г. Толстой записал в дневнике: «Из Лао-цы. Когда человек родится, он гибок и слаб; когда умирает, он колян [*так написано у Л. Толстого. – Ц.Х.*] и крепок – он умирает. Когда деревья родятся, они гибки и нежны. Когда они сухи и жестки, они умирают. Крепость и сила – спутники смерти. Гибкость и слабость – спутники жизни. Поэтому то, что сильно, то не побеждает. Когда дерево стало крепко, его срубают. То, что сильно и велико, то ничтожно; то, что гибко и слабо, то важно» [Шифман 1971].

Л. Толстого всегда интересовала история Китая и жизнь китайского народа. Он восхищался его великим терпением, постоянным стремлением к миру, и поэтому публиковал статьи, содержащие резкую критику империалистической агрессии против Китая. Так, в статье «Прогресс и определение образования», написанной вскоре после того, как в 1856 г. английская эскадра обстреляла китайский город Кантон (в настоящее время город Гуанчжоу), великий русский писатель отмечал, что эти действия – проявление «зверства» и «уродства» европейской цивилизации [Толстой 1862].

Лев Толстой считал себя человеком, принадлежащим не какой-то одной национальности, а всему миру. Это во многом определило отношение китайского народа к его личности и творчеству. Китайской интеллигенции оказались близки его человеколюбие и идея необходимости покаяния. Для китайских читателей оказалось важным и то, что писатель всегда неуклонно стремился к нравственному совершенствованию, к достижению счастья и полной гармонии через посредство любви ко всему человечеству, и, реализуя эту цель, всегда показывал личный пример.

Китайцы начали знакомиться с личностью Л. Толстого и его произведениями на рубеже XIX–XX вв. Китайская писательница Шань Шили (单士厘), жена дипломата, вместе с семьёй побывала в России в 1903 г. В течение этого года она знакомилась с учением и творчеством Толстого. В книге «Записки путешественника в год гуй-мао» («癸卯旅行记») [Шань Шили 1981] она подробно рассказала о Л. Толстом и дала очень высокую оценку его личности и его произведениям. Она и стала первым человеком, который познакомил Китай с Л. Толстым. Начиная с этого момента книги писателя «пришли» в Китай и стали оказывать огромное воздействие на всё последующее развитие китайской литературы.

В Китае хорошо помнят об общении Л. Толстого с китайскими друзьями. Русский писатель очень хорошо относился к китайцам – такой вывод можно сделать на основании его переписки с Чжан Цинтуном, учившимся в России. Чжан Цинтун считается первым китайцем, который переписывался с Толстым, и одним из тех, кто первым начал знакомить писателя с жизнью китайского народа. В декабре 1905 г. он отправил Толстому письмо и книгу в подарок. В ответном письме Толстой высказал важную мысль: «Я вполне согласен с Вами, между великими русской и китайской нациями существует внутренняя духовная связь, они должны идти вместе рука об руку, но не в таких форматах, как разные дипломатические союзы или согласно обычному договору между правительствами» [Чжу Таотао].

В 1920 г. Цюй Цюбай (瞿秋白) – выдающийся революционер и талантливый публицист, проживавший в Советской России в качестве корреспондента, – первым из китайцев посетил Ясную Поляну. В дальнейшем он вошел в число лучших переводчиков творчества Толстого. В своём очерке «Сборник Цюй Цюбай», посвященном жизни и творчеству Толстого, Цюй Цюбай назвал его выдающимся художником, обогатившим русскую и мировую литературу произведениями необычайной глубины и художественной силы. По

мнению Цюй Цюбая, новаторский вклад Толстого в мировую культуру объясняется его умением глубоко проникать во внутренний мир человека.

Известный китайский историк культуры, эссеист и переводчик Гу Хунмин (辜鸿铭)[1], получивший классическое филологическое образование в университетах Эдинбурга и Лейпцига, также поддерживал отношения с великим российским писателем.

Написанное Л. Толстым «Письмо к китайцу» (1906 г.), которое является ответом русского писателя на послание Гу Хунмина, в настоящее время хранится в Национальном музее Китая. «Жизнь китайского народа всегда в высшей степени интересовала меня, и я старался знакомиться с тем, что из китайской жизни было доступно мне, преимущественно с китайской религиозной мудростью – книгами Конфуция, Мо-цзы и комментариями к ним. Читал тоже и о китайском буддизме, и книги европейцев о Китае…», – отмечал Л. Толстой в этом письме [Толстой 1906].

Отношение крупнейших китайских писателей к творчеству Толстого было всегда глубоко уважительным. Колоссальным было влияние его мыслей и произведений на китайскую интеллигенцию.

Октябрьская революция вызвала подъем революционного самосознания китайского народа, который нашел свое выражение в «Движении 4 мая». Во время существования этого движения в стране возник прогрессивный журнал «Синь Циннянь» («新青年») – «Новая молодежь»), на страницах которого известные демократические деятели и писатели Китая пропагандировали многие современные политические идеи и знакомили читателей с выдающимися произведениями русской литературы. В 1915 г. в журнале была опубликована статья Жу Фыя (汝非) «Уход Толстого» («托尔斯泰之逃亡») [Жу Фы 1915], в которой была дана высокая оценка творчеству русского писателя. В том же году журнал опубликовал ещё одну статью о Л. Толстом, автором которой был редактор журнала – создатель коммунистической парий Китая Чэн Дусю (陈独秀), поставивший русского автора в один ряд с самыми выдающимися писателями мира. Известный ученый Цай Юаньпэн (蔡元培) – основатель Пекинского университета, – анализируя философские взгляды Толстого, сравнил их с идеями Ницше и Кропоткина и показал их гуманистический характер. Под влиянием идей Толстого Цай Юаньпэн сам стал вегетарианцем и более 20 лет не употреблял мясные продукты.

Знаменитые китайские писатели Лу Сюнь, Мао Дунь, Цюй Цюбай, Гэн Цзичжи, Гао Чжи и другие создавали статьи о творчестве Л. Толстого, активно переводили его произведения на китайский язык. Среди работ этих авторов выделяется статья Мао Дуня «Толстой и сегодняшняя Россия» («托尔斯泰与今日之俄罗斯», опубликованная в 1919 г. в журнале «Сюэшэн» («学生» – «Студент») [Мао Дуня 1919]. Можно также отметить перевод романа «Воскресение», выполненный Гэн Цзичжи, и перевод эпопеи «Война и мир», сделанный Гао Чжи. По мотивам романа «Воскресение» драматург Тянь Хань (田汉) в 1936 г. и прозаик Ся Янь (夏衍) в 1943 г. независимо друг от друга написали одноименные пьесы.

Великий китайский писатель Лу Синь в юношеские годы юности прочитал переводы сочинений Л. Толстого, и они произвели на него огромное впечатление тем, что были пронизаны ненавистью к миру угнетателей и мечтой о свободе и счастье народа.

Лу Синь не только читал произведения русского писателя, но и много размышлял об его творчестве. Он уловил как сильные, так и слабые стороны противоречивого мировоззрения русского художника. Христианская идея «непротивления злу насилием», с его точки зрения, была глубоко ошибочной, поскольку она никак не могла помочь человеку «восторжествовать над бронированным кулаком буржуазно-полицейского государства». Однако Лу Синь полагал, что эта идея помогает людям расшатывать власть империи, и потому вызывает опасения правительства [Шифман 1971].

Идеи и произведения Л. Толстого оказывают влияние и на современных китайских писателей. Лучшее доказательство этого – творчество писателя Ба Цзиня (巴金), жившего во второй половине XX в. Китайский автор на протяжении всей своей жизни сохранял глубокую духовную связь с великим русским писателем. Он обстоятельно исследовал жизненный путь Л. Толстого, много размышлял над его романами и неоднократно вспоминал об огромном духовном потрясении, которое пережил после прочтения романа «Воскресение». Наиболее известное произведение Ба Цзиня – трилогия «Стремительное течение» (состоящая из трёх связанных романов «Семья», «Весна» и «Осень»), и особенно её первая часть («Семья»), были написаны под огромным впечатлением от прочтения упомянутого романа.

На протяжении последних ста лет интерес китайских читателей к Л. Толстому не ослабевал. По статистике в период с 1950 г. по 2004 г. в

Китае были опубликованы приблизительно 500 научных статей о Л. Толстом и его произведениях [Чэнь Чан, Жун Айбо]. Выдающийся переводчик Цао Ин (草婴) в течение 20 лет переводил на китайский язык произведения русского писателя (его работа началась в 1978 г.). На основе его переводов в Китае было издано полное собрание сочинений Льва Толстого, состоящее из 12 томов, общим объемом 4,5 миллиона иероглифов. За выдающийся вклад в пропаганду за рубежом русской культуры и литературы Союз писателей России удостоил Цао Ина премии имени А.М. Горького.

Произведения Л.Н. Толстого и его гуманистические идеи позволяют человеку очистить свою душу. Для того чтобы их понять, нужно внимательно читать его работы и стремиться «войти» в созданный им художественный мир. Стремление великого русского писателя к созданию гармоничного общества, его усилия, направленные на нравственное самосовершенствование, а также идея об отказе от насилия в борьбе против зла имеют огромное значение для развития современного Китая.

Примечание

[1] Перу Гу Хунмина принадлежат многочисленные работы, в которых сравниваются европейская и китайская культуры; наиболее значительными трудами считаются его книги «Китайская цивилизация» и «Душа китайского народа» (обе на франц. яз.), а также переводы на английский язык трудов конфуцианских классиков «Чжун юн» («中庸») и «Да сюэ» («大学»).

Библиографический список

Гордеев К. Лев Толстой и древние китайские мудрецы. // URL:http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=521&section=0&heading=148. (дата обращения: без года).

Жу Фы. Уход Толстого // Синь Циннянь. 1915, № 2. Шанхай: Шанхайское изд-во Цюнь-и).

茅盾，托尔斯泰与今日之俄罗斯//学生杂志, 1919, 三月-六月，上海：上海商务印书社.

Мао Дунь. Толстой и сегодняшняя Россия // Сюэшэн (Студент). 1919, март – июнь. Шанхай: Шанхайское торговое изд-во.

Толстой Л. Н. Письмо к В. Черткову (1854–1936 гг.). // URL: http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/tpt/tpt2246-.htm. (дата обращения: без года).

Толстой Л. Н. Прогресс и определение образования (1862). // URL: http://rvb.ru /tolstoy/01text/vol_16/01text/0343.htm. (дата обращения: 12.05.2015).

单士厘. 癸卯旅行记, 湖南：湖南人民出版,1981.

Толстой Л. Н. Письмо к китайцу (1906). // URL: http://petrovitskaya.lifeware.ru/node/559. (дата обращения: 19.06.2014).

汝非. 托尔斯泰之逃亡 //新青年,1915, 第二期. 上海：上海群益书社

Шань Шили. Записки путешественника в год гуй-мао. Ху-нани: Народное изд-во Ху-нани, 1981).

Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. // URL: http://www.marsexx.ru/ tolstoy/tolstoy-i-vostok.html. (дата обращения: 30.07.2006).

陈畅 董爱波《托尔斯泰的“中国缘”》

Чжу Таотао. Л. Толстой навечно с нами. // URL: http://www.kitaichina. com/se/txt/2010-11/30/content_315631.htm (дата обращения: 10. 2010).

Чэнь Чан, Жун Айбо. «Китайский удел Л. Толстого». // URL: http://news.xinhuanet.com/world/2014-10/09/c_1112748637.htm (дата обращения: 09.10.2014).

Qu Huijun
Student of Philological Faculty
Shandong Normal University

LEV NIKOLAYEVICH TOLSTOY AND CHINA

The article is devoted to the analysis of L. Tolstoy's attitude towards the Chinese culture and how his ideas and literary works have been perceived in China. The Russian writer L. Tolstoy was always interested in the history of China, life of Chinese people and the humanistic ideas of the Chinese thinkers (Confucius, Laozi, Mozi). He believed that there was a deep internal, spiritual bond between Russia and China, and the two nations had to go “hand in hand”. For their part, the Chinese intellectuals loved Tolstoy’s humanity and his idea of moral improvement directed toward achieving happiness and harmony.

Key words: Russian Literature; Classical Literature; Chinese Culture; translation; interpretation; philosophy; moral improvement.

УДК 821.161.1(09):821.58

Чжу Хой
студент филологического факультета
Шаньдунский педагогический университет
724488264@qq.com

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА ВЛАДИМИРА МАКАНИНА В КИТАЕ

В. Маканин является одним из наиболее известных в Китае современных российских писателей. Его называют «современным Гоголем», подчёркивая тем самым высокий уровень мастерства, сатирическую направленность творчества и органичную связь с традициями русской классики. В статье исследуется история переводов В. Маканина на китайский язык и объясняются причины того, почему его произведения стали популярны в Китае. Его творчество сравнивается с «искусством создания китайских ваз» (ваза Китае является символом мира, гармонии и красоты, а процесс ее создания – это совершенно особое, «высшее» искусство).

Ключевые слова: русская литература; XX век; перевод; интерпретация; герой времени; традиции; реализм; модернизм.

На протяжении последнего столетия русская литература была очень популярна в Китае. Эта традиция сохраняется и в настоящее время. На протяжении последних 15 лет в Стране ежегодно выходило около 30 книг, переведённых с русского языка. При этом доля произведений современной литературы в общем потоке переводов с русского языка постоянно увеличивалась. В 2006 г. в связи с проведением в Китайской Народной республике Года России количество изданных книг, написанных современнми русскими писателями, резко возросло. Особо следует отметить деятельность известного китайского журнала «Дандай Вайго Вэньсюэ» (当代外国文学 – «Современная иностранная литература»), который всегда публиковал большое количество переводов произведений современной русской литературы [Ян Чжэн 2014].

Одним из наиболее ярких и интересных современных российских писателей, которые в настоящее время часто публикуются в Китае, является В. Маканин. Он лауреат Букеровской премии 1996 г., полученной за повесть «Стол, покрытый сукном и с графином посередине», и Государственной премии России в области литературы и искусства, которая была дана ему за роман «Андеграунд, или Герой нашего времени».

© Чжу Хой, 2016

Имя Владимира Маканина широко известно во всем мире. Он один из немногих современных российских писателей, которым удалось покорить не только отечественного, но также и западного, и восточного читателя. Его книги переведены на десятки различных языков, в том числе на английский, испанский, итальянский, польский, шведский, французский, японский и, конечно, китайский… Его произведения экранизируют, по ним ставятся пьесы.

Известный канадский славист Норманн Шнейдман в своей книге «Русская литература 1988–1999 гг., конец эры» так отзывался о его творчестве: «Сегодня Маканин – один из немногих русских писателей, кому удалось за пределами брежневской эры сохранить уровень художественности своей прозы. Путем создания экзистенциального мифа Маканин в своих недавних произведениях сформулировал новую концепцию реальности, причем не застывшую, а подвижную и текучую. Он создает сюжеты, впечатляющие своей философской значительностью, которые обновляют без тривиализации обсуждаемые ими темы» [Шнейдман 1995: 86].

Современный китайский учёный и переводчик Юй Ичжун, работающий в Нанкинском университете, написал статью под названием «Читайте Маканина», в которой назвал российского писателя одним из наиболее ярких современных художников [Юй Ичжун 2013]. Юй Ичжун включил несколько произведений В. Маканина, созданных в разные периоды, в «Китайскую Академическую библиотеку произведений русских мастеров». В числе произведений, созданных другими выдающимися русскими писателями [Юй Ичжун 2013: 306].

В. Маканина в Китае нередко называют «современным Гоголем», подчёркивая тем самым высокий уровень его писательского мастерства, сатирическую направленность его творчества, а также органическую связь его произведений с традициями русской классической литературы.

В 2003 г. В. Маканин побывал в Пекине на Тринадцатой Международной книжной выставке-ярмарке. Китайских читателей и критиков поразил следующий факт: когда писатель рассказывал им о своей жене, на его глазах появились слезы. В самые трудные годы, когда у него не было работы, жена одна зарабатывала на жизнь семьи, не жалуясь на трудности, поддерживала его, чтобы он смог завершить и опубликовать свои произведения. И теперь, когда произведения В. Маканина издаются во всём мире, он не позволяет своей жене выходить на работу.

Во время пекинской выставки произошёл и такой случай. Владимир Маканин спросил у китайских рабочих, пришедших на выставку, какое значение имеют на китайском языке иероглифы,

входящие в его имя. Когда один из присутствующих ответил, что значение первого иероглифа его фамилии («马» – «Ма») – «лошадь», то писатель обрадовался буквально как ребёнок, поскольку, по его мнению, это «очень хорошее значение»: как в китайской, так и в русской культуре, «лошадь» символизирует связь с землей, крестьянским трудом, трудолюбие: в русском языке существует поговорка «работать как лошадь»; в китайском языке есть выражение «подвиг трудолюбивой лошади» («汗马功劳») и поговорка «одна лошадь идёт перед всеми» («一马当先»).

В настоящее время на китайский язык переведены многие произведения Владимира Маканина: «Лаз» (1991 г.), «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» (1993 г.), «Кавказский пленный» (1998 г.), «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1999 г.) и другие.

Наибольший интерес в Китае вызвала повесть «Стол, покрытый сукном и с графином посередине». Китайскому читателю близки выраженные в данном произведении размышления о человеческой личности и о смысле существования человека. Для повести характерна яркая художественная образность, которая создаёт картину ушедшего в прошлое иррационального и бесчеловечного режима. Художественное пространство, представленное в повести, чем-то напоминает сцену спектакля китайского традиционного национального театра с его предельно простыми декорациями: покрытый сукном стол расположенный в середине сцены, в центре которого стоит графин. И этого единственного стола оказывается вполне достаточно, чтобы раскрыть жестокость всего того, что сохранилось от «советской эпохи», память о некоторых событиях которой до сих пор пугает людей.

Большую трудность для китайских интерпретаторов представлял перевод названия этого произведения на китайский язык. В конце концов, переводчик Ян Юнсин использовал название «审讯桌», которое буквально переводится на русский язык как «Стол для допроса».

В последние годы внимание китайских литературоведов и читателей стали привлекать и другие произведения В. Маканина, например, его повести «Лаз», «Кавказский пленный» и роман «Андеграунд, или Герой нашего времени».

В романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» содержатся переклички с многими образами и сюжетами русской классической литературы XIX в. В нём философски осмысляется трагедия творческого человека, который не находит достойного места в современном мире, и ставится проблема свободного осознанного выбора и ответственности человека за свой выбор.

В. Маканин исследует важную для русской литературы проблему *героя времени*. Эту проблему по-разному решали многие писатели XIX в.: А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Герцен, И. Тургенев, И. Гончаров, М. Салтыков-Щедрин, А. Чехов.

В. Маканин вкладывает в слово «герой» собственное значение. Он использует это понятие, чтобы решить проблему жизни и смерти. В беседе с журналистами писатель сказал: «Люди часто путают понятие героя и общественных лиц, которые окружены вниманием. Общество может поощрять человека, который прыгнул в воду, чтобы спасти тонущего ребенка. Тем не менее, «герой» – совершенно другое понятие, взятое из древнегреческого языка. Герой подчеркивает значимость человеческой жизни для общественности. Герой не может быть использован в качестве модели для подражания. Читатель не в силах подражать ни Печорину, ни Гамлету. С помощью героических образов я хочу сказать, что произошло в людях в 1990-х гг. Мои герои, они имеют более четкое представление о ценности жизни той эпохи» [Лю Чжулэ 2012: 50].

Очень популярным среди китайских читателей является роман «Один и одна». В этом произведении В. Маканин развенчивает один из главных «интеллигентских мифов», популярных в России в 1980–1990-е гг. – миф о «шестидесятниках». Герои романа имеют типичную для «шестидесятников» биографию: студенческие годы, проведённые в университете, посещение знаменитых спектаклей театра «Современник», чтение поэзии Е. Евтушенко и А. Вознесенского, участие в движении «стиляг» и в туристических походах; пение песен у костра, споры об истории и о политике и т. д. Для современного читателя жизнь поколения «шестидесятников», с одной стороны, представляется уже чуждой и во многом непонятной; с другой стороны, ему может быть интересно увидеть мир с точки зрения последних романтиков XX в.

Одна из проблем, обсуждаемых современными китайскими литературоведами, – творческий метод В. Маканина. В произведениях писателя, с одной стороны, присутствует много особенностей, характерных для реализма, но одновременно есть и черты, характерные для писателей-модернистов, а также отдельные признаки постмодернистской поэтики. Как и любой значительный художник, В. Маканин никогда жестко не придерживался какого-то одного фиксированного способа создания образа, он всегда выбирал творческие методы, которые лучше всего соответствуют художественным целям его произведений.

Когда читатель знакомится с повестью В. Маканина «Испуг», то

может подумать, что это традиционное *реалистическое* произведение. Но если он обратится к повести «Долог наш путь», то поймёт, что определить творческий метод писателя на самом деле достаточно трудно, поскольку, помимо общих особенностей, характерных для реализма, в указанном произведении отчётливо заметны признаки *модернизма*. Если же читатель будет размышлять над повестью «Сюжет усреднения», то он найдёт в нём соединение стилистически различных фрагментов, много пародийных элементов, а также многие другие признаки, характерные для литературы *постмодернизма*.

Китайские литературоведы и критики нередко сравнивают Владимира Маканина с Валентином Распутиным. Творчеством В. Распутина и В. Маканина, которое началось в период советской «оттепели», по сути завершилась советская литература – литература «железного», или, как иногда его называют, «бронзового» века.

И тот, и другой писатель родились в 1937 г.; оба начали публиковать свои произведения почти одновременно – в первой половине 1960-х гг.; обоим писателям близки темы гуманизма и экологии, важные также и для китайских читателей. Творчество В. Распутина стало известно российским читателям уже в 1960-ые гг., и он вошёл в число наиболее ярких писателей-«шестидесятников» (китайские читатеи познакомились с его произведения только в 1970-ые гг.). Творчество В. Маканина стало привлекать внимание российских читателей и критиков только через десять лет, и он был причислен к следующему поколению писателей – «семидесятникам» (китайским же читателям он стал известен лишь в 1990-ые гг.).

В настоящее время в Китае творчество В. Распутина более популярно, чем творчество В. Маканина. Это можно объяснить тем, что произведения В. Распутина были переведены на китайский язык более чем на десять лет раньше, чем произведения В. Маканина. Но в новом, XXI в. многие ранее скрытые смыслы, содержащиеся в его творчестве, обретают новую жизнь. В. Маканин, следуя традициям русской классической литературы, поднимает многие важные для человечества проблемы, реализуя свой огромный творческий потенциал.

На открытии конференции в Вологде В. Маканин рассказал о том, как во время одной из своих поездок в Китай рядом с Храмом воздуха в Пекине он увидел местного поэта, который записывал свои стихи на асфальте кистью, смоченной водой. Когда он выводил иероглифы пятой строчки, первая уже испарялась. Китайский поэт создавал стихи, не завися в своём творчестве ни от чего: ни от времени, ни от издателей, ни от денег – он писал только для себя, и испаряющиеся в пространство строчки – это символ свободы писательского труда.

В таком абсолютно свободном творчестве В. Маканин заметил глубокий смысл: «Я впервые видел такое абсолютное состояние независимости и чистоты. Искусство ради искусства». К такой «независимости» и «чистоте» в принципе должен стремиться каждый художник. Этот поэтический акт напомнил В. Маканину о 1970-х гг. – том времени, когда его практически не издавали. Так, например, его повесть «Голоса», написанная в 1970-е гг., была опубликована только в 1982 г. Писатель должен философски подходить к своему творчеству. «Не обязательно все должно быть оценено сразу»: в тот период, когда произведения В. Маканина не печатали из-за того, что он писал не то, что было «нужно» государству, его душа находилась в состоянии свободы, подобной независимости китайского поэта, писавшего иероглифы водой на асфальте [Сорокина: эл. ресурс].

В 1984 г. в журнале «Новый мир» была опубликована повесть В. Маканина «Где сходилось небо с холмами», вызвавшая разгромную рецензию в главной газете Советского Союза «Правда». Одним из основных замечаний критика было то, что «искусство Маканина сродни искусству китайских ваз» (этим автор статьи, наверное, хотел сказать, что произведения этого писателя не нужны советским людям, поскольку не приносят прямой общественной пользы) [Бондарева 2007]. Однако сегодня всем понятно, что искусство создания китайских ваз – это совершенно особое, «высшее» искусство. В Китае ваза – это символ мира, гармонии и красоты. Искусство создания ваз из фарфора достигло своего высшего расцвета в Поднебесной в XVI веке. Образы ваз всегда обладают определённым мистическим смыслом. Изготовлением ваз занимаются мастера, которые хранят в тайне древние секреты своего умения и передают его по наследству, одновременно обогащая их современными технологиями. Вопреки своим субъективным устремлениям, критик «Правды» своим «замечанием» дал точную характеристику творчества В. Маканина – это высокое мастерство, которое органично соединило традиции русской классической литературы с тонким пониманием современности.

Владимир Маканин является писателем, для которого важна судьба своей страны и своего народа. Его литературный путь никогда не был связан с какими-либо политическими или литературными группировками – он всегда создавал свое особое литературное направление, используя свой уникальный талант. Талант В. Маканина формировался в Советском Союзе в так называемый «период застоя», но писатель всегда оставался истинным гуманистом, в полной мере унаследовавшим основные принципы русской литературы. Как гуманист, В. Маканин критиковал социальные недостатки – как до, так и

после распада Советского Союза, сочетая традиционное изучение общей «анатомии человечества» с пристальным анализом современной общественной системы.

Библиографический список

Бондарева А. Искусство китайских ваз. // URL: http://makanin.com/iskusstvo-kitajskix-vaz/. (дата обращения: 15.02.2007).

[俄]弗拉基米尔·马卡宁：《地下人，或当代英雄》[M]，北京：外国文学出版社，2002.

Лю Чжулэ. Изучение произведения В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени». Нэймэнгу: Нэймэнгуский педагогический университет, 2012.

Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени. Пекин: Изд-во иностр. лит-ры, 2002.

[俄]弗拉基米尔·马卡宁：《一男一女》[M].中国青年出版社. 2003.

Маканин В. Один и одна. Пекин: Издательство Китайской молодёжи, 2003.

[俄]弗拉基米尔·马卡宁：《高加索俘虏》[M]，俄罗斯文艺，1997 年第3期

Маканин В. Кавказский пленный // Русская литература. 1997. No 3.

[俄]弗拉基米尔·马卡宁：《审讯桌》[M].桂林:漓江出版社. 2003.

Маканин В. Стол, покрытый сукном и с графином посередине. Гуйлинь: Изд-во Ли Цзян, 2003.

[俄]弗拉基米尔·马卡宁：《透气孔》[M]. 南海出版社, 2006.

Маканин В. Лаз. Шанхай: Изд-во Нань Хай, 2006.

[俄]弗拉基米尔·马卡宁：《路漫漫》俄罗斯文艺. 1994.

Маканин В. Долог наш путь // Русская литература. 1994. No 1.

刘铸乐.《弗.马卡宁作品<当代英雄，或地下人>的研究》[J].内蒙古师范大学.2012

Сорокина И. Вологжане встретились с писателем Владимиром Маканиным. // URL: http://cultinfo.ru/news/2009/11/1983?special=0. (дата обращения: 12.11.2009).

余一中. 一中集/当代中国俄语名家学术文库》[M]，黑龙江大学出版社，2013

Юй Ичжун. Избранные труды современных китайских русистов. Хэйлунцзян: Изд-во Хэйлунцзянского университета, 2013. С. 306.

余一中.《读一读马卡宁的小说吧》2013.

Шнейдман Норманн. Русская литература. 1988–1994. Конец эры. Toronto: Toronto press. 1995.

Юй Ичжун. Читайте Маканина. // URL: http://www.eeo.com.cn/2010/0226/163646.shtml. (дата обращения: 10.02.2010).

Ян Чжэн. Переводная картина: Современная русская литература в материковом Китае. // URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/10/10ch.html. (дата обращения: 10.02.2015).

Zhu Hui
Student of Philological Faculty
Shandong Normal University

PROSE OF VLADIMIR MAKANIN IN CHINESE CULTURE: SPECIFICS OF PERCEPTION

Vladimir Makanin is on of the most famous Russian writers of the 20-21st centuries. His art is compared with art of Gogol due to such characteristics of Makanin`s prose as high level of skill, satire and connection with traditions of Russian classical literature. The author of the article traces the history of translations of Makanin`s works from Russian into Chinese language. The reasons for popularity of Makanin`s art in China are explained in the article. His works are compared with the art of producing of Chinese vases, which are the symbol of peace, harmony and beauty. In Chinese culture, it is the highest art to produce the Chinese vase.

Key words: Russian Literature; 20th century; translation; interpretation; Hero of time; traditions; realism; modernism.

УДК 821.161.1(09):821.58

Ши Шаньшань
аспирант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
shishanshanchn@gmail.com

ТВОРЧЕСТВО А. П. ЧЕХОВА В КИТАЕ

Статья посвящена описанию истории переводов произведений А.П. Чехова в Китае и изучению особенностей восприятия его творчества китайскими литературоведами и читателями.

Ключевые слова: русская литература; творчество А.П. Чехова; китайская культура; перевод; периодизация.

Произведения А.П. Чехова хорошо известны как в России, так и за рубежом, в том числе в Китае. Чехов стал одним из популярнейших русских писателей в Китае и обрёл там много благодарных читателей, вдохновил на творческие искания немало литераторов. Чеховские проза и драматургия сегодня играют очень важную роль в процессе формирования знаний о России, влияют на формирование современной китайской литературы, воздействуют на создаваемые китайскими писателями художественные образы и на духовную жизнь китайцев.

При жизни Чехова его произведения на китайский язык не переводились. Китай стал знакомиться с западной (в том числе русской) художественной литературой лишь с конца XIX в. [Семанов 1962].

История переводов произведений Чехова на китайский язык непродолжительна. В ней можно выделить *пять* периодов.

Первый период начался в 1900-е гг. и завершился в 1917 г.

Второй период начался в 1917 г., когда в Китае – под воздействием событий в России – была провозглашена литературная реформа (так называемое «Движение 4 мая»): предлагавлось использовать вместо традиционного письменного языка «вэньянь» (который был далёк от языка, на котором говорили люди) близкий разговорному язык «байхуа». Завершился период в 1937 г., когда началась национально-освободительная война против японского империализма.

Третий период (совпадающий с военным временем) начался в 1937 г. и завершился в 1949 г.

Четвертый период начался с момента образования КНР в 1949 г. и завершился в середине 1960-х гг. (с началом Культурной революции).

© Ши Шаньшань, 2016

Пятый период совпадает с эпохой реформ, начавшихся после 1976 г. (времени завершения Культурной революции), и продолжается до настоящего момента.

Первые переводы произведений Чехова делались на *вэньянь* – традиционном письменном литературном языке, который был далёк от разговорного языка и был понятен только образованным людям. Это если бы произведения какого-либо китайского писателя XX в., например Лу Синя, в России переводили на церковно-славянский язык.

В июне 1907 г. китайский переводчик и ученый У Тао перевёл рассказ Чехова «Черный монах», которой был опубликован отдельной книгой в издательстве «Шанъу» в Шанхае. Надо отметить, что У Тао переводил рассказ не с русского, а с японского языка[1] (ещё долгое время китайские специалисты при переводе произведений Чехова будут обращаться к языкам-посредникам: помимо японского это могли быть английский, немецкий или французский язык, в результате чего такой перевод неизбежно содержал многочисленные ошибки и неточности).

Ошибки можно было найти уже на первой же странице перевода: имя героя «Андрей» превратилось в его фамилию (安德烈), фамилия «Коврин», наоборот, сделалась его именем (柯甫林); учёная степень «магистр» стала названием местности. Поскольку китайский читатель не мог одобрять решительные поступки женщин, к чеховской фразе «…пришло длинное письмо от Тани Песоцкой, которая просила его приехать в Борисовку и погостить», на китайском языке было добавлено уточнение цели приезда: «чтобы пожить вместе с её отцом» [А Ин 1955: 185]. В 1909 г. будущий великий китайский писатель-реалист Лу Синь и его брат Чжоу Цзожэнь, учившиеся в японском университете, перевели с японского и немецкого языков на китайский «Сборник зарубежных рассказов» в двух томах. В этой книге были опубликованы два чеховских рассказа – «В усадьбе» и «В ссылке».

Годы после начала «Движения 4 мая 1919 г.» были связаны с быстрым ростом патриотического и революционного сознания масс, с распространением западных теорий, с активной политической борьбой и с движением за новую культуру. Особенно близкими для китайского читателя стали творения русских писателей-реалистов. Известный китайский писатель Чжан Тяньи, объясняя воздействием этих факторов влияние русской литературы на китайскую, в своей статье, посвящённой пятидесятилетию со дня смерти А. Чехова, сделал знаменательный вывод: «Поэтому влияние русской литературы и было у нас так велико».

В 1923 г. на вечере, посвящённом 25-летию Пекинского университета, студенты сыграли на русском языке водевиль «Медведь», в котором важную для понимания спектакля роль помещика Смирнова

великолепно исполнил Цао Цзинхуа. Китайские зрители хорошо поняли комизм ситуации и увидели в постановке порицание вздорности, лицемерия и жадности.

Цао Цзинхуа спустя много лет вспоминал о постановке водевиля: «В этой пьесе всего три персонажа, не требуется декорации, она очень удобна для исполнения учащимися в актовом зале. Пьеса “Медведь” весьма быстро обрела сценическую жизнь во многих районах Китая» [Чжун Цзышо 1988: 25].

В 1923–1924 гг. в Пекине Цао Цзинхуа перевел пьесу Чехова «Три сестры». В дальнейшем, в 1930-е гг., китайцы «в широких масштабах стали знакомиться с европейской литературой, причем на первом месте стояли произведения нового времени. В наибольшей мере переводили Тургенева, Толстого, Чехова, Горького, Уайльда, Мопассана, Синклера» [Чжао Цзиншэнь 1935: 345].

Подводя итоги второго периода знакомства китайцев с чеховским творчеством, можно сказать, что именно в это время китайскому читателю стали широко известны важнейшие драматургические произведения, рассказы и повести, письма и записные книжки Чехова, причем зачастую в нескольких переводах. Наследие Чехова органично вошло в духовную жизнь страны, помогая людям в их социальном и нравственном становлении.

В годы войны против японского империализма (1937–1945 гг.) и в период национально-освободительной борьбы за свержение гоминьдановского режима (1946–1949 гг.) в литературе Китая происходили серьёзные перемены, выражавшиеся в сближении писателей с народными массами. По свидетельству известного писателя и политического деятеля Го Мо-жо, в эти годы наибольшой популярностью пользовалась пьеса А. Чехова «Вишневый сад». Несмотря на тяготы войны, в этот период переводчики работали очень интенсивно и достигли заметных успехов в издании чеховской драматургии.

Победа китайской революции в октябре 1949 г. создала благоприятные условия для развития у китайских читателей интереса к русской классической литературе, в частности к наследию Чехова. Уже в ноябре этого года в Шанхае вышел «Сборник рассказов Чехова» в трех томах, содержавший 64 произведения. Перевод осуществлялся непосредственно с русского языка и был более точен, чем в предшествующих изданиях. В 1950 г. шанхайское издательство «Пинмин» («Рассвет») начало выпуск многотомного издания «Избранная проза А. П. Чехова». С 1950 по 1958 г. было выпущено 27 томов, в которые вошло 220 произведений. Как отмечал Гэ Баоцюань, «по сравнению с “Собранием лучших рассказов Чехова”, изданным в

1930 г., это издание было дальнейшим шагом вперед и дало нам возможность познакомиться с еще большим числом чеховских произведений» [Гэ Баоцюань 1930: 134].

Особенности четвертого периода истории освоения китайцами чеховского наследия были связаны с небывалыми успехами в развитии культуры страны, с быстрым распространением грамотности и связанным с этим значительным повышением культурного уровня населения, что было вызвано потребностью преображенного общества в приобщении к художественным ценностям других стран, прежде всего России. В статье «Исследования и переводы иностранной литературы за десять лет», опубликованной в 1959 г., отмечалось: «По приблизительным подсчетам за девять лет после образования КНР было издано 3526 русских и советских литературных произведений, что составило 65,8 % всей переводной иностранной художественной литературы» [Бянь Чжилинь 1959: 45].

Именно в это время А.П. Чехов обрел в Китае миллионы читателей, освоивших иероглифическую письменность и пожелавших читать переводы его произведений. [Го Эцюань 1987: 21]. Помимо этого, тысячи китайских студентов и специалистов начали обучаться в Советском Союзе, в результате чего немало китайцев смогло читать Чехова в подлиннике, а в дальнейшем стать исследователями, переводчиками и издателями его произведений.

В 1976 г., после завершения Культурной революции, в КНР возобновилась публикация переводов и серьезных литературоведческих работ о Чехове. Автор монографии «Мастер рассказа Чехов» профессор Чжу Исэнь писал: «В страшное десятилетие культурной революции, когда кара грозила за чтение иностранной литературы, невольно возникало опасение, что русский писатель будет забыт. Однако это было ошибочное ощущение. Имя Чехова и его бессмертные произведения уже давно глубоко укоренились в сердцах многочисленных китайских читателей. Они не забывали Чехова, напротив, после многих лет страданий в изменившихся общественных условиях с особым интересом обратились к чеховским произведениям, открывая в них все новые достоинства» [Чжу Исэнь 1984: 6].

Творчество А.П. Чехова оказалось особенно близким китайскому читателю. Это случилось потому, что его произведения были пронизаны непримиримостью к произволу, угнетению, косности, наполнены призывами к осмысленноу восприятию действительности, борьбе за переустройство жизни и раскрепощение человеческой личности. Особенно ценной для китайского читателя стала «нота бодрости и любви к жизни», отмеченная в творчестве Чехова еще М. Горьким. А. Чехов помогал китайской интеллигенции отстаивать

гуманистические идеалы. Пафос его произведений учил китайского читателя бороться против предрассудков, несправедливо устроенной социальной системы, которая основана на чинопочитании, взяточничестве и эксплуатации человека человеком.

Творчество Чехова оказало огромное воздействие на Лу Синя, Е Шэн-тао, Ба Цзиня, Ся Яня и многих других китайских писателей. «Демократизм Чехова, – писал Чжан Тяньи, – его обличительная критика жестокой и отвратительной эксплуататорской системы, его мечты о прекрасном и свободном мире, его величие и вместе с тем близкая нам простота – все это приводит нас к глубокому пониманию того факта, что Чехов – это великий мастер реализма, подлинно народный писатель. Это отношение к Чехову разделяют народы всех стран мира» [Чжан Тяньи 1954: 2].

Примечание

[1] Позже У Тао напечатал перевод рассказа А.М. Горького «Каин и Артем» и перевод романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Библиографический список

А Ин. История прозы периода Поздней Цин. Пекин, 1955. 185 с.

Бянь Чжилинь, Е Шуйфу, Юань Кэцзя, Чэнь Шэнь. Исследования и переводы иностранной литературы за десять лет // Вэньсюе пиньлунь. 1959. № 5.

Го Эцюань. Русская и советская литература в Китае. Пекин, 1987.

Гэ Баоцюань. Произведения Чехова в Китае. Пекин, 1930.

Семанов В. И. Иностранная литература в Китае на рубеже XIX–XX веков // Из истории литературных связей XIX века. М., 1962.

Чехов А. П. Избранная проза: в 27 томах. Шанхай, 1950-1953.

Чжан Тяньи. Художник слова, народный писатель // Правда. 1954. 15 июня. С. 2.

Чжао Цзиншэнь. История китайской литературы. Шанхай, 1935.

Чжу Исэнь. Мастер рассказа Чехов. Шанхай, 1984.

Чжун Цзышо, Ли Линьхай. Путь, усыпанный цветами. Встречи с Цао Цзинхуа. Сиань, 1988.

Shi Shanshan
Postgraduate Student of Philological Faculty
Perm State University

ANTON CHEKHOV'S WORKS IN CHINA

This article is devoted to the history of translation of Anton Chekhov's literary works in China. Also it studies some peculiarities of perception of his creative works by Chinese literary critics and readers.

Key words: Russian Literature; Classical Literature; Chinese Culture; translation; periodization; The May Fourth Movement.